541-96.

Е. Ѳ. ЮНГЕ

(урожд. графиня ТОЛСТАЯ).

ВОСПОМИНАНІЯ

(1843—1860 г. г.).

Книгоиздательство «Сфинксъ».

Типо-лит. т/д. «Я. Данкинъ и Я. Хомутовъ», Б. Никитская, 9.

„Есть все въ твоей душѣ, чѣмъ полно міросданье,
Въ ней все нашло себѣ созвучье и отвѣтъ".

Эти слова Щербины какъ нельзя болѣе примѣнимы къ покойной Е. Ѳ. Юнге. Читатель ея «Воспоминаній» съ первыхъ же строкъ убѣдится, что такъ именно было во дни ея младости, а всякій знавшій ее лично, подтвердитъ, что такъ было и до дня ея смерти. Дѣйствительно, чѣмъ только она не интересовалась, на что только не отзывалась до самаго конца жизни съ юношескою пылкостью?!

А какое у нея было непреодолимое стремленіе къ дѣятельности! — она никогда не могла сидѣть сложа руки: — «Такъ какъ я серьезно ничего не могла дѣлать,—писала она въ одну изъ своихъ болѣзней,—а совсѣмъ безъ дѣла тоже не могу быть, хотя бы у меня тысячи болей были, я все же хоть часочекъ въ день надъ чѣмъ-нибудь покропаю, то я переписала Фауста, и нарисовала нѣсколько рисунковъ перомъ».

И эта потребность дѣятельности опять-таки не удовлетворялась у нея какими-нибудь любительскими занятіями, нѣтъ: ей нужно было дѣла, полезнаго дѣла. Всего лучше высказалась она съ этой стороны на одной, къ сожалѣнію, оборванной замѣткѣ, помѣченной 1 декабря 1889 г.:—«Я стараюсь себя увѣрить, что жизнь моя — прямо идеальная жизнь. Время у меня все свободное, никто и ничто мнѣ не мѣшаетъ. Днемъ я съ кистью въ рукѣ переживаю впечатлѣнія нѣги, тепла, юга. Интересныхъ книгъ у меня столько, что, читая цѣлый вечеръ и зачитываясь до глубокой ночи, не могу всего перечесть... а читать хорошія книги — есть ли выше наслажденіе?! Когда голова утомит-

ся отъ однообразнаго занятія, я пишу друзьямъ или сажусь переводить Фауста и тутъ, вникая въ каждое слово, каждый день нахожу новыя красоты въ любимомъ мыслителѣ и поэтѣ. Если захочу, могу пойти въ театръ, въ концертъ, въ музей, — однимъ словомъ, я цѣлый день испытываю тѣ наслажденія, которыя даже пессимисты называютъ самыми высокими наслажденіями, и такими, къ которымъ не примѣшивается ни одной капли горечи. А между тѣмъ я не довольна, и черная тоска сосетъ меня... Это потому, что не наслажденіе, а только дѣло, и дѣло, приносящее дѣйствительную или воображаемую пользу другимъ, можетъ дать намъ (настоящее удовлетвореніе)».

И дѣйствительно, всю жизнь свою она старалась найти себѣ полезное дѣло. Живя въ Кіевѣ, она устроила, въ 1882 г., женскую рисовальную школу и руководила ею до 1887 г., когда, по семейнымъ обстоятельствамъ, должна была оставить хорошо развившееся дѣло и переѣхать въ Москву. Здѣсь она снова осталась безъ такого дѣла, и сейчасъ же это начинаетъ ее томить, — она ищетъ хоть какого-инбудь суррогата подобнаго дѣла: — «Поступила,—пишетъ она въ маѣ 1888 г., — въ члены «Общества распространенія между образованными женщинами практическихъ знаній». Какъ вамъ нравится этотъ титулъ? et me voyez-vous là-dedans засѣдающею въ комиссіи по устройству школы техническаго рисованія, которая должна предшествовать школѣ кройки. Есть еще комиссіи по устройству школъ шитья, стирки, кулинарнаго искусства; но, по моей негодности, я тамъ не возсѣдаю. Сдѣлала я это, конечно, въ цѣляхъ карабкаться, чтобъ себя людямъ показать, и отчасти успѣшно: меня стали умолять пріѣхать въ засѣданіе Техническаго Общества, оказать

BIBLIOTEKA SEJMOWA

мое просвѣщенное содѣйствіе въ вопросѣ объ учрежденіи уроковъ рисованія въ народныхъ школахъ. Это было уже симпатичнѣе. Я поѣхала, оказала просвѣщенное содѣйствіе и вышла оттуда членомъ Техническаго Общества. Все это смѣшно; но что-нибудь надо же предпринять, чтобы выйти изъ моей невыносимой бездѣятельности». За этою школою послѣдовало преподаваніе въ Строгановскомъ училищѣ, а когда и то, и другое пришлось оставить, она занималась преподаваніемъ дома.

Когда, въ 1895 г., кружокъ художниковъ задался цѣлью устроить народную историческую выставку, Екатерина Федоровна, одна изъ первыхъ, горячо примкнула къ этому кружку, и одна изъ немногихъ, не ограничилась только словами, а дѣйствительно исполнила то, за что взялась.

Когда же все чаще и чаще повторявшаяся болѣзнь ея лишила ее возможности подобной дѣятельности, все же увлеченіе ея всѣмъ хорошимъ, что только даетъ жизнь, не исчезло въ ней. «Почему я хочу жить?— спрашиваетъ она сама себя. Что это за надежда, которая такъ крѣпко держитъ насъ, на что надежда? Какія могутъ быть въ ожиданіи новыя радости?.. Впереди можетъ быть только горе(—не прибавленіе, а лишь утраты близкихъ мнѣ... На что же надежда? А вотъ на что: на наслажденіе природой, которое, кажется, дѣлается все сильнѣе и сильнѣе искусствомъ. Такъ рѣдки минуты полнаго блаженства, которое даютъ то и другое:

Порой опять гармоніей упьюсь,
Надъ вымысломъ слезами оболью́сь,
...и новый Гайднъ
Восторгомъ дивнымъ упоитъ.

Увидѣть еще, какъ изъ всей неурядицы нашей литературы вдругъ явился новый талантъ,—а онъ же явится и долженъ явиться!—увидѣть на склонѣ дней, узнать хоть передъ смертью, что вдругъ явился такой поэтъ, какъ Пушкинъ или Лермонтовъ, такой же великій, но иной, собравшій въ себѣ формулы новой, современной жизни, освѣтившій эту жизнь лучемъ яркаго генія... Неужели умереть, не дождавшись этого?! А главная, самая главная надежда—увидѣть, какъ изъ хаоса современнаго искусства (импрессіонизма), такъ полнаго элементовъ правды и силы, выплываетъ тотъ геній, который разомъ придастъ формы всѣмъ этимъ элементамъ, создастъ новую школу, новый міръ въ его юной силѣ и красотѣ... О, только бы дождаться этого, только бы увидѣть, хоть въ глубокой старости, только бы узнать, что это есть—и потомъ умереть».

Вотъ до какой степени велики были въ Екатеринѣ Ѳедоровнѣ и любовь, и интересъ къ искусству, во всѣхъ видахъ его проявленія! Мало того, съ какою юношескою свѣжестью, не смотря на свои годы, воспринимала она всѣ новыя теченія въ искусствѣ! Это не часто встрѣчается и среди людей выдающихся.

А какъ цѣнила и понимала она природу!—«Я пошла въ глубь сада,—вспоминаетъ она одну прогулку,—и сѣла на скамейку. Что тамъ было! Я и не знаю!—только и теперь дрожь наслажденія пробѣгаетъ по мнѣ, когда я вспоминаю объ этомъ блаженномъ получасѣ... Что тамъ было?—ничего: тѣнь густого каштана, солнце, играющее въ изумрудныхъ листахъ, лиловыя сирени, розовато-бѣлые цвѣточки на кустахъ и воздухъ, воздухъ мая!..»

«И моего всегдашняго, неизмѣннаго утѣшителя, страстно любимаго друга—природы тоже тамъ не бу-

детъ,—пишетъ она въ другомъ мѣстѣ,—такъ какъ подстриженныя аллеи парка съ вѣчной толпой и свистками желѣзной дороги не есть та природа, которая говоритъ моему сердцу. Мнѣ нужно или ласкающій колоритъ юга съ таинственнымъ и убаюкивающимъ и волнующимъ говоромъ моря, или та самая любимая моя русская ширь, гдѣ нивы волнуются, какъ море, гдѣ съ ними волнуются и души русскаго народа, а въ унисонъ съ ними—и моя тоже русская душа, ибо это—тоже море хлѣба, святое море».

Не могу еще не привести для ея характеристики начало ея переписки съ Ѳ. М. Достоевскимъ, какъ нельзя лучше обрисовывающее ея духовный образъ. Это было время, когда только еще печатались въ журналѣ «Братья Карамазовы». Прочтя ихъ еще не до конца, она пришла въ такое восхищеніе, что не спала всю ночь, хотѣла сейчасъ же писать письмо автору, но пока написала своей матери: «Эта вещь,—пишетъ она,—совсѣмъ разбередила меня, въ ночи я не могла спать и горячія слезы проливала; но это наслажденіе—проливать слезы надъ произведеніемъ искусства. Еще Пушкинъ выставилъ, какъ одну изъ причинъ, почему онъ жить хочетъ, это—можетъ быть «надъ вымысломъ слезами обольюсь». Если-бъ зналъ Достоевскій, сколько онъ мнѣ доставилъ этихъ слезъ и сколько утѣшенія своими произведеніями, ему бы вѣрно было пріятно. Еще во время войны, когда бывало на душѣ такъ тяжело, что силъ нѣтъ, одинъ «Дневникъ писателя» утѣшалъ меня. Бывало, читаешь и думаешь: утопія все это, а между тѣмъ, въ душу входитъ что-то утѣшающее-сладкое, потому что видно тамъ любящее сердце, душу, понимающую все, понимающую и вѣру. Ужъ если есть хоть одинъ человѣкъ, убѣжденный, вѣ-

рующій, любящій, не эгоистъ,—какое это, въ тяжелыя минуты, огромное утѣшеніе, а онъ еще такъ прямо, такъ громко, такими жгучими словами говоритъ о своей вѣрѣ! Мнѣ тогда много разъ хотѣлось поѣхать къ нему, написать ему; но, конечно, при моей застѣнчивости, не сдѣлала. Думала, посмѣется только человѣкъ надо мной, что ему за дѣло до моихъ восторговъ и мнѣній? Если бы всѣ его поклонники со всей Россіи стали бы ѣздить къ нему съ выраженіемъ чувствъ!? Но теперь, если бы я была въ Петербургѣ, я бы пошла къ нему, и онъ уже самъ былъ бы виноватъ. Развѣ не описалъ онъ, какъ было пріятно старцу Зосимѣ, когда къ нему пришла простая русская глупая баба со своимъ русскимъ простымъ спасибо?! И я бы пришла и сказала «спасибо»,—спасибо, что онъ думалъ и высказалъ вещи, которыя безъ словъ наполняли душу и мучили меня, спасибо, что онъ не гнушается войти въ скверное, преступное сердце и выкопать тамъ нѣчто и прекрасное, за то, что любитъ дѣтокъ, за художественное наслажденіе его образами, за слезы, за то, что съ нимъ я забыла ежедневныя заботы и мелочи жизни и какъ-то вознеслась надъ ними. Невольно сравниваешь Достоевскаго съ европейскими романистами,—я беру лучшихъ изъ нихъ,—французовъ: Золя, Гонкуръ и Доле,—они всѣ честные, желаютъ лучшаго; но, Боже мой, какъ мелко плаваютъ! А этотъ... и реалистъ, такой реалистъ, какъ никто изъ нихъ! Его лица—совсѣмъ живые люди! Вамъ кажется, будто вы знавали ихъ или видѣли гдѣ-то, будто вы знаете тембръ ихъ голоса. Еще болѣе реальности придаетъ этимъ людямъ высоко-художественный пріемъ — не описывать ихъ, а давать читателю знакомиться съ ними постепенно, какъ это бываетъ въ жизни. На-

блюдатель Достоевскій такой тонкій и глубокій, что можно только поражаться, — это, конечно, не новость. И, вмѣстѣ съ этимъ крайнимъ реализмомъ, можно ли на свѣтѣ найти еще такого поэта и идеалиста?! Вѣдь это почти достиженіе идеала искусства,— человѣкъ, который реалистъ, точный изслѣдователь, психологъ, идеалистъ и философъ! Да, онъ еще и философъ,—у него совсѣмъ философскій умъ, а между тѣмъ, онъ, вѣроятно, не получилъ философскаго образованія; видно, философы бываютъ врожденные, какъ геніи. Говорить ли тебѣ, что я ревѣла, читая разсказъ бабы объ умершемъ ребенкѣ?! И какъ онъ такъ знаетъ женское сердце?! должно быть, и это врожденное: сила его любви дала ему понять женское и дѣтское сердце. А какое впечатлѣніе всего хода романа! Какъ передъ грозою собираются, собираются тучи, и ты видишь — неминуема уже гроза, — такъ и тутъ: собираются событія, воздухъ становится все гуще и невыносимѣе, и такъ сильно впечатлѣніе, что хочется, чтобъ ужъ онъ убилъ его поскорѣе, чтобы уже было кончено. Прочла я вчера вечеромъ объ дѣтей и Великаго Инквизитора, не могла больше читать, да и провалялась до утра, думая объ этомъ всемъ и сочиняя письмо къ Достоевскому. Мнѣ такъ вдругъ захотѣлось исповѣдоваться ему и услышать отъ него какое-нибудь нужное мнѣ слово! Захотѣла исповѣдоваться ему потому именно, что онъ все пойметъ и никѣмъ не гнушается. Я бы, можетъ быть, была, дѣйствительно, способна это сдѣлать, еслибъ онъ позволилъ. Право, я какая-то сумасшедшая! Все-таки, если увидишь его, передай ему мое спасибо».

Мать, получивъ это письмо, дѣйствительно поѣхала съ нимъ къ Достоевскому. «Я нашла его, писала она послѣ того дочери, чѣмъ-то разстроеннымъ, боль-

нымъ, до-нельзя блѣднымъ... Не даромъ мнѣ хотѣлось прочесть достоевскому твое письмо: по мѣрѣ того, какъ жена его читала (читаетъ она превосходно и съ большой осмысленностью и чувствомъ), лицо его прояснялось, покрылось жизненною краскою, глаза блестѣли удовольствіемъ, часто блестѣли слезы. По прочтеніи письма, мнѣ казалось, что онъ вдругъ помолодѣлъ. Онъ спросилъ, пишешь-ли ты? На отрицательный отвѣтъ сказалъ: «судя по ея письму, она такъ же можетъ писать, какъ и я». Когда я уходила, онъ просилъ меня передать тебѣ его глубокую признательность за твою оцѣнку къ его труду, прибавивъ, что въ письмѣ твоемъ полная научная критика, и лучшая, какая (когда)-либо была и будетъ, и которая доставила ему невыразимое удовольствіе. Это ужъ я сама видѣла. Все время, покуда я одѣвалась въ передней, онъ только и твердилъ, чтобы я не забыла передать тебѣ его благодарность за то, что такъ глубоко разбираешь его романъ, Карамазовыхъ, и сказать тебѣ, что никто такъ еще осмысленно его не читалъ. Ты сама бы порадовалась, увидѣвъ, какое наслажденіе доставило твое письмо благородному труженику... Что же касается до того, что ты пишешь о своей конфузливости, то онъ это находитъ не натуральнымъ и не твоимъ, по слогу (складу?) твоего ума и чувства; но что это чужое, привитое къ тебѣ, которое современемъ пройдетъ и непремѣнно пройдетъ... Достоевскій говоритъ, что онъ былъ бы очень радъ получить отъ тебя письмо, но просить объ этомъ не можетъ, чтобы не было чего-нибудь затруднительнаго для тебя, какъ обязательнаго».

Получивши это сообщеніе, Екатерина Ѳедоровна, дѣйствительно, написала Ѳ. М. Достоевскому письмо,

искрящееся умомъ, тонкимъ пониманіемъ души человѣческой и необычайною скромностью. Привожу его почти цѣликомъ:

«Вы позволили мнѣ писать вамъ, многоуважаемый Ѳедоръ Михайловичъ, какъ же противостоять такому искушенію! Но только, если вы смѣетесь надо мной, то не дѣлайте этого, — вы видите передъ собой больную душу, которая имѣетъ духовника. Не могу выразить вамъ, какъ сильно я цѣню васъ, какъ писателя и мыслителя, т.-е. не цѣню — «цѣню» не слово (это было бы слишкомъ дерзко съ моей стороны дѣлать вамъ оцѣнку), но какъ сильно я благодарна вамъ, именно благодарна. Не смѣйтесь надъ моими утрировками, — но, право, это чувство однородное съ тѣмъ, какъ чувствуешь въ дѣтствѣ, когда восторгаешься природой или наслаждаешься какимъ-нибудь удовольствіемъ, и въ душѣ рождается какая-то горячая благодарность къ Создателю. Я часто оставляла елку, чтобы побѣжать помолиться, а потомъ часто передъ красотою заката падала на землю въ восторгѣ и нѣмой молитвѣ. А теперь, когда я читаю что-нибудь хорошее, у меня является непреодолимое желаніе пойти и высказать Создателю того, что такъ глубоко потрясаетъ меня, мою блаыгодарность. Не такое ли чувство заставляло Марію припадать къ колѣнамъ своего дивнаго Учителя и слѣдовать за Нимъ до самаго подножія креста? Вотъ почему въ годъ войны я часто была на порогѣ, чтобы идти къ вамъ, но никогда не могла рѣшиться и просто мучилась этимъ, особенно въ то время, когда вы прекратили «Дневникъ», — мнѣ такъ хотѣлось упросить васъ продолжать намъ это утѣшеніе. Вы посвятили свое время не менѣе прекрасному труду. Много бы хотѣлось сказать про Карамазовыхъ,

много мыслей и чувствъ пробудила во мнѣ эта чудесная повѣсть, но боюсь надоѣсть вамъ. Кстати объ моей застѣнчивости. Вы отчасти правы были, когда сказали, что это во мнѣ привитое. Хотя застѣнчивость у меня есть отъ природы, но она усилилась отъ сильной близорукости и отчасти благодаря одному обстоятельству... Мнѣ и теперь кажется, что я говорю очень глупо, и только глубокая вѣра, что вы человѣкъ, въ душѣ котораго такая бездна снисходительности и всепрощенія, заставляетъ меня исполнить мое давнишнее желаніе, если не пойти, то написать къ вамъ, — на бумагѣ какъ-то менѣе совѣстно. Съ одной стороны, я теперь рада, что моей мамашѣ вздумалось показать вамъ мое письмо. Вы, вѣроятно, увидѣли изъ него, что оно не предназначалось для вашихъ ушей, и это гораздо лучше. Еслибъ я прямо написала вамъ, я конечно, не высказалась бы такъ откровенно, искала бы фразъ, и вышло бы не то. Моя мама̀ передала мнѣ, что вы говорили, что я могла бы писать, и хвалили мое письмо. Я не помню, въ какихъ чертахъ я изливала въ немъ свои чувства, но скажу одно: это письмо не я писала, а мое непосредственное чувство, само дѣло говорило за себя, сама правда непосредственно и безъ моего вѣдома вылилась. У меня такъ часто бываетъ: въ какомъ-нибудь письмѣ неожиданно выдаются страницы, которыя люди называли поэтическими. Я вѣдь всегда сочиняю, — лежу ли безъ сна ночью, гуляю ли, шью ли, всѣ мысли у меня складываются въ образы, и я сама не знаю, что иногда недурные; но совсѣмъ другое дѣло, когда сядешь съ намѣреніемъ написать что-нибудь... все смѣшивается, все улетучивается. Къ тому же я очень лѣнива, техника писанія сердитъ меня. Я потому предпочитаю живопись, — тамъ прямо

творишь, а тутъ между твоею мыслью и бумагой — это противное, неуклюжее перо! Отъ одного маканія въ чернила можно съ ума сойти. Вотъ еслибъ можно было диктовать или стенографировать, еслибъ фонографъ какъ-нибудь приспособить... было бы другое дѣло. Кромѣ моего желанія высказать вамъ, что я, насколько могу, понимаю васъ и благодарна вамъ всѣмъ сердцемъ за тѣ хорошія чувства, которыя вы заставляете шевелиться, за то утѣшеніе, которое, проливаете въ душу; высказать вамъ не отъ моего только ничтожнаго имени, а какъ одна изъ тысячъ, что вы не даромъ писали и мыслили... Кромѣ этого главнаго, еще одна мысль все напрашивалась мнѣ въ голову, и именно: мнѣ кажется, что я принадлежу къ такимъ типамъ, въ которыхъ вы только можете разобраться и кое-что объяснить, и которые могутъ даже васъ занять, не по своему совершенству, или выдающимся чертамъ, но скорѣе именно по своему несовершенству и по психологической задачѣ, въ нихъ заключающейся. Во-первыхъ, мнѣ кажется, я заключаю въ себѣ, въ миніатюрѣ, всѣ недостатки русскаго народа: крайняя воспріимчивость и недостатокъ выдержки, постоянныя увлеченія въ ту или другую сторону, талантливость, не ведущая къ желаемымъ результатамъ, самыя высокія стремленія, приводящія къ фіаско! Во-вторыхъ, у меня двойственность въ характерѣ, доведенная до послѣдней степени. Двойственность эта заставляетъ меня всегда дѣлать то, что я вполнѣ сознаю, что не должна бы дѣлать, и это какимъ-то самымъ роковымъ образомъ, будто всѣ обстоятельства слагаются такъ, чтобъ я это сдѣлала. Особенно въ мелочахъ это проявляется очень интересно. Всѣ эти разнообразныя чувства, которыя выте-

кают̀ъ изъ этой двойственности, которыя волнуют̀ъ и терзают̀ъ меня, устраивают̀ъ около меня такой лабиринт̀ъ, что только рука опытнаго психолога можетъ вывести меня на свѣт̀ъ Божій. Вот̀ъ у меня и является желаніе исповѣдаться такому психологу. Я сама себѣ удивляюсь: неужели я бы могла вамъ, почти незнакомому человѣку, высказать откровенно то, что скрываю отъ своихъ близкихъ. Откуда такое довѣріе? Съ людьми, съ которыми тысячи узъ связываютъ меня — молчу, а тут̀ъ: явился посторонній человѣкъ, вылилъ свою душу на бумагу. Бумага эта попала мнѣ на глаза и, какъ волшебный ключъ, открыла тайникъ моего сердца, и сталъ этот̀ъ чудный человѣкъ мнѣ другомъ, въ котораго я вѣрю и котораго не стыжусь!.. Къ сожалѣнію, почти немыслимо написать свою исповѣдь, какъ бы мнѣ ни полегчало отъ этого, такъ какъ говорить правду объ настоящемъ нельзя... Простите мнѣ, добрѣйшій Ѳедоръ Михайловичъ, это длинное и безсвязное письмо. Вы, вѣроятно, его распутали настолько, что поняли самое главное, что я безконечно благодарна вамъ вообще всегда и въ частности теперь, когда вы отнеслись ко мнѣ ласково, и что я была бы счастлива, еслибъ мои, можетъ быть, глупыя, но искреннія, правдивыя слова доставили вамъ самое малѣйшее удовольствіе».

Ѳ. М. Достоевскій отвѣтилъ ей на это слѣдующимъ письмомъ (отъ 11 апрѣля 1880 г.): «Простите, что слишкомъ долго промедлилъ вамъ отвѣчать на прекрасное и столь дружественное письмо ваше; не сочтите за небрежность. Хотѣлось отвѣтить вамъ что-нибудь искреннее и задушевное, а ей-Богу моя жизнь проходитъ въ такомъ безпорядочномъ кипѣніи и даже въ такой суетѣ, что право я рѣдко когда принадлежу весь себѣ. Да и теперь, когда я, наконецъ, выбралъ

минуту, чтобъ написать вамъ — врядъ ли, однако, я въ состояніи буду написать хоть малую долю изъ того, что сердце бы хотѣло вамъ сообщить. Мнѣніе ваше обо мнѣ я не могу не цѣнить: тѣ строки, которыя показала мнѣ изъ вашего письма къ ней ваша матушка, слишкомъ тронули и даже поразили меня: я знаю, что во мнѣ, какъ въ писателѣ, есть много недостатковъ, потому что я самъ, первый, собою всегда недоволенъ. Можете вообразить, что въ иныя минуты внутренняго отчета, я часто съ болью сознаю, что не выразилъ буквально и двадцатой доли того, что хотѣлъ бы, а можетъ быть, и могъ бы выразить. Спасаетъ при этомъ меня всегдашняя надежда, что когда-нибудь пошлетъ Богъ настолько вдохновенія и силы, что я выражусь полнѣе, однимъ словомъ — что выскажу все, что у меня заключено въ сердцѣ и въ фантазіи. На недавнемъ здѣсь диспутѣ молодого философа, Владиміра Соловьева (сына историка) на доктора философіи, я услышалъ отъ него одну глубокую фразу: — «Человѣчество, по моему глубокому убѣжденію (сказалъ онъ) знаетъ гораздо болѣе, чѣмъ до сихъ поръ успѣло высказать въ своей наукѣ и въ своемъ искусствѣ». Ну, вотъ такъ и со мною: я чувствую, что во мнѣ гораздо болѣе скрыто, чѣмъ сколько я могъ до сихъ поръ выразить, какъ писатель! Но все же, безъ ложной скромности говоря, я вѣдь чувствую же, что и въ выраженномъ уже мною было нѣчто, сказанное отъ сердца и правдиво. И вотъ, клянусь вамъ, сочувствія встрѣтилъ я много, можетъ быть даже болѣе, чѣмъ заслуживалъ, не критика, печатная литературная критика, даже если хвалила меня (что было рѣдко), говорила обо мнѣ до того легко и поверхностно, что, казалось, совсѣмъ не замѣтила того, что рѣшительно родилось у меня съ болью

сердца и вылилось правдиво изъ души. А потому можете заключить, какъ пріятно должна была подѣйствовать такая тонкая, такая глубокая оцѣнка меня, какъ писателя, которую прочелъ я въ вашемъ письмѣ къ вашей матушкѣ. Но я все о себѣ, хотя трудно не говорить о себѣ, говоря съ такимъ глубокимъ и симпатичнымъ мнѣ критикомъ моимъ, какого вижу въ васъ. Вы пишете о себѣ, о душевномъ настроеніи вашемъ въ настоящую минуту. Я знаю, что вы художникъ, занимаетесь живописью. Позвольте вамъ дать совѣтъ: не покидайте искусства и даже еще болѣе предайтесь ему, чѣмъ доселѣ. Я знаю, я слышалъ (простите меня), что вы не очень счастливы. Живя въ уединеніи и растравляя душу свою воспоминаніями, вы можете сдѣлать свою жизнь слишкомъ мрачною. Одно убѣжище, одно лѣкарство: искусство и творчество. Исповѣдь же вашу, теперь, по крайней мѣрѣ, не рѣшайтесь писать, — это будетъ, можетъ быть, вамъ очень тяжело. Простите за совѣты; но я бы очень желалъ васъ увидѣть и сказать вамъ хоть два слова изустно. Послѣ такого письма, которое вы мнѣ написали, вы, конечно, для меня дорогой человѣкъ, близкое душѣ моей существо, родная сестра по сердцу, — и не могу же я вамъ не сочувствовать! Что вы пишете о вашей двойственности? Но это — самая обыкновенная черта у людей... не совсѣмъ, впрочемъ, обыкновенныхъ, — черта, свойственаня человѣческой природѣ вообще, но далеко-далеко не во всякой природѣ человѣческой встрѣчающаяся въ такой силѣ, какъ у васъ. Вотъ и поэтому вы мнѣ родная, потому что это раздвоеніе въ васъ точь-въ-точь какъ и во мнѣ, и всю жизнь во мнѣ было. Это — большая мука, но въ то же время и большое наслажденіе. Это — сильное сознаніе, потребность самоотчета и присутствіе въ

природѣ вашей потребности нравственнаго долга къ самому себѣ и къ человѣчеству. Вотъ что значитъ эта двойственность. Были бы вы не столь развиты умомъ, были бы ограниченнѣе, то были бы и менѣе совѣстливы, и не было бы этой двойственности, — напротивъ, родилось бы великое самомнѣніе. Но все-таки эта двойственность — большая мука. Милая, глубокоуважаемая Катерина Ѳедоровна, вѣрите ли вы во Христа и въ Его обѣты? Если вѣрите (или хотите вѣрить очень), то предайтесь Ему вполнѣ, и муки отъ этой двойственности сильно смягчатся, и вы получите исходъ душевный, а это главное. Простите, что написалъ такое безпорядочное письмо. Но еслибъ вы знали, до какой степени я не умѣю писать писемъ и тягочусь писать ихъ! Но вамъ всегда буду отвѣчать, если вы еще напишете. Наживъ такого друга, какъ вы, не захочу потерять его. А пока прощайте. Всѣмъ сердцемъ преданный вамъ другъ вашъ и родной по душѣ Ѳ. Достоевскій».

Эта характеристика, сдѣланная такимъ геніальнымъ психологомъ, и собственныя ея письма, мнѣ кажется, лучше всякихъ долгихъ разсужденій, даютъ намъ ясное представленіе, что за человѣкъ была покойная Екатерина Ѳедоровна, и теперь намъ не удивительно, что съ нею сходились такъ близко великіе люди минувшаго поколѣнія, начиная еще съ самой ранней ея юности, чуть не съ дѣтскихъ лѣтъ, какъ Шевченко, Сѣченовъ, Сѣверцевъ и многіе другіе, что Костомаровъ, не смотря на большую разницу въ годахъ, избралъ было ее подругою своей жизни, и что Л. Н. Толстой, по его собственному выраженію, «зачитывался ея воспоминаніями не въ положенное время».

А. Новицкій.

Ек. Ф. Юнге.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

По поводу моихъ «воспоминаній» мнѣ были, между прочими, высказаны два замѣчанія, на которыя мнѣ хочется отвѣтить

Первое касается мемуаровъ вообще: „Мемуары, гласитъ оно, неинтересны, потому что пишущіе ихъ говорятъ неправду и выставляютъ себя въ самомъ лучшемъ свѣтѣ“. Въ этомъ есть доля истины; естественно, что пишущій о себѣ безсознательно дѣлается своимъ собственнымъ адвокатомъ. Я не вижу въ этомъ большой бѣды: читателю очень легко въ этомъ разобраться. Кромѣ того, интересъ мемуаровъ заключается вѣдь не въ личности автора, а главнымъ образомъ, въ изображеніи очевидцемъ уже ушедшихъ отъ насъ эпохи и быта. Можетъ быть и я *безсознательно* грѣшна въ томъ, въ чемъ обвиняютъ мемуары, но *сознательной* лжи нѣтъ въ моихъ запискахъ, въ этомъ отношеніи я очень щепетильна: если какое-нибудь событіе недостаточно ясно въ моей памяти и не находится въ

моихъ дневникахъ того времени, то я совершенно умалчиваю о немъ, чѣмъ, вѣроятно, приношу вредъ стройности моего повѣствованія. Также избѣгаю я разсказовъ, носящихъ характеръ анекдота.

Второе замѣчаніе касается лично меня; мнѣ говорятъ: „Вы описываете только хорошее, у васъ нѣтъ тѣней, нѣтъ контрастовъ. Вы описываете людей такими, какими они не были въ дѣйствительности, вы *смотрите черезъ розовыя очки*.

Нѣтъ, я не смотрю въ розовыя очки: все, что я говорю о хорошихъ людяхъ, съ которыми встрѣчалась, говорили и говорятъ о нихъ всѣ близко знавшіе ихъ, не я одна.

Что я встрѣчала на своемъ вѣку много хорошихъ людей, это мое неизрѣченное, незаслуженное счастье, обусловленное отчасти тѣмъ, что юность моя протекала во время богатаго разцвѣта русской жизни, что я родилась въ семьѣ близкой ко всѣмъ благороднѣйшимъ, лучшимъ дѣятелямъ того времени, что я вращалась въ сплоченномъ тогда кружкѣ тѣхъ свѣтилъ, произведенія которыхъ считаются классическими и до сихъ поръ восхищаютъ насъ.

Конечно, совершенства не бываетъ на землѣ, и въ великихъ людяхъ бываютъ недостатки, но я не могу понять, какое удовольствіе можно найти въ томъ, чтобы выкапывать мелочи, бли-

стательно заслоняемыя серьезными достоинствами. Вѣдь положительныя стороны, а не отрицательныя, дороги въ человѣкѣ. Несмотря на благопріятныя условія, въ которыхъ я находилась, я встрѣчала и дурныхъ людей, и такихъ, въ которыхъ преобладаютъ отрицательныя стороны; отъ нихъ мнѣ даже пришлось и пострадать. Если-бъ я писала исторію моего времени, я, вѣроятно, должна была бы обрисовать и ихъ, но я пишу только *мои* воспоминанія и описываю, что мнѣ нравится. Мнѣ *пріятно* вспоминать о хорошихъ людяхъ, а о дурныхъ *непріятно*, и я считю себя вправѣ о нихъ умалчивать.

Greif nur hinein ins volle Menschenleben!
Ein Jeder lebt's, nicht vielen ist's bekannt,
Und wo ihr's packt, da ist's interessant.

Goethe

24-го ноября 1843 года, въ свѣтлой и просторной домовой церкви Академіи Художествъ шла обѣдня: былъ престольный праздникъ — день св. Екатерины. Рядомъ съ герцогомъ Максимиліаномъ Лейхтенбергскимъ стоялъ отецъ мой — графъ Ѳедоръ Петровичъ Толстой [1]); во время обѣдни ему пришли сказать, что у него родилась дочь. «Вы, конечно, назовете ее Екатериной», — сказалъ герцогъ и вызвался крестить младенца, но, такъ какъ старшихъ, рано умершихъ сыновей отца крестилъ государь, то герцогъ нашелъ необходимымъ, чтобы отецъ и на этотъ разъ просилъ государя. Отецъ мой очень любилъ и уважалъ Лейхтенбергскаго, и послѣдній, кажется, платилъ ему тѣмъ же, заходилъ къ нему по-просту; въ дѣлахъ академіи у нихъ все шло согласно и мирно. Помню я боченки мадеры и свѣжей икры, которые присылалъ намъ герцогъ къ праздникамъ; помню частые разговоры отца о его добротѣ, справедливости, честности, вслѣдствіе которыхъ образъ герцога въ моемъ раннемъ дѣтствѣ воплотился въ полнѣйшій идеалъ, и я всегда жалѣла, что не онъ былъ моимъ крестнымъ отцомъ. Воспріемниками моими при самомъ крещеніи были Константинъ Андреевичъ Тонъ и г-жа Кожухова.

---

[1]) Графъ Ѳ. П. Толстой (род. 1783 г.; ум. 1873 г.) былъ вице-президентомъ Академіи Художествъ (1828—1859 г.) и товарищемъ президента до конца своей жизни. Въ сороковыхъ годахъ истекшаго вѣка, къ которымъ относится начало воспоминаній, президентомъ Академіи былъ Максимиліанъ, герцогъ Лейхтенбергскій.

Ред.

Мать моя была изъ небогатой семьи, дочь армейскаго капитана Иванова, но выросла, или, по крайней мѣрѣ, долго жила, въ семьѣ Ахфердовыхъ, гдѣ получила нѣкоторое образованіе. Она хорошо владѣла французскимъ, нѣмецкимъ и итальянскимъ языками, играла порядочно на фортепіано и постоянно пополняла свое образованіе серьезнымъ чтеніемъ.

Младшая сестра матери, моя тетка, оставалась у вдоваго, больного отца, а послѣ его смерти перешла жить къ старшему своему брату. И у того, и у другого, ее ровно ничему не учили, а употребляли въ видѣ прислуги. Она говорила по-нѣмецки, вслѣдствіе того, что съ отцомъ жила въ Митавѣ. Мать она потеряла еще очень маленькой; судя по тѣмъ дѣтскимъ впечатлѣніямъ, о которыхъ мнѣ приходилось слышать отъ моей матери, бывшей гораздо старше тети, бабушка моя была чудная, кроткая и несчастная женщина. Дѣтства совсѣмъ не было у моей тети: она никогда не играла, не бѣгала, ее никто не ласкалъ; совсѣмъ крошечной она ходила за больнымъ отцомъ и, какъ могла, справлялась съ хозяйствомъ. Въ старости тетя со слезами на глазахъ разсказывала мнѣ, какое сильное впечатлѣніе произвело на нее, когда одна посторонняя дама разъ обласкала и поцѣловала ее, какую безконечную любовь и благодарность почувствовала тетя въ душѣ къ этой чужой женщинѣ, которой никогда больше не видала.

Дядя мой Ивановъ былъ добрый, честный, но простоватый чиновникъ. Онъ былъ много старше сестеръ и былъ уже вдовцомъ, когда пріютилъ у себя младшую сестру, которая, сама еще ребенокъ,

превратилась въ няньку его дочери Сони. Черезъ нѣсколько времени дядя получилъ мѣсто эконома при сумасшедшемъ домѣ и взялъ тогда къ себѣ и мою мать, уже взрослую дѣвушку. Семья зажила хорошо и весело.

«Братъ никогда не бралъ деньгами», — разсказывала объ этомъ періодѣ своей жизни тетя; «когда онъ оставилъ это мѣсто, то ушелъ съ пустыми руками, даже всѣ удивлялись и не вѣрили. Но домъ у насъ былъ полная чаша: бывало, къ праздникамъ и головы сахару, и лучшіе чаи, и вина, и окорока — всего понатащатъ... Гостей масса, — только, знай, со всѣмъ справляйся. И все было на моихъ рукахъ».

— Ну, а моя мама что-жъ дѣлала? — спрашивала я.

— А мама все книжки читала, гостей принимала, — отвѣчала тетя.

Такъ съ ранняго возраста опредѣлилась жизнь этихъ двухъ, столь непохожихъ другъ на друга, сестеръ.

Къ несчастью, дядя женился во второй разъ; мать моя была уже тогда невѣстой и вышла замужъ, не видавъ всѣхъ тѣхъ безобразій, которыя пришлось видѣть и переносить ея младшей сестрѣ, моей тетѣ.

Екатерина Павловна Иванова, невѣстка ея, была женщина капризная, вспыльчивая, избалованная; вслѣдствіе своего пребыванія въ институтѣ, она считала себя выше той среды, въ которую вошла, и потому позволяла себѣ сидѣть, сложа руки и наряжаться, въ то время, какъ тетя, молденькая сестра ея мужа, несла все бремя хозяйства и уходъ за дѣтьми, крикъ которыхъ мать, по «нѣжности

своихъ чувствъ» и по «нервозности», не могла выносить. Нервы Екатерины Павловны не мѣшали ей выдирать клочья волосъ и топтать ногами свою единственную крѣпостную дѣвушку. Въ порывѣ бѣшенства она такъ испугала разъ свою старшую, бывшую еще грудной, дочь, что та захворала. Вся отвѣтственность, весь страхъ и весь уходъ за больной дѣвочкой, которая съ этой минуты уже не поправлялась, палъ на мою тетю. По нѣсколькимъ недѣлямъ не ложась въ постель, она должна была еще заботиться, чтобы крикъ ребенка не долеталъ до гостиной или спальной. Тетя разсказывала, что съ ней былъ въ это время случай, очень удивившій ее: она пошла въ другую комнату, чтобы взять подушку и прилечь около ребенка; вдруъ на ходу она заснула и проснулась стоя, съ подушкой въ рукахъ, и не понимая, гдѣ она и что съ ней. Дядя въ это время потерялъ мѣсто смотрителя. Матеріальное положеніе семьи было много хуже прежняго, жалованья не хватало при безпорядочномъ образѣ жизни хозяйки, и скоро у Ивановыхъ воцарилась настоящая нужда.

Когда я родилась, мать моя уговорила тетю переѣхать къ ней и взять меня на свое попеченіе. Другой няни у меня и не было; тетя не оставляла меня съ кормилцей ни днемъ, ни ночью. Жизнь тети потекла и въ нашемъ домѣ тѣмъ же путемъ труда и самоотверженія, какъ и у брата. Правда, здѣсь не было дикихъ сценъ, но зато было больше искушеній, и подвигъ жизни ея былъ еще труднѣе.

Родители мои жили открыто и шумно: музыкальные и танцовальные вечера смѣнялись живыми картинами и домашними спектаклями. Ставились

драмы, вродѣ: «Она помѣшана», «Продавецъ дѣтскихъ игрушекъ» и «Актриса Дюмениль», въ которыхъ мать моя, говорятъ превосходно играла и вызывала слезы зрителей. Особенно много разсказовъ слышала я объ одномъ изъ наиболѣе удавшихся костюмированныхъ вечеровъ, когда наша большая зала была преображена въ залу средневѣковаго охотничьяго замка. Нѣсколько нашихъ извѣстнѣйшихъ художниковъ, съ отцомъ во главѣ, работали надъ этимъ дни и ночи. Вмѣсто отдыха они плясали и пѣли; спали тутъ же на полу въ большой залѣ. Стѣны и потолки покрывались декораціями, представлявшими рѣзьбу изъ темнаго дуба; вылѣпленныя отцомъ изъ папье-маше головы вепрей, медвѣдей, оленей, вмѣстѣ съ разнымъ древнимъ оружіемъ, довершали украшеніе. Родители мои встрѣчали гостей своихъ въ костюмалъ древнихъ шатленовъ.

Тетя не присутствовала при этихъ увеселеніяхъ; она сидѣла въ это время наверху, около моей колыбели. Но вѣдь она тогда была молода! Неужели никто никогда не вспоминалъ объ ея молодости, объ ея правѣ на жизнь? Я спросила ее какъ-то, впослѣдствіи, за нѣсколько лѣтъ до ея смерти: «Развѣ тебѣ не хотѣлось тогда идти танцовать?» — «Нѣтъ», — отвѣчала она. — «Развѣ же ты не любила общество, танцы? Развѣ никто не ухаживалъ за тобой?» — «Напротивъ, до страсти любила танцовать, и ухаживали за мной, и наверхъ приходили, на колѣняхъ просили одинъ только туръ вальса сдѣлать. Были тамъ, которыми и я интересовалась...» — «И ты ни разу не соблазнилась?» — «Нѣтъ». — «Но все-таки, послѣ того, что ты сказала, не можешь же ты утверждать, что тебѣ не хотѣлось идти?» —

«Тебя не хотѣлось оставлять, боялась, чтобы съ тобой чего-нибудь не случилось безъ меня. А ну, какъ мамка бы тебя уронила!»... Какъ это просто! До старости дожила она и никакого особеннаго достоинства не видѣла въ своихъ поступкахъ, а между тѣмъ вся ея жизнь была цѣлымъ рядомъ ежеминутныхъ мелкихъ и крупныхъ жертвъ. Такіе люди какъ будто спеціально созданы для самопожертвованія, и странно, всѣ обстоятельства ихъ жизни складываются, всѣ окружающіе ихъ стремятся, чтобы требовать отъ нихъ этихъ жертвъ, какъ чего-то должнаго.

Такъ всю жизнь, до самой смерти было и съ тетей: никому не приходило въ голову, что «Катенька» — тоже человѣкъ, что «Катенькѣ» требуется тоже какая-нибудь личная жизнь, что у «Катеньки» тоже могутъ быть какія-нибудь желанія! Безъ нея никто существовать не могъ, безъ нея никто не обходился, ея помощь требовалась, ежели нужно, но объ ея нуждахъ никто не думалъ, а надо правду сказать — она сама менѣе всѣхъ. Съ машиной обращаются лучше: ее иногда смазываютъ, чтобы она легче шла, но, должно быть, здѣсь и не требовалось подливать масла: живая машина шла себѣ шестьдесятъ лѣтъ своею прямою дорогой добра, безъ всякаго поощренія, въ силу одной присущей ей высокой, неизсякаемой любви.

— Скажи, тетя, отчего ты замужъ не вышла? — допытывалась я, продолжая вышеприведенный разговоръ.

— Да такъ какъ-то, — отвѣчала она неохотно. — Одинъ разъ...

— Правда, ты любила П—ва? — пербила я ее.

— Да, любила... Вотъ, Катенька, я тебѣ скажу.

ГРАФЪ ѲЕОДОРЪ ТОЛСТОЙ.

COMTE THEODORE TOLSTOY.

когда я испытала силу молитвы. Хоть мы и не говорили объ этомъ, но я знала, что и онъ меня любитъ, и ожидала, что онъ посватается... Вдругъ приходятъ мнѣ сказать, что онъ женится... Когда я услышала объ этомъ, я думала, что умру, — все во мнѣ перевернулось; казалось, вынести такую боль невозможно... Что дѣлать?.. Побѣжала я, знаешь, въ Грушину комнату, бросилась на полъ передъ образомъ Спасителя и такъ молилась, такъ горько молилась... И что бы ты думала? Точно отлетѣло все, и, когда я встала, ужъ я его больше не любила. И такой покой былъ на душѣ! Я пошла внизъ спокойная, поздравила его и сказала, что желаю ему счастья.

— Какъ онъ могъ такъ поступить съ тобой?

— Что-жъ! она была образованнѣе и красивѣе меня и музыкантша...

— Все-таки онъ твоимъ другомъ остался?

— Да, только я не объ этомъ хотѣла тебѣ разсказать... Вотъ кого я очень, очень любила, и онъ глубоко былъ привязанъ ко мнѣ, мы такъ во всемъ съ нимъ сходились, это Ш — нъ...

— Ш — нъ!?

— Ты этого не подозрѣвала, потому что онъ послѣ этого совсѣмъ пересталъ къ намъ ходить... Это на дачѣ было; я знала, что онъ посватается, я такъ ждала... Онъ и просилъ моей руки, но...

Я замолчала, раскаявшись, что растревожила эти старыя воспоминанія.

Когда мнѣ было два года, родители мои уѣхали на годъ за границу и оставили меня на рукахъ тети. Какъ нарочно, я захворала въ эту зиму дизентеріей и стоила ей, бѣдной, много слезъ и безсон-

ныхъ ночей. Заботамъ старика-доктора, по мнѣнію тети, а вѣрнѣе, ея собственному неустанному уходу обязана я была жизнью.

Въ отсутствіе моихъ родителей тетя вела жизнь очень тихую и принимала, кромѣ родныхъ, только самыхъ близкихъ ей людей, служащихъ въ академіи: г. г. Соколова, Полякова, братьевъ Поповыхъ, Ухтомскаго и еще нѣсколькихъ человѣкъ, которые навсегда остались ея искренними друзьями. Въ это время профессоръ Шамшинъ написалъ мой портретъ съ вѣнкомъ васильковъ въ рукахъ [1]). Краски этого портрета замѣчательно хорошо сохранились до сихъ поръ; письмо картины не отличается той бойкостью, къ которой мы привыкли теперь, но выраженіе дѣтской головки вѣрно схвачено: въ широко раскрытыхъ голубыхъ глазахъ переданъ тотъ полуудивленный, пытливый взглядъ, которымъ маленькія дѣти какъ будто хотятъ понять еще мало знакомый имъ міръ; а между полуоткрытыхъ губокъ виднѣется алый язычокъ. Чтобы заставить меня сидѣть смирно, тетя держала передо мной привязанную на ниткѣ муху.

У меня осталось отъ этого періода моей жизни одно необъяснимое ничѣмъ, но живое воспоминаніе: мнѣ все ясно представляется ярко освѣщенная бѣлая дверь, на которую я смотрю снизу. Такая дверь была именно въ комнатѣ, занимаемой нами съ тетей до возвращенія моихъ родителей; но какое событіе обратило на нее столь сильное мое вниманіе, — это осталось покрыто неизвѣстностью. Достоевскій говоритъ о такихъ фактахъ, когда главное событіе ис-

[1]) Портретъ этотъ находится въ Третьяковской галереѣ въ Москвѣ.

чезаетъ изъ памяти, но навѣки остается какая-нибудь пустяшная подробность, его сопровождавшая.

Слѣдующее мое дѣтское воспоминаніе относится къ пріѣзду нашихъ изъ-за границы: я помню, что тетя хотѣла передать меня кому-то съ рукъ на руки, но я цѣплялась за нее, и она вынесла меня въ гостиную, куда въ эту минуту вошла дама въ черномъ и упала ницъ передъ образомъ. Эта дама была моя мать. Говорятъ, я очень боялась отца, пока онъ не сбрилъ бороды, которую отростилъ себѣ за границей; это понятно, такъ какъ тогда никто не носилъ бороды, и я помню, что гораздо позже, когда мнѣ было лѣтъ шесть, я страшно испугалась господина съ бородою.

По пріѣздѣ моихъ родителей, тихая жизнь тети измѣнилась; старичка доктора замѣнили болѣе модернымъ врачомъ, ко мнѣ взяли разбитную няньку Варвару, которая моментально стала для меня ненавистной. «Няня, поди прочь!» — кричала я, какъ только она появлялась въ дѣтской. «Я здѣсь, батюшка», — отвѣчала она, приводя меня такимъ отвѣтомъ въ еще большую ярость. Я настояла на своемъ: няньку перевели на другую должность, а меня попрежнему укладывала спать моя дорогая тетя и попрежнему баюкала своими нѣжными пѣсенками.

До четырехлѣтняго возраста мои воспоминанія очень туманны, кромѣ упомянутыхъ: бѣлой двери и пріѣзда родителей. Изъ этого тумана неясно выплываетъ какая-то аллея съ массой желтыхъ лилій, какіе-то барашки и собака Арапка; потомъ образы становятся яснѣе, хотя все еще являются мнѣ отдѣльными картинами, ярко выступающими изъ пу-

стого пространства. Одно событіе рѣзко запечатлѣлось въ моей памяти: это — день рожденія моей сестры, мнѣ шелъ тогда пятый годъ. За нѣсколько времени передъ рожденіемъ сестры Ольги, мама привела меня въ свою комнату и сказала: «Помолись со мной, чтобы у тебя родился братецъ». Я сейчасъ же стала на колѣни и громко помолилась, чтобы у меня родилась сестра. Мысль, что у насъ можетъ родиться мальчикъ, сдѣлалась почему-то настоящимъ кошмаромъ для меня. — И вотъ, разъ подъ вечеръ, я играла наверху въ своей дѣтской, когда вошла тетя, взяла меня на руки, и сказала, что у меня родилась сестра, что можно теперь пойти къ мамѣ. Я расплакалась, крича: «Не хочу! не хочу! Неправда, вовсе не дѣвочка, навѣрное, мальчикъ! Не хочу!» —и рыдала, и билась на рукахъ у тети, до самыхъ тѣхъ поръ, пока не увидала люльки и въ ней что-то бѣлое. Почему, глядя на это нѣчто, чего я даже не разсмотрѣла, я вдругъ убѣдилась, что это сестра, а не братъ, моментально успокоилась и обрадовалась — трудно объяснить, — это ужъ какая-то своя дѣтская логика.

Вскорѣ послѣ рожденія сестры, меня разлучили съ очень любимою мною кузиной — моей Оленькой, той самой, которую выняньчила тетя. Такъ какъ ея падучая болѣзнь усилилась, то ее перестали пускать ко мнѣ, но мы никогда не забывали другъ друга и посылали другъ другу черезъ тетю разныя бездѣлушки. Одинъ изъ ея подарковъ сохранился до сихъ поръ. Сколько впечатлѣній, сколько радости и горя легло надъ этими неясными воспоминаніями, а между тѣмъ какіе-то цвѣточки въ какомъ-то орѣшкѣ трогаютъ меня всякій разъ, какъ я взгляну

на нихъ. Зачѣмъ я не могла сберечь и наше любимое красное кожаное вольтеровское кресло, какъ сберегла орѣшекъ моей бѣдной Оленьки! Мой экипажъ, мой домъ, моя лодка и постель, — оно представляется мнѣ живымъ участникомъ всѣхъ моихъ игръ.

Съ ранняго дѣства я имѣла свойство привязываться къ мѣстамъ, вещамъ и относиться къ нимъ, какъ къ одушевленнымъ предметамъ; это заставляло меня въ дѣтствѣ очень беречь свои игрушки, положительно страдать, когда онѣ ломались. Чѣмъ старѣе становилась игрушка, тѣмъ больше я ее любила. Меня иногда упрекали, что я не отдавала старыхъ игрушекъ бѣднымъ, но я не могла разставаться съ ними, мнѣ это представлялось какимъ-то предательствомъ по отношенію къ нимъ. Въ моихъ шкапахъ годами скоплялись игрушки и вещички: всѣ стояли въ обстановкѣ, которая мнѣ казалась для нихъ подходящей и пріятной; великое чувствовала я удовольствіе, когда, взгромоздившись на стулъ, чтобы достать верхнія полки, я сознавала, что все въ порядкѣ, и всѣмъ моимъ вещамъ живется хорошо

Между ними были у меня и наиболѣе любимыя игрушки. Какой-то молодой художникъ задумалъ открыть мастерскую художественно исполняемыхъ игрушекъ, и отецъ мой какъ-то принесъ намъ нѣсколько звѣрей, исполненныхъ въ этой мастерской. Мнѣ больше всего понравилась лягавая собака въ лежачемъ положеніи, я относилась къ ней почти, какъ къ живому созданію. Долго любила и берегла я мою бѣлую лошадку. Какъ сейчасъ помню: прямо съ прогулки, запыхавшись, влетаю я въ кабинетъ отца. «Папочка, милый!.. Въ 1-ой линіи... въ магазинѣ... лошадка... Не такая, какъ игрушечная, а

какъ настоящая! Знаешь, такая кляча... Всѣ ребра видны, и голова опущена... Это какой-нибудь хо-о-рошій художникъ лѣпилъ!..»

— Что-жъ? Ты купила ее?

— Да нѣтъ, папочка, — говорю я уже плаксивымъ голосомъ, — тетя говоритъ, что слишкомъ дорого: полтора рубля...

Отецъ открываетъ ящикъ своего стола и передаетъ мнѣ деньги. «Бѣги скорѣй, чтобъ у тебя ее не перебили», прибавляетъ онъ, улыбаясь.

Я молча тискаю отца и бѣгу, но въ коридорѣ останавливаюсь и возвращаюсь: «Такъ нельзя, папочка, надо, вѣдь, и Олѣ что-нибудь»...

— Вотъ видишь, какіе мы съ тобой эгоисты, про Олю-то было и забыли. И снова открывается завѣтный ящикъ.

Все лучшее въ моемъ дѣтствѣ связывается у меня съ воспоминаніями о нашей квартирѣ въ академіи и о какихъ-нибудь вещахъ и уголкахъ въ ней. Стоитъ мнѣ только подумать о моемъ дѣтствѣ, какъ квартира эта является предо мной во всѣхъ ея малѣйшихъ подробностяхъ; я часто вижу ее во снѣ, и тогда просыпаюсь съ печальнымъ и вмѣстѣ необыкновенно сладкимъ чувствомъ.

Дѣтская наша помѣщалась на антресоляхъ и состояла изъ одной очень большой комнаты и другой нѣсколько меньшей; изъ послѣдней деревянная лѣстница спускалась въ длинную, смежную съ залой, комнату, гдѣ стоялъ, окруженный цвѣтами, бюстъ моего отца. Наверху лѣстницы были деревянныя перила, за ними большая лежанка, а между лежанкой и перилами мое любимое мѣстечко. Тамъ я часто играла, тамъ наблюдала, какъ на святкахъ

горничныя или барышни изъ гостей гадали: жгли бумагу или топили воскъ; какъ по воскресеньямъ, передъ пріѣздомъ гостей, приготовлялись тетей закуски и раскладывались на подносы печенья и фрукты. Почему-то я особенно хорошо себя чувствовала въ эти послѣобѣденные часы по воскресеньямъ.

Не ожиданіе гостей радовало меня, а именно время всякихъ приготовленій передъ ихъ приходомъ. Какъ любила я въ это время нашу большую залу, ярко освѣщенную, съ ея блестящими бѣлыми статуями! На цыпочкахъ проходила я рядомъ прибранныхъ, будто чего-то ожидающихъ комнатъ, и изъ таинственнаго полумрака голубой гостиной возвращалась къ свѣту сверкавшей залы. Все мнѣ казалось какимъ-то особеннымъ, чуднымъ, и это впечатлѣніе еще усиливалось страхомъ, что вотъ кто-нибудь позвонитъ, все мое очарованіе исчезнетъ, и я принуждена буду спасаться бѣгствомъ отъ гостей; къ послѣднимъ я выходила нехотя, конфузилась, когда мамаша представляла меня имъ, упорно молчала, заставляя иногда спрашивать: «не проглотила ли я язычокъ?» — и, наконецъ, водворялась подъ охрану тети, къ чайному столу. Тамъ, въ болѣе интимномъ кругу, я шалила и болтала, какъ сорока.

Сама лѣстница, о которой я только-что говорила, играетъ также большую роль въ моихъ воспоминаніяхъ: — по ея периламъ скользила я внизъ, съ ея нижнихъ ступенекъ училась прыгать, по ней летѣла разъ внизъ головой, прижимая къ груди какого-то зайчика, сидя на ней смотрѣла на фехтованіе отца. Это зрѣлище было очень мучительно для меня, ибо я принимала фехтованіе за настоящее сраженіе, и частыя повторенія его нисколько не убѣ-

ждали меня въ его безопасности. Я садилась нарочно повыше, ибо и за себя страшно боялась, но никогда не позволяла увести себя, продолжала сидѣть, прижавшись къ периламъ, и слѣдить съ замираніемъ сердца и трепетомъ за каждымъ ударомъ, направленнымъ противъ отца. Это состояніе имѣло что-то мучительное и вмѣстѣ притягательное для меня. Когда ученикъ и партнеръ моего отца Лялинъ, показывая на язвы, оставшіяся на его лицѣ послѣ оспы, говорилъ мнѣ, что это сдѣлалъ мой папа своей рапирой, я безсердечно радовалась этому.

Въ нашей дѣтской стоялъ старый виртовскій рояль, который я очень любила, тѣмъ болѣе, что я считала его обиженнымъ, съ тѣхъ поръ, какъ въ залѣ появился новый, красивый инструментъ. Тетя, по вечерамъ играла и пѣла намъ, и помню, какъ разъ я горько расплакалась потому, что «отъ козлика остались ножки да рожки». Тетю никогда не учили пѣть, но у нея былъ сильный, пріятный сопрано и такъ много чувства, что ея пѣнія, не только въ дѣтствѣ, но и впослѣдствіи доставляло мнѣ большое наслажденіе. Когда тетя по вечерамъ садилась за рояль, горлицы, которыя жили въ нашей комнатѣ на свободѣ, садились на плечи тети, даже на ея руки. Спѣвъ намъ нѣсколько пѣсенокъ и старинныхъ романсовъ, тетя заставляла меня убирать игрушки въ шкапчикъ, и такъ пріучила меня къ этому, что я не могла заснуть, не приведя у себя все въ порядокъ. Раздѣвши меня, она ставила меня въ постелькѣ на колѣни, а я лепетала: «Господи помилуй папу и маму, младенца Екатерину и всѣхъ», крестила свою подушку и «сворачивалась калачикомъ», тетя закрывала меня, цѣловала, крестила,

садилась возлѣ меня, и я засыпала, держа ручонкой ея руку. Иногда меня оставляли довольно поздно въ гостиной; я тогда забиралась на кресло за спину отца и сладко засыпала; до сихъ поръ, вспоминая объ этомъ, я будто ощущаю, какъ уютно и хорошо мнѣ было тогда за папиной спиной. Тетѣ иногда приходилось сонную уносить меня наверхъ.

Въ сумерки, когда было еще рано зажигать свѣчи, я любила, поставивъ на диванъ большую подушку ребромъ и сѣвъ на нее такъ, чтобы ея концы загибались на меня (я называла это «сидѣть въ облакахъ»), слушать разсказы тети о томъ, «какъ она была маленькая», и о «Терезинькѣ». Этотъ послѣдній разсказъ, слышанный мною несчетное множество разъ, никогда не надоѣдалъ мнѣ; я такъ знала его, что поправляла тетю, когда она переставляла какое-нибудь слово, но все вновь и вновь заставляла повторять эту любимую исторію. Я хорошо помню этотъ разсказъ, гдѣ играли роль пастушка Терезинька и пастушокъ Рудольфъ. Они пасли свои стада, дѣлили завтракъ, спускались вмѣстѣ къ ручью, чтобы напиться, онъ отыскалъ ей пропавшаго барашка, о которомъ она плакала, — однимъ словомъ, это была самая незатѣйливая идиллія, но весь разсказъ былъ проникнутъ такой поэзіей и свѣжестью, такой любовью къ природѣ, что вся душа тети отражалась въ этихъ простыхъ, ею самой придуманныхъ, картинкахъ.

Часто вижу я себя въ одномъ изъ тѣхъ темныхъ уголковъ, гдѣ ютилась дорогая охранительница моего дѣтства (для нея всегда недоставало комнаты). Въ этомъ болѣе чѣмъ скромномъ уголкѣ всегда было особенно уютно и хорошо. Освѣщается

уголокъ изъ какого-нибудь окна въ коридорѣ, или свѣтомъ, проходящимъ изъ другой комнаты надъ перегородкой (какъ было въ академіи), и поэтому въ немъ царствуетъ полумракъ. На столѣ чистенькая скатерть, стоятъ булочки и дымится кофе, удивительно вкусный кофе! На сундукѣ, около стола, сидитъ моя двоюродная сестра Сонечка. Это дочь дяди Андрея, брата тети, работница, замѣнившая послѣднюю въ домѣ мачихи; она замучена, болѣзненна, съ вѣчно подвязанной щекой; въ гостиную къ намъ она рѣдко ходитъ, но тетя любитъ и жалѣетъ это несчастное и доброе существо. Сонечка монотонно, полушопотомъ изливаетъ свои обиды, а тетя хлопочетъ около кофе и вставляетъ иногда тихое слово утѣшенія. Я сижу на скамейкѣ, положивъ голову на колѣни двоюродной сестры, и жду угощенія, которое кажется мнѣ особенно вкуснымъ потому, что оно не своевременно и не входитъ въ обыкновенную программу дня; въ рукахъ у меня зайчикъ или собачка, подарокъ Сонечки. Гдѣ взяла она, бѣдная, денегъ, чтобы купить его? Навѣрное, лишила себя необходимаго, чтобы доставить радость ребенку. Въ то время я не думаю объ этомъ, конечно, но дѣтское сердце мое чуетъ любовь, и никакія изъ моихъ роскошныхъ игрушекъ не нравятся мнѣ такъ, какъ простенькія вещи, подаренныя Сонечкой или тетей. Безконечно хорошо мнѣ тамъ на скамеечкѣ между ними двумя! Несмотря на горе, есть что-то тихое и мирное между ними, что-то хорошее, любовное... «Тетенька, вы — все для меня», — говоритъ Сонечка, уходя. Все была она и для меня: ничьи ласки не могли замѣнить мнѣ ея ласкъ, ничей уходъ не могъ замѣнить ея нѣжныя заботы. Только разъ я раз-

ставалась съ ней, это было во время одной изъ моихъ довольно частыхъ болѣзней. Тетя должна была уѣхать на нѣсколько дней въ Митаву, гдѣ у нея умерла какая-то родственница. Меня окружали все люди, которыхъ я любила: прекрасная сестра милосердія, пожилая дѣвушка Аннушка, которая съ безконечной нѣжностью ходила за мной, и моя гувернантка, m-me Levelle, которая души во мнѣ не чаяла, но я томилась по тетѣ, и никогда не забуду той безумной радости, которую я испытала, когда она вернулась, того тихаго счастья, которое наполняло меня всю, когда она цѣлые дни проводила, не отходя отъ моей постели, вывязывая моей куклѣ крошечные фильдекосовые чулочки. Во всѣхъ радостяхъ и скорбяхъ моего дѣтства вижу я передъ собой ея любящее лицо, на которомъ отражаются всѣ эти скорби и радости.

II.

Не говори съ тоской—ихъ нѣтъ,
А съ благодарностію—были.

Жуковскій.

Тетя Катя была любима всѣми служащими у насъ въ домѣ, но вполнѣ оцѣнивала ее m-me Levelle, гувернантка, поступившая къ намъ, когда мнѣ было лѣтъ шесть; ей былъ вполнѣ ясенъ высокій нравственный образъ тети, она глубоко сочувствовала ей, жалѣла ее, даже сердилась на ея многотерпѣніе.

Раньше у меня было нѣсколько гувернантокъ, или боннъ, которыхъ я совсѣмъ не желала знать. M-me Levelle я встрѣтила крайне недружелюбно, помню даже укусила ее въ первый же день, но скоро сильно привязалась къ ней. Это была такая же самоотверженная и любвеобильная натура, какъ и тетя, но характеры у нихъ были совершенно различные: у m-me Levelle не было и тѣни кротости, она была вся огонь и пламя. Она не могла выносить сдѣланной кому-нибудь несправедливости, моментально ополчалась въ защиту, налетала, какъ вихрь, на обидчика, кто бы онъ ни былъ, рѣзала правду въ глаза. Правдивѣе, честнѣе, прямолинейнѣе человѣка я не видала на свѣтѣ. Какъ всегда бываетъ съ горячими людьми, m-me Levelle въ пылу говорила много лишняго и потомъ чувствовала себя неловко, хотя по существу дѣла была права.

Эта женщина положительно жила со мной одной жизнью; она не снисходила ко мнѣ, какъ старшая, а была со мной, какъ съ равной: если она играла со мной въ карты или бирюльки, она сама заинтересовывалась игрой и искренно желала выиграть; она разсказывала мнѣ всѣ свои дѣла, сообщала всѣ свои горести и радости, читала письма своей единственной, разлученной съ нею дочерью; всякій мой дурной поступокъ искренно и глубоко огорчалъ ее; однимъ словомъ, я чувствовала, что въ ея отношеніяхъ ко мнѣ ничего не было «нарочнаго», а все было «всамдѣлишное», и поэтому я никогда не скучала съ нею, съ своей стороны, была съ ней вполнѣ откровенна, принимала къ сердцу ея интересы, сочувствовала ея филиппикамъ противъ несправедливости (когда онѣ не были направлены противъ меня, конечно), и любила ее всей душой. Я была такъ же вспыльчива, какъ и m-me Levelle, поэтому мы съ ней страшно ссорились, сладостно мирились и жили, все-таки, что называется, душа въ душу.

Много читала мнѣ m-me Левель и такъ избаловала меня, что я, одно время, не могла засыпать вечеромъ иначе, какъ подъ ея чтеніе. Большею частью это были мои любимыя дѣтскія книжки: сказки Перро, «La poupée bien élevée», «Les enfants célèbres», «Le théatre de Berquin», «M-me Amable Tastue», «Les contes du chanoine Schmidt» и т. д., но иногда она читала вслухъ и такія книги, которыя интересовали ее лично, и, главное, газету «Indèpendance Belge». Газетныя статьи казались мнѣ особенно скучными, но я вполнѣ понимала, что надо же m-me Левель хоть когда-нибудь и свои книжки почитать, а такъ какъ мнѣ нравился самый процессъ слушанья, то я поэтому не противилась, тѣмъ болѣе,

что обыкновенно въ это время что-нибудь раскрашивала или вырѣзывала; мнѣ становилось даже интересно въ тѣхъ случаяхъ, когда m-me Левель, со свойственной ей живостью, ударяя съ досадой рукой по газетѣ, начинала упрекать дипломатовъ и политиковъ во лжи, горячо восклицая: « Eh! que ne peuvent ils vivre en paix ces gens-lá! [1]).

Свою давно покинутую родину пылкая француженка страстно любила и, когда своимъ старческимъ голосомъ она напѣвала мнѣ: « Ce doux pays de France», по ея лицу съ довольно грубыми чертами катились слезы. M-me Левель благоговѣла передъ моимъ отцомъ. Такого добраго и обаятельнаго человѣка, какъ мой отецъ, не могла не любить и тетя, и всѣ домашніе, но они его любили именно, какъ прекраснаго человѣка; моя же гувернантка, кромѣ того, глубоко цѣнила въ немъ художника, энергическаго труженика, а главное, единственнаго человѣка, который соотвѣтствовалъ ея идеалу честности и правды. Ей хотѣлось, чтобы и я вполнѣ оцѣнила его, и она постоянно говорила мнѣ о немъ, обращала мое вниманіе на каждое его слово и на каждый его поступокъ, разъясняя, сколько было въ нихъ простоты, терпимости, высоты мысли и вмѣстѣ скромности, сколько любви къ свободѣ и истинѣ. Все это говорилось не въ видѣ рѣчей съ моралью на концѣ, а урывками, отрывочными, но сильными, горячими фразами, которыя западали мнѣ въ душу. Я сама страстно любила отца, но слова m-me Левель какъ будто разъясняли мнѣ его, дѣлали еще дороже, а вмѣстѣ и тѣснѣе сближали меня съ моей наставницей.

---

[1]) „Развѣ эти люди не могутъ жить мирно“.

Другой общей нашей любовью была природа; мы были очень счастливы съ m-me Левель на нашей дачѣ въ Финляндіи и, весною, заранѣе радовались мысли, какъ мы съ ней будемъ собирать «les petits fruits rouges» (бруснику) въ нашихъ густыхъ сосновыхъ лѣсахъ. Надо было бы написать цѣлый томъ, чтобы изобразить исторію всѣхъ нашихъ любимцевъ изъ міра четвероногихъ и пернатыхъ. Войдя въ нашъ домъ, m-me Левель привезла съ собой ручную канарейку, которая нѣсколько лѣтъ утѣшала насъ своими фокусами и, къ нашему большому горю, издохла, наконецъ, на рукахъ у своей плачущей хозяйки; бывали у насъ и морскія свинки, и бѣлки, и горлицы, но большею частью наши любимцы были «униженные и оскорбленные», подобранные на улицѣ щенки и котята, вывалившіеся изъ гнѣзда во время бури птенчики; послѣднихъ мы часто лечили, выращивали и такъ приручали, что потомъ въ густомъ лѣсу они прилетали откуда-то на нашъ зовъ, какъ въ волшебныхъ сказкахъ. Иногда мы съ m-me Левель ревновали другъ къ другу нашихъ звѣрьковъ.

Мое сердце трепетно билось отъ радости, когда мы весной сворачивали съ большой дороги въ березовую аллейку и въѣзжали въ широкій, усыпанный гравіемъ дворъ нашей дачи около Выборга, но не менѣе радостно замирало оно, когда мы осенью подъѣзжали къ моей милой академіи. Мнѣ и тамъ, и тутъ жилось хорошо; и тамъ, и тутъ были свои радости. Въ нашей городской квартирѣ каждый уголъ былъ мнѣ дорогъ; меня ждали здѣсь оставленные шкапы съ книгами и игрушками, веселая бѣготня по большой залѣ, кабинетъ отца. О, этотъ кабинетъ! Это былъ не кабинетъ, а цѣлый музей! Чего, чего въ

немъ только не было! По стѣнамъ громадной залы со сводами и широкими окнами съ видомъ на Неву тянулись шкапы богатой библіотеки, на нихъ — всевозможные гипсовые слѣпки: мелкія статуи отца, лошадки барона Колдта и какія-то прелестныя фигурки играющихъ, пляшущихъ и смѣющихся дѣтей и пр.; между шкапами висѣли коллекціи бабочекъ и насѣкомыхъ. На длинныхъ столахъ, составленныхъ вмѣстѣ и раздѣляющихъ комнату надвое, были мраморныя и бронзовыя статуэтки, подвижная фигура рыцаря въ полномъ вооруженіи, образчики мозаикъ, стеклянныхъ работъ, собраніе монетъ, разныхъ рѣдкостей, медали отца, инструменты, начатыя работы; изъ-подъ стеклянныхъ колпаковъ блестѣли своими металлическими перьями чучелы колибри и oiseaux-mouches... Всѣ ящики столовъ и шкаповъ были наполнены рисунками и гравюрами. Въ глубинѣ кабинета стоялъ большой мраморный бюстъ императора Николая, заказанный имъ, но не взятый, такъ какъ показался ему похожимъ на памятникъ. «Что ты заранѣе хоронишь меня?» — сказалъ онъ по этому поводу моему отцу. Впослѣдствіи бюстъ этотъ былъ купленъ Орловой-Денисовой. Тутъ же были бронзовыя, довольно большія модели воротъ для храма Спасителя въ Москвѣ, большая модель военнаго корабля... и перечесть трудно все, что десятками лѣтъ скоплялось въ этомъ хранилищѣ! Для насъ, дѣтей, это былъ волшебный міръ, настоящій Эльдорадо. Сидя гдѣ-нибудь на полу, мы вытаскивали изъ разныхъ угловъ цѣлыя массы самыхъ интересныхъ для насъ предметовъ и всякій разъ открывали что-нибудь новенькое: то старинныя карты, принадлежавшія какой-нибудь прабабушкѣ,

Гр. Ѳ. П. Толстой.

то кастэтъ или фокусный ящикъ, выточенный изъ дерева когда-то самимъ отцомъ, то его заброшенный рисуночекъ... Потерянный среди всѣхъ чудесъ кабинета стоялъ простой столикъ бѣлаго дерева; за нимъ, въ прорванномъ ватномъ халатѣ (отецъ никакъ не могъ разстаться съ нимъ и страшно разсердился, когда мама, наконецъ, потихоньку уничтожила его), съ длинной трубкой въ зубахъ, съ недопитымъ, остывшимъ стаканомъ чая, съ неизмѣннымъ перомъ или карандашомъ въ рукахъ, сидѣлъ нашъ отецъ. Наша возня никогда не мѣшала ему, и онъ отрывался отъ своей работы только, чтобы улыбнуться намъ своей свѣтлой улыбкой, или, подозвавъ къ себѣ, поцѣловать наши «мордочки».

Кромѣ удовольствій настоящей минуты, въ моемъ воображеніи уже съ осени начинали носиться образы елки и всякихъ будущихъ благъ. Съ какой интенсивностью чувства ждалась эта елка! Въ какое возбужденіе приходила я, когда срокъ приближался! Послѣдніе дни я уже ничѣмъ не могла заниматься и слонялась по комнатамъ «comme une âme en peine» какъ выражалась моя гувернантка. Наконецъ, хотя и медленно, но наступалъ желанный день. Съ утра насъ запирали въ дѣтскую, — тамъ мы и обѣдали, — это былъ томительный, но и чудный день. Вечеромъ насъ вели ко всенощной. Пройдя, на обратномъ пути, по сумрачнымъ коридорамъ академіи, мы вступали въ темную комнату и ждали... Вдругъ открывалась передъ нами дверь въ залитую свѣтомъ залу... Но кто не помнитъ изъ своего дѣтства подобныхъ же картинъ? У насъ на елкѣ никогда не было постороннихъ дѣтей, но взрослые гости всѣ играли и возились съ нами. Когда било двѣнадцать часовъ,

я всегда убѣгала на минуту въ дѣтскую, чтобы отъ полноты своего благодарнаго сердца помолиться, показать Богу, что я не забываю Его въ минуты счастья.

Еще болѣе, чѣмъ Рождество, любила я Пасху и предшествующія ей недѣли: вербную и страстную. На вербы мы ходили съ тетей сначала на нашъ Андреевскій рынокъ, гдѣ также въ то время можно было купить качающихся на качеляхъ восковыхъ херувимовъ, а потомъ уже отправлялись въ экипажѣ «на ту сторону», къ Гостинному Двору.

На страстной сильно занимали меня церковныя службы: потому ли, что посѣщеніе церкви сопровождало въ моемъ дѣтствѣ каждый праздникъ, потому ли, что насъ никогда не принуждали ходить въ церковь, а напротивъ, позволяли, какъ награду, или большое удовольствіе, но церковныя службы, въ особенности, на страстной недѣлѣ, оставили во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе; до сихъ поръ, когда я вхожу въ храмъ Божій, я чувствую себя опять ребенкомъ и проникаюсь какимъ-то сладостнымъ умиленіемъ.

Въ пятницу или субботу, моя другая тетя, Надежда Петровна, сестра отца, которая тоже жила съ нами и была большая рукодѣльница, приносила массу шелковыхъ обрѣзковъ и нащипанную изъ нихъ корпію, и вся семья принималась за краску яицъ. На пресловутой лежанкѣ, упомянутой выше, появлялся цѣлый рядъ вкусныхъ вещей, таинственно прикрытыхъ салфетками.

Передъ заутреней насъ клали спать, потомъ будили, одѣвали въ бѣлыя кисейныя съ мушками платьица, опоясывали — меня голубымъ, а сестру розовымъ

кушакомъ, и вели въ церковь, гдѣ мы въ эту ночь становились на клиросѣ. Церковь была полнымъ-полна, и всѣ женщины были въ бѣломъ.

Послѣ того, какъ крестный ходъ удалялся, въ церкви дѣлалось тихо-тихо, — все будто замирало въ ожиданіи... Вдругъ издали начинало доноситься нѣжное пѣніе, что-то радостное закрадывалось въ сердце, постепенно росло и восторженно распускалось, когда въ распахнувшихся дверяхъ храма гремѣло торжественное: «Христосъ воскресе!» Начиналось шумное христосованіе съ знакомыми и незнакомыми, и насъ уводили домой, гдѣ на длинныхъ, покрытыхъ бѣло-снѣжными скатертями, столахъ пестрѣли всякія яства, бумажные цвѣты и красныя яйца. Гостей постепенно прибавлялось, но садились мы за столъ только послѣ возвращенія отца изъ дворцовой церкви, гдѣ онъ всегда слушалъ заутреню. Христосовались мы со всѣми: со сторожами, мужиками и всякимъ, кто скажетъ намъ: «Христосъ воскресе!» Въ то время христосовались даже на улицѣ съ незнакомыми. Этотъ праздникъ надолго оставлялъ во мнѣ радостное свѣтлое настроеніе.

Неполонъ былъ бы разсказъ о моемъ счастливомъ дѣтствѣ, еслибъ я не упомянула о моей тетѣ Надѣ и о тѣхъ безчисленныхъ радостныхъ часахъ, проведенныхъ съ ней. Тетя Надя была уже старушкой, когда я начинаю ее помнить. Жила она на «другомъ верху», куда надо было подыматься по другой лѣстницѣ, чѣмъ на «нашъ верхъ», по темной витой каменной лѣстницѣ. Тамъ у нея были три комнаты; двѣ занимала она, а третью — состоявшая при ней лѣтъ сорокъ горничная Аннушка (или Анна Васильевна, какъ почтительно называла ее прочая прислуга), на

рукахъ которой впослѣствіи и умерла отъ глубокой старости тетушка. Надежда Петровна вела у насъ довольно обособленную жизнь; она обѣдала и завтракала съ нами, но, кромѣ этого и торжественныхъ случаевъ, спускалась со своего верху только затѣмъ, чтобы взять у тети Кати ключъ отъ маленькаго буфетнаго шкапчика, гдѣ помѣщался граненый графинчикъ съ водкой: «Я, вѣдь, еще сегодня не клюкнула», — говорила она таинственно и весело нѣсколько разъ въ день. Такое частое употребленіе кюммеля, однако, нисколько не дѣйствовало на тетю и такъ же мало хмелило ее, какъ если бы она выпивала простую воду. Она была бодрая, миніатюрная старушка, милая и добродушная. Ея «апартаменты», какъ она въ шутку выражалась, представляли своего рода музей, и крайне своеобразный.

Не собирала ты камеевъ
Своею дѣвственной рукой;
Съ Венеръ-развратницъ, Прометеевъ
Взоръ отводила съ чистотой.
Ты манускриптовъ не сбирала,
Презря ихъ мудрость и года...
Коль попадались—раздирала
На четвертушечки всегда...

Картинъ ты тоже не скупала
Въ свой многосводный эрмитажъ,
Другая мысль тебѣ запала,
Въ другой ты бросилась „паражъ“.
Тебя коробка поразила,
Ты новой мыслью процвѣла,
Ея всѣ формы изучила
И въ эрмитажѣ завела.
Но сердце мудреца алкало:
Любя коробку всей душой,
Тебѣ коробки стало мало,
Ты захворала пустотой...
И вдругъ, въ углу, о, случай странный,
Явилась банка предъ тобой... и т. д. [1])

[1]) Изъ шуточнаго стихотворенія, поднесеннаго тетѣ М. Ѳ. Каменскою.

Это стихотвореніе, конечно, утрируетъ: въ «эрмитажѣ» тетушки были и художественныя вещи; ей принадлежитъ та честь, что она сохранила дѣтскіе рисунки отца моего, художественныя вышиванія его матери, замѣчательныя письма его старшей сестры и миніатюрные портреты родныхъ, но справедливо то, что тетушка преимущественно коллекціонировала коробки, банки и стклянки. Коробки она тщательно и со вкусомъ обклеивала конфектными бумажками и картинками; одинъ шкапчикъ съ ящиками былъ весь полонъ самымъ разнобразнымъ ассортиментомъ этихъ предметовъ; другой, съ полками, былъ хранилищемъ всевозможнои стеклянной посуды отъ дорогихъ старинныхъ флаконовъ до аптекарскихъ бутылочекъ включительно. Надо замѣтить, что коробки были не пусты, — въ нихъ находились богатѣйшія собранія шелковъ, крупнаго и мелкаго бисера, блестокъ, фольги, раковинъ, четокъ. Если къ тому прибавить, что комнаты были уставлены затѣйливою старинною мебелью стиля Ампиръ, божницей со множествомъ образовъ и цѣлой массой самыхъ разнообразныхъ орудій женскаго рукодѣлія, то станетъ вполнѣ понятно, какъ блаженствовали мы, когда тетушка любовно раскрывала передъ нами всѣ эти сокровища, и съ какими полными руками, а то и подолами, возвращались мы къ себѣ.

Иногда въ комнатахъ тети Нади ожидало меня особенное удовольствіе, отъ котораго сконфуженно, но радостно билось мое сердце: я встрѣчала тамъ сестру мою, Марью Ѳедоровну Каменскую. Дочь первой жены моего отца, она была въ ссорѣ съ моей матерью, у насъ не бывала, а приходила къ тетѣ Надѣ прямо наверхъ или изрѣдка, будто краду-

чись, пробиралась заднимъ ходомъ въ кабинетъ отца. Я не знала причины ссоры, — знала только, что моя мамаша не любитъ Марью Ѳедоровну, но моя дѣтская душа чувствовала несправедливость, ненормальность въ томъ, что дочь тайкомъ видается съ отцомъ своимъ, и мнѣ было это больно. Я твердо была увѣрена въ душѣ, что М. Ѳ. ни въ чемъ не виновата: развѣ не цѣловалъ ее также нѣжно мой чудный отецъ? развѣ могла быть виновата эта женщина, рыдающая на его плечѣ и потомъ такъ ласково улыбающаяся мнѣ полными слезъ глазами? И какая красавица, какая веселая, умная! Какъ интересно разсказываетъ, какъ крѣпко цѣлуетъ! Я любила ее всей силой души моей, а между тѣмъ что-то сковывало меня въ ея присутствіи; мнѣ было чего-то стыдно, я какъ будто чувствовала себя изъ противнаго лагеря, я какъ будто измѣняла кому-то, находясь съ ней. Это не была боязнь, что мама разсердится на меня, — напротивъ, я была бы рада, если бы меня бранили за М. Ѳ., — это было инстинктивное ощущеніе какой-то вины н а ш е й передъ н и м и — Каменскими. То же ощущеніе являлось у меня потомъ въ отношеніи дѣтей М. Ѳ., которыя впослѣдствіи стали довольно часто бывать у насъ, и становилось у меня тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ласковѣе были со мной М. Ѳ. и ея дѣти.

Казалось бы, что вліяніе столькихъ хорошихъ людей и такой радостной и свѣтлой обстановки должно было развить во мнѣ одни только добрые инстинкты, а между тѣмъ, это было не такъ: хотя я была очень чутка къ чужой несправедливости и жалостлива къ чужому горю, но сама я поступала эгоистически и капризно съ тѣми, кого наиболѣе люби-

ла, и положительно жестоко — съ моей маленькой сестренкой, которая была фанатично, рабски и трогательно привязана ко мнѣ. Не взлюбила я ее съ самаго рожденія, — потому что она кричала и не давала мнѣ спать, а потомъ — потому, что она приставала ко мнѣ, мѣшала мнѣ даже своими нѣжностями. Въ отвѣтъ на ея ласки я колотила ее и всячески тиранствовала надъ ней, пока не произошелъ слѣдующій случай: восьми лѣтъ я захворала брюшнымъ тифомъ, меня перевели внизъ, въ прежнюю билліардную, которая потомъ и осталась нашей дѣтской; сестру не пускали ко мнѣ, чтобы она не заразилась. Разъ, въ сумерки, никого не было въ моей комнатѣ, и какими-то неизвѣстными путями, какъ котенокъ, неслышно пробралась ко мнѣ моя сестра.

— Тятитя (Катенька), моня къ тебѣ? — услышала я около моей постели ея робкій голосокъ. Мнѣ было скучно одной, и я великодушно помогла ей вскарабкаться на мою постель. Она принесла мнѣ какую-то только-что подаренную ей коробку оловянныхъ солдатъ (она всегда все отдавала мнѣ, а я, напротивъ, всегда строго запрещала ей трогать мои вещи). Мы немного поиграли, мнѣ было тяжело, къ тому же совсѣмъ стемнѣло, сестра забралась ко мнѣ подъ одѣяло, обвила мою шею руками, и, кажется, мы обѣ заснули. Большой переполохъ поднялся въ домѣ, когда насъ застали въ этомъ положеніи. Сестра, дѣйствительно, заболѣла послѣ этого тифомъ и была гораздо опаснѣе меня; я же въ тотъ день впала въ безсознательное состояніе и узнала о болѣзни сестры, когда уже стала выздоравливать. Мысль, что сестра заболѣла изъ-за меня, приходила мнѣ въ голову, но скоро забывалась: меня баловали и лелѣяли больше, чѣмъ когда-нибудь.

Но вотъ разъ, когда я уже была на ногахъ, мнѣ сказали, что Оля въ бреду все зоветъ меня, и что доктора велѣли привести меня къ ней. Что сталось со мной, когда я увидала на кровати худое, старчески сморщенное личико, со страшными черными губами, совсѣмъ не похожее на прежнюю Олю! Я стояла, пораженная. Вдругъ странные, мутные глаза остановились на мнѣ, въ нихъ блеснуло что-то, изсохшая ручонка сдѣлала слабое движеніе, запекшіяся губки сложились въ блѣдную улыбку, и изъ нихъ вылетѣло тихое, но радостное: «Тятитя!» Невыразимый наплывъ жалости и раскаянія охватилъ меня. Я могла успокоить себя, только обѣщая тайно себѣ и Богу, что никогда, никогда не буду больше обижать ее. Хотя съ тѣхъ поръ я не прибѣгала больше къ кулачнымъ расправамъ и стала дружнѣе съ сестрой, но когда впечатлѣніе изгладилось, я опять, особенно впослѣдствіи, подъ вліяніемъ одной дѣвочки-англичанки, которая жила у насъ для практики англійскаго языка, бывала несправедлива къ сестрѣ, и моя m-me Левель часто качала головой, называя меня эгоисткой и предсказывая мнѣ, что я не буду счастлива съ такимъ „vilain caractère“.

Большимъ благомъ для меня было, что меня окружали теплою любовью прекрасные люди; это посѣяло въ мою душу все, что есть въ ней добраго; но дурно было, что меня слишкомъ баловали и слишкомъ мало отъ меня требовали. Я была какъ будто центромъ, около котораго вращались всѣ эти любящіе люди, и не мудрено, что во мнѣ развивалось самомнѣніе и эгоизмъ, а отъ полнаго отсутствія выдержки являлись раздвоенность и безхарактерность: я вполнѣ сознавала, когда поступала дурно,

и сильно потомъ каялась, но «не могла удержаться» — по собственному моему выраженію. Мои окружающіе не говорили мнѣ, что за все добро, которое мнѣ дѣлали, надо было и съ моей стороны чѣмъ-нибудь отплачивать; они отъ полноты души своей отдавали мнѣ свою беззавѣтную любовь, и въ той же любви находили себѣ награду. Человѣку, съ начала жизни избалованному такой любовью, трудно потомъ приходится, но еще хуже не знать такой любви: когда человѣкъ, поборовшись съ жизнью, придетъ къ пониманію, эта прежняя любовь засіяетъ передъ нимъ яркимъ, спасительнымъ маякомъ.

Тотъ, кто прочтетъ эти записки, вѣроятно, замѣтитъ, что я до сихъ поръ почти не говорила о своей матери, и, можетъ быть, подумаетъ, что она не играла большой роли въ семьѣ; на самомъ же дѣлѣ она была въ полномъ смыслѣ слова главой въ домѣ: безъ ея разрѣшенія не смѣли даже повести насъ гулять, но такъ сложились мои воспоминанія, что я ее почти совсѣмъ не помню въ ранній періодъ моего дѣтства. Отца я вижу передъ собой, какъ живого, въ каждую минуту нашей жизни: утромъ, когда мы влетаемъ какъ ураганъ, здороваться съ нимъ, за завтракомъ и обѣдомъ, помню его манеру ѣсть, его любимыя кушанья; помню его пріемы за всякой работой, вижу его за неуклюжимъ крашенымъ мольбертомъ, за столомъ со стекомъ въ рукахъ, въ мастерской — сглаживающимъ своимъ гибкимъ пальцемъ шероховатость глины, вечеромъ — вырѣзывающимъ намъ коньковъ и санки изъ картъ или раскладывающимъ пасьянсъ, съ зеленымъ зонтикомъ на глазахъ; слышу его голосъ, когда онъ кричитъ старому унтеру Шилову: «подай трубку!», слышу

даже слова этого самаго Шилова, когда я бѣгу оповѣстить его, что папа зоветъ: «совсѣмъ я старый травяной мѣшокъ сталъ». Такъ же помнятся мнѣ и всѣ домашніе, въ ихъ ежедневной обстановкѣ и послѣдовательной жизни; мама же представляется мнѣ безсвязно и отрывисто: то на подмосткахъ въ костюмѣ Федры, то прощающаяся съ нами передъ выѣздомъ на вечеръ, то въ маскѣ, то съ чудными распущенными волосами... Вѣроятно, моя мать, какъ большинство тогдашнихъ дамъ, вела свѣтскую жизнь. Она могла дѣлать это тѣмъ спокойнѣе, что имѣла около дѣтей такихъ вѣрныхъ и превосходныхъ стражей, какъ тетя и m-me Левель.

III.

Visions of childhood! stay, oh, stay!
Ye were so sweet and wild! *)

Longfellow.

Какъ и когда я выучилась читать и писать, я рѣшительно не помню; знаю только, что въ день, когда мнѣ минуло восемь лѣтъ, мнѣ подарили нѣсколько книжекъ, между которыми меня очень заинтересовали двѣ, и которыя я тотчасъ же и прочла: „Bobe l'écureuil“ и „La poupée bien élevée“. Послѣдняя въ особенности мнѣ такъ понравилась, что я подаренную мнѣ тутъ же куклу назвала “Lolotte“, именемъ героини вышеназванной книги, и рѣшила, что я тоже буду ее воспитывать. Куклу я полюбила, потому что она была толстенькая, съ дѣтскимъ личикомъ. Со всѣми прочими моими куклами я обращалась, какъ съ игрушками, раздѣвала и одѣвала ихъ, бросала по разнымъ мѣстамъ, но „Lolotte“ была моя «дочка». У нея была своя комната въ углу дѣтской; комодъ ея былъ полонъ бѣлья, кроватка ея всегда оправлялась; утромъ я одѣвала свою дѣвочку, кормила ее, учила, повторяя ей свои уроки; вечеромъ укладывала ее спать, ставила ей на ночной столикъ воды, цѣловала ее и, да проститъ мнѣ Господь, крестила. Я подолгу сидѣла и разговаривала съ ней и любила ее, какъ живого человѣка.

*) Видѣнья юности, о стойте!
Вы сладки такъ и буйны были.

Кажется, я прежде научилась читать и писать по французски, чѣмъ по-русски. Русскихъ книгъ для дѣтей въ то время было очень мало; въ моей богатой французскими и англійскими книгами библіотекѣ долгое время существовало только три русскихъ сочиненія: «Притчи Хемницера», въ хорошенькихъ бѣлыхъ съ золотомъ переплетахъ, которыя мнѣ казались очень скучными; «Новый Емеля», подаренный мнѣ кѣмъ-то изъ прислуги, и «Иванушка» Сапожникова. Послѣдняя была хорошая дѣтская книжка. Послѣ «Иванушки» я прямо перешла на чтеніе нашихъ классиковъ. Здѣсь кстати упомянуть, какъ надо быть осторожнымъ съ дѣтскимъ чтеніемъ, и какъ писатели, желающіе преподать дѣтямъ мораль, часто наводятъ ихъ на самыя дурныя мысли. Ко мнѣ въ руки попали двѣ дѣтскія французскія пьесы: въ первой изображалась одна дурная дѣвочка Октавѝ и двѣ добрыя дѣвочки, ея младшія сестры. Во время всего дѣйствія всѣ постоянно упрекали Октавѝ, читали ей мораль, а сестеръ все время расхваливали. Дѣвочки собирались ѣхать на рожденіе къ бабушкѣ. Октавѝ въ раздраженіи мяла подарки и платья сестеръ, онѣ плакали, но мамаша приводила все въ порядокъ и увозила ихъ, оставивши горячку, въ наказаніе, одну дома. Мораль: il ne faut pas être colère et envieuse». Какъ всегда въ такихъ случаяхъ, Октавѝ вышла у автора жизненной, рельефной и симпатичной, а ея сестры — неестественными куклами. Со свойственной дѣтямъ способностью относиться къ прочитанному, какъ къ дѣйствительности, я горячо принимала сторону Октавѝ, понимала ее и сочувствовала ей, даже жалѣла, что не могла вмѣстѣ съ ней помять бѣлыя кисейныя платья ея де-

ревянныхъ сестеръ, которыя такъ смирно стояли и такъ добродѣтельно выговаривали свои противные «oui chère maman», или — «non chère maman». Въ другой пьесѣ (другого автора) изображалась очень интересная и очень фантастическая барышня, которая таяла и умирала на глазахъ своей огорченной семьи. Ни родители, ни доктора, не понимали ея болѣзни. Изнеможенная, блѣдная, умирающая лежала она въ чудномъ саду, когда дѣло, наконецъ, разъяснилось: дѣвочка умирала, потому что думала, что мать любитъ младшую сестру больше, чѣмъ ее. Эта безнравственная книжка, вѣроятно, вслѣдствіе описанной въ ней лживо-поэтической обстановки, имѣла на меня сильное вліяніе: я начала воображать себя такой же непонятой дѣвочкой, такъ же поэтически «jalouse».

Моя гувернантка иногда брала меня съ собой въ католическую церковь. Послѣ обѣдни мы заходили къ ея другу, г-жѣ Мейеръ, женѣ одного изъ служащихъ при церкви. Это была симпатичная, ласковая женщина съ большими, грустными глазами. У нея была одна дочка моихъ лѣтъ, тихая и серьезная, которая мнѣ очень нравилась. Я присутствовала при ея первомъ причащеніи. Церемонія была торжественна. Толпа дѣвочекъ, въ бѣлыхъ платьяхъ съ длинными прозрачными вуалями, наполнившая половину громадной церкви, представляла прелестную картину, а съ хоръ, подъ звуки органа, лилось пѣніе женскаго и дѣтскаго хора, казавшееся мнѣ пѣніемъ ангеловъ. Эта служба оставила во мнѣ сильное впечатлѣніе.

Вспоминается мнѣ также одинъ старенькій домъ въ Чекушахъ [1]), гдѣ я бывала съ матерью и тетей

[1]) Дальнее предмѣстье въ Петербургѣ, за гаванью.

въ раннемъ дѣтствѣ; принадлежалъ онъ двумъ старушкамъ Зерновымъ. Такого домика, съ его закоулками, кладовыми, старой мебелью и съ его старосвѣтскими хозяйками, я думаю, теперь трудно найти. Старшая изъ сестеръ была низенькая, полная особа, постоянно сидѣвшая на диванѣ, младшая — высокая, коренастая, повидимому, занималась хозяйствомъ, у нея былъ зобъ, и она говорила басомъ. Обѣ были въ ватныхъ капотахъ и старинныхъ чепцахъ. Насъ онѣ встрѣчали необыкновенно радушно, кормили многими сортами вареній и печеній и наполняли мои карманы леденцами. Засимъ меня отправляли въ дѣвичью. Старшая горничная была молодая, красивая дѣвушка, она уводила меня въ свою отдѣльную комнату, цѣловала, разсказывала сказки и всякій разъ дарила мнѣ крошечныя книжки, которыхъ у нея былъ большой запасъ. Одну изъ нихъ я долго хранила, это была французская книжка, величиною въ дюймъ, въ кожанномъ съ золотомъ старинномъ переплетѣ, въ которой помѣщался весь романъ «Поль и Виржини» съ нѣсколькими гравюрами.

У насъ бывало много дѣтей на танцклассахъ и по праздникамъ: кромѣ живущихъ въ академіи, бывали дѣти Штакеншнейдеры, Висковатые, сынъ нашего доктора Геринка (позже извѣстный пѣвецъ Корсовъ), также Ѳедя Каменскій и его граціозная сестра Нюта. Но не могу сказать, чтобы я была особенно близка со всѣми этими дѣтьми, чтобы мнѣ было съ ними особенно весело. Мнѣ было пріятнѣе проводить время съ сестрой: у насъ съ ней было богатое воображеніе, у насъ были свои излюбленныя игры, въ которыхъ дѣйствіе никогда не повторялось, а всегда

шло впередъ. Довольно долгое время была у насъ любимой игра «въ эти дѣвочки». Мы воображали себя очень бѣдными дѣтьми, живущими въ хижинѣ, питающимися однимъ хлѣбомъ и играющими въ самодѣльныя куклы изъ тряпокъ. Намъ почему-то казалось очень поэтичнымъ быть «бѣдными дѣвочками». Мы часто разсказывали другъ другу, или желающимъ насъ слушать, тутъ же сочиняемыя сказки. Въ особенности сестра была въ этомъ отношеніи неистощима, и у нея постоянно проявлялся юморъ, чего у меня не было. Она была дѣвочкой смѣтливой, острой, была не прочь и подразнить, — «petite futée», называла ее m-me Левель, — но доброты была удивительной; она готова была сейчасъ же все отдать, что имѣла, чтобы доставить кому-нибудь удовольствіе.

Я еще охотно играла съ дѣтьми, когда они приходили къ намъ, или когда мы сходились въ академическомъ саду, самой же идти въ гости было мнѣ сущимъ наказаніемъ. Одинъ домъ составлялъ для меня исключеніе, это — домъ барона Клодта. Хотя я позже, чѣмъ съ другими дѣтьми, познакомилась съ его дочерьми, но сошлась гораздо ближе и искреннѣе. Я помню, что въ первый разъ почувствовала къ нимъ симпатію, когда увидала ихъ въ церкви, послѣ смерти ихъ матери: онѣ были въ черномъ, съ заплаканными глазами, усердно молились, и мнѣ было ихъ очень жалко. Къ нимъ я всегда отправлялась съ большой радостью, у нихъ въ домѣ было что-то особенное, какой-то свой опредѣленный характеръ, что-то простое, уютное и содержательное. Дружнѣе всего я была съ Вѣрочкой, дѣвочкой моихъ лѣтъ, но всѣ въ этой семьѣ мнѣ нравились: и

старшія дѣти, такія ласковыя съ нами, меньшими, и гувернантка ихъ, Елена Николаевна Геммеръ, которую мы попросту звали Леленькой, а главное, самъ Петръ Карловичъ: открытое лицо его, правдивость, нѣсколько грубоватая откровенность, мягкость и доброта, сквозившая сквозь напускную рѣзкость, веселыя шутки, даже его манера приходить въ столовую en manches de chemise, все въ немъ было оригинально и привлекало меня. Онъ всегда являлся моему воображенію олицетвореніемъ настоящаго художника. Какъ живо помню я его въ его громадной мастерской на литейномъ дворѣ академіи, гдѣ копошился цѣлый міръ животныхъ, и онъ между своими обезьянами, медвѣжатами, и живыми, и изваянными, казался повелителемъ какого-то сказочнаго царства.

Не тянуло меня къ другимъ дѣтямъ, потому что у меня дома былъ цѣлый свой міръ, достаточно интересный и богатый.

Должно быть съ кровью отца унаслѣдовала я страстную любовь къ древнему міру, да и воспитывалась я въ проникнутой этимъ міромъ атмосферѣ: античные статуи и бюсты, которые украшали нашу залу, галереи академіи, гдѣ я бѣгала свободно, когда хотѣла, чудные рисунки отца къ поэмѣ «Душенька», произведенія Флаксмана, копіи съ древнихъ урнъ и помпейскихъ фресковъ, медали отца, все это было мнѣ близкое, родное, все это входило въ мою жизнь, составляло ея элементы, всѣмъ этимъ я дышала, все это горячо любила и все это я какъ-то сливала въ одно общее съ моимъ отцомъ, который былъ для меня воплощеніемъ физической и душевной красоты.

Е. Ѳ. Юнге.

Скульптура привлекала меня въ дѣтствѣ гораздо больше, чѣмъ живопись. Музыка также имѣла на меня сильное вліяніе; меня никогда не могли уложить спать, когда у насъ играли или пѣли, а это случалось очень и очень часто. Особенно врѣзалось мнѣ въ память пѣніе г-на Мано, у котораго былъ дивный теноръ (съ тэмбромъ Маріо, какъ говорили мама и тетя). Чтобы слушать его, я садилась обыкновенно въ голубой гостиной, смежной съ залой; тамъ горѣлъ одинъ только бѣлый алебастровый фонарь; необыкновенно мягкій, матовый свѣтъ его, играя на блѣдно-голубыхъ драпировкахъ, давалъ этой комнатѣ неземной, фантастическій видъ, и божественные звуки романсовъ Глинки, казалось, лились въ нее изъ какого-то невѣдомаго міра.

Самого Глинки я не помню, но много слышала о немъ отъ домашнихъ; всѣ они были отъ него въ восторгѣ и разсказывали чудеса объ его пѣніи: у него совсѣмъ не было голоса, но онъ такъ выразительно пѣлъ, такъ вкладывалъ въ пѣніе свою душу, что заставлялъ то смѣяться, то плакать слушателей. Наши говорили, что Вильбуа пѣлъ «Ночной смотръ» и посвященную моему отцу „virtus antiqua“ совершенно по манерѣ Глинки, и поэтому я особенно любила слушать эти двѣ пьесы. Помню я также полное энергіи и выразительности пѣніе Н. А. Рамазанова; онъ пѣлъ большею частью комическіе, полуитальянскіе, полурусскіе романсы своего сочиненія; необыкновенно живо, напр., у него выходило—сильнымъ басомъ грохоталъ исповѣдникъ:—«И ты двери отворила? Santa Trinita —тонкимъ сопрано отвѣчала обиженная signorina „Что ты, padre, отворила?!.. Дверь была не заперта»...

У Рамазанова была змѣчательно талантливая и богато одаренная натура. Сколько было въ немъ неподдѣльной веселости, юмору и искренности; казалось, что вся душа его была на ладонькѣ, и это было тѣмъ привлекательнѣе, что душа была прекрасная. Рамазановъ былъ горячій поклонникъ Италіи и съ любовью вспоминалъ о ней. Когда собирались къ намъ наши профессора: А. П. Брюлловъ, Бруни, Басинъ, Марковъ, Тонъ, Пименовъ и другіе, тогда воспоминаніямъ и толкамъ объ Италіи конца не было; часто даже они говорили между собою по-итальянски. Въ моемъ дѣтскомъ воображеніи рисовалась эта поэтическая страна почти такою же, какою я ее нашла въ дѣйствительности, много лѣтъ спустя: я встрѣтила всѣ эти скалинады, аквадуки, розы, всѣхъ красавицъ-чечарокъ, какъ старыхъ знакомыхъ...

Кромѣ нашихъ профессоровъ и молодежи, бывали у насъ въ это время и кое-кто изъ литераторовъ, уже кончавшихъ свое поприще; я помню Греча, Плетнева, съ которымъ отецъ былъ всегда въ хорошихъ отношеніяхъ, супруговъ Глинокъ и Кукольника. Послѣдній былъ очень добрый, но безхарактерный человѣкъ; онъ сдѣлалъ неудачную женитьбу и изъ веселаго собесѣдника и собутыльника сталъ мрачнымъ; наши всѣ его очень жалѣли. Несмотря на то, что онъ былъ некрасивъ собой, въ его лицѣ было что-то весьма привлекательное, какое-то безконечное добродушіе. Я слышала, что онъ былъ замѣчательный импровизаторъ; къ сожалѣнію, изъ его импровизацій сохранились только шуточныя вещи, сказанныя большею частью на-веселѣ.

Большой пріятель отца моего былъ Ѳедоръ Ни-

колаевичъ Глинка. Они были друзья со школьной скамьи, и, вѣроятно, эти раннія воспоминанія связывали ихъ. Ѳ. Н. былъ когда-то въ числѣ либеральной молодежи, былъ, какъ отецъ мой, масономъ, участвовалъ вмѣстѣ съ нимъ въ устройствѣ ланкастерскихъ школъ и общества «зеленой книги», былъ другомъ декабристовъ, но когда я знала его, онъ представлялъ совершенную противоположность моему отцу. Отецъ продолжалъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ былъ прежде: горячимъ защитникомъ всего свѣжаго, молодого, сочувствующимъ всякому движенію впередъ, всякому благому начинанію, съ яснымъ, широкимъ взглядомъ на вещи,—Ѳедоръ же Николаевичъ весь ушелъ въ чинопочитаніе, въ ханжество, въ мелочное обожаніе своего «я»; стихотворенія его были полны кваснымъ патріотизмомъ, на все новое и молодое онъ нападалъ. Какъ-то разъ онъ подарилъ мнѣ медвѣдя изъ папье-маше, въ очкахъ, пишущаго на доскѣ; къ нему было приклеено слѣдующее стихотвореніе (переписываю правописаніемъ подлинника):

Чивилизація.

Прогрессъ! прогрессъ!
И я медвѣдь, покинувъ лѣсъ
Съ *консервативною* своей берлогой
И, *съ въкомъ наровнѣ*, пошелъ *иной* дорогой
Въ *чивилизаціи* искать чудесъ;
И, разумѣется, я пересталъ дичиться
И захотѣлось мнѣ съ людьми сойтиться—
И высмотрѣть, *что* тамъ у нихъ и *какъ*?..
Но что жъ?.. Не будь ихъ чести въ томъ обида,—
И научился я у *нихъ*—курить табакъ,
А книгу, такъ себѣ, держать въ рукахъ,—*для вида!!*

Однако Ѳ. Н. не былъ желчнымъ человѣкомъ, напротивъ, онъ былъ мягкій и добрый; мы, дѣти, очень любили его; не могу того же сказать о его супругѣ, которая была дружна съ моей матерью, но которую мы терпѣть не могли. Вообще, курьезная парочка были эти супруги: оба—поэты и оба влюблены въ лиру другъ друга. Глинка былъ маленькій, черненькій, сморщенный старичокъ, съ очень добродушнымъ личикомъ; онъ всегда носилъ массу орденовъ; Щербина называлъ его ходячимъ иконостасомъ и пресерьезно увѣрялъ, что бабы къ нему прикладываются, и что Ѳ. Н. даже купается въ орденахъ: самъ онъ плыветъ на большихъ пузыряхъ, а его ордена — вокругъ на маленькихъ. Авдотья Павловна была тоже невелика ростомъ, но была дама рѣшительная и на окружающихъ смотрѣла свысока. На нее сочинялъ Щербина нескончаемые акаѳисты: «радуйся, сѣдыхъ локонъ взбиваніе! радуйся старыхъ костей обнаженіе! радуйся, плохихъ виршей сплетеніе! радуйся, мерзкихъ книжонокъ писаніе! радуйся, мѣдныхъ пятаковъ раздаваніе! Евдокія треклятая, радуйся!» и т. д. Дѣйствительно, ея сѣдые локоны были какъ-то особенно пышны и платье она носила, несмотря на свой преклонный возрастъ, болѣе или менѣе декольтэ, даже днемъ. Сидя за чаемъ, она брала печенье, нюхала его и, найденное достойнымъ, собирала, чтобы отнести своимъ собачкамъ, которыхъ иногда по очереди брала къ намъ въ гости. Болѣе отвратительныхъ собачонокъ трудно себѣ представить,—всѣ онѣ были маленькія, со слезящимися глазами, избалованныя, злыя; звали ихъ: «Капля», «Крошка» и т. п. нѣжными, но неподходящими къ нимъ именами. Всякій гость, вхо-

дящій въ квартиру Глинокъ, былъ встрѣчаемъ лаемъ, визгомъ и безсильными попытками укусить за ногу цѣлой стаи этихъ отвратительныхъ созданій, и долженъ былъ, чтобы сдѣлать удовольствіе хозяйкѣ, находить это премилымъ. Въ гостиной Глинокъ находилась на самомъ виду витрина, гдѣ были разложены ордена Ѳ. Н.; на стѣнѣ висѣла арфа Авд. П., на которой она, кажется, довольно хорошо играла.

Но интереснѣе всего было чтеніе поэмы Ѳ. Н.: «Божественная капля»; это было настоящимъ священнодѣйствіемъ. Происходило оно или на ихъ квартирѣ, или у насъ. Приглашались только достойные, «могущіе вмѣстить». Въ залѣ устраивалось возвышенное мѣсто, на которомъ ставился столъ и два стула рядомъ; на столѣ зажигались свѣчи, ставилась сахарная вода и самыми восторженными поклонницами съ таинственною осторожностью раскладывались фоліанты рукописи. Для слушателей ставились кресла полукругомъ; всѣ разсаживались заблаговременно и, предвкушая блаженство, тихо восторгались поэмой... Вдругъ всѣ смолкали, и авторъ съ женой молча всходили на свою трибуну... За симъ, неукоснительно, происходилъ слѣдующій разговоръ: «Ma chére, кто начнетъ!»—«Ты, конечно, mon cher» — «Увѣряю тебя, ma chére, что ты гораздо лучше меня читаешь».—Наконецъ, кто-нибудь начиналъ; и мужъ, и жена, читали совершенно одинаково: патетично, пѣвуче, монотонно. Никогда не забуду мученій, которыя доставляли мнѣ эти чтенія! А между тѣмъ я была бы очень обижена, если бы меня избавили отъ нихъ: дѣло въ томъ, что присутствовать при чтеніи «Капли» счи-

талось большою честью, и меня на всѣ лады прославляли разныя дамы за то, что я удостаивалась этой чести. „Quelle admirable enfant“, восклицала одна изъ самыхъ увлекающихся поклонницъ поэмы; «какъ она слушаетъ, если бы вы знали! Si jeune и такъ слушаетъ!» Я старалась, всѣмъ сердцемъ старалась оказаться на высотѣ этихъ похвалъ и дѣлала все возможное, чтобы «такъ слушать», но продолжительное, однообразное чтеніе неотразимо клонило меня ко сну, и я, что называется, «клевала носомъ»... Я вздрагивала, съ ужасомъ озиралась: не замѣтилъ ли кто, дѣлала невѣроятное усиліе, чтобы не давать опуститься усталымъ вѣкамъ, изо всѣхъ силъ таращила свои глазенки, но все было напрасно: передо мной разстилался какой-то туманъ, комната дѣлалась большою, присутствующіе уходили куда-то въ глубину, голосъ читающаго неясно доносился изъ какой-то дали... Эта борьба со сномъ была ужасна, но еще ужаснѣе были мои угрызенія совѣсти, когда меня потомъ хвалили; я чувствовала, что своимъ молчаніемъ я лгу, а признаться было свыше силъ моихъ. Не всегда, однако, я дремала во время чтенія «Капли»,—многое изъ нея до сихъ поръ осталось у меня въ памяти. Сюжетъ поэмы былъ заимствованъ изъ апокрифическаго сказанія о бѣгствѣ Дѣвы Маріи въ Египетъ. Преданіе это повѣствуетъ, что въ какомъ-то ущельѣ на святое семейство напали разбойники и хотѣли умертвить всѣхъ, но одна изъ женщинъ табора остановила разбойниковъ словами: «Посмотрите, какой у этой женщины цвѣтущій и прекрасный младенецъ, а мой умираетъ отъ истощенія! Пусть она накормитъ моего ребенка!» Пресвятая Дѣва взяла больного ребенка и

приложила къ своей груди: ребенокъ, глотнувъ святого молока, на глазахъ у всѣхъ исцѣлился и расцвѣлъ. Разбойники, пораженные чудомъ, отпустили путниковъ съ благодарностью. Глинка описываетъ въ своей поэмѣ параллельно жизнь Христа и разбойника и сводитъ ихъ на крестѣ, гдѣ разбойникъ, воспріявшій божественную каплю молока Богородицы, говоритъ Христу: «Помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіе Твое!» Мнѣ казалась скучной та часть, гдѣ Евангеліе переложено въ стихи, но мѣста, гдѣ описывалась жизнь разбойника, въ особенности гдѣ онъ бродитъ одинъ по пустынѣ въ непонятномъ для него томленіи, или когда что-то въ немъ удерживаетъ его, помимо его воли, отъ убійства, мнѣ очень нравились, а также нѣкоторыя описанія природы. Въ общемъ поэма, должно быть, была длинна и скучна, такъ какъ я никогда не засыпала, когда читали у насъ что-нибудь другое. Впрочемъ, можетъ быть тутъ игралъ роль мой, тогда довольно оригинально развитой, собственный вкусъ: вѣроятно, «Телемакъ» Фенелона скученъ не менѣе поэмы Глинки, а я перечитала его нѣсколько разъ подъ-рядъ, ибо все, что касалось древняго міра, было мнѣ интересно, даже миѳологическіе словари.

Можно себѣ представить, какъ я была счастлива, когда узнала, что ѣдетъ къ намъ Рашель. Я заранѣе запаслась Корнелемъ и Расиномъ и начала упиваться ими. Трудно себѣ теперь представить, но это фактъ, что я десяти лѣтъ тайкомъ до часу ночи зачитывалась этими произведеніями и до того восторгалась, что пришла въ негодованіе, когда кто-то сказалъ мнѣ, что есть еще болѣе великій писатель,

котораго я еще не знаю—Шекспиръ, и я заявила, что этого быть не можетъ.

Наконецъ, меня повезли смотрѣть Рашель въ «Андромахѣ». Спектакль этотъ произвелъ на меня такое сильное впечатлѣніе, что я и теперь могу судить объ игрѣ этой артистки—такъ я ее живо помню. Она и теперь стоитъ передъ моими глазами: величавая, пластичная, съ трагичнымъ и страстнымъ лицомъ, съ темнымъ блескомъ глазъ, какъ античная статуя, загорѣвшаяся вдругъ пламенемъ жизни; я будто слышу ея мелодичный пѣвучій голосъ, ея сдержанный шопотъ, который громче крика раздавался по затаившей дыханіе залѣ. Молча вышла я изъ ложи и молча сѣла въ карету. Со мной сдѣлалось нѣчто, никогда еще неиспытанное: что-то спиралось въ груди, что-то рвалось изъ меня; я испытывала чувство восторга такого сильнаго, что, мнѣ казалось, оно задушитъ меня... и вотъ я разразилась истерическими рыданіями... Дома уже я перешла въ радостно-восторженное состояніе, стала разсказывать, говорить монологи, стараясь изобразить интонацію и жесты артистки, и долго не могла заснуть отъ волненія. Рашель я видѣла еще разъ въ «Федрѣ», и ея игра, если это возможно, еще болѣе плѣнила меня. Страшинскій нарисовалъ мнѣ тогда въ альбомъ сцену изъ «Андромахи», а отецъ подарилъ очень похожій акварельный портретъ Рашели. Къ сожалѣнію, у меня пропалъ автографъ знаменитой артистки: очень любезное письмо, которымъ она благодарила отца за поднесенный экземпляръ «Душеньки». Почеркъ у нея былъ мелкій, сжатый и строчки шли совсѣмъ вкось.

10-го октября 1854-го года, праздновался въ академіи 50-лѣтній юбилей моего отца. Кромѣ чествованія отца, на этомъ актѣ должно было имѣть мѣсто событіе, тоже очень интересовавшее меня: въ первый разъ въ моей жизни женщина (Сухово-Кобылина) получала золотую медаль отъ академіи. Хотя я еще въ то время ничего не слыхала о «женскомъ вопросѣ», но инстинктивна была довольна, что женщина удостоилась такой чести, и мнѣ очень хотѣлось посмотрѣть, какъ при звукѣ торжественнаго туша будетъ ей вручена медаль, но, къ сожалѣнію, я была нездорова и меня не пустили. Послѣ акта въ залѣ академіи былъ данъ моему отцу завтракъ, который затянулся очень долго. Время клонилось уже къ вечеру, когда намъ кто-то доложилъ, что всѣ профессора уже на-веселѣ и что они отца несутъ по лѣстницѣ на рукахъ; мама ужасно всполошилась, увѣряя, что они непремѣнно уронятъ папу, и всѣ высыпали за двери въ коридоръ, откуда неслись неистовые крики «ура!». Однако, отца внесли въ нашу квартиру благополучно, но профессора дѣйствительно были очень красны и веселы, особенно Рамазановъ.

Кромѣ офиціальнаго празднества въ академіи, 18-го декабря, отцу былъ данъ обѣдъ художниками, литераторами и знакомыми, на которомъ и мы присутствовали. Это было вполнѣ дружеское, единодушное собраніе: все было просто, искренно и безконечно весело. Что тутъ говорилось рѣчей, стихотвореній, экспромтовъ! Послѣ обѣда устроился прелестный вечеръ, гдѣ читались Вяземскимъ, Майковымъ, Меемъ, Щербиной и другими поэтами ихъ посвященныя отцу стихотворенія, гдѣ Петровъ и

его жена, бывшая прежде знаменитой пѣвицей, пѣли привѣтствія отцу, романсы Глинки и народныя пѣсни, гдѣ съ необыкновеннымъ оживленіемъ пѣлось хоромъ:

Чарочка серебряная!
Кому чару пити,
Кому выпивати?
Пити намъ Ѳеодору,
Пити свѣтъ-Петровичу,—
Наши буйныя головки преклоняются!

и гдѣ, наконецъ, многіе пошли плясать въ присядку.

На этомъ обѣдѣ присутствовалъ пріѣхавшій изъ Севастополя адмиралъ Рикордъ. Во время потока всевозможныхъ рѣчей, адмиралъ сказалъ: «Передъ вашей благородной, художественной семьей я опускаю свой адмиральскій флагъ, но передъ врагами отчизны—никогда!» Хотя эти слова въ ту минуту веселаго, приподнятаго настроенія вызвали взрывъ энтузіазма, выразившійся не только словами, но и дѣломъ, такъ какъ отцомъ былъ предложенъ сборъ въ пользу раненыхъ, въ которомъ всѣ присутствующіе приняли живое участіе, но въ сущности большинство нашего кружка, съ отцомъ во главѣ, было противъ войны въ принципѣ. У насъ часто разсказывались, иногда очевидцами, всѣ ужасы севастопольской кампаніи, въ душу закрадывалось сожалѣніе и негодованіе за столько напрасно погибшихъ подвиговъ и жизней. До сихъ поръ помню я ту боль, которая отзывалась и въ моемъ дѣтскомъ сердцѣ, при потопленіи нашего флота, взятіи Малахова кургана; такъ тяжело было всѣмъ, что желали одного: мира во что бы то ни стало, и извѣстіе о мирѣ, какъ онъ ни казался печаленъ для Россіи, поверг-

ло насъ въ большую радость: какъ-то вдругъ полегчало, можно было опять жить безъ этого страшнаго гнета.

Въ этотъ годъ мы жили не въ Финляндіи, а въ Петергофѣ, который я очень любила. Меня прельщала близость моря: и въ запущенномъ паркѣ Ольденбургскаго, гдѣ можно было лежать на бѣломъ песочкѣ берега, и на красивыхъ террасахъ Монъ-Плезира. Я любила Марли съ его четыреугольнымъ прудомъ, съ выплывающими на звонокъ рыбами, аллею, гдѣ толстые купидоны держатъ на головѣ, будто стекляные, колпаки изъ живой воды, Золотую лѣстницу, а больше всего Самсона и самый дворецъ. Чѣмъ-то давно прошедшимъ «версальскимъ» вѣяло мнѣ отъ всего этого.

И здѣсь впервые зародилась во мнѣ любовь къ рисованію. До сихъ поръ я рисовала геометрическія фигуры и копіи съ оригиналовъ и только тяготилась уроками рисованія; въ это же лѣто, подъ руководствомъ Осипова, я начала рисовать съ натуры, это было мнѣ точно откровеніе и увлекло меня. И геометрическія фигуры, и гипсы получили значеніе для меня, и я уже не скучала, работая надъ ними.

IV.

Какъ высокó, о, человѣкъ твое призванье—
Отъ лика Божія на землю павшій свѣтъ!
Есть все въ твоей душѣ, чѣмъ полно міро-
зданье,
Въ ней все нашло себѣ созвучье и отвѣтъ.
Щербина.

Я раздѣляю мое дѣтство на два періода. Мнѣ очень трудно объяснить, почему это такъ, но переломъ этотъ ясно мною чувствуется. Первый періодъ носитъ характеръ болѣе интимной жизни, второй—болѣе внѣшней; въ первомъ меня всю поглощала атмосфера душевная, чисто любовная, во второмъ—скорѣе умственная; въ первомъ я жила одною жизнью съ моими близкими и дорогими, во второмъ—я начала нѣсколько обособляться отъ нихъ; въ первомъ вся жизнь моя была одна радость, во второмъ—я узнала и нѣкоторыя душевныя страданія. Я не могу выразить всего этого понятно и толково, потому что тутъ существуетъ цѣлый рядъ переходовъ и причинъ, которые не совсѣмъ ясны для меня самой; но грань все-таки была и совпадала приблизительно—съ уходомъ изъ нашего дома m-me Левель, которая всецѣло поглощала меня и держала подъ обаяніемъ нашего теплаго, но замкнутаго внутренняго мірка, и съ знакомствомъ нашей семьи съ молодымъ художникомъ Николаемъ Осиповичемъ Осиповымъ, который внесъ много новаго и живого въ нашу жизнь.

Уходъ m-me Левель былъ большимъ горемъ для насъ обѣихъ. При мнѣ осталась англичанка, а французскія уроки я стала брать у г-жи Петерсъ, жившей тутъ-же въ Академіи, гдѣ ея мужъ служилъ. Хотя я съ удовольствіемъ поминала наши занятія съ моей прежней гувернанткой складными географическими картами и милыми желтенькими томиками Lamé Fleury, но мнѣ уже было этого мало, такъ что преподаваніе г-жи Петерсъ, какъ женщины болѣе образованной, интересовали и развивали меня *).

Осиповъ серьезно и любовно занялся нами, дѣтьми. Онъ былъ моимъ первымъ учителемъ рисованія и русскаго языка; онъ также обратилъ вниманіе на физическое воспитаніе, настаивалъ, чтобы мы и въ городѣ чаще бывали на воздухѣ, совершалъ съ нами далекія прогулки по островамъ.

По иниціативѣ Осипова устроились у насъ знаменитыя «среды», художественные вечера, прототипы позднѣйшихъ «пятницъ» въ академіи и другихъ подобныхъ вечеровъ. Осиповъ былъ очень интересенъ: веселый, остроумный, прекрасный чтецъ, онъ всегда умѣлъ воодушевлять общество. По средамъ въ громадной нашей залѣ ставились длинные столы, покрытые зеленымъ сукномъ, освѣщенные лампами съ рефлекторами, и всѣ наши художники садились за работу: кто рисовалъ карандашомъ, кто кистью. Писатели читали тутъ свои новыя вещи, разсказывали, музыканты играли, пѣли. Публики собиралось очень много, но большею частью

---

1) Очень жалѣю, что не сохранила, написанную мной девяти лѣтъ, трагедію въ пяти дѣйствіяхъ „Медеа“, и совершенно не помню, что это было такое; написано оно было раньше моего знакомства съ Расиномъ и Корнелемъ.

все были артисты, и потому эти вечера отличались оживленіемъ, разнообразіемъ, шумною веселостью и вмѣстѣ съ тѣмъ интимнымъ характеромъ. Чудные, незабвенные это были вечера! Еслибы я захотѣла перечислить всѣхъ замѣчательныхъ людей, которые собирались тутъ, то пришлось бы переименовать всѣхъ выдающихся тогда нашихъ писателей и художниковъ и очень многихъ профессоровъ, музыкантовъ, актеровъ и пріѣзжихъ артистовъ. Тогда было богатое время по отношенію къ талантамъ: если періодъ Пушкина, Жуковскаго, Гоголя, Брюллова (которые всѣ были друзьями отца) миновалъ, то все-таки это было время, когда жили Вяземскій, Одоевскій,—время Тургенева, Писемскаго, Толстого, Майкова, Иванова... Тутъ слышали мы превосходное чтеніе Писемскаго, Тургенева и еще болѣе превосходные разсказы послѣдняго, неизданныя вещи Майкова, Мея, Полонскаго, игру Контскаго, пѣніе де-Бассини, Леоновой и Петрова.

Н. Ѳ. Щербина былъ душой нашего общества. Многіе еще помнятъ вѣроятно этого маленькаго, смуглаго человѣка, съ необыкновенно блестящими, живыми и проницательными черными глазами, помнятъ его остроуміе, его ѣдкія сатиры, но мало кто зналъ его душевныя качества, его трагическую внутреннюю жизнь, тѣ богатыя сокровища любви, которыя таились подъ личиной озлобленія, мало кто замѣчалъ, что въ смѣхѣ его звучали слезы. Чуткая и нѣжная душа, страстное стремленіе къ любви, высоко-идеальное представленіе о женщинѣ,— все это было попрано въ немъ жизнью. Онъ былъ весь точно израненный, весь окровавленный внутри; и чѣмъ сильнѣе подымалась въ немъ боль, тѣмъ

веселѣе и ядовитѣе лились его остроты и оглушительнѣе гремѣлъ гомерическій хохотъ его слушателей.

Какъ только появлялся Николай Ѳедоровичъ, всѣ занятія прекращались, художники бросали кисти, старички—карты, дѣти—игрушки, около него образовывался тѣсный кругъ и до утра лились самыя оригинальныя, самыя фантастическія импровизаціи. Тутъ задѣвалась и политика, и литература, всѣ «злобы дня», рисовались каррикатуры нравовъ, разсказывались уморительные анекдоты, часто о присутствующихъ, но въ нихъ было столько комизма, веселости и добродушія, что никто не обижался. Щербина обладалъ необыкновенной наблюдательностью и способностью схватывать самыя характерныя черты человѣка, обрисовывать личность или кружокъ какимъ-нибудь словомъ такъ мѣтко, что это слово навѣки прилипало къ охарактеризованному имъ лицу или кружку; но зла, желанья сдѣлать кому-нибудь больно не было въ Щербинѣ, напротивъ, онъ съ сердечнымъ тактомъ умѣлъ разграничивать легкую насмѣшку отъ обиды, когда говорилъ о присутствующихъ. Талантъ этого человѣка выражался главнымъ образомъ въ томъ, что онъ никогда не повторялся, и, множество разъ передавая свои сонники и акаѳисты, умѣлъ разнообразить и варьировать ихъ до неузнаваемости, вѣчно прибавляя что-нибудь новое и совершенно неожиданное. Напечатанныя его вещи не даютъ и понятія о блескѣ его разсказовъ. Все—новости дня, прочитанная вещь, случайно кѣмъ-нибудь сказанное слово, — все служило ему темой для нескончаемыхъ импровизацій. Такого хохота, который раздавался

между его слушателями, право, мнѣ не случалось потомъ слышать: хохотали до изнеможенья, до бо-ли, а на его лицѣ никогда не появлялось даже и улыбки, онъ говорилъ совсѣмъ серьезно, точно разсказывалъ самыя обыденныя происшествія, и такъ убѣжденно, точно вполнѣ вѣрилъ въ ихъ дѣйствительность; этотъ контрастъ между его выраженіемъ и тѣмъ, что онъ разсказывалъ, производилъ невѣроятно комичное впечатлѣніе, которому способствовало легкое заиканіе Николая Ѳедоровича: выходило какъ бы подчеркиваніе нѣкоторыхъ мѣстъ рѣчи и иногда удивительно кстати. Вообще, это чуть замѣтное заиканіе какъ-то шло къ Щербинѣ.

За этимъ-то игривымъ разсказчикомъ просмотрѣли страдающаго человѣка и вдохновеннаго поэта. Щербину, какъ поэта, мало знали, а какъ человѣка— не понимали вовсе. Объ его сатирахъ всѣ говорили, въ обществѣ его всегда просили разсказать что-нибудь, но только небольшой кружокъ оцѣнивалъ вполнѣ, какъ это дѣлалъ мой отецъ, душевныя качества Щербины и его дивныя антологическія стихотворенія. Въ послѣднихъ, по мнѣнію моего отца, Щербина поднялся на высшія ступени, когда-либо достигнутыя самыми великими поэтами.

Бываютъ личности, къ которымъ всю жизнь судьба несправедлива: къ такимъ принадлежалъ Щербина, и не мудрено, что онъ сдѣлался мизантропомъ. Натѣшивши общество въ продолженіе цѣлаго вечера, выливъ въ насмѣшкѣ всѣ свои тайныя слезы, иногда набравши въ то же время въ душу новаго негодованія, онъ отправлялся въ трактиръ Палкина и тамъ, одинокій и угрюмый, просиживалъ до утра; тамъ онъ работалъ и читалъ, а чаще думалъ свои мрач-

Н. А. Осиповъ.

Н. Ф. Щербина.

ныя думы. При этомъ онъ пилъ одинъ только чай. Утромъ возвращался онъ домой и ложился спать.

Часто отецъ мой и мать выговаривали ему за такой образъ жизни; тогда онъ открывалъ передъ ними свою наболѣвшую душу, описывалъ свою безрадостную жизнь, всѣ порывы къ тихому личному счастью, всю боль за страдающее человѣчество, всѣ стремленія, которымъ закрыта была дорога, все то, что заставляло его ежиться отъ людей и уходить въ себя.

Впослѣдствіи душа Щербины нашла себѣ выходъ, хотя и болѣе узкій, чѣмъ можно было думать, судя по его прежнимъ общечеловѣческимъ тенденціямъ, но все-же самъ по себѣ прекрасный: Щербина увлекся изученіемъ народной поэзіи и все съ большею нѣжностью вникалъ въ характеръ русскаго народа. Но и тутъ суждено было нашему поэту остаться непонятымъ. Онъ въ своей любви къ народу не примкнулъ ни къ славянофиламъ,—къ «спиртофиламъ», какъ онъ называлъ ихъ,—ни къ народникамъ, которые, какъ онъ разсказывалъ, говорили мужику: «ей Богу, Бога нѣтъ!»—онъ остался и тутъ самобытнымъ и, потому одинокимъ. То было какъ разъ время конца шестидесятыхъ годовъ, время честное, но жестокое,—и этого увлекающагося человѣка, самого до слезъ умиляющагося надъ бабой, съ простою вѣрою и слезами ставящей свѣчку передъ образомъ,—обвинили не только въ реакціонерствѣ, но даже въ лицемѣріи. И я подъ давленіемъ времени сдѣлалась причастна къ этому грѣху противъ Духа Святого: я, которую съ дѣтства любилъ Щербина, какъ дочь, я, на свадьбѣ которой онъ поднялъ заздравный кубокъ «за молодыхъ

князя съ княгинею» и сказалъ трогательную, горячую рѣчь; я, которая должна бы хорошо знать его, могла дать себя настроить противъ него!.. Можетъ быть, чуткій Щербина подмѣтилъ какую-нибудь легкую перемѣну въ моемъ всегда дружескомъ отношеніи къ нему, а можетъ быть и случайно, но онъ послѣдніе годы своей жизни сталъ рѣдко бывать у насъ. Мы, кажется, уже болѣе года не видались съ нимъ, когда услышали, что онъ сильно боленъ. Мужъ мой тотчасъ же отправился къ нему, засталъ его очень плохимъ, почти уговорилъ его сдѣлать трахеотомію, и вечеромъ того же дня отправился къ нему съ проф. Богдановичемъ. Но Щербина не позволилъ сдѣлать операцію, которая, по словамъ мужа, спасла бы его. Въ эту тяжелую минуту онъ еще вспомнилъ о моихъ дѣтяхъ и послалъ имъ изданный имъ сборникъ «Пчела».

Николай Ѳедоровичъ далъ слово, что если ему станетъ хуже, онъ тотчасъ же пошлетъ за Богдановичемъ, который оставилъ у него свои инструменты. Когда въ ту же ночь припадокъ удушья захватилъ Щербину, онъ не успѣлъ даже позвать своего лакея, и утромъ его нашли мертвымъ на полу... Въ предсмертныхъ мукахъ своихъ, какъ и въ жизни, не встрѣтилъ онъ около себя помощи любящей руки и, какъ жилъ, такъ и умеръ одинокимъ.

Но отъ этихъ, далеко впередъ завлекшихъ меня, грустныхъ воспоминаній я должна вернуться къ тому времени, когда въ нашей академической гостиной, среди сочувственнаго кружка, Щербина бывалъ иногда искренно доволенъ, и упомянуть о другихъ извѣстныхъ поэтахъ, часто бывавшихъ тогда у насъ.

Мей имѣлъ видъ человѣка недовольнаго и стра-

дающаго, въ противоположность Щербинѣ, онъ у насъ всегда былъ угрюмъ и молчаливъ. Говорили, что онъ былъ несчастливъ въ семейной жизни, что онъ сильно пилъ. Это послѣднее обстоятельство нисколько не умаляло его въ моихъ глазахъ: столько славныхъ людей земли русской пили въ то время! Я, впрочемъ, никогда сама не видѣла никого изъ образованныхъ людей пьянымъ и не знала хорошенько, что значитъ «пить»; видѣла я подвыпившимъ только Рамазанова въ тотъ день, когда онъ несъ отца моего съ юбилея, — онъ былъ красенъ, веселъ и очень милъ. Это было нѣчто отличное отъ того пьянства хорошихъ русскихъ людей, которое представлялось мнѣ какимъ-то непонятнымъ, великимъ горемъ. Мнѣ кажется, Писемскаго можно причислить къ той же категоріи страждущихъ и ушедшихъ въ себя людей, хотя я мало знала его, и, можетъ быть, ошибаюсь. Я помню только его превосходное чтеніе, особенно не напечатанной тогда «Горькой Судьбины», которая впослѣдствіи на сценѣ, произвела на меня менѣе впечатлѣнія, чѣмъ при чтеніи автора.

Бенедиктовъ былъ очень друженъ съ моей матерью; его я помню въ раннемъ дѣтствѣ; онъ былъ очень застѣнчивъ и молчаливъ; о поэтѣ Губерѣ я только много слышала, но не видала его. Майковъ Полонскій, Григоровичъ и Тургеневъ были уравновѣшенныя натуры, свѣтскіе люди и всегда были ровны въ обращеніи. Майковъ былъ добрый, ласковый, мягкій, онъ приводилъ все наше общество въ восторгъ каждымъ своимъ новымъ произведеніемъ; онъ очень эффектно читалъ.

Полонскій былъ у насъ совсѣмъ свой человѣкъ;

одно время онъ давалъ мнѣ уроки русскаго языка и словесности; я съ нетерпѣніемъ ждала его уроковъ, во-первыхъ, потому, что они очень занимали меня, а во-вторыхъ, потому, что послѣ уроковъ у насъ начиналась самая веселая бѣготня и возня: Яковъ Петровичъ самъ дѣлался ребенкомъ съ нами.

Тургеневъ бывалъ у насъ рѣже и импонировалъ намъ, дѣтямъ; мы съ наслажденіемъ слушали его разсказы, но въ интимности съ нимъ не пускались. Его мужественное лицо, обрамленное бородой и гривой густыхъ волосъ, казалось намъ настолько величественнымъ, что мы иначе не называли Тургенева, какъ «Юпитеръ Сергѣевичъ».

Изъ болѣе молодыхъ писателей, бывавшихъ у насъ довольно часто, упомяну А. А. Потѣхина и Г. Н. Данилевскаго. Съ послѣднимъ мы, дѣти, были очень дружны; онъ каждый разъ, когда обѣдалъ у насъ, въ сумерки сажалъ насъ около себя и разсказывалъ намъ украинскія сказки. Бывали у насъ и любители-поэты: Розенгеймъ, Алферьевъ, Арбузовъ. Изъ писательницъ—Хвощинская, Жадовская и Т. П. Пассекъ. Горбуновъ начиналъ появляться со своими разсказами. Послѣ войны пріѣзжалъ въ Петербургъ и явился къ намъ Л. Н. Толстой; онъ тогда былъ еще очень молодъ, но его произведенія читались нарасхватъ; онъ уже стоялъ на ряду съ лучшими писателями, а нашъ кружокъ ставилъ его выше многихъ; въ его «Дѣтствѣ» и «Севастопольскихъ разсказахъ» вѣяло чѣмъ-то совсѣмъ новымъ, но такимъ, что находило отголосокъ во многихъ сердцахъ.

Одного только симпатичнаго поэта, моего двоюродного брата, Алексѣя Константиновича Толстого,

не видала я въ нашемъ домѣ во время моего дѣтства и познакомилась съ нимъ много позднѣе. Онъ былъ въ ссорѣ со своимъ отцомъ, Константиномъ Петровичемъ и не хотѣлъ встрѣчаться съ нимъ, а нашъ милый «дядя Котя» бывалъ у насъ ежедневно. Они помирились уже передъ самой смертью послѣдняго.

Мать моя была въ дѣятельной перепискѣ съ поэтомъ Никитинымъ и иногда читала нашему кружку его теплыя, интересныя письма, а позднѣе и замѣчательныя письма къ ней Шевченко.

Кромѣ воскресеній и средъ, въ другіе дни у насъ тоже постоянно бывали гости: часто къ обѣду приходили двое-трое, а вечеромъ иногда неожиданно собиралось довольно большое общество.

На святкахъ наши друзья дѣлали намъ неожиданные сюрпризы. Бывало, сидимъ мы себѣ спокойно дома; отецъ, по обыкновенію, работаетъ у себя въ кабинетѣ, у мамы въ будуарѣ кто-нибудь читаетъ, мы пріютились тутъ же; въ темной амфиладѣ комнатъ тишина... Вдругъ—звонокъ!.. Вбѣгаетъ горничная и, запыхавшись, возвѣщаетъ: «Ряженые пріѣхали!» Залу моментально освѣщаютъ; является нѣсколько паръ масокъ, закостюмированныхъ съ тѣмъ оттѣнкомъ правдивости времени и стиля, которую такъ хорошо умѣютъ придать маскарадамъ костюмамъ художники. Все это наши ежедневные посѣтители, но они долго интригуютъ насъ, пока намъ удается узнать ихъ. На меня (даже и до сихъ поръ) непріятно дѣйствуютъ маски, и я прошу снять ихъ. Начинаются танцы. Я убѣгаю, надѣваю свой сарафанъ, распускаю свою тяжелую косу и пляшу «русскую»; папа импровизируетъ нѣсколько

па менуэта; Ив. Ив. Соколовъ изображаетъ балетную танцовщицу, что крайне комично при его долговязой фигурѣ; Рюль показываетъ изумительные фокусы; К. А. Трутовскій остритъ напропалую, за что получаетъ мѣдные гроши... Шумъ, гамъ, смѣхъ и музыка звенятъ въ только-что передъ тѣмъ такихъ молчаливыхъ комнатахъ... Но почему дверь въ гостиную закрыта? Передъ ней начинаютъ разставлять стулья, просятъ публику сѣсть. Раздается звонокъ, дверь растворяется—и передъ нами эффектно освѣщенная живая картина: Фаустъ и Мефистофель! Черезъ минуту картина оживляется; голова Фауста досадливо поднимается съ руки, на которой покоилась:

Мнѣ скучно, бѣсъ!“
—„Что дѣлать, Фаустъ!..“

—звучатъ слова Пушкина, превосходно переданныя Соколовымъ и въ особенности Осиповымъ (Мефистофель). По окончаніи—взрывъ рукоплесканій, а потомъ, какъ всегда бываетъ, критика, споры... А тетя уже успѣла позаботиться объ ужинѣ. Несмотря на скромное мѣстечко, которое она занимала въ немъ, весь нашъ блестящій кружокъ кажется мнѣ немыслимымъ безъ этой тихой и ласковой хозяйки за столомъ. Она была какъ солнце въ сѣренькій лѣтній день: оно не блеститъ, но все-же свѣтитъ и грѣетъ и безъ него нельзя обойтись...

Иногда также неожиданно пріѣзжали тройки и увозили насъ кататься при звукахъ пѣсенъ и прибаутокъ. Тройки несутся вперегонку, забрасывая снѣгомъ... «Эй вы, голубчики! Не здѣсь умирать — у бочки!»—«Эй вы, милые, съ горки на горку—баринъ дастъ на водку!»—орутъ веселые голоса; бывало,

даже ямщики разойдутся и грянутъ какую-нибудь удалую, залихватскую пѣсню...

Весело, широко жилось! Но все было проникнуто простотой, и потому болѣе доступно, чѣмъ теперь. Смѣшно вспомнить, изъ чего состояли наши ужины,—даже на большихъ вечерахъ подавались къ закускѣ: селедки, икра, сыръ, потомъ какая-нибудь ветчина съ горошкомъ, громадная телятина или ростбифъ, домашній сладкій пирогъ, изъ напитковъ—S-t Julien или Медокъ въ 60 коп. Но нашимъ гостямъ не требовалось помощи шипящаго шампанскаго для возбужденія въ нихъ веселости и остроумія, и безъ того шутки, тосты, анекдоты, споры, а иногда и пѣсни раздавались за нашимъ столомъ до самаго утра...

Пустая игра, часто и теперь употребляемая подъ именемъ «иргы во мнѣнія» (у насъ она называлась «цензурой») являлась въ нашемъ кружкѣ въ высшей степени интересной. Игра состояла въ томъ, что одинъ изъ присутствующихъ, назвавшись какою-нибудь вещью, удаляется; остальные высказываютъ объ этой вещи свои мнѣнія: вернувшійся долженъ выбрать одно изъ этихъ мнѣній и отгадать, кто его подалъ. Всѣ наши писатели принимали участіе въ этой игрѣ. Остротамъ, мѣткимъ характеристикамъ не было конца,—подчасъ зло продергивали другъ друга, но у насъ было принято не обижаться,—каждый давалъ не одно мнѣніе, а десять, двѣнадцать, все это записывалось на цѣлыхъ листахъ,—Щербина былъ неистощимъ, и онъ, и Майковъ, и многіе другіе писали стихами; этихъ эпиграммъ и остротъ набралось бы на цѣлый томъ, если бы кто нибудь изъ насъ догадался припрятывать ихъ; это

было бы тѣмъ болѣе интересно, что почти всѣ подлежавшіе «цензурѣ»—были извѣстными личностями въ нашей литературѣ и въ нашемъ искусствѣ. Къ сожалѣнію, мы не думали о будущемъ, а въ настоящемъ такъ привыкли къ окружавшему насъ обществу, что во всемъ этомъ не видѣли ничего особеннаго: намъ казалось, что все это всегда будетъ и такъ и быть должно.

Самъ отецъ мой былъ не прочь пошутить и поиграть, въ особенности послѣ его послѣобѣденнаго сна, entre chien et loup. Иногда, серьезные люди, обѣдавшіе у насъ, съ нимъ во главѣ, просто играли съ нами въ «кошки-мышки», или въ «жмурки». Отецъ поразительно ловко жонглировалъ пятью мѣдными шарами и большимъ шнуркомъ съ кистями, который съ неимовѣрной быстротой описывалъ вокругъ его головы всевозможныя фигуры.

Но я слишкомъ увлеклась шуточной стороной нашего времяпрепровожденія и не говорила еще о серьезномъ воспитательномъ значеніи, которое имѣлъ домъ отца моего для нашихъ молодыхъ художниковъ,—а оно, по словамъ ихъ самихъ, было громадно.

Въ то время для поступленія въ академію не требовалось никакихъ дипломовъ; часто поступали молодые люди совершенно неразвитые, чуть-ли не безграмотные и не бывавшіе никогда въ обществѣ. Лишь только отецъ замѣчалъ признаки таланта въ комъ-нибудь изъ нихъ,—сейчасъ ободрялъ его, поддерживалъ и звалъ къ себѣ.

«Притащенный къ вамъ почти насильно товарищами»,—разсказывалъ мнѣ впослѣдствіи одинъ изъ нашихъ извѣстныхъ художниковъ,—«дико ози-

раешься на незнакомое общество, сидишь ни живъ, ни мертвъ на кончикѣ стула, а потомъ понемногу начинаешь чувствовать, что ты тутъ не чужой, что ты такой же гость, какъ и всѣ прочіе; не снисходительное покровительство встрѣчаешь къ себѣ, а полное равенство и ласковое участіе. Скоро видишь себя поставленнымъ на одинъ уровень съ людьми, стоящими выше въ сословной и въ художественной іерархіи, и болѣзненное самолюбіе исчезаетъ, какъ-то подымаешься въ своихъ собственныхъ глазахъ. Прислушиваясь къ тому, что говорилось и читалось вокругъ, мы многому научались, а въ то же время рождалась потребность еще большаго знанія и развитія. Потомъ самого уже тянетъ въ тотъ кругъ, гдѣ столько интереснаго, гдѣ не унижаютъ человѣческаго достоинства, гдѣ и ты чувствуешь себя кѣмъ-нибудь... Вашъ домъ былъ для насъ школой, мы тутъ и образовывались, и воспитывались. Сначала и не опомнишься, а выйдешь отъ васъ уже другимъ человѣкомъ!»

«Домъ графа Ѳ. П. Толстого,—говоритъ Рамазановъ [1]), самый воздухъ котораго, кажется, былъ пропитанъ влеченіемъ къ искусству, былъ постоянно высшею школою для молодыхъ художниковъ, имѣвшихъ счастье бывать въ кругу ученыхъ, литераторовъ, опытныхъ художниковъ, поэтовъ, музыкантовъ и пѣвцовъ, собиравшихся у Ѳ. П. по воскресеньямъ».

Отецъ мой былъ въ высшей степени безпритязателенъ, до крайности скроменъ; онъ всегда стуше-

[1]) „Матеріалы для исторіи художествъ“.

вывался, давая высказаться другимъ, но всѣ, бывшіе у насъ, невольно поддавались его очарованію, проникались чѣмъ-то исходящимъ отъ него и сплачивались около него, какъ около очага. Безъ всякаго желанья съ его стороны, его духовная сила сказывалась и въ семьѣ, и въ гостиной.

Моя мать это хорошо понимала—она никогда въ обществѣ не выставляла впередъ себя, а всегда казалась только первой поклонницей и живой помощницей отца. Въ салонѣ мать моя была удивительная хозяйка: глазъ ея былъ всюду; она умѣла возбудить интересъ застывающаго разговора, соединить разнородные элементы, поднять настроеніе общества. «А вѣдь надо правду сказать»,—говорилъ мнѣ Н. А. Сѣверцовъ, когда мы съ нимъ какъ-то вспоминали старину,—«удивительно умѣла графиня возбудить во всѣхъ насъ какое-то поэтическое настроеніе, создать поэтическую атмосферу».

Въ то время, когда мало читалось на Руси книгъ, общеніе съ людьми образованными, дѣйствительно, имѣло значеніе школы для молодежи, и понятно, какую важность имѣлъ для нихъ такой домъ, какъ нашъ.

Вліяніе отца моего не ограничивалось, однако, этимъ. Кто не зналъ въ то время о борьбѣ, которую выдержалъ онъ за свое искусство, какъ отказался ради него отъ связей и почестей, какъ пробивался шагъ за шагомъ по намѣченному пути, какъ своимъ трудомъ и нравственнымъ достоинствомъ достигнулъ высокаго положенія въ искусствѣ и во мнѣніи общества? Кто не видѣлъ его за дѣломъ, не покладающимъ рукъ съ утра до ночи? Кто не видѣлъ, какъ онъ просто и искренно относился къ каждому ученику, какъ низко снималъ шляпу пе-

редъ каждымъ сторожемъ? Какъ просто и гордо стоялъ за то, что считалъ правымъ? Человѣкъ, который поучалъ не словами, а примѣромъ всей своей цѣлостной и стройной жизни, могъ ли не вліять на духъ заведенія, во главѣ котораго онъ находился?

Постоянный упрекъ, который дѣлаютъ академіи того времени, гласитъ, что направленіе тамъ было классическое, «академическое», что тамъ подражали итальянцамъ. Могло ли быть въ то время иначе? Во Франціи и Англіи только въ 30-хъ и 40-хъ годахъ началъ загораться свѣтъ новыхъ направленій, а къ намъ дошелъ много позже. Лжеклассицизмъ и романтизмъ были историческіе моменты, которые русскому искусству, какъ и всякому, нужно было пережить. Отецъ всю жизнь шелъ не только въ уровень своего времени, но скорѣе впереди его: онъ горячо привѣтствовалъ Ѳедотова, ожидалъ возрожденія искусства отъ картины Иванова, и еслибъ онъ былъ начальникомъ академіи въ 63-мъ году, то кто знаетъ?—можетъ быть нашимъ молодымъ художникамъ не пришлось бы выходить изъ нея и основывать свою артель; можетъ быть, академія измѣнилась бы, приняла въ себя свѣжія вѣянія и, оснащенная вновь, гордо поплыла бы во главѣ молодыхъ силъ русской школы. По крайней мѣрѣ, я знаю, что когда случилась эта исторія, то отецъ мой, восьмидесятилѣтній старикъ, былъ вполнѣ на сторонѣ молодыхъ художниковъ и много разъ говорилъ, что «они правы», что, «избирая сюжетъ своей картины, художникъ можетъ съ большей свободой и любовью работать и лучше выразить свою мысль»... «Разъ мы видимъ, что прежній способъ не годится,—надо его измѣнить»...

V.

Самые великіе художники не тѣ, которые слушаютъ, а тѣ, которые примѣряютъ и распространяютъ благодать ясной красоты.

Говоря объ отцѣ, у меня является ѣдкое сожалѣніе, что я была такъ легкомысленна въ молодости и не записывала разсказовъ и разговоровъ его; тогда мнѣ не приходило въ голову мысли объ утратѣ близкихъ мнѣ людей, о собственной старости, которая помѣшаетъ мнѣ помнить многое, вообще, о будущемъ. Когда я была уже замужемъ, мужъ совѣтовалъ мнѣ разспрашивать отца объ его жизни и составлять, такимъ образомъ, матеріалъ для его біографіи; но я не послушалась, оправдывая свою лѣнь и безпечность тѣмъ, что у отца есть подробныя записки и цѣлые ящики писемъ. Горько раскаялась я потомъ, такъ какъ весь этотъ богатый матеріалъ былъ уничтоженъ моей матерью. Что всего обиднѣе — это то, что я имѣла одинъ разъ у себя большую часть собственноручныхъ записокъ отца и имѣла глупость отдать ихъ, не успѣвъ даже прочесть. Вотъ какъ это случилось. Въ послѣдніе годы жизни отецъ

занимался приведеніемъ въ порядокъ своихъ записокъ, но онъ былъ почти слѣпъ, самъ писать не могъ, переписывали ему частями разныя барышни, — выходило не приведеніе въ порядокъ, а полная путаница. Разъ какъ-то я застала отца одного и попросила у него всѣ его черновыя; онъ добродушно согласился, и я, въ восторгѣ, забрала все это съ собой. Не успѣла я дома приняться за чтеніе моихъ драгоцѣнностей, какъ раздался звонокъ, и мнѣ подали записку, написанную каракулями моего отца, гдѣ онъ просилъ прислать ему записки для какой-то справки и обѣщался черезъ часъ возвратить мнѣ ихъ. Я самымъ необдуманнымъ образомъ отдала ихъ посланному, потомъ уже сообразивъ, что не слѣдовало этого дѣлать. Я поѣхала къ отцу.

— Я сама пріѣхала за записками! — сказала я

— За какими записками? — удивленно спросилъ папá.

— За тѣми, которыя ты мнѣ далъ и за которыми только-что присылалъ!

— Такъ вѣдь, я жъ тебѣ ихъ далъ?

— Но потомъ ты прислалъ за ними записку съ человѣкомъ.

— Какая записка? Ну, если я и присылалъ, такъ, вѣдь, я же тебѣ ихъ отдалъ!

Видя, что его самого сбили съ толку, и что я, ничего отъ него не добившись, только могу огорчить его разъясненіемъ этого дѣла, я отправилась къ матери.

— Отдай мнѣ записки!

Она улыбнулась.

— Хорошо, нечего сказать! — промолвила она: —

пришла безъ меня, распорядилась и думала, что я это такъ оставлю. Я не желаю, чтобы знали подробности интимной жизни отца!

— Но вѣдь я же не печатать собираюсь!

— Можетъ быть, но я не желаю, чтобы и ты знала! — отвѣчала она и прибавила:

— Впрочемъ, теперь всѣ слова безполезны, — я уже сожгла ихъ всѣ!

Я тогда не повѣрила ея словамъ, но записокъ отца я никогда больше не видѣла и не нашла ихъ послѣ смерти матери. Вмѣстѣ съ разсказами объ интимной жизни, погибло и все то, что онъ писалъ объ окружающей его жизни общественной и объ его личной жизни, какъ художника. Изъ этого крушенія спаслась одна тетрадь дѣтскихъ и юношескихъ воспоминаній, которую я еще раньше, не помню, при какомъ случаѣ, присвоила себѣ. Въ статьѣ моей, напечатанной въ «Русскомъ Художественномъ Архивѣ», я извлекла, что могла, изъ названной тетради; но такъ какъ «Архивъ», по своему спеціальному характеру, не былъ широко распространенъ, я считаю небезполезнымъ привести здѣсь выдержки изъ этой статьи.

Графъ Ѳедоръ Петровичъ Толстой родился въ С.-Петербургѣ въ домѣ кригскоммиссаріата у Поцѣлуева моста, 10 февраля 1783 года. При крещеніи 17 февраля пожалованъ сержантомъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и тутъ же получилъ отъ полка отпускъ на одинъ годъ [1]).

---

[1]) Такіе отпуски получались родителями ежегодно, пока ребенокъ числился въ полку, но не поступалъ на дѣйствительную службу.

Отецъ Ѳедора Петровича, бригадиръ Петръ Андреевичъ Толстой, управлялъ въ то время кригскоммиссаріатомъ; въ вѣдѣніе его входило: снабженіе арміи обмундировкой, провіантомъ; отпускъ жалованья офицерамъ и солдатамъ, выдача суммъ на содержаніе крѣпостей и военныхъ госпиталей.

Петръ Андревичъ былъ человѣкъ добрый, простой въ обращеніи съ людьми и въ своихъ привычкахъ; чтеніемъ дошедшій до хорошаго для того времени образованія, разсудительный и гуманный, онъ отличался высокой нравственностью и непоколебимой честностью, казавшейся современникамъ утрированною. Въ началѣ шведской кампаніи, въ 1787 г., когда Петръ Андреевичъ былъ переведенъ въ Выборгъ, и, кромѣ своей должности, получилъ еще начальство надъ всѣми военными госпиталями и надзоръ надъ постройками крѣпостей, произошелъ случай, какъ нельзя лучше характеризующій, шедшій въ разрѣзъ со временемъ, взглядъ графа на долгъ и честность. Загорѣлся выборгскій замокъ, гдѣ помѣщалась казначейская часть коммиссаріата. Узнавъ объ этомъ, Петръ Андреевичъ прискакалъ къ мѣсту пожара, не задумываясь бросился въ объятую пламенемъ казначейскую и, съ опасностью жизни, спасъ всѣ хранившіеся тамъ документы и громадныя суммы денегъ. На другой день онъ все сполна представилъ главнокомандующему, бывшему съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Главнокомандующій съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Толстого и сказалъ съ досадой: — «Ну, что бы тебѣ стоило отложить себѣ милліончикъ! Сошелъ бы за сгорѣвшій, а награду получилъ бы все ту же!» [1]). Часто приходилось Петру

---

[1]) Награда, полученная П. А. за его подвигъ, былъ крестъ св Владиміра на шею.

Андреевичу слышать отъ друзей и родныхъ упреки въ томъ, что, служа на крайне доходномъ мѣстѣ, онъ не сумѣлъ составить себѣ состояніе, какъ дѣлали его предшественники; но онъ продолжалъ жить почти бѣдно, довольствуясь своимъ жалованьемъ, и умеръ, не оставивъ послѣ себя ни гроша.

Петръ Андреевичъ женился очень рано, во время службы въ Казани, на четырнадцатилѣтней Елизаветѣ Егоровнѣ Барботъ-де-Марни-де-Женевьевъ, племянницѣ извѣстнаго адмирала Крузе.

Елизавета Егоровна была во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательная женщина: свѣтлый умъ, отзывчивость, впечатлительность, безконечная доброта, нѣжная преданность семьѣ соединялись въ ней съ серьезнымъ образованіемъ и талантливостью. Она была вѣчно занята, и все спорилось въ ея волшебныхъ рукахъ: она плела шляпы, составляла картины изъ раскрашенныхъ ею соломинокъ, вышивала шелками на тонкомъ батистѣ прелестные пейзажи, какъ бы рисованные тушью или акварелью, клеила портфели и игрушки. Она сама учила дѣтей русской и французской грамотѣ, рисованію, слѣдила за ихъ прочими уроками. Мать имѣла большое вліяніе на развитіе Ѳедора Петровича и была имъ страстно любима. Вспоминая о ней, онъ иначе не называлъ ее, какъ умнѣйшей женщиной и чудной матерью. Ѳ. П. видѣлъ еще родителей матери, о домѣ которыхъ въ его дѣтскихъ воспоминаніяхъ смутно сохранилось впечатлѣніе ласки и всякаго баловства.

У Толстыхъ было тринадцать человѣкъ дѣтей. При рожденіи Ѳедора были въ живыхъ: Вѣра, Александръ, Владиміръ, Константинъ; послѣ родились: Надежда, Петръ и Елизавета. Петръ, молодымъ человѣкомъ,

утонулъ, а Елизавета умерла ребенкомъ. По поводу этой смерти графъ Ѳеодоръ Петровичъ разсказываетъ слѣдующее: «Не помню, сколько мнѣ было лѣтъ, когда умерла моя младшая сестра Лиза, но помню, что я довольно долго о ней сожалѣлъ, и разъ, проснувшись по обыкновенію рано, когда кучеръ приходилъ топить въ дѣтской печь, я увидѣлъ совершено ясно сестру, сидящую на стулѣ возлѣ моего изголовья въ томъ же платьицѣ и въ той же гладкой черной шелковой шапочкѣ, въ которыхъ видѣлъ ее больную. Я смотрѣлъ на нее и въ то же время на кучера, какъ онъ клалъ дрова въ печь, смотрѣлъ съ большимъ удивленіемъ, но безъ всякаго страха, хотя вообще боялся привидѣній, о которыхъ наслышался отъ горничныхъ дѣвушекъ.

Старшая дочь Толстыхъ, Вѣра Петровна, вышедшая впослѣдствіи замужъ за Дмитрія Семеновича Шишкова и уѣхавшая съ мужемъ въ Сибирь, была красавица; она унаслѣдовала способности матери, прелестно рисовала, а переписка ея показываетъ недюжинный литературный талантъ. Вѣра относилась съ большой любовью къ первымъ опытамъ своего маленькаго брата на пути къ искусству и давала матери совѣты относительно преподаванія ему рисованія.

Дѣти Толстыхъ жили одной жизнью съ родителями; они не были удалены въ дѣтскую, не разлучались съ матерью, катались, гуляли, ѣздили въ театръ съ родителями. Ѳедюша видѣлъ Сандунову въ оперѣ «Деревенская пѣвица» (Gantatrice du village); сильное впечатлѣніе произвелъ на него Дмитревскій, когда въ роли вѣщаго Олега быстро входилъ на сцену весь сіяющій въ «рыцарскомъ одѣяніи», какъ говорили тогда, т. е. въ полуфанта-

стическомъ костюмѣ римскаго воина, съ серебряной кольчугой, голыми руками, сандаліями на ногахъ и щитомъ съ рельефнымъ изображеніемъ золотого коня. А «Дезертиръ» въ балетѣ Лепика приводилъ даже маленькаго Ѳедю въ недоумѣніе, проходя по сценѣ употреблявшимся даже въ балетѣ «трагическимъ шагомъ».

Два раза видѣлъ Ѳедюша Екатерину: на большомъ праздникѣ, который она давала народу въ Петербургѣ, и въ Царскомъ-Селѣ. «Насъ иногда возили въ Царское-Село, — разсказываетъ графъ, — гдѣ мы одинъ разъ встрѣтили идущую рядомъ съ другой дамой императрицу, въ простомъ зеленомъ капотѣ и шляпѣ бурачкомъ такого же цвѣта. Около нея бѣгала маленькая, англійской породы, собачка».

Дѣти Толстыхъ никогда не подвергались тѣлесному наказанію. Учитель, поступившій къ нимъ, когда Ѳедѣ было шесть лѣтъ, дворянинъ Ѳедоровъ, былъ прекраснымъ воспитателемъ и сдѣлался настоящимъ членомъ семьи. На нравственное развитіе Ѳедора Петровича имѣлъ также вліяніе, хотя и не личное, братъ его матери, Егоръ Егоровичъ. Онъ служилъ въ Нерчинскѣ, былъ превосходнымъ горнымъ инженеромъ, любимъ подчиненными и каторжниками, не боялся одинъ спускаться къ послѣднимъ въ шахты, чего до него никто не осмѣливался дѣлать. Въ семьѣ у Толстыхъ постоянно говорили о его высокой человѣчности и благородномъ характерѣ. Чтобы пополнить картину этой семьи, надо упомянуть о нянѣ Ефремовнѣ, горячо любимой Ѳедюшей. Это была одна изъ тѣхъ чудныхъ нянюшекъ добраго стараго времени, которыхъ не разъ описывали наши лучшіе поэты и беллетристы, изъ тѣхъ любящихъ, умныхъ, предан-

ныхъ русскихъ женщинъ, въ трудныя минуты совершавшихъ молчаливые и великіе подвиги.

Вотъ въ какой здоровой семейной атмосферѣ возросталъ добрый, живой, всѣми любимый ребенокъ. Рано, шутя, выучился онъ грамотѣ; пріютившись у ногъ матери, онъ вышивалъ съ нею шелками, а вечеромъ около нея же рисовалъ карандашомъ и красками не каракули, обыкновенно производимыя трехъ-четырехъ-лѣтними дѣтьми, а вещи, въ которыхъ сквозятъ понятія о перспективѣ и ракурсахъ. Рано умъ его началъ обнаруживать складъ, присущій его художественной натурѣ: мысли слагались въ живые образы въ его головѣ; все, что было въ видѣнной природѣ или обстановкѣ картиннаго, красиваго, производило на ребенка неизгладимое впечатлѣніе, и вниманіе его обращалось на самое характерное въ окружающемъ его мірѣ. Неоцѣненное для художника и такъ трудно пріобрѣтаемое преимущество — память глаза — было у него врожденнымъ. Картины природы, сочетаніе красокъ, красивыя или смѣшныя черты лицъ — вотъ что, еще совсѣмъ маленькимъ, замѣчалъ и запоминалъ онъ при всякомъ случаѣ. Его дѣтскія воспоминанія открываютъ передъ нами цѣлый міръ, давно минувшій; пестрымъ калейдоскопомъ проходятъ передъ нами оригинальные типы времени, отдаленнаго отъ насъ не столько годами, сколько разницею взглядовъ и понятій.

Вотъ передъ нами самъ Ѳедюша, немало гордящійся своими длинными, распущенными по плечамъ, бѣлокурыми локонами, курточкой съ отложными воротничками и тросточкой съ набалдашникомъ въ видѣ бильбоке, гуляющій съ гувернеромъ, посреди разряженной толпы, въ Лѣтнемъ саду или на набе-

режной, гдѣ франтики и петиметры занимались, даже гуляя, модной игрой въ бильбоке.

Въ своей дворцовой квартирѣ, сидитъ въ большихъ креслахъ, одѣтая «по послѣднему дворцовому этикету», почтенная и важная старушка, статсъ-дама графиня Румянцева. По старости лѣтъ, она не сопровождала дворъ въ Царское-Село и проводила лѣто, окруженная дурами, карлицами, болонками, моськой и попугаемъ, во дворцѣ Петра Великаго въ Лѣтнемъ саду. Почтенная старушка любила Е. Е. Толстую; послѣдняя часто читала ей или играла съ ней въ карты; нерѣдко брала съ собой и своего сыночка. Разъ попугай обозвалъ Ѳедюшу дуракомъ, и вотъ ребенокъ плачетъ отъ обиды, уткнувшись въ платье матери, но скоро утѣшается, заигрывая съ карлицей, которую по росту считаетъ своей однолѣткой.

Дѣдушка, почти слѣпой, сидитъ за маленькими ящичками письменнаго стола, наполненными монетами и драгоцѣнными камнями а бабушка отрѣзываетъ аршинами воланы изъ point d'Alençon на платья кукламъ внучекъ.

Вотъ цѣлый рядъ извѣстныхъ въ городѣ дураковъ и шутовъ, большею частью очень умныхъ и острыхъ людей. Изъ ихъ толпы выдѣляется умомъ и даромъ слова шутъ графа Левашова. По праву своего дурацкаго колпака онъ громилъ всякую неправду и способствовалъ проводить честныя и добрыя намѣренія своего патрона. Кромѣ служившихъ въ частныхъ домахъ шутовъ, были, такъ сказать, вольно практикующіе. Изъ послѣднихъ — извѣстный всему Петербургу Тимоѳей Патрикѣевичъ Ямщиковъ, про котораго Державинъ сказалъ:

Натуры пасынокъ,
Чудесъ ея примѣръ:
Піита, философъ
И унтеръ-офицеръ.

Ямщиковъ подносилъ свои стихи юмористическаго содержанія разнымъ лицамъ, причемъ была приписка въ концѣ: «а мнѣ за труды слѣдуетъ» — «синяшка», или «краснушка», или «бѣлянка», смотря по состоянію того, кому подносились вирши. Онъ подносилъ свои оды и посланія митрополиту Платону, Потемкину, Безбородкѣ. Въ стихотвореніи, поднесенномъ маленькой Надѣ Толстой, были слѣдующія строки:

Двѣ ручки, какъ тучки;
Сходятся и расходятся
И при своемъ лучезарномъ корпусѣ
Находятся.

Праздничный день у Толстыхъ: четырнадцатилѣтній сынъ Александръ получилъ чинъ офицера и ѣдетъ представляться императрицѣ. Новый гвардейскій офицеръ, трепещущій и сіяющій, переходитъ отъ зеркала къ зеркалу въ своемъ новомъ элегантномъ мундирѣ, сопровождаемый восторженной толпой братьевъ и сестеръ. Вечеромъ онъ отказывается разстаться со своимъ костюмомъ, хочетъ лечь спать въ мундирѣ, и только послѣ строжайшихъ доводовъ родителей рѣшается разложить свою амуницію на стулѣ около кровати.

Проходятъ картины дачной жизни на Островахъ, съ ея катаньями, прогулками, и шалостями, гдѣ кавалергарды блещутъ своими мундирами и красотой, — избранники, которыхъ капитаномъ — сама Екатерина. Ихъ была только одна рота, гдѣ каждый рядовой былъ офицерскимъ сыномъ; обязанность ихъ состояла въ почетномъ караулѣ во дворцѣ.

Вотъ красивый іеромонахъ изъ Невскаго монастыря, вскруживший голову не одной свѣтской барынѣ... Вотъ въ оградѣ Никольской церкви модное гулянье, вскорѣ запрещенное митрополитомъ...

И вдругъ надъ этимъ безпечнымъ, занятымъ забавами обществомъ, проносится, какъ отдаленный раскатъ грома, вѣсть о французской революціи и поражаетъ всѣхъ невообразимой тревогой!

Для счастливаго Ѳедюши также неожиданно наступилъ тяжелый переворотъ въ жизни. Во время военныхъ дѣйствій противъ послѣдней польской конфедераціи, изъ дѣйствующей арміи былъ присланъ съ донесеніемъ къ императрицѣ внучатый дядя Ѳедора Петровича, графъ Петръ Александровичъ Толстой. Въ награду за добрую вѣсть послѣдній получилъ Георгія и чинъ полковника; вскорѣ послѣ того онъ женился на очень богатой и воспитанной подъ особымъ покровительствомъ государыни дѣвушкѣ, красавицѣ княжнѣ Маріи Алексѣевнѣ Голицыной.

Назначенный полковымъ командиромъ одного изъ двухъ четырехтысячныхъ полковъ имперіи, Псковскаго драгунскаго полка, и отправляясь съ молодой женой къ мѣсту своего назначенія, Петръ Александровичъ предложилъ взять съ собой Ѳедю, позаботиться объ его воспитаніи и будущей карьерѣ, на что родители, въ виду пользы сына, должны были съ благодарностью согласиться.

Горько было ребенку покидать свое теплое гнѣздышко! Дорога была утомительная и долгая: цѣлыми днями приходилось ѣхать по мостовой, состоящей изъ бревенъ, избитыхъ и неровныхъ. Обозъ, состоявшій изъ двухъ каретъ, коляски и нѣсколькихъ кибитокъ и телѣгъ, часто вязъ въ грязи, между поломан-

ныхъ бревенъ; часто приходилось сзывать толпы мужиковъ, чтобы вытаскивать экипажи. Ночью поѣздъ сопровождали люди съ факелами. Наконецъ, наши путешественники добрались до жидовскаго мѣстечка Ошмяны, въ семи верстахъ отъ Вильны, гдѣ было мѣсто стоянки штаба полка.

Дядя съ женою были ласковы съ Ѳедюшей, и онъ постепенно пересталъ скучать и сталъ привыкать къ новой обстановкѣ. Занимали его военная жизнь, роскошь польскихъ магнатовъ, пріѣзжавшихъ съ большими свитами и цѣлыми взводами гусаръ въ гости къ Петру Александровичу, но больше всего верховая ѣзда, которая сдѣлалась его страстью. Въ этомъ отношеніи онъ удивлялъ всѣхъ своею смѣлостью и ловкостью.

Своего дядюшку графъ Ѳедоръ Петровичъ характеризуетъ слѣдующими словами: «Петръ Александровичъ былъ не глупый человѣкъ, но и не отличался своимъ умомъ. Образованіе получилъ также совсѣмъ не отличное; онъ и по-французски говорилъ плохо. Онъ, кажется, полагалъ, что болѣе того, что онъ зналъ, и знать не нужно. Я никогда не видалъ, чтобы онъ занимался чтеніемъ. Не знаю, учился ли онъ топографіи, но впослѣдствіи, когда онъ былъ уже петербургскимъ генералъ-губернаторомъ, онъ иногда разсматривалъ топографическіе атласы со своими пріятелями: генераломъ Вердеревскимъ и другими, при чемъ мнѣ не одинъ разъ былъ случай убѣдиться, что ни онъ, ни его пріятели совсѣмъ не знаютъ математики. За то онъ былъ очень добръ, щедръ, правдивъ, честенъ въ высшей степени и за правду готовъ былъ стоять, передъ кѣмъ бы то ни было, непоколебимо».

Несмотря на то, что Петръ Александровичъ готовилъ своего племянника въ кавалерію и обращалъ много вниманія на физическое воспитаніе, онъ рѣшилъ дать взятому на свое попеченіе ребенку и возможно лучшее общее образованіе: онъ помѣстилъ его въ славившуюся въ то время іезуитскую школу въ Полоцкѣ, начальникомъ которой былъ извѣстный патеръ Груберъ. Въ школѣ было болѣе семисотъ воспитанниковъ, но Ѳедя былъ принятъ, въ видѣ исключенія, приходящимъ. Онъ жилъ у полоцкаго коменданта, полковника Дуве, посѣщая школу только во время тѣхъ уроковъ, которые находилъ для него нужными патеръ Груберъ, принявшій мальчика подъ свое покровительство. Найдя въ ребенкѣ добрый, мягкій характеръ и большое прилежаніе, Груберъ полюбилъ его, а, замѣтя его способность къ рисованію, обратилъ на этотъ предметъ особенное вниманіе. Ѳедору Петровичу, однако, не пришлось кончить курсъ въ полоцкомъ училищѣ. Послѣ смерти императрицы дядя былъ переведенъ въ Петербургъ, съ нимъ вернулся туда и его племянникъ.

Возвратившись домой, Ѳедя не всю семью засталъ въ сборѣ. Во время шведской кампаніи, Петръ Андреевичъ отказалъ имп. Павлу, бывшему тогда наслѣдникомъ, въ суммѣ денегъ, которую послѣдній желалъ, чтобы ему выдали изъ казначейства, и отказалъ не по своей иниціативѣ, а по личному запрещенію императрицы; тѣмъ не менѣе, Павелъ Петровичъ этого не забылъ и, тотчасъ по восшествіи на престолъ, посадилъ Петра Андреевича на гауптвахту. Съ нимъ вмѣстѣ были арестованы князья Горчаковы и атаманъ войска донского Платовъ. Перемѣны въ Петербургѣ поразили Ѳедю. Въ первый же день свое-

го пріѣзда онъ увидѣлъ своего брата въ новомъ мундирѣ, показавшемся нашему мальчику крайне уродливымъ; онъ думалъ, что братъ для смѣха такъ нарядился, но скоро на самомъ себѣ замѣтилъ, что прошло время такъ нравившихся ему элегантныхъ и удобныхъ костюмовъ: на улицѣ Ѳедюшу остановилъ полицейскій приказаніемъ немедленно возвратиться домой. Ѳедя, несмотря на сердечную доброту, былъ очень вспыльчивъ, разсердился и сопротивлялся. Полицейскій тогда объяснилъ дядькѣ мальчика, что императоръ запретилъ даже дѣтямъ ходить по улицамъ иначе, какъ въ опредѣленномъ костюмѣ, и старый Осипъ насильно увелъ разгорячившагося ребенка домой. Тамъ смастерили Ѳедѣ неуклюжій нарядъ, съ длинными, тяжелыми сапогами, высокимъ воротникомъ, закутали шею широкимъ гастукомъ, мѣшавшимъ свободѣ движеній, прикололи поля круглой шляпы, чтобы она была похожа на треуголку; глядя на брата, Ѳедюша смѣялся, а тутъ расплакался. Все, что происходило на улицахъ, казалось Ѳедѣ очень страннымъ: проходившіе мимо дворца снимали шляпы; встрѣчавшіе государя, должны были выходить изъ экипажей и, сбросивъ на землю шинели или шубы, низко кланяться; дамы не составляли исключенія, хотя, при открытыхъ шеяхъ и атласныхъ туфелькахъ, какъ тогда ходили, соблюденіе этикета могло имѣть печальныя послѣдствія для здоровья. Немудрено, что всѣ старались ѣздить закоулками, и главныя улицы Петербурга, недавно такія шумныя и веселыя, совершенно опустѣли. Дворъ и общество были хмуры и недовольны; большинство гвардейцевъ вышли въ отставку; Павелъ выдвигалъ офицеровъ гатчинскаго батальона, большею частью людей

невоспитанныхъ, выслужившихся изъ солдатъ. Названіе «гатчинскій офицеръ» сдѣлалось въ обществѣ презрительнымъ выраженіемъ. Ходили анекдоты въ родѣ того, что государь велѣлъ выкрасить Михайловскій замокъ въ цвѣтъ перчатокъ Лопухиной, или цѣлому полку скомандовалъ: «маршъ въ Сибирь!» Эти анекдоты, впрочемъ, явились нѣсколько позднѣе, но вотъ что видѣлъ Ѳедюша и разскажетъ самъ: «Разъ, бывши у батюшки (во время его заключенія), услышали мы, что пришелъ къ гауптвахтѣ Аракчеевъ, игравшій важную роль при Павлѣ I и извѣстный по своей жестокости. Я подошелъ къ окну, чтобы увидѣть этого человѣка. Онъ привелъ съ собой преображенскаго унтеръ-офицера, по оплошности не успѣвшаго во-время отдать ему должной по формѣ чести. Онъ поставилъ его передъ фронтомъ и приказалъ бить его палками. Увидавъ это, я со слезами бросился отъ окна и убѣжалъ на набережную, чтобъ не слыхать стоновъ несчастнаго».

При всеобщемъ трепетѣ передъ личностью государя, одинъ только старшій братъ Ѳеди, Александръ Петровичъ не унывалъ. То былъ смѣльчакъ, остроумный забавникъ, любимый императоромъ. Онъ позволялъ себѣ разныя шутки: однажды съѣлъ приготовленный для государя завтракъ, въ другой разъ держалъ пари съ офицерами, что заставитъ государя быть своимъ камердинеромъ. На вахтъ-парадѣ Александръ Толстой, отдавая императору честь эспантономъ, нарочно поворотилъ его не въ ту сторону, куда слѣдовало. Разгнѣванный Павелъ закричалъ: «Какъ такой отличный офицеръ могъ сдѣлать такую ужасную ошибку!» — и велѣлъ арестовать его. Александръ Петровичъ, вмѣсто того, чтобы отдать свою

шпагу флигель-адъютанту, тихимъ, строевымъ шагомъ подошелъ къ самому императору и вручилъ ему шпагу, потомъ эспантонъ, за симъ отстегнулъ орденъ, развязалъ шарфъ и все это подавалъ одно за другимъ государю, который, озадаченный серьезнымъ видомъ провинившагося, принималъ всѣ эти вещи и самъ передавалъ адъютанту, — графъ Александръ Петровичъ выигралъ пари. Когда Павелъ I узналъ объ этой продѣлкѣ, онъ не только не разсердился, но сказалъ съ удовольствіемъ: «Я зналъ, что такой хорошій офицеръ не могъ сдѣлать такую грубую ошибку».

Черезъ нѣсколько времени послѣ пріѣзда сына, Петръ Андреевичъ былъ выпущенъ изъ-подъ караула и отставленъ отъ должности съ половиннымъ жалованьемъ. Жизнь Толстыхъ, хотя стала еще скромнѣе, — потекла попрежнему мирно и любовно. По примѣру матери, всегда чѣмъ-нибудь занятыя дѣти по вечерамъ усаживались со своими родителями къ большому круглому столу, каждый принимался за какое-нибудь любимое дѣло, а отецъ или мать читали вслухъ историческіе разсказы, путешествія или популярныя научныя сочиненія; это были любимые, съ нетерпѣніемъ ожидаемые дѣтьми, часы. Ѳедя чаще всего рисовалъ, но онъ любилъ токарное, слесарное мастерства, а главное, любилъ узнавать, что какъ дѣлается. Разбирая и складывая опять карманные часы, онъ хорошо понялъ ихъ механизмъ и началъ самъ дѣлать мелкія вещицы и игрушки, приводимыя въ движеніе часовымъ механизмомъ. «У меня было такъ много занятій, — говоритъ графъ въ своихъ запискахъ, — что недоставало времени на исполненіе того, что я затѣвалъ. Мы всегда были заняты полез-

нымъ, любимымъ нами дѣломъ и были совершенно счастливы». Но родители думали о дальнѣйшемъ образованіи сына и, послѣ совѣтовъ съ родными, отдали его въ морской корпусъ, считавшійся тогда лучшимъ учебнымъ заведеніемъ.

Директоромъ морского корпуса числился адмиралъ Иванъ Логиновичъ Голенищевъ-Кутузовъ, но, въ виду его преклонныхъ лѣтъ, управлялъ заведеніемъ сынъ его, контръ-адмиралъ Логинъ Ивановичъ. Жена послѣдняго считалась одною изъ самыхъ образованныхъ женщинъ аристократическаго круга. Логинъ Ивановичъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы поставить корпусъ на высоту примѣрнаго заведенія; онъ не только привлекъ преподавателями такихъ извѣстныхъ ученыхъ, какъ проф. Фуссъ, Германъ, Гамалей, но постоянно заботился о хорошемъ нравственномъ и матеріальномъ состояніи воспитанниковъ.

Вмѣстѣ съ Ѳедоромъ Петровичемъ находились въ корпусѣ его старшій братъ Константинъ и пять ихъ двоюродныхъ братьевъ; всѣ они помѣщались въ одномъ дортуарѣ, носившемъ названіе «комнаты графовъ Толстыхъ». Между ними находился Ѳедоръ Ивановичъ, прозванный впослѣдствіи «американцемъ» — человѣкъ, своимъ умомъ, красотой, бреттерствомъ, страстнымъ и дикимъ нравомъ давшій поводъ распространенію цѣлыхъ легендъ о немъ. Въ корпусѣ онъ уже слылъ «отчаяннымъ», — напримѣръ, устроилъ между кадетами тайное общество, чтобы сдѣлаться членомъ котораго, надо было, разорвавъ живого крысенка пополамъ, съѣсть тутъ же одну половину, въ то время, какъ онъ самъ съѣдалъ другую.

Во все время пребыванія въ корпусѣ, Ѳедя былъ

первымъ ученикомъ; семнадцати лѣтъ выдержалъ экзаменъ на гардемарина и два года подъ-рядъ ходилъ въ плаваніе по Балтійскому морю и въ Данію, и Норвегію. Во время путешествій онъ велъ дневникъ, изобилующій техническими подробностями, интересными описаніями и наблюденіями.

12-го марта 1801 года весь корпусъ былъ собранъ въ большой залѣ. Почтенный директоръ, давно не вставшій съ креселъ, вошелъ, поддерживаемый своими сыновьями, и, со слезами на глазахъ, объявилъ о кончинѣ императора Павла. Послѣ присяги Александру I-му, кадеты были распущены по домамъ. На улицахъ царило давно небывалое движеніе: по нимъ сновали толпы народа; люди останавливались, разговаривали безъ всякаго страха; простолюдины, сходясь между собой, крестились, обнимались и цѣловались, — все, казалось, дышало радостью.

Въ 1802-мъ году Ѳ. П. Толстой кончилъ курсъ, былъ произведенъ мичманомъ въ гребной флотъ и могъ остаться жить въ Петербургѣ, что дало ему возможность продолжать и серьезныя занятія, и физическія упражненія, — фехтованіе, танцы, вольтижированіе на лошади, — которыхъ требовала его молодая, здоровая натура. Проф. Фуссъ предложилъ безвозмездно заниматься съ нимъ математикой; въ кругу профессоровъ юноша усовершенствовался въ владѣніи нѣмецкимъ языкомъ. Въ это время онъ бывалъ у Лабзиныхъ, у Олениныхъ, гдѣ познакомился съ Дмитріевымъ, Карамзинымъ, Крыловымъ, Гнѣдичемъ, Жуковскимъ и съ членами возникавшаго «Вольнаго общества любителей наукъ».

До сихъ поръ Ѳедоръ Петровичъ работалъ карандашомъ и кистью, но какъ-то разъ отецъ его принесъ

поддѣльную камею съ портретомъ Наполеона; вещица понравилась будущему художнику; онъ взялъ лежавшій на рабочемъ столикѣ восковой огарокъ, подкрасилъ его, какъ сумѣлъ, въ тѣлесный цвѣтъ и при помощи перочиннаго ножа и булавки вылѣпилъ вѣрную копію съ камеи. Послѣ второй такой работы Фуссъ посовѣтовалъ ему серьезно заняться искусствомъ, посѣщать классы академіи художествъ или хоть познакомиться съ кѣмъ-нибудь изъ учениковъ. Толстой послѣдовалъ этому совѣту, познакомился съ ученикомъ академіи Шиловымъ, получилъ отъ него нужныя указанія, стеки, голову Каракаллы для копированія; вскорѣ было получено и дозволеніе посѣщать медальерный классъ. Полный энергіи, молодой художникъ скоро узналъ всѣ тонкости лѣпки изъ воска и началъ учиться рѣзать на стали. Спустя мѣсяцъ послѣ того, какъ онъ сталъ посѣщать Академію, въ классъ вошелъ профессоръ скульптуры Прокофьевъ, съ удивленіемъ взглянулъ на работавшаго съ учениками флотскаго офицера и, осмотрѣвъ его работу, спросилъ: — «Вы какъ хотите учиться художеству: основательно, какъ художникъ — или, какъ вся ваша братья дворянчики, для забавы?» — «Тутъ, — говоритъ графъ въ своихъ запискахъ, — я почувствовалъ свое настоящее призваніе, и что въ немъ я могу, по моему всегдашнему желанью, быть обязанному самому себѣ и отвергнуть всякое покровительство и протекцію; съ этой минуты я рѣшилъ посвятить себя въ художники и отвѣтилъ: «Хочу знать и научиться художеству основательно и сдѣлаться, если буду въ силахъ, настоящимъ художникомъ». — «Когда такъ, — сказалъ Прокофьевъ, — то оставьте всѣ прочія занятія, попросите билетъ на право посѣщенія ака-

демическихъ классовъ и начинайте учиться съ самаго начала». На другой день Толстой имѣлъ билетъ и въ пять часовъ вечера вошелъ въ рисовальный классъ; съ этой минуты онъ посѣщалъ академію ежедневно, приходя пѣшкомъ изъ Семеновскаго полка, гдѣ жилъ тогда съ родителями.

Поразительно быстро пошло художественное образованіе Ѳедора Петровича: черезъ двѣ недѣли онъ былъ переведенъ въ классъ рисованія фигуръ съ оригиналовъ, за симъ въ гипсовый классъ, а скоро и въ натуральный. Здѣсь ему гораздо больше профессоровъ помогалъ уже оканчивающій ученикъ Кипренскій. Занятія въ академіи казались графу недостаточными: «Я придумалъ, — пишетъ онъ, — заготовить дома папку съ такою же точно бумагою, какая была у меня въ натуральномъ классѣ, для того, чтобы, приходя изъ академіи, рисовать на ней на память натуру, поставленную въ классѣ, и такъ продолжалъ рисовать всю недѣлю. Такъ я дѣлалъ при каждой новой позѣ натурщиковъ, а также и при постановкѣ группъ. Позже я завелъ у себя большую деревянную доску, выкрашенную черной краской и вылакированную, на которой рисовалъ мѣломъ, тоже наизусть, въ натуральную величину тѣ модели, которыя ставились въ натурномъ классѣ. Этотъ мною изобрѣтенный способъ учиться принесъ мнѣ много пользы, потому что ускорилъ и много способствовалъ изученію натуры». Про свои дальнѣйшія занятія онъ пишетъ: «Я много рисовалъ съ гипсовыхъ écorchés и, для изученія женскихъ формъ, ходилъ рисовать въ галлереи академіи, гдѣ рисовалъ также и съ другихъ античныхъ статуй, при чемъ восхищался изящною красотою формъ и позами

этихъ превосходныхъ произведеній древности. Увлекшись красотою статуй Греціи, я полюбилъ ея высокія произведенія въ барельефахъ, саркофагахъ, жертвенникахъ, вазахъ, чашахъ, канделябрахъ, лампахъ, мебели, колесницахъ и пр. Со всѣхъ этихъ произведеній я много рисовалъ, старательно и долго ихъ изучалъ, и вполнѣ полюбилъ древнюю Грецію; сталъ читать и изучать все, что было написано о нравахъ, обычаяхъ, внѣшней и домашней жизни этого знаменитаго, отличавшагося необыкновеннымъ изящнымъ вкусомъ и образованнѣйшаго народа въ древности»... «Любовь къ изящному,—продолжаетъ онъ,—была до того развита, что они украшали малѣйшія бездѣлушки своего быта: вѣсы, безмены, молотки; даже ихъ гвозди имѣютъ изящную форму... У себя дома, въ часы свободные отъ научныхъ занятій, я лѣпилъ изъ воска портреты, которые всѣ находили очень похожими, сочинялъ и лѣпилъ цѣлыя группы и барельефы. Я первый сталъ лѣпить изъ воска большіе барельефы изъ исторіи древней, русской и всемірной, употребляя самые вѣрные костюмы; это мнѣ было очень удобно дѣлать, такъ какъ я изучалъ археологію и имѣлъ большое собраніе костюмовъ, а также описаній жизни народовъ и ихъ утвари въ разные вѣка».

Такъ правильно сложившіяся занятія чуть было не прекратились тѣмъ, что молодой мичманъ былъ переведенъ въ гребной флотъ, стоявшій въ Регенсальмѣ. Помощь оказалъ графъ Петръ Александровичъ, обратившись къ исправлявшему должность морского министра адмиралу Чичагову, съ просьбой оставить талантливаго племянника въ Петербургѣ. Послѣ долгаго разговора съ художникомъ, адми-

Медаль въ память Отечественной войны.
Раб. графа Ѳ. П. Толстого.

ралъ сказалъ: «вы останетесь здѣсь», и отпустилъ его. Черезъ нѣсколько дней, однако, Толстой получилъ отъ ближайшаго начальства приказъ немедленно отправиться на мѣсто назначенія. Въ отчаяніи полетѣлъ онъ къ Чичагову. Послѣдній утѣшилъ его словами: «Я вамъ сказалъ, что вы никуда не поѣдете. Подите и успокойте вашихъ родителей». Вскорѣ получился приказъ о назначеніи Ѳедора Петровича адъютантомъ Чичагова, что дало ему возможность остаться въ городѣ и прекрасно окончить курсъ академіи.

Въ медальерномъ классѣ былъ преподавателемъ Леберехтъ; онъ не былъ настоящимъ художникомъ и могъ передать своимъ ученикамъ только технику дѣла, но онъ былъ полезенъ графу тѣмъ, что познакомилъ его съ кружкомъ нумизматиковъ и археологовъ, среди которыхъ были такіе знаменитые ученые, какъ Кругъ, Адлунгъ, Парротъ, Моргенштернъ, Келлеръ. Можетъ быть, въ это же время сблизился Толстой съ таинственнымъ ученымъ и алхимикомъ Алексѣевымъ.

24-го декабря 18—г. [1]) скончалась Елизавета Егоровна. Излишне было бы описывать отчаяніе ея любимаго сына,—потеря матери была для него потерей друга, души, вполнѣ понимавшей его! Исчезло звено, прекрасно скрѣплявшее всю семью въ одно тѣсное цѣлое, и дружная семья распалась! Петръ Андреевичъ уѣхалъ въ Москву; старшіе сыновья разбрелись по квартирамъ или уѣхали на службу; графъ Ѳедоръ съ сестрой Надеждой переѣхали жить къ Петру Александровичу. Здѣсь Ѳедоръ Петровичъ имѣлъ случай ближе познакомиться со всѣмъ

[1]) Годъ смерти Ел. Ег. Толстой мнѣ точно не извѣстенъ.

придворнымъ и свѣтскимъ міромъ тогдашняго Петербурга. Нравственный и умственный кругозоръ молодого человѣка, твердо сложившійся, позволялъ ему относиться критически къ окружающей средѣ и мѣшалъ увлечься ея блескомъ. Графъ не могъ примириться съ тѣмъ, что, по его словамъ, въ этомъ мірѣ «не достоинство человѣка, а ловкость и интрига выдвигаютъ его впередъ». Среди роскоши и шума свѣтской жизни, онъ восклицаетъ: «Какъ много, какъ много осталось мнѣ учиться, чтобы быть образованнымъ человѣкомъ!»

Отдавая дань молодости и веселости, Толстой не оставлялъ общества профессоровъ и не переставалъ трудиться. Въ академіи уже на выставкахъ—работы нашего художника; онъ задумывалъ созданіе своихъ барельефовъ изъ Одиссеи, но въ 1805 году патріотическія чувства охватили его, и въ немъ воспылало желаніе участвовать въ войнѣ. Во флотѣ онъ не могъ служить, такъ какъ былъ подверженъ морской болѣзни, а любовь къ лошадямъ заставляла желать поступить въ гвардію. Послѣ ряда препятствій, его желаніе было близко къ удовлетворенію: государь уже объявилъ на это свое согласіе. И вотъ, разъ, когда государь обѣдалъ у Петра Александровича, графиня Марья Алексѣевна заняла его разсматриваніемъ художественныхъ произведеній племянника. Александръ, разсмотрѣвъ ихъ, велѣлъ позвать ихъ автора и сказалъ ему: «Я обѣщалъ назначить васъ въ кавалергардскій полкъ, но такъ какъ у меня много офицеровъ и я могу нажаловать ихъ сколько хочу, а художниковъ, такихъ какъ вы, я не могу создать, то мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы, при вашемъ талантѣ къ художествамъ, пошли по этой

дорогѣ». Такія слова были приказаніемъ. «Мнѣ больше ничего не оставалось,—говоритъ графъ,—какъ исполнить волю государя. Какъ я ни желалъ въ военную службу, но я долженъ былъ сознаться, что это предложеніе болѣе всего согласовалось съ моею привязанностью къ художествамъ и съ моимъ твердымъ правиломъ быть обязанному только самому себѣ, а не протекціи».

Выходъ своему патріотическому чувству Ѳедоръ Петровичъ скоро нашелъ въ томъ, что въ своихъ классическихъ медальонахъ на отечественную войну увѣковѣчилъ искусствомъ славу родины.

Несмотря на то, что самъ государь поощрилъ призваніе художника, общество и родные иначе взглянули на это дѣло. Пока онъ предавался, по ихъ мнѣнію, искусству, какъ въ видѣ развлеченія, какъ диллетантъ, они находили это похвальнымъ и восхищались его работами; но когда онъ рѣшился сдѣлаться художникомъ pour tout de bon, общество пришло въ негодованіе. Родные начали отговаривать его, соблазнять предложеніемъ средствъ къ жизни, званія камеръ-юнкера. Онъ отвѣчалъ на послѣднее, что «онъ ни по душѣ, ни по разсудку не рожденъ для этой должности, считаетъ, что всякій честный человѣкъ долженъ добиваться чиновъ и наградъ своимъ собственнымъ трудомъ, а не случайной протекціей, что онъ для этого слишкомъ гордъ». Послѣ такого отвѣта разразилась цѣлая буря. «Аристократъ, имѣющій титулъ, блестящія связи, которому все само въ руки дается, и вдругъ все отвергаетъ и идетъ въ м а л я р ы!.. Онъ этимъ безчеститъ не только свою фамилію, но все дворянское сословіе!» И они спѣшили закрыть свои двери передъ

этимъ опаснымъ сумасбродомъ. Одинъ родственникъ даже написалъ Петру Андреевичу, что его сынъ сошелъ съ ума, ибо, «будучи взрослымъ, продолжаетъ учиться, какъ маленькій».

Петръ Александровичъ уѣхалъ за границу посланникомъ при Наполеонѣ, Марья Алексѣевна—въ деревню, гдѣ давала пріютъ Надеждѣ Петровнѣ,—Ѳедоръ Петровичъ остался одинъ безъ мѣста, безъ средствъ, безъ поддержки, но спокойная воля его голько крѣпла подъ препятствіями. Онъ бросилъ свѣтъ, родныхъ, даже на время добрыхъ знакомыхъ, заперся въ какой-то лачужкѣ и сталъ еще ревностнѣе учиться. Его, не привыкшаго къ такой жизни, не испугали ни нищета, ни одиночество: онъ сталъ зарабатывать себѣ хлѣбъ, вылѣпливая изъ воску на грифельныхъ дощечкахъ гребни, брошки,—подражаніе камеямъ,—бывшія тогда въ модѣ. Одинъ только человѣкъ понялъ и не покинулъ Ѳедора Петровича въ трудную минуту его жизни,—это была нянька Ефремовна. Она поселилась со своимъ Ѳедюшей, носила продавать его работы, а когда онъ, не думая о пищѣ, тратилъ полученныя деньги на книги и инструменты, она приговаривала, гладя его, какъ маленькаго, по головкѣ: «Ничего, батюшка, работай, учись, не заботься ни объ чемъ: у старой няньки найдется изъ чего щей и кашки тебѣ сварить, не даромъ въ барскомъ домѣ жила. Работай себѣ съ Богомъ». И она вытаскивала изъ своихъ сундуковъ всякія сбереженія; а когда ихъ не стало,—вязала чулки и продавала ихъ потихоньку отъ своего воспитанника. Такъ прожилъ графъ два года, пока И. Н. Новосильцевъ не вспомнилъ самъ и не напомнилъ государю о молодомъ труженикѣ; ему было

предложено мѣсто при Эрмитажѣ съ жалованьемъ 1.500 р. ассигнаціями, которое онъ и принялъ.

Не съ однимъ высшимъ обществомъ приходилось графу выдерживать борьбу, но и съ академіей, гдѣ его приняли весьма недружелюбно. Художники и профессора тоже возстали на «дворянчика», когда онъ сталъ заниматься искусствомъ не какъ любитель, а какъ спеціалистъ. «Его дѣло,—говорили они,—полы натирать на придворныхъ балахъ, а не въ художники лѣзть, у другихъ хлѣбъ отбивать!.. Хочетъ быть и графомъ, и офицеромъ, да еще и художникомъ! Никогда никакой дворянчикъ не можетъ достигнуть того, чтобы быть настоящимъ художникомъ». Отъ родныхъ Толстой ушелъ, но отъ колкостей и насмѣшекъ, встрѣченныхъ въ академіи, не могъ избавиться, такъ какъ ежедневно посѣщалъ классы. Со своей замѣчательной выдержкой, онъ молчалъ, продолжая работать, и силой своего характера и дарованія побѣдилъ, наконецъ, всѣ непріязненныя отношенія къ нему. Двадцати пяти лѣтъ отъ роду, онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ той самой академіи, которая сначала отнеслась къ нему такъ враждебно.

VI.

No fact ever looms so large on me, no law remains so stead fast in the universality of its application, as the fact and law that great men are all great workers: nothing concerning them is matter of more astonishment than the quantity they have accomplished in the given length of their life.

Ruskin.

Какъ въ достиженіи своей цѣли въ жизни, такъ и въ своей спеціальной дѣятельности, отецъ отличался замѣчательной выдержкой и силой характера: чѣмъ больше ему встрѣчалось трудностей, тѣмъ энергичнѣе онъ дѣйствовалъ, и непремѣнно доводилъ начатое дѣло до конца. Если ему попадалось по дорогѣ что-нибудь, чего онъ не зналъ, онъ не боялся отклониться въ сторону и изучить до основанія нужный ему предметъ, чтобы потомъ болѣе сознательно вернуться къ своему спеціальному дѣлу. Столько вещей интересовало его, что рѣшительно не понимаешь, откуда у него хватало времени на все это. Существуетъ каталогъ его главныхъ художественныхъ произведеній, очень обширный каталогъ, но въ него не вошли многочисленные подарки, которые онъ дѣлалъ своимъ друзьямъ, то, что онъ считалъ пустяками, и то, что забылъ записать. Кромѣ художественныхъ работъ, онъ занимался дѣлами академіи, онъ былъ профессоромъ двухъ предметовъ, устроителемъ и завѣдующимъ мозаичнымъ

Ни одинъ фактъ не кажется мнѣ столь яснымъ, ни одинъ законъ столь прочнымъ во всемірномъ примѣненіи, какъ тотъ фактъ и законъ, что всѣ великіе люди были и великими тружениками: надо удивляться количеству того, что они сдѣлали во время одной жизни.

Рескинъ.

заведеніемъ при академіи, хорошимъ математикомъ и механикомъ; онъ много читалъ; онъ писалъ статьи о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, начиная отъ учебниковъ гальванопластики до трактатовъ о нравственности въ войскѣ, писалъ даже повѣсти; записывалъ имъ выдуманные или испробованные способы и рецепты для составленія всевозможныхъ вещей, до сѣрныхъ спичекъ включительно; переписывалъ и калькировалъ цѣлыя массы художественныхъ изданій, которыя ему было трудно пріобрѣсти. Путевыя записки его составляютъ двѣнадцать толстыхъ томовъ. Инструменты, нужные ему для работы, онъ дѣлалъ самъ, или передѣлывалъ по своему; работалъ, не жалѣя себя, въ тѣхъ обществахъ, гдѣ участвовалъ, при этомъ не избѣгалъ вечеровъ, любилъ театры, музыку. Просто трудно повѣрить, что можно столько сдѣлать въ одну, хотя и долгую, человѣческую жизнь; но это становится еще удивительнѣе, когда возьмешь въ соображеніе кропотливость и миніатюрность большинства его работъ, то количество труда, которое онъ полагалъ на каждую изъ нихъ, и самый способъ его работы. Его чудные цвѣты, бабочки и птицы сдѣланы почти пунктиромъ; надъ каждой изъ своихъ медалей отечественной войны онъ, по словамъ М. Ѳ. Каменской, работалъ въ продолженіе года. Безо всякаго механическаго пособія, своей рукой рѣзалъ онъ въ мѣди ихъ формы, работая при этомъ съ лупой. Хотя я не застала уже самой плодовитой поры его дѣятельности, но и я могу свидѣтельствовать о томъ, какое количество труда онъ полагалъ на каждую свою вещь. Сдѣлавъ эскизъ какого-нибудь рисунка и испачкавъ его милліонами перекрещивающихся линій, въ которыхъ онъ одинъ

могъ разобраться, онъ переводилъ его на другую бумагу и опять начиналъ поправки; множество разъ тотъ же рисунокъ переводился, вырисовывался начисто перомъ, снова поправлялся. Такихъ перерисованныхъ и снова измѣненныхъ эскизовъ для медалей отечественной и турецкой войны и для дверей «Спасителя» были у насъ цѣлыя кипы, поступавшія обыкновенно въ наши дѣтскія руки и безжалостно раскрашивавшіяся и вырѣзывавшіяся; между тѣмъ это былъ бы очень интересный матеріалъ, характеризующій безконечную добросовѣстность художника, который никогда не оставлялъ дѣла, пока не доводилъ его до крайняго, для него возможнаго, совершенства. Каждый честный художникъ, носящій въ себѣ свой идеалъ, не довольствуется никакими à peu près, но у многихъ художниковъ часто бываетъ, что первоначальные эскизы ихъ лучше послѣдующихъ, и что, ища свою линію или свой эффектъ, они теряютъ ихъ. Съ отцомъ этого не было: тотъ рисунокъ, на которомъ онъ останавливался, в с е г д а былъ лучше всѣхъ предшествовавшихъ, которые тоже шли, постепенно улучшаясь. Доказательствомъ этому могутъ служить многіе, еще сохранившіеся у меня, его рисунки. Смотришь, бывало, на работу отца и думаешь: «Зачѣмъ онъ передѣлываетъ? Кажется, такъ хорошо!» Но онъ улавливалъ незамѣтныя для другихъ детонирующія мелочи и не жалѣлъ трудовъ, чтобы довести свое произведеніе до полной гармоніи. Конечно, совершенно доволенъ своей работой онъ все-таки не былъ, ибо всякій истинный художникъ носитъ въ груди своей гораздо больше, чѣмъ можетъ выразить.

Для императрицы Елизаветы Алексѣевны, кото-

рую отецъ боготворилъ и называлъ ангеломъ доброты, онъ нарисовалъ двѣнадцать листовъ бразильскихъ бабочекъ съ натуры, передавъ ихъ металлическій блескъ такъ, что на рисункѣ, какъ и въ натурѣ, если смотрѣть сверху, — бабочка казалась коричневой, съ одной стороны — синей; съ другой—зеленой. «Какъ же ты могъ это сдѣлать?» — спрашивала я его. — «Я работалъ съ лупой, — отвѣчалъ онъ, — пунктиромъ, поставлю выпуклую точку коричневой краски, а когда высохнетъ, съ одного бока поставлю синюю точку, съ другой зеленую, и такъ всю бабочку». Когда всмотришься въ рисунки «Душеньки» или двухъ балетовъ изъ античной и скандинавской миѳологіи (альбомы такого же размѣра, какъ «Душенька»), то поражаешься не только вѣрностью природѣ, но и тщательностью работы художника: каждый мускулъ у едва видныхъ маленькихъ амуровъ обозначенъ съ обычнымъ отцу моему твердымъ знаніемъ анатоміи; каждая складка тысячи драпировокъ и платья падаетъ такъ, какъ она въ дѣйствительности только и можетъ упасть, и каждый малѣйшій отворотъ ея вырисованъ. Казалось бы, что такая работа должна быть непремѣнно суха, но то-то и удивительно, что онъ, при такой отдѣлкѣ, не упускалъ изъ вида общаго; его главныя фигуры выдѣляются рельефно, его бабочки такъ полны жизни, что кажется сейчасъ полетятъ. Даже пустяки, которыми отецъ занимался въ свободныя минуты, и тѣ служили ему поводомъ къ мысли, къ изученію; за что бы онъ ни взялся, онъ серьезно отдавался этому дѣлу, какъ бы оно ни было мало. Онъ нарисовалъ цѣлую коллекцію рисунковъ акварелью для стереоскопа, цѣлыя вереницы рисунковъ, которые, приведенные во вра-

щательное движеніе, изображали движущіеся фигуры: бѣгущихъ и прыгающихъ мальчиковъ, скачущихъ лошадей; устроилъ намъ разъ лѣсенку, по которой кукла-клоунъ, кувыркаясь, сходила сама по ступенькамъ, и т. д.; все это существуетъ теперь, но не существовало тогда, когда онъ самъ до всего этого додумывался. Его знаменитаго фокуснаго кабинета я уже не застала, но, должно быть, судя по разсказамъ, у него тамъ производились удивительныя вещи, — напр., онъ какъ-то посредствомъ проволоки передавалъ звуки съ одного мѣста на другое. Производя всѣ эти вещи, онъ интересовался, конечно, только законами физики и механики. Сдѣланныя игрушки служили ему для опытовъ, а потомъ уже онъ увеселялъ ими дѣтскую компанію; въ иныхъ же случаяхъ, при желаніи повеселить дѣтей, ему приходили въ голову разныя мысли, которыя онъ потомъ разрабатывалъ. Оригинальны и прелестны его разрисованныя карты, изъ которыхъ, къ счастью, я сохранила нѣсколько колодъ. Упоминая выше о разнообразныхъ знаніяхъ и занятіяхъ отца, я, конечно, не назвала и трети всѣхъ ихъ и назвала довольно безпорядочно, но онъ не случайно занимался тѣмъ или другимъ, — одно послѣдовательно вытекало у него изъ другого, и все стремилось къ цѣли: сдѣлаться, какъ онъ говорилъ «образованнымъ художникомъ». Помимо главнаго въ его искусствѣ — фигуры, онъ зналъ, что ему приходилось изображать на медаляхъ и рисункахъ зданія, аксессуары, животныхъ, и вотъ онъ изучаетъ, со свойственной ему настойчивостью, архитектуру, археологію, теорію орнамента, физіологію и анатомію животнаго. «Если встрѣчается надобность помѣщать въ медаляхъ звѣ-

рей, птицъ и всякаго рода пресмыкающихся, — говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, — то они должны быть изображаемы совершенно вѣрно съ натурою, и всѣ ихъ движенія и дѣйствія должны быть сообразны съ природою и наклонностями животнаго; поэтому художникъ-медальеръ долженъ быть знакомъ съ зоологіей». Но кромѣ научной подготовки и искусства, онъ хотѣлъ еще овладѣть и ремесленной частью каждаго дѣла, которымъ занимался. Привожу опять его слова: «Сдѣлавшись медальеромъ, я изучилъ, кромѣ извѣстной мнѣ художественной части этого искусства, и грубую техническую часть, принадлежащую къ медальерному искусству, какъ-то: ковку и закалку штемпелей, дѣланіе пунсоновъ, а также и всю операцію выбиванія медалей изъ металловъ въ исполненные медальерами штемпеля. Эти, чисто механическія производства не принадлежатъ къ занятіямъ медальеровъ, и для каждаго изъ этихъ занятій на монетномъ дворѣ есть особые мастера, но я думаю, что медальеръ долженъ знать, какъ дѣлается все, необходимое для производства медалей». И такъ разсуждалъ онъ во всемъ. Въ своихъ скульптурныхъ произведеніяхъ онъ дѣлалъ самъ каркасы, самъ формовалъ, самъ обтесывалъ мраморъ, ничья чужая рука не касалась его произведеній; можетъ быть, потому такъ мягокъ и жизненъ его мраморъ и такіе живые и нѣжные цвѣты на вѣнкѣ, украшающемъ голову его Морфея.

Никто, видѣвшій много произведеній отца моего, не откажетъ ему въ самой богатой фантазіи; воображеніе его было сильно развито; масса образовъ, не успѣвшихъ воплотиться, постоянно носилась въ его головѣ, но фантазія его подчинялась мысли, и

въ его произведеніяхъ являлась урегулированная разумомъ настолько, что не теряла своей пылкости и свѣжести, но пріобрѣтала спокойствіе и гармонію. Мнѣ кажется, одно изъ наиболѣе рѣдкихъ и драгоцѣнныхъ качествъ художника, — это именно тактъ, умѣнье удерживать равновѣсіе между разумомъ и воображеніемъ, не дать первому своей сухостью задушить всякій непосредственный порывъ вдохновенія и не дать фантазіи волю безформенно и безпорядочно носиться въ пространствѣ. Кто-то сказалъ, что «геній есть соединеніе таланта съ усиленнымъ трудомъ». Если подъ трудомъ понимать не одинъ только физическій трудъ, но и трудъ мысли, то это, пожалуй, довольно вѣрное опредѣленіе.

Хотя отецъ былъ преданъ классицизму, который теперь уже отжилъ свой вѣкъ, но въ свое время и въ своемъ дѣлѣ онъ былъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, новаторъ.

Zopf и rococo — вотъ что вполнѣ царствовало тогда въ Россіи въ медальерномъ искусствѣ и отчасти въ скульптурѣ, вотъ что было тогда рутиной и противъ чего ополчился отецъ, со своимъ разумнымъ стремленіемъ къ правдѣ и со своимъ чувствомъ красоты. Не могу удержаться, чтобы не привести еще нѣсколько выписокъ, которыя ясно показываютъ взглядъ отца на рутину его времени и на его собственныя нововведенія въ медальерномъ искусствѣ: «Всѣ эти медали во вкусѣ Людовика XIV-го были исполнены безтолковыми аллегоріями, представлявшими миѳическихъ боговъ въ тѣхъ карикатурныхъ, фантастическихъ костюмахъ, въ какіе ихъ наряжали въ то время въ театрахъ, — звѣрей и

птицъ, породы которыхъ невозможно было опредѣлить, — уродливыхъ пирамидъ съ висящими на нихъ вензелями и портретами, увѣнчанными гирляндами цвѣтовъ, лавровъ и дубовыхъ листьевъ. Представлялись также на медаляхъ уродливые, ни на что не похожіе храмы, тоже украшенные гирляндами, пылающіе жертвенники, колонны и т. п. И все это изображено было безъ всякаго вкуса, совершенно несообразно съ природою и безъ всякаго понятія о художествѣ и перспективѣ. Къ довершенію всего этого, между аллегорическими изображеніями миѳологическихъ боговъ, людей и животныхъ, зданій и разныхъ вещей, наставленныхъ на медаляхъ безъ всякаго толку, по землѣ, воздуху и во всѣхъ направленіяхъ сновало нѣсколько преуродливыхъ купидоновъ, одни — съ гирляндами, другіе — съ вѣнками, факелами, стрѣлами и даже пылающими сердцами и портретами въ рукахъ. Это смѣшное, жалкое положеніе медальернаго искусства у насъ на монетномъ дворѣ, стоявшее внѣ всякихъ правилъ, требуемыхъ новѣйшею степенью художественнаго образованія, нужно было измѣнить». И онъ излагаетъ новую программу, какъ должны производиться медали и какъ онъ будетъ производить ихъ. «Я полагалъ, — говоритъ онъ, — что всякой медали должно было предшествовать сочиненіе и вылѣпка медали изъ воска такъ, чтобы всякій, смотря на готовую медаль, могъ узнать, не прибѣгая къ надписи, на какой случай она выбита».

Сюжетъ долженъ быть изображенъ «съ строгимъ сохраненіемъ красоты и вѣрности природы», «строго соблюдая вѣрность костюмовъ, мѣстности и страны того времени и тѣхъ лицъ, при которыхъ со-

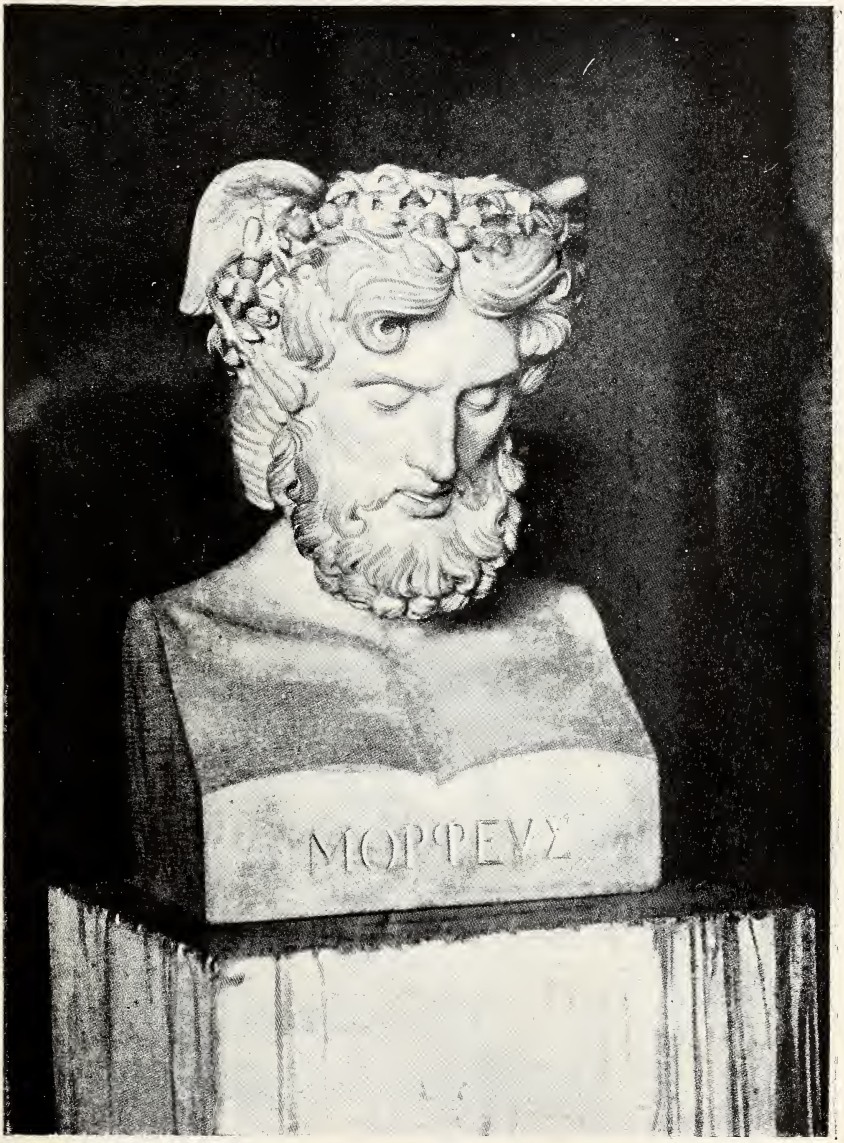
вершилось долженствующее быть изображеннымъ событіе»; «костюмы должны быть изображены археологически вѣрно». Такъ какъ нерѣдко случается изображать на медаляхъ различныя зданія, то медальеру необходимо хорошо, вполнѣ основательно знать правила архитектуры и перспективы», «вообще рисунокъ медали долженъ быть исполненъ изящно и строго, сообразно съ натурой, и вполнѣ ясно изображать то дѣйствіе, въ память котораго чеканится медаль».

Преподаваніе медальернаго искусства отецъ вполнѣ создалъ у насъ въ академіи: изъ дѣла чисто ремесленнаго — создалъ искусство.

Строгаго копированія древнихъ образцовъ также не было въ произведеніяхъ отца. Во всѣхъ его многочисленныхъ барельефахъ и рисункахъ нѣтъ ни одной утвари, ни одного орнамента на одеждѣ, который былъ бы непосредственно скопированъ съ антика. Всѣ они сочинены имъ самимъ, но онъ такъ былъ проникнутъ античнымъ міромъ, такъ сжился съ нимъ, что эти его собственные орнаменты стильны, какъ будто ихъ создалъ грекъ временъ Перикла. Онъ не копировалъ, онъ возсоздавалъ античный міръ. Это яснѣе всего выступаетъ, если сопоставить рисунки отца съ рисунками Флаксмана. Рисунки послѣдняго — я слышала такое мнѣніе — ставятъ выше «Душеньки» моего отца, и именно потому, что Флаксманъ былъ ближе къ греческимъ подлинникамъ и архаистичнѣе, если можно такъ выразиться. Отецъ, дѣйствительно, вполнѣ свободно относился къ своему сюжету. Въ художественномъ мірѣ теперь существуетъ тенденція подражать формамъ болѣе древняго искусства, какъ болѣе искренняго и наивнаго. Эта тенденція мнѣ кажется явленіемъ неправильнымъ

и временнымъ. Какъ можно подражать наивному, когда самое это слово обозначаетъ искренность и безсознательность? Какъ можно сдѣлать себя наивнымъ? А между тѣмъ это стараются дѣлать масса художниковъ и въ Европѣ, и у насъ. Ихъ недостатокъ заключается въ томъ, что они въ самомъ началѣ лгутъ, а ложь не можетъ существовать въ истинномъ искусствѣ. Я вполнѣ согласна, что настоящіе прерафаэлисты прелестны и трогательны, что византійское искусство имѣетъ глубокое значеніе, что въ нашей старинной живописи, какъ я ее видѣла въ Кирилловскомъ монастырѣ въ Кіевѣ, выражается геніальность художниковъ, которые сумѣли въ плохо нарисованныхъ образахъ передать свою мысль, свою глубокую вѣру. Но что такое это «нерукотворенное», что, вопреки плохому рисунку, говоритъ нашимъ душамъ изъ картинъ этихъ художниковъ, какъ не ихъ настроеніе, ихъ правдивое исканіе, ихъ стараніе всѣми средствами, которыми они владѣютъ, передать свою мысль и чувство? Они ни одного изъ своимъ бѣдныхъ знаній не бросали въ сторону, ни одного таланта, ввѣреннаго имъ Богомъ, не зарыли въ землю, напротивъ, они стремились изо всѣхъ силъ впередъ, къ свѣту... И вдругъ человѣкъ нашего времени, котораго самого создали цѣлые вѣка, прошедшіе съ тѣхъ поръ, человѣкъ другого развитія, другихъ вѣрованій, другихъ — куда болѣе обширныхъ — знаній, начинаетъ писать такъ, какъ тѣ художники, со всѣми ихъ внѣшними, свойственными дѣтству искусства, пріемами! Какъ же онъ не понимаетъ, что не во внѣшности заключается ихъ сила, а именно въ той искренности, которой у него нѣтъ, такъ какъ то, что они дѣлали серьезно и убѣжденно, онъ дѣлаетъ нарочно.

Отецъ мой, съ его свѣтлымъ взглядомъ, всегда былъ чуждъ подобнымъ эксцентричностямъ. Онъ выбралъ для своихъ произведеній античную форму, потому что считалъ ее наиболѣе изящной, наиболѣе совершенной въ смыслѣ красоты, но его занимала не одна отжившая, хотя и прекрасная внѣшность, а та жизнь, которая билась подъ нею; онъ старался вникнуть душою въ эту жизнь и вдохнуть ее въ свои образы. Поэтому случалось иногда, что онъ отступалъ въ своихъ рисункахъ отъ древнихъ образцовъ. Я думаю, что если не въ орнаментахъ и драпировкахъ, которыя у него безукоризненны во всѣхъ отношеніяхъ, то въ сочиненіи и постановкѣ фигуръ, нѣкоторые рисунки «Душеньки» кажутся недостаточно стильными. Это зависитъ отъ того, что отецъ, для выраженія жизни древнихъ, пользовался всѣми средствами современнаго искусства, а не хотѣлъ только копировать образцы. Возьмемъ для примѣра очаровательный рисунокъ, гдѣ Душенька хотѣла повѣситься; Амуры нагнули сукъ, а Душенька стыдливо опускаетъ поднявшееся платье. Психея на этой картинѣ вовсе не дѣлаетъ впечатлѣнія древней статуи, пейзажъ не представляетъ ничего классическаго, движенія амуровъ свободны и игривы; вся сцена изображаетъ что-то интимное, что-то жанровое, чего мы не встрѣчали ни въ древнихъ барельефахъ, гдѣ все такое героическое, ни на вазахъ, гдѣ все условное, ни у Флаксмана, — но развѣ такая сцена не могла произойти въ древнемъ мірѣ? Развѣ не могла и тамъ юная красавица гулять въ лѣсу съ ребятами и стыдливо опускать свое платье передъ маленькими шалунами? Развѣ тамъ все всегда было драматично и торжественно?



Бюстъ Морфея.

И вотъ, черезъ много лѣтъ послѣ «Душеньки», открываютъ танагрскія статуэтки, прелестныя, граціозныя фигурки изъ обыденной жизни, настоящій древній жанръ... Не правъ ли былъ художникъ, когда онъ, не поддѣлываясь подъ существующіе образцы, изображалъ древнюю жизнь, какъ онъ ее чувствовалъ и понималъ?

Изъ скульптурныхъ произведеній отца, по-моему, выше всѣхъ бюстъ Морфея. Какая чистота профиля, какое благородство линій! Вотъ онъ спокойный, жизнерадостный греческій бого-человѣкъ! Какъ превосходно и правдиво передано состояніе сна! Какая улыбка въ полуоткрытыхъ губахъ: и пріятная, и сонная, и слегка насмѣшливая... Не снится ли ему какая-нибудь милетская сказка?

Позднѣйшія статуи отца, работанныя въ мое время, уже не то. Петергофская нимфа, льющая изъ кувшина воду, еще очень хороша, и въ глинѣ была удивительно жизненна, такъ что всѣ удивлялись, какъ могъ онъ вылѣпить ее такъ хорошо и вѣрно безъ натуры; послѣдовавшія за ней двѣ статуи, также заказанныя Николаемъ Павловичемъ для Петергофа, послѣ его кончины не утвержденныя и оставленныя въ гипсовыхъ слѣпкахъ, уже носятъ на себѣ отпечатокъ упадка таланта. Обѣ онѣ прелестны по композиціи и полны граціи, но въ нихъ меньше натуры: таліи тонки, руки и ноги длинны, и чувствуется нѣкоторая манерность, какъ и въ рисункахъ его къ стихотвореніямъ Щербины.

Во всемъ, что только дѣлалось въ его время въ Россіи хорошаго и передового, отецъ мой или принималъ живое участіе, или помогалъ своимъ сочувствіемъ. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ устро-

ителей въ нашей родинѣ ланкастерскихъ школъ, и надо было слышать, съ какою любовью онъ въ старости разсказывалъ объ ихъ успѣхахъ, чтобы понять, какъ энергично принялась тогда молодежь за это дѣло.

Объ учрежденномъ тайномъ обществѣ «Зеленой Книги» отецъ часто разсказывалъ мнѣ. Цѣль этого общества была распространять нравственность и карать зло силою общественнаго мнѣнія. Но общественное мнѣніе нужно было тогда создать. Устройство общества было слѣдующее: было центральное общество или кружокъ изъ шести человѣкъ, которые изъ своей среды избирали своего голову; каждый изъ членовъ учреждалъ новое общество или кружокъ изъ шести человѣкъ, въ которомъ онъ уже дѣлался головою; каждый изъ этихъ членовъ поступалъ такъ же.

Такимъ образомъ, общество быстро развѣтвлялось, но каждый изъ его членовъ зналъ только два его отдѣленія: то, въ которое вступалъ членомъ, и то, головою котораго дѣлался; кромѣ этихъ двѣнадцати человѣкъ всѣ прочіе члены общества были ему неизвѣстны.

Если кто-нибудь изъ участвующихъ въ обществѣ узнавалъ о какомъ-нибудь дурномъ поступкѣ: насиліи офицера, лихоимствѣ чиновника и пр., то онъ обязанъ былъ сообщить объ этомъ въ томъ кружкѣ, гдѣ онъ былъ членомъ, а голова сообщалъ въ тотъ, въ которомъ онъ былъ только простымъ членомъ; такимъ образомъ, свѣдѣнія объ этомъ поступкѣ доходили до центральнаго общества, которое, провѣривъ достовѣрность сообщеннаго факта, поручало черезъ головъ всѣмъ членамъ обще-

ства говорить всѣмъ и каждому о недостойномъ поступкѣ такого-то. Такимъ образомъ создавалась широкая гласность, и человѣкъ, совершившій дурной поступокъ, изобличался передъ его начальствомъ и передъ обществомъ. Отецъ говорилъ, что много было случаевъ, гдѣ цѣли общества были вполнѣ достигнуты: изобличенные люди сами отказывались отъ своихъ мѣстъ, были изгнаны товарищами или начальствомъ. Членами центральнаго кружка были, сколько мнѣ помнится: князь Долгоруковъ, Муравьевъ-Апостолъ, другой Муравьевъ, Игнатьевъ, Ѳ. Н. Глинка и отецъ, котораго они выбрали головой.

Общество «Зеленой Книги», къ сожалѣнію, не долго продолжалось. Вслѣдствіе его организаціи, оно не легко могло быть открыто, но нѣкоторые изъ участвовавшихъ въ немъ будущихъ декабристовъ стали все болѣе и болѣе вносить въ него политическіе вопросы, которые были совершенно чужды первоначальнымъ цѣлямъ общества; тогда отецъ самъ предложилъ закрыть его и, получивъ согласіе членовъ, сжегъ всѣ книги общества. Во многихъ другихъ обществахъ участвовалъ отецъ, былъ также масономъ и мастеромъ ложи «св. Михаила къ добродѣтели», первой въ Петербургѣ ложѣ, гдѣ велись дѣла на русскомъ языкѣ.

Съ декабристами отецъ разошелся въ убѣжденіяхъ и не хотѣлъ ничего знать объ ихъ новомъ обществѣ: онъ не вѣрилъ въ возможность осуществленія ихъ дѣлъ и никогда ни въ чемъ не одобрялъ насилія, но знакомства съ ними онъ не прерывалъ и многихъ изъ нихъ очень любилъ.

О 14-мъ декабря онъ ничего не зналъ, хотя и видѣлся наканунѣ съ Рылѣевымъ и еще съ кѣмъ-то.

Въ отрывкѣ изъ записокъ отца, который мнѣ удалось прочесть въ тотъ короткій срокъ, когда онѣ находились въ моихъ рукахъ, именно говорилось о происшествіи 14-го декабря, и ни одно описаніе этого событія не сдѣлало на меня такого сильнаго впечатлѣнія, какъ этотъ безпристрастный, простой разсказъ о томъ, что видѣлъ и чувствовалъ человѣкъ въ этотъ день. Все такъ просто, просто разсказано, безъ всякихъ комментарій. Какъ онъ, не зная, въ чемъ дѣло, пошелъ на дворцовую площадь, что видѣлъ тамъ, какъ ему стало такъ тяжело, что онъ не могъ тамъ болѣе оставаться, пошелъ по Галерной, и вдругъ что-то загудѣло, народъ шарахнулся, и ядро пролетѣло вдоль улицы: «да вѣдь тамъ могутъ быть женщины и дѣти!»... Потомъ, какъ онъ съ семьей ухаживалъ за раненымъ солдатомъ; какъ его требовали въ слѣдственную комиссію, и что онъ отвѣчалъ тамъ. Его характеристика декабристовъ очень заинтересовала меня: всѣхъ онъ ихъ хвалитъ, кромѣ Пестеля, — послѣдній всегда былъ ему несимпатиченъ, и вліянію его отецъ приписываетъ тѣ крайности, въ которыя впали декабристы и которыя были причиной ихъ гибели. Въ тонѣ, какимъ онъ разсказывалъ объ особенностяхъ характера, объ умѣ, знаніи и талантахъ всѣхъ этихъ молодыхъ людей, сквозитъ горячая дружба и глубокая печаль, но словами онъ ни разу не высказываетъ сожалѣнія о самихъ декабристахъ, а только—о Россіи, которая лишится столькихъ способныхъ, дѣятельныхъ и честныхъ гражданъ.

Во время декабрьскаго возстанія, отецъ мой былъ уже женатъ на Аннѣ Ѳедоровнѣ Дудиной и

имѣлъ двоихъ дѣтей: Елизавету и Марію. Въ запискахъ сестры моей, Маріи Ѳедоровны Каменской, напечатанныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1894-й годъ, прекрасно изображена жизнь отца въ его первой семьѣ. Въ нихъ отецъ нашъ описанъ такъ художественно, что, читая, я вижу его, какъ живого, передъ собой.

Одно только мнѣ не совсѣмъ понятно: въ этихъ запискахъ отецъ,—молодой, полный силъ, въ расцвѣтѣ своей дѣятельности, масонъ, основатель ланкастерскихъ школъ и проч.,—является гораздо менѣе либеральнымъ (я не умѣю подобрать болѣе подходящаго и менѣе затасканнаго слова), чѣмъ въ мое время, когда онъ былъ уже старикъ. Происходитъ ли это оттого, что сестра моя, писавшая въ очень преклонномъ возрастѣ, припоминала только то, что ей самой было болѣе по-душѣ, или оттого, что внѣшнія формы жизни и рѣчи были иныя въ то отдаленное время,—не знаю. Я видѣла отца горячимъ сторонникомъ ожидаемыхъ реформъ, рѣзко и открыто выражающимъ протестъ противъ всего, что казалось ему неправильнымъ и несправедливымъ. Я могла бы разсказать случаи такихъ вспышекъ, что мать моя приходила въ ужасъ. Отецъ всегда отвѣчалъ: «Развѣ я говорю неправду? Развѣ я не готовъ сказать то же самое въ глаза государю?»

Отецъ не былъ революціонеромъ, онъ всегда былъ противъ всякаго насилія; онъ не былъ и тѣмъ, что потомъ называли «постепеновцемъ»,—не отъ одного времени ожидалъ онъ прогресса, а считалъ, что всякій, по силѣ и возможности, долженъ способствовать улучшенію человѣческой жизни и трудомъ своимъ, и честнымъ, правдивымъ словомъ; горячій

отъ природы, онъ волновался и негодовалъ на все, что задерживаетъ ходъ человѣческаго совершенствованія.

Онъ былъ патріотъ, горячо, страстно любившій Россію и все русское (даже терпѣть не могъ, когда русскіе говорили между собой на иностранныхъ языкахъ), но онъ былъ далекъ отъ узкой и несправедливой вражды къ «гнилому Западу» и вездѣ равно цѣнилъ хорошее. Людей онъ различалъ не по ихъ національности или соціальному положенію, а по ихъ внутреннимъ качествамъ. Мужикъ былъ въ его глазахъ не х о л о п ъ, котораго можно презирать, и не и д е а л ъ, передъ которымъ надо преклоняться, даже не м е н ь ш і й б р а т ъ, а просто ч е л о в ѣ к ъ, такой же, какъ и онъ самъ.

Чтобы охарактеризовать его повседневныя отношенія къ людямъ, можно бы привести цѣлый рядъ случаевъ, въ родѣ описаннаго сестрой моей [1]): если нужно было вытащить изъ грязи санки прачки или помочь плечомъ ломовому извозчику сдвинуть возъ, то отецъ никогда не обращалъ вниманія, есть ли у него при этомъ звѣзда на груди и не запачкаетъ ли онъ бѣлыхъ форменныхъ панталонъ.

Обожаемый прислугой, такой добрый, что избѣгалъ убить лишняго комара, отецъ, особенно въ молодости, былъ крайне вспыльчивъ, и въ минуты горячности не помнилъ, что дѣлалъ. Съ нимъ случилось, что онъ, въ одинъ изъ такихъ моментовъ, ударилъ своего лакея такъ, что тотъ упалъ головой о печку, потерялъ сознаніе и былъ долго боленъ; «къ моему счастью,—говорилъ отецъ,—онъ совершенно выздоровѣлъ». Разсказывая мнѣ это событіе, спу-

---

[1]) „Историческій Вѣстникъ“ 1894 г., глава XI, стр. 648.

стя полстолѣтіе послѣ его совершенія, онъ, каясь передо мной, имѣлъ трогательно-виноватый видъ. Не сказалъ онъ только мнѣ, что онъ шесть недѣль, бросивъ всѣ дѣла, провелъ у изголовья этого человѣка и ходилъ за нимъ, какъ сидѣлка. Послѣ такого урока, отецъ, въ минуты гнѣва, не поднималъ уже руки на людей, зато разбивалъ объ полъ свои начатыя работы. На моей памяти, этой участи подвергались уже только тарелки.

Какъ не было въ отцѣ моемъ гордости и важничанія, такъ не было и низкопоклонства, — онъ со всѣми былъ с а м и м ъ с о б о й. Сила его безыскусственной правдивости вліяла даже на Николая I-го. Отецъ не боялся возражать грозному царю, когда дѣло касалось его спеціальности. Мнѣ извѣстенъ случай, когда отецъ при всей свитѣ и всей академіи заявилъ, что: «и н е п о д у́ м а е т ъ» исполнить приказанія государя», и, спокойно выдерживая сердитый взглядъ Николая, убивавшій, какъ тогда говорили, на мѣстѣ людей, приступилъ къ изъясненію своихъ мотивовъ. Къ чести императора, дѣло кончилось тѣмъ, что онъ сказалъ: «Ну, да тебя не переспоришь, дѣлай, какъ знаешь».

Разъ въ Петергофѣ отецъ пошелъ посмотрѣть на парадъ: «Сталъ я,—разсказывалъ онъ,—къ самой палаткѣ, разговариваю съ знакомыми... Смотрю: государь идетъ, да прямо на меня и страшные свои глаза дѣлаетъ. Думаю: за что онъ на меня сердится? но смотрю на него прямо: онъ на меня глаза вытаращилъ, а я на него... Подошелъ близко, опустилъ глаза и повернулъ въ сторону. Тутъ я на себя оглянулся, а я въ своемъ сѣренькомъ сюртучкѣ и галстукѣ à la Byron, да въ самую середину всѣхъ генераловъ затесался!!»

Рѣзкія рѣчи иногда доходили до императора; одинъ разъ Адлербергъ нарочно пріѣхалъ къ отцу и передалъ ему слова монарха: «Спроси ты, пожалуйста, у Толстого, за что онъ меня ругаетъ? Скажи ему отъ меня, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, не дѣлалъ этого такъ публично».

Со смертью Николая Павловича, отецъ потерялъ личнаго покровителя и щедраго заказчика, но онъ въ это время не думалъ о себѣ, а только о будущемъ благѣ отечества, которому заря новаго царствованія обѣщала многое. Надежда на эмансипацію крестьянъ была мечтой всей его жизни; примѣромъ, словомъ, вліяніемъ на окружающихъ способствовалъ онъ освобожденію. Онъ былъ безконечно счастливъ, что дожилъ до его осуществленія, и послѣдняя его работа была медаль въ ознаменованіе этого великаго и столь близкаго его сердцу событія.

Теперь скажу нѣсколько словъ о наружности отца. Роста онъ былъ средняго, нѣсколько худощавъ и держался прямо,—почему казался высокимъ. Волосы съ просѣдью вились локонами; изъ-подъ нѣсколько нависшихъ бровей добрые сѣро-голубые глаза смотрѣли открыто и ясно[1]); прямой носъ съ подвижными ноздрями былъ точно выточенный; его профиль былъ совершенно правильный, еслибъ не выдающаяся, какъ почти у всѣхъ Толстыхъ, нижняя челюсть. Несмотря на этотъ недостатокъ, наибольшая,

---

[1]) Отецъ говорилъ, что у него „выцвѣтшіе“ глаза, а въ молодости были, какъ мои, т.-е. темно-голубые. Онъ часто находилъ во вкусахъ, характерѣ и привычкахъ моихъ сходство съ собой въ молодости. (Екат. Фед. Юнге вообще имѣетъ сильно выраженный *толстовскій* типъ и по нѣкоторымъ чертамъ, характеру и вкусамъ часто напоминала своего отца. *Примѣч. изд.*)

послѣ глазъ, прелесть его лица была въ губахъ: что-то такое красивое, ласковое, обаятельное было въ его улыбкѣ, что этого не передашь словами. Рука у него была гибкая и красивая, ухо маленькое и правильной формы, кости тонки, ноги необыкновенно малы [1]). Въ его бархатной шубкѣ, подбитой тигристымъ пестренькимъ мѣхомъ, которую онъ всегда носилъ дома, онъ имѣлъ спокойно-благородную осанку Вандиковскихъ портретовъ. Весь внѣшній образъ отца былъ крайне изященъ и соотвѣтствовалъ какъ нельзя болѣе его прекрасной душѣ. Въ манерахъ его была та врожденная, спокойная увѣренность, не допускающая возможности какимъ-нибудь внѣшнимъ дѣйствіемъ унизить свое достоинство, та благосклонная обходительность, дающая человѣку возможность найтись во всякой средѣ, всегда поставить себя на уровень съ тѣми людьми, съ которыми приходится сталкиваться, тѣ, никогда, ни въ какой обстановкѣ не измѣняющія себѣ вѣжливость и деликатность, такъ ярко выраженныя французскими словами „Courtoisie“ и „urbanité“, все то неуловимое и тонкое, что составляетъ плодъ воспитанія нѣсколькихъ поколѣній. Я отъ многихъ слышала, что въ отцѣ моемъ было что то влекущее къ себѣ, и что «увидѣть его—значитъ полюбить».

Привычка къ физическимъ упражненіямъ развила въ немъ силу, ловкость и здоровье. Когда онъ былъ женихомъ моей матери (ему тогда было 55 лѣтъ), онъ скакалъ верхомъ на своемъ знаменитомъ Гекто-

---

[1]) Отецъ разсказывалъ, что когда онъ послалъ Гёте свои барельефы изъ Одиссеи, поэтъ, между прочимъ, замѣтилъ: „У графа Толстого должны быть очень маленькія руки и ноги; я это заключаю изъ того, что онѣ очень малы у всѣхъ его фигуръ“.

рѣ изъ Парголова въ Петербургъ и обратно за моткомъ шерсти. Въ семьдесятъ лѣтъ онъ былъ такъ бодръ, что бѣгалъ съ нами и танцовалъ на вечерахъ, гдѣ его непремѣнно заставляли дѣлать соло въ кадрили и восхищались его антреша и батманами. Онъ былъ большой ходокъ и до самой смерти совершалъ длинныя прогулки. Вообще, онъ велъ правильную и умѣренную жизнь.

Вставалъ отецъ мой всегда рано и тотчасъ же принимался за работу. Въ кабинетъ приносили ему чай со сливками и трубку. Тутъ же приходили къ нему чиновники академіи и подавали рапортички на четвертушкахъ разграфленной сѣрой бумаги. Потомъ отецъ уходилъ въ канцелярію, классы или мастерскую; возвращался онъ къ завтраку и опять уходилъ до обѣда, послѣ котораго спалъ одинъ часъ, всегда предупреждая, чтобы мы не стѣснялись бѣгать и шумѣть. Проснувшись, онъ принималъ участіе въ нашихъ играхъ, ходилъ, разговаривая, съ кѣмъ-нибудь изъ насъ, по комнатѣ, или сидѣлъ въ нашей дѣтской, вырѣзывая изъ картъ и рисуя лошадокъ и коровокъ, иногда показывая намъ фокусы. Послѣ чая, который пили въ восемь часовъ, онъ уходилъ въ свой кабинетъ и работалъ обыкновенно до двухъ часовъ ночи. Кромѣ званыхъ вечеровъ, онъ не стѣснялся присутствіемъ гостей и рисовалъ, слушая разговоры, чтеніе и музыку. Въ глубокой старости, когда у него начали утомляться глаза, онъ проводилъ нѣсколько времени по вечерамъ за раскладываніемъ пасьянсовъ.

Обстановка квартиры всегда говоритъ о личности ея хозяина. Когда отецъ жилъ съ своей первой семьей въ такъ называвшемся у нихъ «розовомъ домѣ»,

принадлежащемъ академіи, вся квартира была отдѣлана въ греческомъ вкусѣ: зала имѣла форму ротонды съ колоннами и стекляннымъ куполомъ; между колоннами на нѣкоторой высотѣ были золоченыя жерди, съ которыхъ спускались, движущіяся на кольцахъ, блѣдныя розовато-лиловыя драпировки, вышитыя Анной Ѳедоровной, ея сестрами и тетей Надей. Спальня «Душеньки» прямо срисована съ собственной спальни отца моего. Въ нашей квартирѣ въ академіи [1]) не было такъ стильно, но въ ней не было и безвкусицы, не было пустяшныхъ bibelots, все было просто, спокойно, и глазъ отца могъ всюду покоиться на любимыхъ очертаніяхъ.

О кабинетѣ отца я уже говорила, также о залѣ, которая была большая, въ два свѣта, со сводами, съ приступками въ стѣнахъ у оконъ, гдѣ стояли табуреты; рамка зеркала, узенькіе диваны по стѣнамъ были краснаго дерева въ стилѣ empire; зала была украшена хорошими слѣпками съ античныхъ статуй и бюстовъ; изъ картинъ въ ней были только двѣ большія копіи съ Леопольда Робера и два оригинальныхъ этюда братьевъ Чернецовыхъ.

Голубая гостиная была самой веселой и нашей любимой комнатой. Мебель въ ней была сдѣлана по рисунку отца, въ неогреческомъ стилѣ, хотя и не въ сухомъ стилѣ «empire»; легкая и граціозная, съ откинутыми спинками, съ точеными ножками, она была замѣчательно красива: по полированному ясеневому дереву тянулся рельефный орнаментъ изъ темнаго краснаго дерева, изображающій переплетенныя вѣтви дуба и лавра; обивка была блѣдно-

---

[1]) Уголъ набережной и Румянцовской площади.

голубая. Прямо противъ входа изъ залы находилась амбразура окна, гдѣ также стояли голубые диванчики; вечеромъ она затягивалась голубымъ пологомъ, и комната освѣщалась спускавшимся съ потолка алебастровымъ фонаремъ съ бронзовыми львиными головами и цѣпями, также сдѣланными по рисунку отца. Впослѣдствіи въ нишѣ передъ окномъ была поставлена нимфа отца, окруженная зеленью.

За этой комнатой слѣдовала коричневая гостиная, строгая, темная, увѣшанная работами отца: восковыми медальонами, барельефами и цѣлымъ рядомъ фамильныхъ портретовъ, также сработанными имъ изъ воска. Такая же, какъ и въ смежной комнатѣ, ниша была заполнена диванчиками и столомъ, уставленнымъ бронзовыми вазами и фигурами, гдѣ между прочимъ была художественная лучерна съ фигурой Нептуна, подаренная отцу, во время его пребыванія въ Римѣ, русскими художниками. Спальня была отдѣлена отъ будуара перегородкой готическаго стиля съ разноцвѣтными стеклами, также исполненной по рисунку отца. Все въ домѣ напоминало его, дышало имъ.

Что меня болѣе всего плѣняетъ въ отцѣ моемъ — это цѣльность и гармоничность его развитія. Трудно сказать, что преобладало въ немъ: свѣтлый умъ, духовная высота, талантъ или физическая обаятельность. Онъ былъ одинъ изъ рѣдко встрѣчающихся примѣровъ вполнѣ уравновѣшенной натуры. Эта гармонія отражалась въ его жизни и убѣжденіяхъ, какъ и въ его художественномъ творчествѣ, чѣмъ-то широкимъ, яснымъ, чуждымъ крайностей, разностороннимъ и вмѣстѣ цѣлостнымъ [1]).

---

[1]) Буслаевъ назвалъ его „русскимъ Леонардомъ“.

До конца жизни, при немощи старости [1]), при почти полной слѣпотѣ, умъ отца оставался свѣтлымъ; интересъ къ общественнымъ дѣламъ, любовь къ прекрасному и глубокая вѣра въ человѣческій прогрессъ не изсякли въ немъ. Какъ-то, въ послѣдній годъ его жизни, мужъ мой и нашъ родственникъ Соколовъ стали говорить, что въ его время только были люди, что теперь мелкота пошла и молодое поколѣніе плохо стало. Отецъ совсѣмъ разсердился: «Что это вы говорите? — горячо возразилъ онъ, — это неправда, этого быть не можетъ! Молодое поколѣніе должно быть лучше стараго, иначе зачѣмъ же мы работали?!» Это говорилъ 90-тилѣтній старикъ...

Мнѣ отецъ мой представляется, какъ въ крупныхъ дѣлахъ, такъ и въ тысячахъ мелкихъ событій обыденной жизни, которыя то-и-дѣло мелькаютъ въ моемъ воспоминаніи, до такой степени совершеннымъ человѣкомъ, что мнѣ хотѣлось бы сочинить новыя, болѣе сильныя слова или обладать художественнымъ талантомъ, чтобы достойно обрисовать чудный образъ его, оставшійся въ душѣ моей; а между тѣмъ, боясь, чтобы меня не упрекнули въ пристрастіи, я ломаю себѣ горову, чтобы отыскать въ немъ слабыя стороны. При всемъ стараніи, нахожу только одну, это — его безхарактерность въ домашней жизни. Онъ, такой сильный, такой выдержанный въ своемъ дѣлѣ, въ своихъ убѣжденіяхъ, изъ-за этой слабости разстался съ любимой дочерью, причиня и ей, и себѣ, тяжелое страданіе. На моей памяти онъ также уступалъ въ случаяхъ, гдѣ онъ былъ вполнѣ правъ. Бы-

[1]) Отецъ мой умеръ 90-та лѣтъ, въ 1873 году.

вало, разсердится, хлопнетъ дверью, а потомъ самъ чуть прощенья не проситъ. Но, Боже мой, какъ винить его?! Онъ былъ уже немолодъ, всегда былъ очень занятъ, по своему характеру не могъ выносить, чтобы на него сердились или дулись; его счастьемъ было видѣть около себя довольныя лица, радость! Мира, мира жаждалъ онъ, отдыха, покоя послѣ трудовъ!

VII.

„Духъ вѣетъ, гдѣ хочетъ“...

Давно въ семьѣ нашей говорили о Шевченко, горькая судьба котораго волновала даже насъ, дѣтей. При посредствѣ Н. О. Осипова, мать моя завязала анонимную переписку съ поэтомъ.

При восшествіи на престолъ Александра II, отецъ мой позаботился о томъ, чтобы исходатайствовать прощеніе поэту и художнику-академисту, но изъ списка политическихъ преступниковъ, которымъ должна была быть объявлена анмистія, имя Шевченка было вычеркнуто самимъ Государемъ. Говорятъ, послѣдній при этомъ произнесъ: «Этого я не могу простить, потому что онъ оскорбилъ мою мать» [1]).

Моя мать и Осиповъ говорили, что дѣло еще не потеряно, что можно подать новое прошеніе при коронаціи. Отецъ поѣхалъ къ министру двора, Адлербергу, который наотрѣзъ отказалъ, за симъ къ президенту Академіи В. К. Маріи Николаевнѣ. Она также отказалась просить за человѣка, котораго Государь самъ вычеркнулъ. «Ну, такъ я самъ, отъ своего имени подамъ прошеніе!» — сказалъ разгоряченный отецъ. «Что съ вами? — сказала великая княгиня, я, сестра, не смѣю этого сдѣлать, а вы...» — «А я подамъ». «Да вы съ ума сошли!» — воскликнула великая княгиня. Отецъ, несмотря ни на что, испол-

---

[1]) Вѣроятно, въ одномъ изъ стихотвореній, взятыхъ при обыскѣ.

нилъ свое намѣреніе. Черезъ нѣсколько времени, мать моя получила письмо отъ Шевченка, которое привожу здѣсь:

22 Апрѣля 1856 г.

«Христосъ воскресе. Благородное письмо Ваше, отъ 20 Февраля, получено мною 15-го Апрѣля, и получено такъ кстати, какъ я еще никогда не получалъ (въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія) такого искренняго, сердечнаго письма въ такой день. Страстная недѣля была проведена мною въ самомъ тяжкомъ ожиданіи. И въ продолженіе Великаго поста, и, въ особенности, на страстной недѣлѣ, когда у насъ открылось водное сообщеніе, я ждалъ изъ Оренбурга почты, которая должна была привезти мнѣ прощеніе, вслѣдствіе высочайшаго манифеста, обнародованнаго по случаю восшествія на престолъ Государя Императора. Оказалось что же? Что я не былъ представленъ къ этой высочайшей милости [1]). Что я не вычеркнутъ изъ реестра мучениковъ. Что я забытъ. Горько, да и какъ еще горько получить такое извѣстіе и въ такой великій день. Это страшная насмѣшка меня карающей судьбы! О, не приведи Господи никому такъ встрѣтить этотъ радостный, торжественный день, какъ я его теперь встрѣтилъ. Вообще, эти великіе праздники внѣ семейства и родины встрѣчаются не весело, какого же я его теперь встрѣтилъ? Я близокъ былъ къ отчаянью, такъ меня ошеломило это безнадежное извѣстіе. Грустно, невыразимо грустно встрѣтилъ и проводилъ я первый день праздника. На другой день ротный ко-

---

[1]) Шевченко не могъ знать, что имя его было внесено въ списки но вычеркнуто.

Медаль въ память Отечественной войны.
Раб. графа Ѳ. П. Толстого.

мандиръ объявилъ мнѣ, что получено страховое письмо на мое имя и приказалъ отдать его мнѣ. Это было Ваше искреннее, великодушное посланіе [1]). Награди васъ Господи и близкихъ вамъ безконечной радостію и невозмутимымъ счастіемъ и спокойствіемъ! Я ожилъ, я воскресъ! И остальные дни праздника я провожу, какъ бы въ родномъ семействѣ, между Васъ и Николая Осиповича, мои милые, мои добрые, мои великодушные друзья! Я такъ обрадованъ, такъ осчастливленъ вашимъ ласковымъ привѣтомъ, что забываю гнетущее меня девятилѣтнее испытаніе. Да, уже девять лѣтъ, какъ казнюся я за грѣшное увлеченіе моей безтолковой молодости! Преступленіе мое велико, я это сознаю, но и наказаніе безгранично, и я не могу понять, что это значитъ. Конфирмованъ я съ выслугою, служу, какъ истинный солдатъ; одинъ мой недостатокъ, что я не могу дѣлать ружьемъ, какъ бравый ефрейторъ, но мнѣ уже 50 лѣтъ.

Мнѣ запрещено писать стихи, я знаю за что и переношу наказаніе безропотно. Но за что мнѣ запрещено рисовать? Свидѣтельствуюсь Сердцевѣдцемъ Богомъ — не знаю. Да и судьи мои столько же знаютъ, а наказаніе страшное! Вся жизнь моя была посвящена божественному искусству. И что же? Не говорю уже о матеріальной пыткѣ, о нуждѣ, охлаждающей сердце. Но какова пытка нравственная? О, не приведи Господи никому на свѣтѣ испытать ее. Хотя съ великимъ трудомъ я, однакожъ, отказалъ себѣ въ самомъ необходимомъ. Довольствуюсь тѣмъ, что царь

[1]) Въ этомъ письмѣ мать подавала нѣкоторую надежду на коронацію, но не сообщала ничего опредѣленнаго, потому всѣ просьбы со стороны поэта.

даетъ солдату. Но какъ отказаться отъ мысли, чувства, отъ этой неугасимой любви къ прекрасному искусству. О, спасите меня, или еще одинъ годъ, — и я погибъ. Какъ мое будущее? Что у меня на горизонтѣ? Слава Богу, если богадѣльня и, можетъ быть... О, да не возмутится сердце Ваше. Мнѣ снится иногда бѣдный ученикъ Мартоса и первый учитель покойнаго Витали. Малодушное, недостойное пророчество! Но вода на камень падаетъ и камень пробиваетъ.

Я не знаю, писалъ ли обо мнѣ графъ Ѳедоръ Петровичъ Оренбургскому генералъ-губернатору? Если нѣтъ, то именемъ Божіимъ молите его — пускай напишетъ; безъ него нельзя для меня ничего сдѣлать. Коронація Государя Императора предѣлъ моей единственной надежды.

Какъ въ Бога милосердаго, такъ я вѣрую въ ваше милосердіе, и во имя этой святой вѣры, подайте отъ себя прошеніе обо мнѣ ея высочеству, нашему августѣйшему президенту. Во имя человѣколюбія, принесите эту жертву. Подобныя жертвы приносятся матерями и сестрами; но у меня ни сестры, ни матери, никого нѣтъ. Замѣните же мнѣ и ту, и другую, замѣните мнѣ единственнаго друга!

Прощайте, мой искренній, мой великодушный анонимъ. Не оставляйте меня и дѣлайте, что вамъ укажетъ ваше доброе сердце, и что можетъ сдѣлать; а чего нельзя — предоставимъ всемогущему человѣколюбію!

Въ отношеніи книгъ, полагаюсь совершенно на вашъ выборъ. Не забудьте кисть и плитку сепіи, пускай хоть полюбуюсь на эти предметы, сердцу дорогіе».

Можно ли было, читая такое трогательное, отчаян-

ное письмо, такой вопль о спасеніи изстрадавшейся души, оставаться равнодушными?

Прошла коронація, — отвѣта не было. Волненіе въ нашемъ домѣ было большое, — всѣ предсказывали самыя ужасныя послѣдствія смѣлой выходки отца. Время тянулось, неизвѣстность все болѣе томила, но я должна сказать къ чести нашей семьи, что все вниманіе всѣхъ насъ было обращено не на личные интересы, а только на то: будетъ или нѣтъ освобожденъ Шевченко? Наконецъ, — никогда не забуду я этого вечера, — отвѣтъ былъ полученъ! Бумага пришла часовъ въ одиннадцать вечера; мы, дѣти, уже спали. Вдругъ тетя будитъ насъ. «Что такое?» — вскакиваемъ мы. — «Радость! радость! одѣвайтесь скорѣе, идите въ залу...» Въ одну минуту готовы, летимъ въ залу, попадаемъ въ объятія матери, въ объятія Николая Осиповича, который подбрасываетъ насъ на воздухъ. Тутъ и тетя Надя, ради такого торжества, спустившаяся со «своего верху», m-me Левель [1]), всѣ въ одинъ голосъ кричатъ: «Освобожденъ! освобожденъ! Шевченко освобожденъ!» Суютъ намъ какую-то бумагу.. Отецъ притягиваетъ насъ къ себѣ, лицо у него свѣтлое и радостное... Раздается выстрѣлъ открываемой бутылки шампанскаго, и мы съ сестрой, точно теперь только проснувшись, начинаемъ кричать отъ радости и кружиться по залѣ.

Мать моя, теперь уже не скрывая своего имени, тотчасъ же сообщила Шевченку счастливую вѣсть и получила отъ него безумно радостное письмо, съ обрывками мыслей, надеждъ и плановъ, выдержки изъ котораго я привожу:

---

[1]) Она снова жила у насъ.

9 Января 1857 г.

«Драгоцѣнное письмо ваше, отъ 8-го Октября минувшаго года, получено въ укрѣпленіи 26-го декабря, а мнѣ передано распечатанное 1-го Генваря, какъ подарокъ на новый годъ. Какое мелкое, матеріальное понятіе о подаркѣ и праздникѣ. Дѣтское понятіе. Есть люди, дожившіе до сѣдыхъ волосъ, а все таки дѣти. Иные тихіе и кроткіе, другіе буйные и шаловливые. Дѣти, не наученныя опытомъ понимать самыя простыя вещи. Какъ напримѣръ, не говорю уже о десятилѣтнемъ моемъ чистилищѣ, довольно и шестимѣсячнаго, трепетнаго, душу гнетущаго ожиданія. И что же? Они, разумѣется, безсознательно, крадутъ изъ моей мученической жизни, самые свѣтлые, самые драгоцѣнные четыре дня! Къ шестимѣсячной пыткѣ прибавляютъ еще четыре дня. Дикое преступленіе! А между тѣмъ безсознательное. Слѣдовательно, только вандализмъ, а не преступленіе. И я съ умиленіемъ сердца повторилъ слова распятаго человѣколюбца: прости имъ, не вѣдаютъ бо, что творятъ.

Друже мой, благородный, лично не знаемый! Сестро моя, Богу милая, никогда мною невидѣнная! Чѣмъ воздамъ, чѣмъ заплачу тебѣ за радость, за счастье, которымъ ты обаяла, восхитила мою бѣдную тоскующую душу? Слезы! Слезы безпредѣльной благодарности приношу въ твое возвышенное, благородное сердце. Радуйся несравненная заступница моя! Радуйся, сестро моя сердечная! Радуйся, какъ я теперь радуюсь,, друже мой душевный! Радуйся, ты вывела изъ бездны отчаянья мою малую, мою бѣдную душу! И радость твоя, какъ моя благодарность, безпредѣльны . . . . . .

. . . . . .

Какъ золото изъ огня, какъ младенецъ изъ купели, я выхожу теперь изъ мрачнаго чистилища, чтобы начать новый благородный путь жизни. И это я называю истиннымъ, настоящимъ счастьемъ. . . . .

. . . . . .

Пока я могъ взяться за перо, чтобы написать вамъ что-нибудь, непохожее на настоящую чепуху, я бродилъ нѣсколько дней вокругъ укрѣпленія, и не съ однимъ письмомъ вашимъ, а съ вами самими, сестро моя, Богу милая! И о чемъ я не говорилъ съ вами! Чего не пересказалъ, чего не повѣрилъ я душѣ вашей воспріимчивой! Все, и мрачное минувшее, и свѣтлое будущее, все съ самомалѣйшими подробностями. . . . . .

. . . . . .

Я до того дошелъ въ своихъ предположеніяхъ, что вообразилъ себя на Васильевскомъ островѣ въ какой-нибудь отдаленной линіи, въ скромной художественной кельѣ, работающимъ надъ мѣдною доскою (я исключительно намѣренъ заняться гравированіемъ акватинта. Живописцемъ я себя уже и вообразить не могу.) Далѣе воображаю уже себя искуснымъ граверомъ, дѣлаю нѣсколько рисунковъ сепіей съ знаменитыхъ произведеній въ Академіи и Эрмитажѣ и, съ такимъ запасомъ, отправляюсь въ мою милую Малороссію и на хуторѣ у одного изъ друзей моихъ, скромныхъ поклонниковъ музъ и грацій, воспроизвожу въ гравюрѣ знаменитыя произведенія обожаемаго искусства. Какая сладкая, какая отрадная мечта! Какое полное, безмятежное счастье! И я вѣрую и осязаю мое сладкое будущее. . . . . .

. . . . . .

Многое и многое хотѣлъ бы я сказать и разска-

зать вамъ. Но во мнѣ теперь такой безпорядокъ, хуже всякаго ералаша... Дождусь ли я того, того тихаго, сладкаго счастья, когда вамъ лично, стройно, спокойно, съ умѣренностью перерожденнаго христіанина, расскажу я, какъ сонъ, мое грустное минувшее».

Какъ извѣстно, Шевченко былъ задержанъ въ Нижнемъ и нуждался въ деньгахъ; чтобы доставить ему нужныя средства, у насъ устроился въ 1857-мъ году домашній спектакль.

Для насъ, дѣтей, это было необыкновенно веселое время. Мы были уже настолько взрослыя, что живо интересовались артистической стороной этого спектакля, и настолько дѣти, что насъ забавляли всѣ мелочи приготовленій, и мы устраивали себѣ массу побочныхъ удовольствій: десять разъ въ день бѣгали въ театръ и задавли на сценѣ собственныя импровизированныя представленія. Съ утра до ночи у насъ толпилась молодежь, гостили барышни. Машенька Константинова была годомъ меня старше, она воспитывалась въ одномъ изъ хорошихъ петербургскихъ пансіоновъ, и такъ какъ ея родители жили въ провинціи, а ея отецъ и дядя почти воспитывались у отца моего, то понятно, Машенька всегда проводила праздники у насъ. Она была милая, ласковая дѣвочка, привязанная ко всѣмъ намъ и единственная изо всѣхъ моихъ подругъ, къ которымъ и я также была серьезно привязана и съ которой была вполнѣ откровенна. Живя въ пансіонѣ, гдѣ ей приходилось выносить много тяжелаго, она была гораздо разсудительнѣе и сдержаннѣе меня, но, по природѣ веселая, чувствуя себя у насъ хорошо и свободно, она всѣхъ заражала своимъ милымъ искреннимъ смѣхомъ. Она была маленькая, полненькая, хорошенькая, съ румяными

щечками и ясными глазками; она была такимъ же ребенкомъ и такъ же мало думала о кокетствѣ или ухаживаніи, какъ и я. Сашенька Б., высокая, стройная брюнетка лѣтъ 17-ти, казалась намъ, дѣтямъ, серьезною и скромною, но взрослые называли ее большой кокеткой. Зато другая гостившая у насъ барышня, Лизанька Ш., дѣвушка лѣтъ 17-ти, высокая, полная красавица-блондинка, изображала изъ себя настоящаго diable-à quatre; она все у насъ перевертывала вверхъ дномъ, пѣла, болтала, плясала, всѣхъ задирала, не исключая даже отца моего. Мы, младшія, безъ мѣры восхищались ею и слѣдили съ интересомъ за ея flirt' омъ съ г-мъ К. Она постоянно ссорилась съ нимъ, кокетничала при немъ съ другими и, доведя его до состоянія полнаго отчаянія, снова привлекала къ своимъ ногамъ и своей улыбкой дѣлала счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Мы были на сторонѣ молодого К., до слезъ жалѣли его, страшно злились на Лизаньку, когда она мучила его, но потомъ, такъ же, какъ и онъ, прощали очаровательную шалунью.

Вокругъ И. Л. Г. всегда тѣснилась толпа ухаживателей. Уже немолодая дѣвушка, но очень кокетливая, она была талантлива, умна, жива и обладала большимъ и хорошо обработаннымъ голосомъ. Она числилась пансіонеркой Елены Павловны, ученицей Глинки, пользовалась въ Петербургѣ репутаціей хорошей салонной пѣвицы и принимала у себя знаменитыхъ артистовъ. У нея я познакомилась впослѣдствіи съ Антономъ Рубинштейномъ. И. Л. была усердной посѣтительницей нашихъ вечеровъ, и въ этотъ разъ тоже принимала участіе въ спектаклѣ.

Всѣ эти flirt'ы были чѣмъ-то исключительнымъ въ нашемъ домѣ; они пронеслись съ этимъ спектак-

лемъ и исчезли съ нимъ, но въ это время атмосфера любви царила у насъ до такой степени, что даже мама шутила, говоря, что ревнуетъ отца къ одной хорошенькой молодой барынькѣ, женѣ одного изъ нашихъ артистовъ. Нашъ домъ такъ и трепеталъ веселъемъ.

Странно, какъ самыя противоположныя впечатлѣнія совершенно спокойно рядомъ укладывались въ моей головѣ! Ясно помню я вечеръ первой считки, которая происходила въ субботу. По обыкновенію, отправилась я ко всенощной, чувствовала себя въ церкви очень хорошо, и въ какомъ-то торжественномъ, счастливомъ, но серьезномъ настроеніи прошла мрачными, полуосвѣщенными академическими коридорами; высокіе своды терялись въ таинственной мглѣ, каменныя плиты звонко отдавали звуки шаговъ, всегда возбуждая во мнѣ невольный страхъ... Звонокъ, отворенная дверь — и на меня хлынули потоки свѣта, шумъ людского смѣха, пахнуло широкой жизнью... И такіе контрасты не поражали меня, не противорѣчили другъ другу. Я брала свои радости, — какъ въ святой тишинѣ церкви, такъ и въ шумномъ веселъи гостиной, — все это совершенно естественно сливалось въ моемъ представленіи въ одно понятіе: благость ко мнѣ Бога, — мое счастье.

Въ этотъ вечеръ я въ первый разъ увидѣла у насъ m—me Кони, которая брала на себя роль Кауровой въ комедіи Тургенева: «Завтракъ у предводителя», и пришла въ восторгъ отъ ея превосходнаго чтенія, а также отъ ея добродушія, веселости и умѣнья заинтересовать своимъ разговоромъ. Всѣ сразу рѣшили, что она сыграетъ эту роль лучше Линской, и, какъ оказалось впослѣдствіи, не ошиблись. Г-жа

Кони, урожденная Сандунова, до замужества была актрисой, и заполучить талантливую и опытную артистку для одной изъ главныхъ ролей было большой удачей для домашняго спектакля — это должно было возбуждать и въ прочихъ участвующихъ желанье стать на ея уровень. Впрочемъ, всѣ относились горячо къ этому спектаклю, всѣ старались, чтобы онъ вышелъ на славу. Сцену устроили въ одной изъ залъ академическаго музея, гдѣ могли помѣститься 500 человѣкъ; Роллеръ взялся самъ ставить декораціи, Каратыгинъ— быть режиссеромъ, Самойловъ — репетировать съ актерами, Контскій — играть въ антрактахъ. Рѣшено было назначить спектакль тогда, когда пьесы будутъ разучены до малѣйшихъ деталей, и играть безъ суфлера. А. П. Рясовскій предложилъ въ концѣ спектакля представить французскаго продавца d'images d'Epinal, нѣчто вродѣ нашего раешника, что и было принято и, въ день представленія, имѣло большой успѣхъ, какъ нѣчто новое и оригинальное.

Послѣ этого вечера было еще нѣсколько считокъ, и потомъ уже приступили къ репетиціямъ, на которыхъ часто присутствовалъ и старикъ Сосницкій.

На каждую роль было нѣсколько желающихъ; на считкахъ дѣлался первый выборъ, но этимъ не довольствовались, бѣдныхъ заставляли выучивать роли, и на репетиціи окончательно выбирался лучшій актеръ. Всѣ охотно шли на это, и никто не обижался. Вообще, никакихъ ссоръ и неудовольствій не было; этому, кромѣ общаго соревнованія въ успѣхѣ спектакля, немало способствовалъ авторитетъ отца; онъ говорилъ: «мы всѣ согласны въ желаніи, чтобы этотъ спектакль вышелъ, какъ можно лучше, такъ ужъ навѣрное, господа, никто изъ васъ за правду

обижаться не будетъ», — и всѣ съ нимъ согласились не допускать въ свою среду никакой мелочности.

Мирному характеру приготовленій къ спектаклю способствовало и то, что въ немъ участвовали только три женщины, которыя были каждая въ своемъ амплуа и не могли другъ съ другомъ соперничать.

Спектакль состоялся 13-го апрѣля 1857 года.

Дѣйствительно, онъ былъ въ высшей степени удаченъ; его отличительную черту составляло то, что онъ совершенно не былъ похожъ на домашніе спектакли съ ихъ обыкновенной неурядицей и неумѣлостью. Никакія кулисы не задѣвали, никакихъ замѣшательствъ не было при входахъ и выходахъ; не было ни суеты на сценѣ, ни лишнихъ жестовъ у актеровъ; всѣ были свободны, какъ дома, всѣ имѣли видъ не любителей, а опытныхъ профессіональныхъ артистовъ; роли были разучены такъ, что играли, какъ и было предположено, безъ суфлера; загримированы были всѣ восхитительно; когда Н. О. Осиповъ зашелъ ко мнѣ передъ спектаклемъ, я не могла узнать его, хотя очень внимательно всматривалась въ него: гримъ былъ совершенно незамѣтенъ, даже вблизи казалось, что это—естественное лицо человѣка.

Всѣ играли хорошо, въ томъ числѣ и моя мамаша, въ «Дипломатіи жены», и m—lle Грюнбергъ въ «la Niaise de St. Flour», которая давалась по-французски, но въ главномъ «clou» спектакля, въ «Завтракѣ у предводителя», игра нашихъ артистовъ дошла до совершенства.

Каждый изъ нихъ создалъ типъ, и ни одинъ не впалъ въ шаржъ или каррикатурность. Когда Осиповъ въ роли помѣщика Алупкина говорилъ фразу:

«Ну, положимъ, мой мужичокъ укралъ козла; но вѣдь у меня дочь Екатерина, вы это возьмите въ соображеніе!»,—говорилъ онъ это до того горячо, серьезно и убѣдительно, что весь театръ гремѣлъ отъ хохота; онъ представилъ типъ стараго отставного военнаго, крайне вспыльчиваго, недалекаго, но убѣжденнаго въ своемъ достоинствѣ. Шульманъ превосходно изобразилъ пронырливаго, мелкаго помѣщика-лизоблюда; Соколовъ въ роли дѣлящагося съ сестрой помѣщика Беспандина, былъ толстъ, лѣнивъ и апатиченъ, какъ настоящій южный помѣщикъ; роль предводителя Баласалаева, крайне неблагодарную, такъ какъ онъ все время только уговариваетъ и старается мирить, г-нъ Хитрово провелъ просто и хорошо. Двѣ очень маленькія роли бывшаго предводителя дворянства и судьи были такъ хорошо исполнены—первая Росовскимъ, а вторая художникомъ Мартыновымъ,—что производили взрывы восторга въ публикѣ. Бывшій предводитель является въ самомъ концѣ пьесы, когда Баласалаевъ уже отчаялся примирить брата и сестру; всѣ ждутъ, какъ утопающій хватается за соломинку, что скажетъ бывшій предводитель; но онъ, хотя и сохранилъ привѣтливыя и свѣтскія манеры стараго джентльмена, видимо, впалъ въ дѣтство и ничего не понимаетъ. Окруженный всеобщимъ вниманіемъ, онъ пристально разсматриваетъ планъ раздѣла, говоритъ шамкающими губами: «Знаете, я бы это раздѣлилъ иначе: вотъ такъ... Я это, конечно, только en gros...»—и проводитъ пальцемъ по плану какую-то совершенно произвольную и ни съ чѣмъ несообразную линію. Картина. Баласалаевъ выражаетъ на лицѣ своемъ снисходительное презрѣніе къ своему

предшественнику, будто говоритъ: «Чего же другого можно было ожидать отъ него?» Братъ, у котораго было-блеснула нѣкоторая надежда, окончательно сраженъ. Судья Сусловъ, который во все время пьесы сидѣлъ за отдѣльнымъ столикомъ, закусывалъ, пилъ и ни на что не обращалъ вниманія, но теперь тоже приблизившійся къ общей группѣ, машетъ рукой и снова принимается за ѣду. Мартыновъ совсѣмъ не былъ загримированъ,—онъ и такъ какъ нельзя больше подходилъ къ этой роли: среднихъ лѣтъ, полный, немного лысый. Совершенно спокойно сидѣлъ онъ и, все время, съ наслажденіемъ смаковалъ всякія кушанья; когда предводитель обращался къ нему со словами: «не угодно ли вамъ посмотрѣть?»—онъ, съ полнымъ ртомъ и не трогаясь съ мѣста, отвѣчалъ: «я вижу!»—Онъ не дѣлалъ никакихъ жестовъ, ничего не утрировалъ,—просто сидитъ себѣ человѣкъ самымъ спокойнымъ образомъ и ѣстъ, но стоило взглянуть на него, чтобы разразиться неудержимымъ хохотомъ; въ чемъ, именно, заключался этотъ комизмъ, я даже не могу опредѣлить,—можетъ быть, именно въ простотѣ, естественности и серьезности, съ которыми это дѣлалось,—но Мартыновъ до сихъ поръ въ этой роли стоитъ передъ моими глазами, какъ живой. Лучше всѣхъ была И. С. Кони. У нея неоспоримо былъ громадный талантъ; въ этой пьесѣ она не играла,—она была сама г-жа Каурова. Среди дѣйствія произошелъ маленькій инцидентъ: Шульманъ, подавая, m-me Кони редиски, нечаянно облилъ ее водой съ тарелки, но она такъ естественно вскинула на него глаза и такимъ недовольнымъ голосомъ сказала: «Да что это ты, мой батюшка?», что публика осталась убѣ-

женной, что такъ надо было по пьесѣ. Публики была масса, зала биткомъ набита; въ антрактахъ, кромѣ оркестра на хорахъ, за сценой Контскій игралъ на фисгармоніи. Спектакль былъ довольно продолжителенъ, но онъ былъ такъ разнообразно составленъ и хорошо исполненъ, что никто не скучалъ, и тутъ же публика просила о повтореніи его, что и было исполнено черезъ нѣсколько дней при такомъ же стеченіи и удовольствіи зрителей. Мы, дѣти, въ антрактахъ, конечно, летѣли за кулисы. Большое удовольствіе было намъ смотрѣть на публику въ дырочку въ занавѣсѣ, но много интереснѣе было присутствовать при той веселости, которая лилась за кулисами, около столовъ съ чаемъ и закуской, гдѣ толпились и актеры въ ихъ костюмахъ, и большинство нашихъ знакомыхъ. Столы были устроены въ большой залѣ музея, между женскими и мужскими уборными. Тетя всѣхъ радушно угощала, и наши расходившіеся актеры смѣшили насъ разсказами, анекдотами и продолжали за кулисами свои роли.

Несмотря на весь этотъ шумъ и на все это возбужденіе въ нашемъ домѣ, уроки мои шли своимъ порядкомъ. Не помню, хорошо ли шло ученіе именно въ это время, но вообще я хорошо и охотно училась. На меня не только домашніе, но и наши добрые знакомые смотрѣли почему-то какъ на выдающагося по своимъ способностямъ ребенка, чего-то особеннаго ожидали отъ меня, и меня это какъ-то обязывало учиться изо всѣхъ силъ. Это была, впрочемъ, единственная обязанность, которую я признавала; во всемъ остальномъ я предавалась своимъ желаніямъ и влеченіямъ. Этимъ я не хочу сказать, чтобы мнѣ позволялось дѣлать все, что бы

мнѣ ни вздумалось,—мои дѣйствія контролировались матерью, но такъ незамѣтно, что я этого не сознавала,—мнѣ же самой не приходилось приневоливать себя ни въ чемъ, кромѣ ученья, да и въ послѣднемъ случаѣ очень мало, такъ какъ ученье давалось мнѣ легко. Кромѣ того, что у меня была хорошая память, занятія были мнѣ очень облегчены отсутствіемъ экзаменовъ и полной свободой преподаванія. Давали мнѣ уроки лучшіе въ Петербургѣ учителя. Главное вниманіе было обращено на языки, литературу, исторію и искусства; немного физики было тоже включено въ программу, но два предмета, считающіеся главными во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, были совершенно исключены изъ моего образованія;—это были: ариѳметика и законъ Божій. Первый моя мамаша считала чѣмъ-то низшимъ, матеріальнымъ. Она была преисполнена немного запоздалаго романтизма, хотѣла создать изъ меня неземное, возвышенное существо, которое не должно было умѣть считать и разсчитывать, не должно было имѣть понятія ни о чемъ практическомъ, житейскомъ: «чѣмъ больше человѣка обманываютъ, тѣмъ лучше для него, ибо это показываетъ чистоту его души; пусть его обманываютъ, но онъ не долженъ никогда терять довѣрія и любви къ людямъ». Понятно, что при такихъ воззрѣніяхъ шитье, хозяйство, обращеніе съ деньгами, были совершенно изгнаны изъ моего воспитанія. Почему такому же остракизму былъ подвергнутъ и законъ Божій, я не знаю навѣрное, но сознательно или безсознательно сдѣлала это моя мать, я ей за это глубоко благодарна. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ положивъ въ руки одно только Евангеліе, мать дала мнѣ возможность

долгое время наслаждаться такою чистою вѣрой и такими блаженными религіозными экстазами, которые не выпадаютъ на долю тѣхъ, кто не имѣлъ вѣры, непосредственно создавшейся въ душѣ подъ вліяніемъ словъ божественнаго Учителя. Все для меня непознанное въ Евангеліи уходило въ туманъ передъ высокимъ ученіемъ Спасителя, передъ Его личностью, передъ его кровавымъ потомъ, передъ Его свободно взятыми на Себя страстями: на Себя, Чистаго и Непорочнаго, за насъ, грѣшныхъ и неблагодарныхъ! Еще совсѣмъ маленькой я плакала надъ этими страстями; когда стала постарше,—падала ницъ передъ ихъ величіемъ.

Но возвращаюсь къ тѣмъ предметамъ, которымъ я училась: языки я знала очень хорошо, литературой занималась съ наслажденіемъ, но новѣйшую иностранную литературу не успѣла пройти со своими учителями, такъ что пришлось потомъ самой дополнять этотъ пробѣлъ: мои учителя всѣ необыкновенно долго задерживались на народной поэзіи и эпосѣ, или на классикахъ. Французскій мой учитель, m-r de Tournefort, такъ и застрялъ на Корнелѣ. Этотъ добрый старикъ ужасно потѣшалъ меня своей страстью къ этому писателю, къ которому я уже успѣла охладѣть. M-r de Tournefort былъ высокъ, худъ, серьезенъ, разсѣянъ и обыкновенно казался вялымъ и апатичнымъ, читалъ и диктовалъ самымъ беззвучнымъ голосомъ и монотоннымъ образомъ, но когда дѣло доходило до Корнеля, мой французъ преображался: глаза его горѣли, краска появлялась на лицѣ, голосъ дѣлался громкимъ, онъ воодушевлялся до того, что вскакивалъ съ мѣста и съ трагическимъ жестомъ восклицалъ: „Tout votre Goethe et tout

votre Schakespeare ne valent pas cette seule phrase:— „Qu'il mourût!“ При этомъ онъ выговаривалъ «Гётé» и «Шакеспеаръ». Я тогда уже была хорошо знакома съ Шекспиромъ и немного съ Гете, но, любуясь пыломъ Турнефора, не пыталась даже возражать ему.

Англійскій языкъ намъ преподавалъ г-нъ Бишопъ, очень модный тогда учитель. Онъ давалъ намъ уроки на дому, но, кромѣ того, мы, когда стали постарше, ѣздили по вечерамъ къ нему на его практическіе курсы. Эти курсы были очень цѣлесообразны и интересны. Около длиннаго стола, покрытаго зеленымъ сукномъ, подъ предсѣдательствомъ учителя, разсаживались ученики, все почти взрослые дамы и мужчины. Они читали по очереди вслухъ что-нибудь изъ поэтовъ-классиковъ, потомъ разбирали и критиковали прочитанное, спрашивали о томъ, что имъ было непонятно, при чемъ разъясненія давалъ или также кто-нибудь изъ учениковъ, или самъ учитель; читали стихотворенія наизусть. За симъ кѣмъ-нибудь изъ присутствующихъ говорилась рѣчь, экспромтомъ, на тутъ же заданную тему, или приготовленную дома. Иногда, вмѣсто рѣчи, происходили диспуты: одинъ ученикъ долженъ былъ защищать какой-нибудь назначенный учителемъ тезисъ, другой долженъ былъ опровергать его. Когда кто-нибудь покидалъ классъ, одинъ изъ учащихся долженъ былъ сказать ему прощальное слово, вновь поступающаго встрѣчали привѣтственной рѣчью. Послѣ этихъ упражненій подавался чай, во время котораго Бишопъ заводилъ разговоръ, стараясь втянуть въ него всѣхъ присутствующихъ, и вечеръ часто оканчивался живой и веселой бесѣдой.

Медаль въ память Отечественной войны, раб. графа Ѳ. П. Толстого.

Иногда разыгрывались маленькія англійскія пьески, или передѣлывались сцены изъ романовъ; разъ у насъ воспроизводился судъ надъ Пиквикомъ; дѣйствующія лица могли говорить все, что вздумается, лишь бы это было въ характерѣ того лица, которое они изображали. Понятно, что при такихъ занятіяхъ легко пріобрѣталось практическое знаніе языка, развязность и умѣнье говорить.

Не стану распространяться обо всѣхъ моихъ учителяхъ, между которыми были такія имена, какъ Сентъ-Илеръ, разсѣявшій мракъ, въ которомъ я пребывала въ области естественныхъ наукъ, какъ Бауеръ, будущій професоръ петербургскаго университета, читавшій мнѣ настоящія лекціи, приводившія меня въ восторгъ и открывавшія мнѣ новый горизонтъ въ любимомъ моемъ предметѣ — древней исторіи; какъ А. Г. Контскій, человѣкъ, которому самъ Бетховенъ игралъ свои сонаты; упомяну только знаменитыхъ по своей части учителей танцевъ, Стуколкина, Пишо [1]), старика-итальянца, пѣвшаго теноромъ въ шестьдесятъ лѣтъ и писавшаго мнѣ стихотворенія, вродѣ m-r Трикэ. Перейду къ тому изъ моихъ учителей, кто имѣлъ наибольшее вліяніе на мое развитіе, къ Н. Д. Старову.

Николай Дмитріевичъ Старовъ, поклонникъ Грановскаго, Бѣлинскаго и Герцена, былъ большой идеалистъ и мечтатель, но вмѣстѣ съ тѣмъ удивительно живой человѣкъ. Большой шутникъ и весельчакъ, онъ хранилъ въ душѣ постоянное недовольство со-

---

[1]) У насъ было обращено большое вниманіе на танцы, такъ какъ отецъ очень любилъ ихъ. Онъ всегда мечталъ переорганизовать нашъ балетъ въ болѣе естественномъ и классическомъ духѣ. Какъ онъ, вѣроятно, былъ бы доволенъ Айседорой Дунканъ.

бой и горячую скорбь о страданіяхъ человѣчества; эта нотка дѣлала его симпатичнымъ. Онъ былъ до безконечности впечатлителенъ, страшно увлекался, мѣры ни въ чемъ не было у этого человѣка: онъ постоянно переходилъ изъ одной крайности въ другую, неистовый восторгъ смѣнялся у него такимъ же негодованіемъ, безумное веселье — отчаяньемъ. Надо удивляться, какъ тѣло его выносило такія постоянныя волненія. Можетъ быть, его чувства, вырываясь постоянно наружу, не ложились такимъ тяжелымъ гнетомъ на душу, какъ у болѣе замкнутыхъ натуръ; впрочемъ, онъ скоро сгорѣлъ и до успокоенія старости не дожилъ. Несмотря на свой умъ и начитанность, онъ былъ настолько необузданъ, что заносился въ своихъ рѣчахъ иногда до абсурдовъ, но всегда былъ вполнѣ искренень, и потому имѣлъ вліяніе на окружающихъ, въ особенности на молодые умы, и вліяніе, во всякомъ случаѣ, хорошее. Много умственной пищи, много различныхъ познаній пріобрѣла я отъ Николая Дмитріевича, хотя, надо правду сказать, въ весьма хаотическомъ состояніи. Одинъ урокъ толковалъ онъ о подлежащемъ и сказуемомъ, слѣдующій — о значеніи формъ глаголовъ въ разныхъ языкахъ; разъ цѣлый урокъ разбиралъ этимологическое происхожденіе двухъ-трехъ словъ, другой — позабывъ часы и время, посвящалъ горячей защитѣ правъ женщинъ: привычнымъ жестомъ откинувъ назадъ спадавшую на лобъ прядь волосъ, быстро шагая по комнатѣ, захлебываясь отъ волненія, онъ несся тогда на всѣхъ парахъ; рѣчь его лилась восторженно и красиво, заставляя замирать и трепетать мое юное сердце. Старовъ читалъ мнѣ все: Бѣлинскаго, Шекспира и Гервинуса, Домостроя, Тредья-

ковскаго и Герцена, все съ собственными комментаріями, съ тѣми же горячими диѳирамбами и филиппиками... Онъ широкой струей вливалъ въ мою душу и идеализмъ сороковыхъ годовъ, и либерализмъ пятидесятыхъ; онъ мало научилъ меня русской грамотѣ, но научилъ мыслить, чувствовать, задумываться надъ прочитаннымъ. Отецъ самъ никогда не училъ насъ, говоря, что онъ будетъ недостаточно терпѣливъ со своими дѣтьми и боится этимъ повредить намъ.

Заговоривъ о моемъ образованіи и воспитаніи, я должна упомянуть здѣсь, что, какъ въ раннемъ дѣтствѣ, такъ и въ юности, мать сумѣла изолировать меня отъ міра моихъ сверстницъ по годамъ. Какъ въ дѣтствѣ, такъ и въ юности, у меня, кромѣ Машеньки Константиновой, не было подругъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Тѣ дѣвушки, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться почти каждый день, были очень далеки отъ меня, онѣ чуждались меня и называли bas bleu, я же считала ихъ пустыми, смотрѣла на нихъ свысока и, привыкшая къ мужскому обществу, не интересовалась ихъ болтовней; наши съ ними разговоры были всегда, если можно такъ выразиться, офиціальными и только усугубляли мое презрѣніе къ этимъ барышнямъ, неизмѣримо выше которыхъ я, въ своей безпричинной гордости, себя считала. Вслѣдствіе такого холоднаго отношенія къ подругамъ, я никогда не узнала того, что дѣвушки обыкновенно очень рано узнаютъ изъ интимныхъ разговоровъ другъ съ другомъ. Романы мнѣ позволяли читать съ четырнадцати лѣтъ, и то только англійскіе, и тогда я, въ восторгѣ, жила съ героинями Диккенса. Когда случалось, что мама или гувернантка оставляли въ комнатѣ книжку французскаго романа, я не при-

касалась къ ней: мнѣ было достаточно, если я слышала отъ матери: «это не для тебя», или: «это тебѣ не будетъ интересно». Не подозрѣвая существованія запретнаго плода, я не искала его; къ тому же я была такъ добросовѣстна, что если мнѣ давали книгу и отмѣчали, что отъ такого мѣста до такого я не должна читать, то я избѣгала даже какъ-нибудь нечаянно кинуть взглядъ на эти строки.

Пусть это покажется смѣшно современной молодежи, но я считала бы себя опозоренной въ собственныхъ глазахъ, если бы сдѣлала что-нибудь т а й н о, допустила себя до какой-нибудь л ж и. Если я бунтовала, то бунтовала открыто.

VIII.

O, gioventú, primavera della vita!
O, primavera, gioventú dell'anno!(*)

1857—58-й годъ былъ знаменателенъ въ моей жизни; онъ былъ особенно богатъ впечатлѣніями, и въ это время разыгрался мой дѣтскій романъ.

Мнѣ минуло четырнадцать лѣтъ, и день моихъ именинъ былъ отпразднованъ въ этомъ году особенно весело и торжественно: у насъ долженъ былъ быть танцовальный вечеръ, и меня сильно занимало, что я буду танцовать со взрослыми. Вывозить меня, конечно, еще и не думали, но мама считала, что одинъ разъ повеселить меня дома не принесетъ мнѣ вреда.

Проснулась я утромъ и вижу надъ собой дорогое лицо, слышу тихій, ласковый голосъ: «Поздравляю тебя, родная!» — «И я тебя, тетя!» — говорю я, полусонная, обхватываю ея шею и притягиваю къ себѣ. —«Вставай, милая, въ церковь пора!» — Я поворачиваю голову и вижу передъ своей кроватью столикъ, убранный горшками цвѣтовъ. «Это отъ тебя?» — спрашиваю я и знаю, что это такъ, и рада, что ея подарокъ — первый, полученный въ этотъ день. — «А вотъ эту книгу прислалъ тебѣ Костенька; ты знаешь, онъ, вѣдь, предупреждалъ, что самъ не придетъ, потому что будутъ гости». — «Знаю ужъ я его!» — гово-

---

(*) О, юность, весна жизни!
О, весна, юность года!

рю я, улыбаясь, и рада, что его подарокъ тутъ же, вмѣстѣ съ тетинымъ; что бы мнѣ ни подарили, ужъ я напередъ знаю, что дороже для меня этихъ не будетъ.

Когда я выбѣжала въ залу, меня поразило неожиданное зрѣлище: вся комната обращена въ зимній садъ и въ окнѣ — мой вензель! Цѣлую ночь работали тутъ наши друзья, чтобы доставить мнѣ удовольствіе. Въ какомъ-то чаду отъ восторга, я отправляюсь въ церковь; въ передней тетя суетъ мнѣ въ руку что-то маленькое: «Вотъ, ты хотѣла имѣть образокъ Екатерины Великомученицы; я напомнила, мама и купила тебѣ, возьми его въ церковь!» —

Въ церкви въ этотъ день со мной произошелъ очень странный случай. Во время службы мнѣ на муфту сѣла неизвѣстно откуда прилетѣвшая большая, пестрая бабочка и все время сидѣла, трепеща крылышками. Я бережно отнесла ее домой, и она прожила у меня всю зиму. Возвращаемся мы изъ церкви какъ разъ къ завтраку, который накрытъ въ моей классной. Тутъ встрѣчаетъ меня семья и кое-кто изъ знакомыхъ; мама говоритъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ на тему, что я теперь стала старше, начинаю новый годъ моей жизни и проч. Я теперь по себѣ знаю, что родителямъ очень трудно обойтись безъ такихъ безполезныхъ рѣчей въ торжественныхъ случаяхъ, но и тогда это казалось мнѣ тоже неизбѣжною принадлежностью торжества; я искренно обѣщаю въ этомъ году вести себя совсѣмъ хорошо и устремляюсь къ столу съ подарками.

Весь день прошелъ оживленно и весело, а вечеръ былъ настоящимъ упоеньемъ для меня. Я еще была

слишкомъ молода, чтобы играть роль хозяйки и думать о другихъ, — напротивъ, м е н я чествовали и веселили: я свободно, вся предалась своей радости и за цѣлый вечеръ не присѣла ни на одну минуту: всѣ наперерывъ танцовали со мной, и я увѣрена, что это имъ самимъ доставляло удовольствіе, такъ какъ такого беззавѣтнаго счастья имъ врядъ ли случалось видѣть на человѣческомъ лицѣ. Когда, въ фигурѣ мазурки, кавалеры, хлопая въ ладоши, отбивали меня другъ у друга, въ состязаніи принялъ участіе папа, отбилъ меня отъ всѣхъ и всю остальную мазурку протанцовалъ со мной [1]). Я плясала до восьми часовъ утра, и на другой день не могла встать, ибо ноги мои такъ распухли, что даже чулки не налѣзали на нихъ.

Мнѣ не приходило въ голову, чтобы нашъ Костенька отважился присутствовать на балѣ, поэтому я совсѣмъ и не вспоминала о немъ въ этотъ вечеръ.

К. П. К. былъ одинъ изъ тѣхъ несчастныхъ людей, которые необыкновенно способны къ саморазъѣданью и очень сенситивны: ложь, пошлость причиняли ему страданіе, всякая малость причиняла ему боль, а судьба не щадила его. Тетя разсказывала мнѣ, что онъ любилъ одну молодую дѣвушку, а, такъ какъ отецъ ея объявилъ, что не отдастъ свою дочь за художника, то К. П. бросилъ академію, гдѣ успѣшно занимался, и поступилъ чиновникомъ въ департаментъ; но отецъ обманулъ его и все-таки не выдалъ за него дѣвушки, которая тоже любила К. Пожертвовать своимъ призваніемъ и не получить взамѣнъ ожидаемаго счастья — этого было достаточно, чтобы

---

[1]) Ему тогда шелъ 74-й годъ.

надломить человѣка, не обладающаго сильнымъ характеромъ.

Когда К. П. познакомился съ нами, онъ былъ дикъ и озлобленъ, онъ бѣгалъ отъ людей; часто, придя къ намъ и увидя, что у насъ уже кто-нибудь есть, онъ снова надѣвалъ пальто и уходилъ. Постепенно онъ сталъ относиться довѣрчивѣе къ людямъ, но все же избѣгалъ общества и предпочиталъ нашу дѣтскую. Мы, дѣти, испытали на себѣ, сколько нѣжности и любви было въ его сердцѣ. Онъ умѣлъ облекать свои слова о любви, добрѣ и правдѣ въ ясные образы, доступные дѣтскому пониманію; онъ рисовалъ въ наши тетрадки прелестныя вещицы; во время моей болѣзни, въ этомъ году, цѣлыми днями просиживалъ у моей постели, разсказывалъ, читалъ и переводилъ мнѣ массу прекрасныхъ вещей. Я чувствовала въ этомъ человѣкѣ такое богатство сердечной теплоты, такую деликатность души, а, узнавъ объ его несчастной судьбѣ, я испытывала къ нему такое нѣжное сожалѣніе, что я все больше и больше привязывалась къ нему, все больше и больше привыкла дѣлиться съ нимъ каждою мыслью. Говорятъ, мы были похожи другъ на друга лицомъ, и насъ иногда принимали за брата и сестру. По настоянію К., я начала въ этомъ году писать дневникъ; онъ вообще такъ умѣлъ со мною обращаться, что стоило ему своимъ ласковымъ голосомъ тихо сказать мнѣ: «сдѣлайте это для меня, Катечка!» — чтобы я съ радостью исполнила то, что передъ тѣмъ казалось мнѣ непріятнымъ и скучнымъ.

Прошелъ день послѣ моихъ именинъ, прошла недѣля, мѣсяцъ, а К. все не являлся къ намъ. Я знала, что онъ здоровъ, терялась въ догадкахъ; мнѣ каж-

дую минуту недоставало его. Наконецъ, тетя, подъ секретомъ, объяснила мнѣ причину. К. П. имѣлъ какой-то непріятный разговоръ съ мама.

Посреди обычныхъ занятій медленно и скучно тянулась зима. Случилось, что мою любимую собачку, Биби, переѣхали сани. Смерть ея была моимъ первымъ горемъ, сильно, интенсивно воспринятымъ горемъ. Много дней разливалась я горючими слезами надъ своимъ дневникомъ, гдѣ изображала самые трогательные некрологи Бибишкѣ, наконецъ, не вытерпѣла и написала К. Вотъ отвѣтъ, который я получила отъ него: «Милая Катечка, мнѣ тоже скучно и жаль бѣднаго Бибишку, но больше всего мнѣ хочется, чтобы вамъ было легче. Не плачьте слишкомъ много, пожалѣйте свѣтлые глазки свои. Мнѣ жаль васъ, и вы не ошиблись, что я раздѣляю ваше горе, потому что понимаю его. Но въ жизни все такъ полно жизни, не плачьте слишкомъ много, милая Катечка. Ваше горе заставило васъ написать письмо; ваше письмо, прежде всего, принесло такъ много счастья мнѣ. Благодарю васъ, ангелъ мой. О, какъ хотѣлось бы мнѣ утѣшить васъ. Но какъ — не знаю? Я любилъ покойника Биби, мнѣ жаль его преждевременную кончину, жаль этихъ слезъ, которыя льются по немъ, и ту привязанность, которая порвалась, и то сердце, у котораго отняли ее. Мнѣ жаль васъ, Катечка, но утѣшьтесь, не плачьте слишкомъ много. Вы должны владѣть своими чувствами, а не отдаваться имъ во власть. Утѣшьтесь. Мы всѣ теряемъ, — вы потеряли Биби, а я сестру».

Когда я теперь перечитываю это памятное письмо, мнѣ кажется, что оно какъ нельзя болѣе рисуетъ человѣка: и умъ его, и сердце. Какъ онъ сумѣлъ

стать на уровень ребенка, понять, что для меня Бибишка былъ другомъ, существомъ, одареннымъ и чувствомъ, и мыслью! Какъ своимъ сочувствіемъ располагаетъ меня къ довѣрію, какъ нѣжно, какъ постепенно подходитъ къ тому уроку, который хочетъ дать мнѣ, и какъ эффектно и сильно, наконецъ, преподаетъ его! Въ то время, когда я получила это письмо, я, конечно, ничего не анализировала, но дѣйствіе, желаемое К., было полное. Когда я начала читать, сердце мое таяло въ благодарности и вѣрѣ въ Костеньку; когда я дошла до словъ: «вы должны владѣть своими чувствами» — я испытывала приливъ бодрости и даже гордости, а послѣдняя фраза просто ошеломила меня, точно чѣмъ-то больно хлестнула: слезы мои изсякли разомъ, и мнѣ стало стыдно, глубоко стыдно. Какъ смѣшно показалось мнѣ мое маленькое горе, изливаемое такими громкими словами, передъ его великимъ горемъ, выраженнымъ такъ просто, будто мимоходомъ. Эта послѣдняя фраза, это сопоставленіе двухъ потерь, было мастерскимъ пріемомъ, сильнымъ лекарствомъ, сразу отрезвившимъ меня. Я была уничтожена и вмѣстѣ глубоко тронута.

Послѣ этого случая, тоска моя по Костенькѣ усилилась; я часто вспоминала о немъ въ своемъ дневникѣ: «когда онъ говоритъ со мной», — писала я — «я дѣлаюсь бодра, и могу побѣдить все зло, которое во мнѣ...»

«Мнѣ кажется, я не могу жить безъ него... Фу, глупости! Живу же!»

Я повѣряла свои мысли дневнику, но никогда ни съ кѣмъ не говорила больше о К., потому что съ нѣкоторыхъ поръ, когда упоминали при мнѣ его имя, я стала вспыхивать, какъ огонь, и это приводило ме-

ня въ совершенное отчаяніе, — всякій разъ хотѣлось сквозь землю провалиться.

Зима стала склоняться къ веснѣ, а во мнѣ происходило что-то новое и странное... Я вдругъ начала «думать»; прежде я всегда или занималась, или разговаривала, или играла, теперь я стала цѣлыми часами сидѣть и «думать». Ниша въ окнѣ коричневой гостиной сдѣлалась мѣстомъ моихъ новыхъ «думъ». Что это были за думы — трудно даже передать: это были скорѣе какія-то неясныя грезы и ощущенія: что-то небывалое закрадывалось въ сердце, что-то сладкое и грустное, слегка волнующее и баюкающее, какъ колыбельная пѣсня... Грезилась мнѣ природа, деревня, вѣчное лѣто, лунныя ночи, покачиванье лодки, шелестъ камышей на заливѣ, все это какое-то преображенное и безмятежное, всѣ мои милые тамъ, никто не ссорится, всѣ какъ-то особенно счастливы и всегда, всегда Костенька со мной...

Въ это же время сильный наплывъ религіознаго чувства овладѣлъ мною: въ перемежку со своими мечтами, я зачитывалась Евангеліемъ. Наступила страстная недѣля. Машенька Константинова была очень религіозна, въ ней вѣра сидѣла крѣпче, чѣмъ во мнѣ, но она была менѣе восторженна.

Въ этотъ годъ мы усиленно постились, съ наслажденіемъ посѣщали всѣ службы, поддерживали другъ друга въ этомъ настроеніи, читали вмѣстѣ молитвы, но я, одна въ своей комнатѣ, приходила въ настоящій молитвенный экстазъ: грудь просто не вмѣщала силы любви къ Богу... Для исповѣди священникъ приходилъ къ намъ въ домъ вечеромъ, въ страстную пятницу. Въ темной гостиной, передъ столикомъ съ Евангеліемъ, крестомъ и восковой свѣчкой, рыдая,

спрашивала я, какъ надо дѣлать добро и помогать людямъ? Что-то незатѣйливое сказалъ мнѣ нашъ добрый старичокъ-исповѣдникъ, но натянутое состояніе моихъ нервовъ вдругъ разрѣшилось божественнымъ покоемъ и радостью, мнѣ было такъ легко, точно камень сняли съ меня, точно мнѣ дали другую, лучшую душу. Когда я лежала вечеромъ въ своей постели, мнѣ казалось, что, еслибъ всѣ сказочныя чудовища, всѣ призраки и мертвецы, съ Гоголевскимъ Віемъ во главѣ, нагрянули теперь на меня, я бы нисколько не испугалась: я чувствовала себя чистой, безгрѣшной, я чувствовала близость Божію, я ощущала около себя дуновеніе Его...

Жалѣю я дѣтей, которыхъ рано коснулось безвѣріе и которыя не испытали такихъ чудныхъ мгновеній!

Весна показалась мнѣ особенно прекрасной, и я начала замѣчать многія красоты тоновъ и красокъ, которыхъ не замѣчала прежде; съ весеннимъ солнцемъ врывался въ мою душу лучъ надежды, и я убѣждала себя, что теперь я скоро, непремѣнно, должна встрѣтиться съ Костенькой и сказать ему, что я перечувствовала въ эту длинную зиму. Въ одно прекрасное утро, на набережной Невы (можетъ быть, не безъ содѣйствія тети), мы встрѣтились... Но лучше передать мою кратковременную идиллію словами ея четырнадцатилѣтней героини, — гдѣ же теперь, проживши всю жизнь, найти слова достаточно свѣжія и наивныя!..

«Пятница, 11-го апрѣля. — Гуляя по утру на набережной, мы встрѣтили К. Намъ такъ много надо было сказать другъ другу, а мы молчали, или говорили про выставку, про собакъ!.. И ничего, ничего объ

томъ, что было нужно, что бы мнѣ такъ хотѣлось сказать ему... Мнѣ не было ни весело, ни пріятно, я какъ будто ничего не чувствовала, ничего не помнила.

Теперь у меня такое странное чувство: то сердце вдругъ заноетъ и такъ скучно, точно я занята какими-то мыслями, а мыслей никакихъ нѣтъ; то мнѣ весело и хочется смѣяться; то хочется молиться и быть одной; не знаю, что такое...

21-го апрѣля. — Третьяго дня мы опять встрѣтили К. Я очень просила его придти къ намъ, и онъ въ тотъ же вечеръ пришелъ. Мнѣ опять не было ни пріятно, ни весело, я почти не говорила, была какъ-то холодна съ нимъ, раздражительна, но зато вчера — какое блаженство! Мы цѣлый вечеръ говорили. Была гроза. Мнѣ было такъ хорошо, да, я думаю, и ему тоже».

Я должна замѣтить, что еще въ началѣ зимы, когда К. приходилъ, я бросалась къ нему на шею, садилась на колѣни; когда же весною онъ явился къ намъ, я подала ему руку и называла съ этой минуты по имени и отчеству. Я сама не знала, почему, но мнѣ было невозможно иначе... Возвращаюсь къ своему дневнику.

«25-го апрѣля. — Костенька бываетъ теперь каждый день, и намъ такъ весело вмѣстѣ. Мы говоримъ о многомъ, о многомъ!

1-го мая. — Цвѣточная выставка — это прелесть, волшебный садъ Черномора; розы всѣхъ цвѣтовъ и формъ, пальмы, кактусы, чудо! К. былъ съ нами. Не скажу почему, но только я — глупая.

14-го мая. — Вчера мы долго гуляли по Косой линіи; было сыро, мы шли по мосткамъ; съ заборовъ свѣшивались жидкія вѣтви расцвѣтающей сирени;

тетя шла съ Ольгой, я — съ К. Мы заговорили о томъ, какъ сладка вѣра, какъ прекрасно Евангеліе, какая дивная мысль, что Богъ — Отецъ нашъ; какъ эта мысль возвышаетъ насъ и сближаетъ съ Нимъ!.. Я разсказывала, какъ мнѣ было легко на душѣ послѣ исповѣди, какъ мнѣ казалось, что Богъ надо мной, и я какъ будто чувствовала Его дыханіе. Ужасно, что это прошло, и что я опять сдѣлалась дурною; мнѣ кажется, что я никому ничего не дѣлаю, кромѣ зла.

— Вы мнѣ дѣлаете добро, — сказалъ онъ: — съ вами мнѣ весело, и я счастливъ. Когда мнѣ бываетъ грустно и тяжело, и я вспоминаю о васъ, то мнѣ хочется молиться; мысль о васъ соединяется съ мыслью о Богѣ...

— Если это правда, — отвѣчала я, — то это не я причиной, а вы сами.

— Вы себѣ цѣны не знаете; я двадцать-три года живу на свѣтѣ и лучше васъ знаю людей.

— Зато вы знаете меня только три года, а я себя знаю уже четырнадцать. Ну, — сказала я серьезно, — теперь скажите, отчего вы къ намъ не ходили?

— Оттого, что я обидѣлся; но когда увидѣлъ, что это было глупо, тогда осталось одно сожалѣніе. Я такъ страдалъ это время. Это было наказаніе Божіе, но я страдалъ больше, чѣмъ того стоилъ.

Да, я вѣрю, что онъ очень, очень любитъ меня, такъ же, какъ и я его.

27-го мая. — Вчера мы много и серьезно разговаривали. Какъ пріятно мнѣ слушать его! Я не могу записать его слова; я напишу все это, когда я буду больше знать, когда я буду большая, и перо будетъ

меня слушаться; все равно, оно написано въ моемъ сердцѣ.

20-го мая. — Я сидѣла на открытомъ окнѣ, и чувствовала, что я счастлива, счастлива!.. О, благодарю Тебя, Господи, что Ты сохранилъ меня отъ холоднаго безвѣрія и томительнаго сомнѣнія! И какъ можно не вѣрить, когда посмотришь на солнце, на тучи, на море, на лѣса и луга; когда разсмотришь каждую травку, какъ она растетъ, какъ она умно устроена, на самое маленькое животное, какъ оно живетъ, на каждую пылинку, которая и та даже такъ хорошо сдѣлана! Если бы и хотѣлъ, то нельзя не вѣрить. Что за жизнь безъ вѣры? Вѣрить такъ сладко. Благодарю Тебя, Господи, за эту природу, за эти минуты, за все, за все, что Ты сдѣлалъ для меня!»

К. поѣхалъ съ нами въ Финляндію, и тамъ моя блаженная идиллія почти сравнялась съ моими мечтами и развивалась подъ голубымъ или звѣзднымъ небомъ, надъ тихой гладью залива, среди полей и цвѣтовъ, но, должно быть, она развивалась слишкомъ пышно для вкуса моей мамаши, которая и положила ей внезапный конецъ. Объ этомъ дѣлѣ рукъ ея я узнала нѣсколько лѣтъ спустя отъ тети. Мать моя объяснила К., что никогда не отдастъ меня за него и, ради моего покоя и счастья, потребовала отъ него странной жертвы: она сказала ему, что просто уѣхать не поможетъ, «подольетъ только масла въ огонь»; что «если онъ сумѣлъ сдѣлать, что я полюбила его, то долженъ сумѣть уничтожить во мнѣ это чувство».

И онъ принялъ на себя эту жертву и пытку!.. Пьесы, вродѣ «Сюлливано», «La dame aux camélias»,

кажутся намъ очень мелодраматичны и неестественны, а вотъ же, бываютъ и въ жизни такія вещи. К. объявилъ намъ, что долженъ на время уѣхать въ Ревель. Эта временная разлука не могла смутить покоя и счастья, которые наполняли мою душу, и я, почти весело, пошла провожать Костеньку на нашу пристань, откуда онъ отправлялся на лодкѣ до парохода. Простившись съ нами и спустившись со ступеньки или двухъ, онъ обернулся, лицо его было на уровнѣ съ моимъ, и онъ вдругъ поцѣловалъ меня... Онъ, бѣдный, зналъ, что прощается со мной навсегда...

Трудно описать, что произошло со мной отъ этого поцѣлуя. Я бросилась стремглавъ домой, спрятала въ подушки свое пылающее лицо и два дня пролежала въ жару. Но все это время у меня была одна мысль: не подымать головы, чтобы не увидѣли на щекѣ моей то мѣсто, которое продолжало жечь меня. Мнѣ было страшно, что слѣдъ этого поцѣлуя останется на вѣки виденъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ощущеніе его на щекѣ доставляло мнѣ никогда не испытанное еще наслажденіе. Мнѣ было ужасно стыдно при мысли, что знакъ этотъ увидятъ, и вмѣстѣ жалко, будто этимъ что-то мое отнимутъ у меня. Очень трудно передавать словами эти ощущенія; слова слишкомъ грубы. Я была удивлена, когда не увидѣла въ зеркалѣ предательскаго знака, между тѣмъ какъ ощущеніе его на щекѣ не проходило. Черезъ нѣсколько дней только я совсѣмъ опомнилась и, не умѣя дать себѣ отчета, что это такое со мной было, рѣшила предать это дѣло забвенію, благо, какъ мнѣ казалось, никто ничего не замѣтилъ, и мою болѣзнь приписали простудѣ.

Долго не возвращался Костенька. Вскорѣ послѣ

Е. К. Юнге.

его отъѣзда, мама очень смутила меня однимъ своимъ разговоромъ со мной; она сказала мнѣ: «Ты в л ю б л е н а въ К., и это въ твои годы большой грѣхъ». Выраженіе, съ которымъ она произнесла въ особенности слово «влюблена», произвело на меня впечатлѣніе какого-то безпричиннаго ужаса. «Какъ влюблена! — проговорила я дрожащимъ голосомъ: — что же это такое значитъ?» — «Значитъ, что ты любишь его больше всѣхъ, больше Бога, и ты этимъ оскорбляешь Бога». Видя сильное впечатлѣніе, произведенное на меня, мать болѣе къ этому предмету не возвращалась; я же провела нѣсколько дней въ большой тревогѣ. Я пряталась въ глухихъ уголкахъ сада, становилась на колѣни, склоняла голову на землю и передъ лицомъ Бога старалась разобраться въ своихъ мысляхъ и чувствахъ.

«Влюблена»; это слово даже своимъ звукомъ почему-то шокировало и оскорбляло меня. Зачѣмъ это слово? Почему гадкое, какое-то особенное «влюблена», а не простое «люблю»? Я чувствую, что я люблю Костеньку такъ же, какъ всѣхъ другихъ, только очень сильно. Но если я люблю человѣка больше Бога, то это ужасно!.. Если я люблю К. больше Бога, то я и тетю люблю больше Бога... Люблю ли я ихъ больше Бога? Какъ узнать это, какъ сравнить? Какъ разобраться? Надо бы узнать, люблю ли я Бога меньше съ тѣхъ поръ, какъ сильно полюбила К.? О! нѣтъ! «Ты знаешь, Господи, люблю ли я Тебя, понимала ли такъ, какъ теперь. Да и онъ такъ вѣритъ, такъ любитъ Тебя! Съ нашею любовью рядомъ растетъ и любовь къ Тебѣ!» — Чѣмъ болѣе я думала и молилась въ глухихъ уголкахъ сада, тѣмъ болѣе миръ нисходилъ на мою душу, и, наконецъ, я ясно п о ч у в-

ствовала, что Богъ не оскорбленъ мною и не гнѣвается на меня. Побесѣдовавъ такъ просто съ моимъ Богомъ и получивъ отъ Него отвѣтъ, я успокоилась. Попрежнему молитва моя была хвалебнымъ и благодарственнымъ гимномъ, попрежнему я ждала, не могла дождаться Костеньки. Наконецъ, я могла написать въ своемъ дневникѣ: «... Дверь отворилась и вошелъ К. Сердце мое замерло отъ радости; я покраснѣла не только по-уши, но, кажется, вся превратилась въ огонь; я еще никогда такъ не радовалась»... Не долго я была счастлива, — на другой же день начались мои испытанія. Я замѣтила, что К. сталъ какъ будто старше, что лицо его приняло несвойственное ему какое-то саркастическое выраженіе, манеры стали рѣзкія, расположеніе духа неровное. Скоро у насъ пошли распри: всѣмъ моимъ желаніямъ онъ сталъ противорѣчить, всѣ мои взгляды осмѣивать; началъ дразнить меня, былъ иногда просто грубъ и, что особенно коробило меня, съ какимъ-то цинизмомъ отрицалъ всѣ наши прежніе общіе съ нимъ идеалы. Сначала я не вѣрила своимъ глазамъ, мое негодованіе перемежалось съ возвращавшимся нѣжнымъ чувствомъ, и я винила себя въ нашихъ ссорахъ; но время шло, и я все болѣе убѣждалась, что передо мной былъ не прежній К., а совсѣмъ новый и чуждый мнѣ человѣкъ. Дневникъ свой я запустила и только изрѣдка выливала въ немъ свою горечь.

«Цѣлый день онъ дразнитъ, бѣситъ меня. Все дѣлаетъ напротивъ, каждое слово перетолковываетъ... Все, что я когда-то, въ простотѣ души, говорила ему про самыя святыя мои чувства, онъ превращаетъ Богъ знаетъ во что и такъ грубо смѣется надъ этимъ... Господи, и я могла такъ любить его! Но я его не знала!»...

«Была чудная лунная ночь, такъ свѣтло, что можно читать... Мнѣ было очень грустно... Какъ я любила К., какъ мнѣ было съ нимъ хорошо! и какъ онъ сдѣлался недостоинъ этого! Думая объ этомъ, я расплакалась». — «Онъ сталъ, Богъ знаетъ, что говорить про женщинъ: что онѣ могутъ любить только тряпки, что онѣ не умѣютъ чувствовать, что онѣ ничего хорошаго не могутъ понять, что у нихъ нѣтъ ума. Перевернулъ стихи Шиллера и прочелъ:

„Die Weiber, sie weben und flicken die Hosten“...

Фу, какая гадость! Вдругъ сегодня говоритъ: «Есть ли въ мірѣ что-нибудь глупѣе звѣздъ?»... Онъ, который всегда такъ любовался ими со мной! Мнѣ стало такъ досадно и больно, что я ушла».

Я была тогда еще слишкомъ ребенкомъ, чтобы понять всю неестественность такой быстрой перемѣны и задаться вопросомъ объ ея причинѣ; я просто чувствовала себя обманутой, и страшная горечь разочарованія легла мнѣ на душу. Дошло до того, что я была рада, когда К. уѣхалъ; я могла теперь уходить одна на тѣ мѣста, гдѣ мы, бывало, въ счастливую пору нашей любви, сиживали вмѣстѣ, и свободно и долго рыдать о потерѣ моего друга.

IX

Il existe entre l'honnêteté et l'intelligence un lien d'origine auguste et d'essence immortelle *).

Louis Blanc.

Несмотря на то, что эту весну (1858-го года) я была поглощена своей привязанностью къ К. — л оставалась чувствительной и къ другимъ крупнымъ событіямъ моей жизни, — а такимъ событіемъ былъ пріѣздъ Шевченка, нашего долго жданнаго Тараса Григорьевича. Отецъ, кажется, поѣхалъ встрѣчать его на станцію желѣзной дороги, а мы дома съ замираніемъ сердца ждали, смотрѣли въ окошко и, какъ всегда бываетъ, просмотрѣли, такъ что возгласъ кого-то: «пріѣхали!» засталъ насъ врасплохъ; мы не успѣли выбѣжать навстрѣчу, — Т. Гр. уже вошелъ въ залу. Средняго роста, скорѣе полный, чѣмъ худой, съ окладистой бородою, съ добрыми, полными слезъ глазами, онъ простеръ къ намъ свои объятія. Всѣ мы были подъ вліяніемъ такой полной, такой свѣтлой, такой трогательной радости! Всѣ обнимались, плакали, смѣялись, а онъ могъ только повторять: «Серденьки мои! други мои!» — и крѣпко прижималъ насъ къ своему сердцу...

Черезъ нѣсколько дней у насъ былъ обѣдъ въ честь Шевченка, на которомъ присутствовали, кромѣ

*) Между нравственностью и разумомъ существуетъ высокая и безсмертная связь. Луи Бланъ.

нашихъ общихъ друзей, еще многіе его земляки-малороссы, между прочими и Марковичъ (Марко Вовчекъ); говорилось много искреннихъ и трогательныхъ рѣчей; говорилъ и отецъ мой; Шевченко былъ такъ растроганъ, что не могъ кончить своей рѣчи отъ слезъ; но это чествованіе не могло изгладить впечатлѣнія той первой встрѣчи, порывистой, радостной, любовной, которая связала насъ крѣпкою, неразрывною дружбой.

Я говорила о Шевченкѣ въ другомъ мѣстѣ и потому не буду повторяться; скажу только, что онъ былъ какъ дитя добродушенъ, ласковъ, довѣрчивъ; всякая малость радовала его; всякій могъ обманывать и эксплоатировать его. Несмотря на все зло, на всѣ несправедливости, которыя онъ испыталъ въ своей многострадальной жизни, вѣра его въ людей и добро не поколебалась; ни капли желчи не накопилось въ его груди. Онъ много разъ говорилъ намъ: «Я теперь счастливъ, что всѣмъ и все простилъ! За все, что выстрадалъ, я теперь вознагражденъ». Еслибъ и не было другихъ причинъ, болѣе серьезныхъ причинъ, то его незлобивое сердце, почти безпомощная довѣрчивость заставили бы всякаго полюбить его.

Какъ вспомню я поэзію, которая пронизывала его всего, какъ вспомню даже его недостатки, его грустную кончину, — я чувствую такую нѣжность, такое безконечное состраданіе, что не писать, а плакать мнѣ хочется...

Великій поэтъ, давшій ребенку имя друга, когда мы съ нимъ ходили по Васильевскому Острову въ поискахъ за красотой и находили ее въ сломанной вѣткѣ, въ отблескѣ зари, — кто изъ насъ былъ моложе душой?

Влетитъ къ намъ, бывало, Тарасъ: «Серденько, берите карандашъ, идемъ!» — «Куда это?» — «Да я тутъ дерево открылъ, да еще какое дерево!» — «Господи, гдѣ это такое чудо?» — «Недалеко, на Среднемъ проспектѣ. Да ну же, идемъ скорѣй!» И мы, стоя, зарисовывали въ свои альбомы «дерево на Среднемъ проспектѣ».

Придемъ мы домой, забьемся на желтый диванъ, въ полутемной залѣ, и польются его восторженныя рѣчи! Со слезами въ голосѣ повѣрялъ онъ мнѣ свою тоску по родинѣ, рисовалъ широкій Днѣпръ съ его вѣковыми вербами, съ легкой душегубкой, скользящей по его старымъ волнамъ; рисовалъ лучи заката, золотящіе утонувшій въ зелени Кіевъ, вечерній полумракъ, легкой дымкой заволакивающій очертанія далей; рисовалъ дивныя, несравненныя украинскія ночи: серебро надъ сонной рѣкой, тишина, замиранье... и, вдругъ, трели соловья... еще и еще... и несется дивный концертъ по широкому раздолью... «Вотъ гдѣ бы пожить намъ съ вами, серденько!»... Пришлось мнѣ потомъ пожить тамъ и видѣть любимую имъ Украйну, да не было со мной его, дорогого нашего Тараса Григорьевича.

Съ именемъ Шевченка, кромѣ достойнаго его друга Щепкина, съ которымъ мы проводили памятные вечера, возстаетъ въ моей памяти образъ африканскаго трагика Айра Ольдриджа, внесшаго свою долю поэзіи и теплоты въ нашъ дружескій кружокъ. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ зимой 1858-го года. Мы взяли нѣсколько ложъ рядомъ, отправились всей компаніей смотрѣть его въ «Отелло» и пришли въ такой неописанный восторгъ, что послѣ спектакля всѣ поѣхали въ гостиницу, гдѣ онъ остановился, и

дождались его тамъ. Боже мой, что тамъ было! Старовъ цѣловалъ ему руки, «его благородныя черныя руки»! Я, вся дрожащая отъ волненія и конфуза, не успѣвала переводить все, что говорили и восклицали окружающіе; за разъ звучали русскія, французскія, англійскія и нѣмецкія слова. Выходило что-то крайне нелѣпое, но хорошее, и всѣ были растроганы.

Въ наше разсудительное время странно даже писать обо всѣхъ этихъ тогдашнихъ приподнятыхъ чувствахъ и восторгахъ, — но сколько въ нихъ было жизни и теплоты! Сколько сильныхъ впечатлѣній, сколько сладкихъ воспоминаній они оставили!

Ольдриджъ сталъ почти ежедневно бывать унасъ, онъ насъ полюбилъ, и мы не могли не полюбить его. Это былъ искренній, добрый, безпечный, довѣрчивый и любящій ребенокъ, по характеру очень похожій на Шевченка, съ которымъ онъ близко сошелся. Бывало, войдетъ Ольдриджъ своей быстрой, энергической походкой и тотчасъ же спроситъ: „And the artist?“ Такъ называлъ онъ Шевченка, ибо всякая попытка произнести это имя оканчивалась тѣмъ, что онъ, покатываясь со смѣха надъ своими тщетными усиліями, повторялъ: „Oh, thoses russian names!“[1]). Мы посылали за Тарасомъ Григорьевичемъ, — и „the artist“ являлся. Кромѣ сходства характеровъ, у этихъ двухъ людей было много общаго, что возбуждало въ нихъ глубокое сочувствіе другъ къ другу: одинъ въ молодости былъ крѣпостнымъ, другой принадлежалъ къ презираемой расѣ; и тотъ, и другой испытали въ жизни много горькаго и обиднаго, оба горячо любили свой обездоленный народъ. Пом-

---

[1]) „О, эти русскія имена!“.

ню, какъ оба они были растроганы одинъ вечеръ, когда я разсказала Ольдриджу исторію Шевченка, а послѣднему переводила съ его словъ жизнь трагика. Отецъ Ольдриджа былъ сынъ какого-то африканскаго царька, захваченный и привезенный рыботорговцами въ Америку маленькимъ ребенкомъ, но онъ не попалъ въ рабство, а былъ воспитанъ, не помню кѣмъ и какимъ образомъ, и сдѣлался пасторомъ или проповѣдникомъ между неграми. Айра Ольдриджъ еще ребенкомъ имѣлъ страсть къ театру. Въ то время, при входѣ въ театръ, висѣла надпись: «Собакамъ и неграмъ входъ воспрещается». Чтобы попадать въ театръ, Ольдриджъ нанялся лакеемъ къ одному актеру. Можно себѣ представить, сколько страданій онъ пережилъ и сколько энергіи долженъ былъ проявить, пока добился, наконецъ, извѣстности, да и то не на своей родинѣ. Даже и въ Англіи предразсудки противъ людей темной расы были такъ сильны, что актеръ Кинъ (сынъ или внукъ знаменитаго, не помню), узнавъ, что Ольдриджъ ангажированъ въ тотъ же театръ, гдѣ онъ, — съ негодованіемъ отказался играть на одной сценѣ съ «презрѣннымъ негромъ». Какъ вознагражденіе за всѣ эти обиды, женитьба Ольдриджа была крайне романическая: въ него влюбилась англійская лэди, влюбилась во время игры и, несмотря на сопротивленіе родителей, вышла за него.

Для болѣе длинныхъ рѣчей между Шевченкомъ и Ольдриджемъ требовалось посредство моихъ переводовъ, но въ обыкновенномъ разговорѣ они удивительно хорошо понимали другъ друга: оба были художники, стало быть — наблюдательны, у обоихъ были выразительныя лица, а Ольдриджъ жестами и ми-

микой просто представлялъ все, что онъ хотѣлъ сказать.

Особенно памятны мнѣ сеансы въ мастерской Шевченка, когда онъ рисовалъ портретъ трагика [1]). Безъ насъ съ сестрой имъ нельзя было обойтись, во-первыхъ, потому, что, какъ ни была выразительна ихъ мимика, все-таки могло понадобиться объяснительное словечко, а во-вторыхъ, и, главнымъ образомъ, потому, что отъ насъ трудно было избавиться, еслибъ они того и хотѣли. Мы съ сестрой усаживались съ ногами на турецкій диванъ, Ольдриджъ — на стулъ противъ Шевченка, и сеансъ начинался. Нѣсколько минутъ слышенъ былъ только скрипъ карандаша о бумагу, — но развѣ могъ Ольдриджъ усидѣть на мѣстѣ! Онъ начиналъ шевелиться, мы кричали ему, чтобы онъ сидѣлъ смирно, онъ дѣлалъ гримасы, мы не могли удержаться отъ смѣха. Шевченко сердито прекращалъ работу, Ольдриджъ дѣлалъ испуганное лицо и снова сидѣлъ нѣкоторое время неподвижно. «Можно пѣть?» — спрашивалъ онъ вдругъ. — «А ну его! пусть себѣ поетъ!» Начиналась трогательная, заунывная негритянская мелодія, постепенно переходила въ болѣе живой темпъ и кончалась отчаяннымъ джигомъ, отплясываемымъ Ольдриджемъ посреди мастерской. Вслѣдъ за этимъ онъ представлялъ намъ цѣлыя комическія бытовыя сцены (онъ былъ превосходный комикъ); Тарасъ Григорьевичъ увлекался его веселостью и пѣлъ ему малорусскія пѣсни; завязывались разговоры о типическихъ чертахъ разныхъ народностей, о сходствѣ народныхъ преданій и т. д. Несмотря на то, что это веселое и интересное времяпрепровожденіе, къ наше-

[1]) Находится въ Третьяковской галлереѣ въ Москвѣ.

му съ сестрой удовольствію, очень затягивало сеансы, портретъ былъ-таки оконченъ и вышелъ живымъ и похожимъ.

Неуспѣшны были уроки декламаціи, которые Ольдриджъ вызвался мнѣ давать: намъ все мѣшали; раза три, не больше, удалось серьезно заняться. Онъ читалъ хорошо, обдуманно, съ огнемъ, но все-таки далеко не такъ, какъ игралъ.

Ольдриджъ говорилъ, что его лучшая роль — Макбетъ; въ Петербургѣ ему не позволили играть ее, но въ провинціи онъ ставилъ «Макбета» и, говорятъ, былъ великолѣпенъ. Изъ трехъ ролей, въ которыхъ мы его видѣли, роль Шейлока нравилась мнѣ менѣе другихъ, хотя и въ ней онъ умѣлъ увлекать зрителя. Въ Лирѣ онъ былъ безусловно хорошъ. Въ сценѣ сумасшествія онъ былъ трогателенъ до слезъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ величественъ, такъ «every inch a king» [1]), что вы чувствовали къ нему именно сожалѣніе, а не жалость. Верхомъ всего была послѣдняя сцена, когда онъ съ широко раскрытыми глазами, съ искаженнымъ лицомъ, вбѣгаетъ на сцену, неся на рукахъ мертвую Корделію. Кажется, онъ собирается ее бросить объ полъ и разнести все кругомъ, но взоръ его падаетъ на ея лицо, и лицо старика смягчается, онъ садится на землю, прижимаетъ къ груди дочь, гладитъ, ласкаетъ ее, весь обращается въ любовь и горе.

Лучшая изъ видѣнныхъ нами ролей Ольдриджа была безспорно роль Отелло. Эта роль была точно создана для него, или онъ созданъ для нея. Не думаю, чтобы когда-нибудь нашелся другой актеръ, который

---

[1]) Съ головы до ногъ король.

бы такъ интенсивно передалъ образъ этого человѣка: впечатлительнаго, довѣрчиваго, честнаго, нѣжнаго и свирѣпаго. Ни тѣни чувственности (какъ у Росси) не было въ его игрѣ: когда онъ выходилъ изъ совѣта, обнявши Дездемону, или встрѣчался съ нею въ Кипрѣ, онъ прикасался къ ней, какъ къ святынѣ, любовь сквозила въ каждомъ его движеніи; нѣга, ласка, счастье были въ глазахъ его, въ голосѣ; что-то такое искренное, спокойное, довѣрчивое проникало все существо его. И вотъ, въ честную душу этого вѣрящаго и любящаго человѣка злой демонъ началъ по каплѣ вливать ядъ сомнѣнія! Сначала дико и смѣшно, непонятно казалось все это мавру, но мало-по-малу сѣти все болѣе и болѣе опутывали его простую душу: «я черенъ, склоняюсь въ долину лѣтъ...» Не животная ревность только подняла бурю въ страстной душѣ его, нѣтъ — и сознаніе несправедливости, незаслуженной обиды, сожалѣніе о потерянномъ счастьѣ, разочарованіе въ любимомъ существѣ, тягость страшнаго чувства недовѣрія къ людямъ, — «кому же вѣрить, если и она...» — и жалость къ н е й прокрадывается въ его душу: «виновата ли она? я черенъ...» Но искуситель боится природной доброты Отелло, боится, что онъ п р о с т и т ъ, не даетъ ему думать, все сгущаетъ и сгущаетъ краски клеветы, возбуждаетъ худшіе инстинкты, растравляетъ раны и будитъ, наконецъ, звѣря. Да, теперь это звѣрь, но звѣрь загнанный, измученный, истерзанный травлей: когда онъ бьетъ Дездемону, — жалко е г о. Всѣ струны его существа натянуты до невозможности, такъ продолжаться долѣе не можетъ, — и вотъ наступаетъ кризисъ. Благородство натуры мавра сказывается и здѣсь: не какъ звѣрь входитъ онъ въ спальню Дез-

демоны, а какъ судья, какъ каратель зла; онъ нашелъ исходъ своимъ мукамъ въ принятомъ рѣшеніи. Теперь онъ спокоенъ: о н а д о л ж н а умереть, но онъ не хочетъ убить ея душу, онъ не хочетъ кровью запятнать ея тѣла, онъ прощается со своей любовью поцѣлуемъ, поцѣлуемъ нѣжнымъ, цѣломудреннымъ и страшнымъ, какъ поцѣлуй, которымъ прощаются съ покойникомъ. Звѣрь снова пробуждается въ немъ только при упоминаніи имени Кассіо, — тогда, въ порывѣ ярости, онъ душитъ, колетъ и, будто убивъ самого себя, съ дикимъ крикомъ падаетъ со ступенекъ... Кажется, послѣ такой сцены все остальное должно быть уже слабо, но у Ольдриджа запасъ художественныхъ силъ еще не истощенъ, онъ еще заставитъ зрителя пострадать съ нимъ, когда ужасная истина откроется передъ его очами, и сценой самоубійства, съ ея спокойной и страшной простотой, онъ произведетъ самое сильное впечатлѣніе.

На первыхъ же порахъ нашего знакомства я спросила Ольдриджа, какъ онъ можетъ такъ страшно падать со ступеней? Что онъ дѣлаетъ, чтобы не ушибиться? Онъ разсмѣялся своимъ добродушнымъ смѣхомъ: «Что дѣлаю? Да я весь въ синякахъ и шишкахъ! Развѣ я въ эту минуту что-нибудь помню? Развѣ я вижу, куда я падаю? Ужъ какъ только Богъ меня спасаетъ!»

Впослѣдствіи одна очень образованная актриса, которая играла съ Ольдриджемъ въ Одессѣ, подтвердила мнѣ, что въ «Макбетѣ» онъ былъ, если возможно, еще выше, чѣмъ въ «Отелло». Она, между прочимъ, разсказывала, что Ольдриджъ былъ необыкновенно милъ и ласковъ съ актерами во время репетицій, до послѣднихъ мелочей постановки онъ

все устраивалъ и разъяснялъ самъ; боясь, чтобы незнаніе англійскаго языка, на которомъ онъ игралъ, не спутало русскихъ артистовъ, онъ указывалъ имъ какой-нибудь жестъ, который онъ сдѣлаетъ, когда имъ подходить или начинать, «но намъ этого не нужно было, — говорила Марья Андреевна Ч., — мы такъ его уважали, такъ высоко ставили, такъ старались, что мы все знали, и все у насъ шло гладко. Разъ случилось, что Ольдриджъ забылъ книгу для суфлера, не было уже времени посылать за нею, мы уговорили его не безпокоиться и сыграли безъ суфлера!»

Хотя я и не видѣла Каратыгина, этого представителя классической декламаціи, тѣмъ не менѣе реальность игры Ольдриджа сдѣлала на меня сильное впечатлѣніе; послѣ перваго представленія я писала въ своемъ дневникѣ: «Когда онъ выходитъ на сцену, его простота даже поражаетъ непріятно». Постепенно научилась я цѣнить эту простоту и такъ увлеклась игрой Ольдриджа, что сравнивала его съ тѣмъ, что я видѣла наиболѣе грандіознаго въ природѣ, — съ Иматрой.

Къ воспоминаніямъ моимъ объ Ольдриджѣ, какъ о великомъ артистѣ, постоянно примѣшиваются разные мелкіе случаи, рисующіе его милымъ и простымъ человѣкомъ, съ которымъ мы такъ весело проводили время, что невольно хочется передать что-нибудь изъ этихъ пустяковъ. Разъ мы пошли съ нимъ въ Эрмитажъ; такъ какъ у него было мало времени, а музей былъ открытъ по извѣстнымъ днямъ, то это посѣщеніе довольно трудно было устроить. Пріѣзжаемъ мы — и вдругъ насъ не хотятъ впустить, потому что Ольдриджъ не во фракѣ! Подвижная физіо-

номія артиста грустно вытягивается: ему такъ хотѣлось полюбоваться картинами вмѣстѣ съ нами! Внезапно лицо его принимаетъ опять веселое выраженіе и онъ, хитро подмигивая, подзываетъ насъ съ сестрой въ сторону: «Подколите мнѣ сюртукъ булавками». Сказано — сдѣлано! Ольдриджъ въ импровизированномъ фракѣ гордо проходитъ въ галлерею.

Въ своемъ восторгѣ, послѣ спектакля, моя младшая сестра сказала Ольдриджу, что желала бы быть Дездемоной, чтобы онъ ее задушилъ, и что она сейчасъ бы вышла за него замужъ, несмотря на то, что онъ черный. Ольдриджъ хохоталъ до слезъ, и съ тѣхъ поръ всегда называлъ ее « my little Weibchen« выговаривая по-англійски «w». Онъ часто пѣлъ нѣмецкія пѣсенки, и съ этимъ англійскимъ выговоромъ у него выходило это очень оригинально. Такъ проходило у насъ время въ серьезномъ наслажденіи искусствомъ и незатѣйливыхъ, но дорогихъ своею искренностью шуткахъ, и проходило такъ скоро, что мы и не замѣтили, какъ подоспѣлъ срокъ разставанья.

Въ январѣ 1859-го года Ольдриджъ уѣхалъ.

Послѣ того я видѣлась съ африканскимъ трагикомъ въ 1862-мъ году, въ Лондонѣ, гдѣ мы посѣтили его въ его домѣ, познакомились съ его маленькимъ сыномъ, который хотя и имѣлъ довольно крупныя черты лица отца, но былъ совершенно бѣлый , съ русыми волосами. Въ 1864-мъ году, когда Айра Ольдриджъ пріѣзжалъ на короткое время въ Петербургъ (но не выступалъ на сценѣ), онъ бывалъ у меня почти каждый день. Моему старшему сыну было тогда около года, и, вынося его въ первый разъ къ Ольдриджу, я ужасно боялась, что ребенокъ испугается его вида, и что мой черный другъ, который

такъ страстно любилъ дѣтей, невольно огорчится. Вѣроятно, и онъ думалъ что-нибудь подобное, — но ребенокъ разсѣялъ наши опасенія, — онъ тотчасъ же потянулся къ Ольдриджу и пошелъ къ нему на руки. Лицо Ольдриджа просіяло, онъ началъ плясать съ малюткой по комнатѣ и весь день не спускалъ его съ рукъ, даже за обѣдомъ.

Въ 1858-мъ году вліяніе Ольдриджа на нашихъ актеровъ было громадное: Мартыновъ, Максимовъ, Сосницкій, Каратыгинъ, Григорьевъ, Бурдинъ, Леонидовъ, всѣ были въ восторгѣ отъ него, устраивали ему овацiи, на которыя онъ сердечно отвѣчалъ, сознавались, что хотятъ учиться у него; дѣйствительно, у многихъ изъ нихъ игра стала проще, живѣе, обдуманнѣе. Одинъ В. В. Самойловъ относился презрительно и свысока къ Ольдриджу, «изъ зависти» — говорили тогда всѣ; однако, несмотря на то, что онъ громко ругалъ африканца, онъ, можетъ быть, больше другихъ позаимствовалъ у него, и въ «Лирѣ» во многихъ мѣстахъ подражалъ ему. Въ нашемъ кружкѣ часто отрицали у Самойлова творческій талантъ и допусками въ немъ только громадную подражательную способность, — но надо замѣтить, что мы были въ то время ужъ черезчуръ строгими; если сравнить Самойлова съ тѣми актерами, которыми часто восхищается наша публика теперь, то онъ явится колоссомъ. Отъ личности Самойлова отталкивало его страшное самомнѣніе, черта завистливости, которая дѣйствительно, иногда проглядывала въ немъ, заставляя его въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ острить надъ всѣми и хулить всѣхъ. «Войдя въ комнату, — писала я о немъ, — носъ кверху, такъ и говоритъ онъ своимъ гордымъ, презрительнымъ лицомъ: «Смотри-

те и поклоняйтесь великому генію!» Эта черта въ немъ еще болѣе поражала при сравненіи его съ Ольдриджемъ, который былъ очень скроменъ и искренно хвалилъ другихъ артистовъ (и того же Самойлова), отыскивая въ ихъ игрѣ не недостатки ихъ, а достоинства. Нельзя, однако, отнять у Василія Васильевича, что онъ былъ уменъ, болѣе образованъ, чѣмъ прочіе наши актеры, и, въ своихъ хорошихъ моментахъ, очень веселый и остроумный собесѣдникъ.

Максимова мы тоже тогда считали актеромъ второстепеннымъ, но теперь, когда я вспоминаю его игру, я вижу, что мы были несправедливы къ нему. Правда, онъ былъ немного вялъ, голосъ у него былъ непріятный. М а к с и м о в ъ слишкомъ сквозилъ въ его роляхъ; въ Чацкомъ онъ былъ ходуленъ, но въ Хлестаковѣ — превосходенъ; что же касается до Гамлета, то, хотя образъ, созданный Максимовымъ не соотвѣтствуетъ совершенно моему пониманію личности Гамлета, но это былъ цѣльный образъ. Его Гамлетъ былъ человѣкомъ, заѣденнымъ рефлексіей, который сознаетъ себя призваннымъ къ дѣлу и боится этого дѣла, который поставленъ обстоятельствами въ положеніе совершенно несоотвѣтствующее его характеру и наклонностямъ. У Максимова рельефно выходитъ конфликтъ между силой негодованія этого человѣка и его слабостью, между потребностью отомстить и боязнью ошибиться и быть несправедливымъ. У большинства актеровъ въ сценѣ театра является радость, у Максимова же — горе; ясно видно, какъ желалъ онъ ошибиться, какъ весь ужасъ для него — именно въ томъ, что онъ теперь роковымъ образомъ д о л ж е н ъ произвести расправу, долженъ въ то же время отречься отъ всякаго личнаго счастья.

Сцена съ Офеліей, проводимая другими особенно эффектно (напр., у Фехнера) и такъ всѣми различно понимаемая, у Максимова была проста и трогательна; въ словахъ: «иди въ монастырь!» — звучали тоска и любовь...

На Мартынова Ольдриджъ имѣлъ наиболѣе благое вліяніе: нашъ величайшій комикъ почувствовалъ тогда свое настоящее призваніе и, неожиданно, засверкалъ въ драмѣ звѣздой первой величины. Вотъ, у кого былъ истинно творческій геній, вотъ кто могъ глубоко потрясать души людей! Какъ мы жалѣли потомъ, что Ольдриджъ не видѣлъ его въ драматическихъ роляхъ!

Въ то время въ Петербургѣ былъ расцвѣтъ сценическаго искусства, но я не пишу его исторію, и изъ всѣхъ громкихъ именъ, наполнявшихъ французскій театръ, итальянскую оперу, доставлявшихъ намъ столько высокаго наслажденія, я упомяну, только о Бозіо. Были послѣ нея чародѣйки-соловьи, какъ Патти, но такой силы таланта, такого драматизма въ голосѣ послѣ нея я ни у кого не слышала; она была не только восхитительная пѣвица, но и драматическая актриса: послѣднюю сцену въ «Травіатѣ» она вела такъ, что, несмотря на пѣніе, казалось, присутствуешь при настоящей смерти. Намъ передавали, что Бозіо часто говорила, что она умретъ на сценѣ во время представленія «Травіаты». Въ дѣйствительности случилось почти-что такъ: она, уже больная, пѣла «Травіату» и умерла черезъ нѣсколько дней. Хоронили ее торжественно; несмѣтныя толпы шли за ея останками и стояли шпалерами по улицамъ; въ католической церкви

соединеннымъ хоромъ обѣихъ оперъ былъ исполненъ «Реквіемъ» Моцарта.

По поводу смерти Бозіо, я нахожу въ своемъ дневникѣ въ первый разъ высказываемые и еще смутно шевелившіеся въ душѣ вопросы. Мы съ мамá и сестрой пошли поклониться умершей пѣвицѣ, и вотъ что я, возвратившись, писала:

1-го апрѣля 1859-го года. «...Эта женщина, которую я такъ недавно видѣла въ полномъ цвѣтѣ здоровья, въ душѣ которой еще такъ недавно бушевали силы и желанья, которая еще такъ недавно услаждала меня дивными звуками, теперь лежитъ безчувственнымъ кускомъ дерева и можетъ издать только одинъ звукъ, когда опустятъ ея гробъ въ холодную землю, или когда, черезъ нѣсколько лѣтъ, можетъ быть, копая могилу, выбросятъ изъ нея старыя кости. Боже мой! Что же это за жизнь, когда человѣкъ со всѣми своими желаніями, страстями, надеждами, стремленіями превратится лишь въ кушанье червямъ!.. По истинѣ, какъ говоритъ Каину Люциферъ:

«Одно утѣшеніе, что душа безсмертна. Но она будетъ существовать въ неизвѣстномъ намъ мірѣ (гдѣ уже, навѣрно, не будетъ тѣхъ желаній и стремленій, которыя и составляютъ жизнь), а для земли она навсегда умретъ».

X.

[1]) Human nature is kind and generous, but it is narrow and blinb. Ruskin.

[2]) Whatever their force and genius may be, there is no easy method of becoming a good painter. Reynolds.

Мои воспоминанія о Шевченкѣ и Ольдриджѣ увлекли меня, а между тѣмъ въ 1858-мъ году совершилось одно событіе, которое до сихъ поръ возбуждаетъ во мнѣ очень тяжелыя чувства и думы: весною Ивановъ привезъ въ Петербургъ свою картину.

Отъ отца и матери я много слышала горячихъ похвалъ этой картинѣ, которую они видѣли въ 1847-мъ году въ Римѣ. Вообще, всѣми ожидалось что-то небывалое, что должно было разомъ преобразить искусство. Одни разсказы о томъ, что картина писалась двадцать лѣтъ, доводили эти ожиданія до чего-то фантастическаго, но, надо признаться, крайне неопредѣленнаго. И вотъ, наступила торжественная минута, когда эта долго ожидаемая картина предстала передъ нами [3]) Тяжелая это оказалась минута!..

---

[1]) Человѣкъ по своей природѣ добръ и великодушенъ, но узокъ и слѣпъ. Рёскинъ.

[2]) Какъ бы ни былъ силенъ геній человѣка, нѣтъ легкаго способа сдѣлаться хорошимъ живописцемъ. Рейнольдсъ.

[3]) Мы отправились смотрѣть ее во дворецъ, въ первый же день, когда ее тамъ установили.

Помню я ясно лицо Иванова, больное, озабоченное, взволнованное, съ пытливыми глазами, обращенными къ отцу моему, и сконфуженную мину отца, избѣгавшаго этого взора...

Они отошли и долго говорили вдвоемъ; я этого разговора не слышала, но вскорѣ послѣ того Ивановъ ушелъ, и бывшая тутъ избранная публика осталась одна передъ картиной. Тогда поднялись всеобщіе возгласы осужденія и разочарованія; отецъ или отмалчивался, или обращалъ вниманіе зрителей на красоту или выразительность отдѣльныхъ фигуръ, а дома съ тоской говорилъ, что Ивановъ испортилъ свою картину, что она была гораздо лучше, когда онъ видѣлъ ее въ Римѣ, что онъ большаго ожидалъ отъ нея.

Можетъ быть, картина Иванова и была прежде еще лучше, а можетъ быть она казалась лучше потому, что была неокончена,—неоконченная вещь всегда даетъ большое поле воображенію; вѣрнѣе всего, что, постоянно переписывая ее, Ивановъ уничтожилъ бывшую прежде свѣжесть и гармоничность красокъ, и это такъ непріятно поразило отца въ первую минуту.

На меня, какъ и на прочихъ, картина сдѣлала непріятное впечатлѣніе какого-то ковра, но потомъ, при воспоминаніи о ней дома, когда общій непріятный колоритъ исчезъ изъ глазъ, а фигура Іоанна, дрожащій мальчикъ, лицо раба, спина старика, и проч., все сильнѣе и сильнѣе выступали въ моемъ воображеніи, вся картина какъ-то постепенно внѣдрялась въ меня и разбирала меня. Когда ее постоянно при мнѣ бранили знакомые, я сначала соглашалась съ ихъ замѣчаніями, а потомъ, съ какой-то

злостью противъ нихъ, твердила: «А все-таки она хороша!»

Съ кѣмъ я ни говорила изъ художниковъ впослѣдствіи, на всѣхъ картина произвела почти одинаковое впечатлѣніе: всѣмъ сразу не понравилась, а потомъ привела въ восторгъ. Одинъ художникъ разсказывалъ мнѣ, что также, разочаровавшись въ картинѣ, онъ въ ту же ночь видѣлъ ее во снѣ. Утромъ, встрѣтившись съ товарищемъ, они въ одинъ голосъ закричали: «Какіе мы дураки!»—и бросились вновь къ картинѣ. «Она много разъ снилась мнѣ»,— прибавлялъ онъ.

Неблагопріятно было только первое впечатлѣніе, но какъ оно было ужасно для Иванова и какъ несправедливо!

Почему мы не поняли и не оцѣнили сразу «Явленіе Христа народу»? Чего же мы не нашли въ немъ? Что такое мы ожидали, чего художникъ не выполнилъ? Развѣ это была не самая лучшая картина, не только въ Россіи, но, можетъ быть, и во всемъ современномъ искусствѣ? Развѣ можно ближе и лучше выразить свою мысль, чѣмъ это сдѣлалъ Ивановъ? Что въ исполненіи не соотвѣтствуетъ этой мысли?

Во всей картинѣ царитъ одинъ моментъ, одно движеніе, и нѣтъ ни одной мелочи, которая бы не способствовала, не выясняла его. Рабство, страданье и невѣдѣніе вѣковъ выражены въ отдѣльныхъ фигурахъ и лицахъ толпы, и на нихъ не отражается все грядущее, со всѣмъ его новымъ, непонятнымъ, но безумно радостнымъ. На лицѣ этого старика, что не имѣетъ силъ подняться, написано счастливое: «дождался»! Лицо забитаго раба ясно гово-

ритъ: «и на нашей улицѣ будетъ праздникъ»! А этотъ дрожащій недалекій человѣкъ,—какая неосмысленная, но великая радость наполняетъ его! Радуются старики; а юноши, не испытавшіе еще столько страданья и не такъ еще нуждающіеся въ утѣшеніи, смотрятъ серьезно и болѣе пытливо, какъ будто силясь понять новое для нихъ явленіе.

Есть въ толпѣ и отрицающіе, и злые, но и они только усиливаютъ впечатлѣніе, какъ бы подчеркиваютъ важность совершающагося событія. Всѣ эти выраженія и движенія фигуръ стройно, безъ всякаго отвлеченія, ведутъ вашъ глазъ и мысль къ тому, кто одинъ въ толпѣ вполнѣ понимаетъ и объясняетъ событіе,—къ фигурѣ Іоанна, къ той мощной, титанической фигурѣ, при взглядѣ на которую у васъ захватываетъ дыханіе. Вотъ онъ, страстный, грозный каратель, «гласъ, вопіющій въ пустынѣ», въ пустынѣ природы, въ пустынѣ дикихъ сердецъ людскихъ! И теперь онъ весь трепещетъ, и теперь страстнымъ воплемъ вырываются изъ его суровой, настрадавшейся души слова «доброй вѣсти».

Этотъ пророкъ, «глаголомъ жегшій сердца», заставлявшій народъ дрожать и каяться, говоритъ ему: «Вотъ идетъ Тотъ, Кому я недостоинъ развязать ремни обуви Его...» Сильнымъ движеніемъ, весь подавшись впередъ, каждымъ фибромъ своей души, каждымъ мускуломъ своего тѣла, указываетъ онъ на Грядущаго... Нашъ глазъ и мысль съ тревогой слѣдуютъ за движеніемъ. Кто же тотъ, кто сильнѣй этого? Кто будетъ крестить не «водой, а огнемъ и духомъ»? Это—агнецъ, пришедшій взять на себя грѣхи міра». Негодованіе смѣняется любовью. Но

не слабая это любовь, не мягкость она: тотъ, кто такъ любитъ, кто беретъ на себя грѣхи міра, долженъ быть еще болѣе мощный и сильный, чѣмъ его предтеча. Но развѣ можно создать еще болѣе могучій образъ? Да, можно; взгляните на Христа!

Онъ еще впереди, Онъ еще далекъ, Онъ еще только является, но вглядитесь въ это чудное, никогда еще такъ не изображенное лицо! На немъ выражается сила большая, чѣмъ сила вдохновенья, негодованія, страданія или радости,—сила воли, убѣжденія. Какое достоинство, спокойствіе и простота въ его позѣ! Онъ точно несетъ что-то торжественное и драгоцѣнное, а вмѣстѣ съ тѣмъ идетъ, какъ простой человѣкъ, свободно и спокойно. Страшная рѣшимость въ его энергичныхъ сжатыхъ губахъ: изможденное и твердое лицо несетъ отпечатокъ побѣжденныхъ искушеній; его глаза,—благіе и строгіе вмѣстѣ; въ нихъ что-то всеобъемлющее, сверхземное, проницательное и подернутое думой. Онъ знаетъ, зачѣмъ Онъ идетъ, и всякій, кто только взглянетъ на Него, пойметъ, что Онъ совершитъ то великое и страшное, на что идетъ. Онъ—истинное сосредоточіе картины, самое сильное въ ней, то, къ чему все въ ней, не исключая и Іоанна, васъ готовило.

Еслибы привести человѣка, никогда ничего не слыхавшаго объ Евангеліи и Христѣ, то онъ точно также понялъ бы картину: никакого названія ей не нужно, она сама ясно излагаетъ свой сюжетъ.

Кромѣ этого общечеловѣческаго, доступнаго пониманію всякаго, въ Христѣ Иванова есть и еще что-то чисто-русское, близкое именно русской ду-

шѣ, и внѣшній обликъ Христа—гораздо болѣе православный, чѣмъ католическій или какой-нибудь иной.

Помимо всего выше сказаннаго, картина имѣетъ достоинство, въ которомъ, можетъ быть, заключается ея величайшее значеніе для Россіи: въ этой картинѣ Ивановъ рѣзко и смѣло перешелъ границы традиціоннаго классицизма, перешагнулъ, не обращая на него вниманія, черезъ романтизмъ и прямо ступилъ на реальную почву. Послѣ картины Иванова стало уже невозможно писать въ духѣ Бруни или даже Брюллова. Отъ Иванова идутъ Рѣпины и Васнецовы.

Какъ этотъ застѣнчивый, малообразованный, одинокій и окруженный классицизмомъ человѣкъ дошелъ до своего столь широкаго взгляда на искусство?

Еще бывши ученикомъ академіи, Ивановъ горько сознавалъ всѣ недостатки преподаванія въ ней, и тогда уже умъ его возставалъ противъ царившей въ ней рутины, съ которой большинство учениковъ мирилось. Въ полномъ сознаніи своего невѣжества, но съ горячимъ желаніемъ учиться, поѣхалъ онъ заграницу. Къ его несчастью, онъ и тамъ никого не встрѣтилъ, кто бы могъ поддержать или направить его; напротивъ, все складывалось, чтобы удержать его на почвѣ рутины.

Инстинктивно рвется онъ къ реализму, но все окружающее препятствуетъ ему. Скромный и застѣнчивый, не довѣряя себѣ, Ивановъ сначала подчиняется совѣтамъ противоположнымъ, живущимъ въ немъ, еще не вполнѣ ясно сознаннымъ, стремленіямъ,—подчиняется, но не совсѣмъ: были вещи

въ его эскизахъ и первой картинѣ, которыхъ онъ не измѣнялъ даже по совѣтамъ тѣхъ людей, кого онъ наиболѣе уважалъ, какъ—отца своего, и кому наиболѣе поклонялся, какъ—Овербеку и Торвальдсену; онъ не поддался даже прелести quatrocentist'овъ, изучалъ ихъ, но не подражалъ имъ. Казалось, будто его наивная и склонная къ местицизму натура легко поддавалась постороннему вліянію, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, что-то внутри его упиралось и отклоняло это вліяніе.

Такъ было и съ Гоголемъ: Ивановъ преклонялся передъ нимъ, считалъ его совершенствомъ, называлъ учителемъ, но и тутъ сумѣлъ сохранить свою внутреннюю самостоятельность и удержаться на реальной почвѣ; напротивъ, въ то время какъ Гоголь окончательно потонулъ въ мистицизмѣ, умственный взоръ Иванова открывался все шире, и цѣлый духовный міръ, отдѣльный отъ всего окружающаго, въ высшей степени своеобразный, создавался въ тиши замкнутой жизни художника. Создавался онъ и росъ постепенно, какъ постепенно создавались и росли творенія Иванова. Трудно найти другого современнаго художника, который бы такъ боролся съ окружающимъ и такъ много черпалъ изъ своего собственнаго духа, какъ Ивановъ.

Много ложныхъ мнѣній существовало объ Ивановѣ еще при его жизни; напримѣръ: сочиненіе всевозможныхъ проектовъ и манія преслѣдованія часто давали поводъ считать Иванова полусумасшедшимъ, а то, что онъ запирался отъ людей и временами не пускалъ никого въ свою мастерскую,—называть гордостью и проявленіемъ болѣзненнаго самолюбія.

Проекты Ал. Андр. вовсе не безсмысленны,—они были неосуществимы по формѣ, особенно въ то время, но всѣ они проникнуты идеей наибольшаго развитія и образованія между художниками. Хорошо было бы, еслибъ и теперь осуществился составленный имъ планъ народнаго музея.

Манія преслѣдованія, выразившаяся въ страхѣ быть отравленнымъ, конечно, явленіе ненормальное, но можетъ быть легко объяснена слишкомъ замкнутой, одинокой римской жизнью Иванова и постояннымъ болѣзненнымъ состояніемъ его желудка; эта манія вполнѣ уничтожилась, когда онъ, наконецъ, рѣшился путешествовать и возобновить болѣе широкое общеніе съ людьми. Такія странности бываютъ, иногда, плодомъ одинокаго развитія: когда человѣкъ сидитъ одинъ и до всего доходитъ самъ (а сколько разъ бѣдный Ивановъ открывалъ Америку!), то мышленіе его можетъ въ иныхъ случаяхъ отклониться отъ нормальнаго мышленія образованнаго человѣка, развитіе котораго, обыкновенно, идетъ болѣе ровно. Доказательствомъ ясности и здравости ума Иванова служитъ уже одно то, что въ года, когда люди начинаютъ отставать, онъ все шелъ впередъ, и умственный горизонтъ его все расширялся.

Обвиненіе Иванова въ гордости и «адскомъ самолюбіи», всегда горячо оспариваемое моими родителями, теперь, при чтеніи его писемъ и біографіи, падаетъ само собою. Онъ былъ скроменъ, неувѣренъ въ своихъ силахъ, часто недоволенъ собой, онъ былъ непоколебимо увѣренъ въ одномъ: въ истинности тѣхъ убѣжденій, которыя, помимо всего, жили въ его душѣ. Когда Ал. Андр. послалъ въ

Петербургъ свою картину «Христосъ въ вертоградѣ», которою онъ самъ былъ недоволенъ, онъ совершенно не ожидалъ ея успѣха, былъ пораженъ имъ и, какъ дитя, обрадованъ, но подкладкой его радости была надежда, что успѣхъ этотъ дастъ ему возможность работать надъ его «Явленіемъ Христа».

Какъ ни былъ Ивановъ далекъ отъ политической и соціальной жизни, какъ ни былъ онъ иногда мрачно и болѣзненно настроенъ, всегда жила въ немъ любовь къ людямъ. Глубоко трогательны его заботы объ отцѣ и братѣ; его упреки отцу за долгое отсутствіе извѣстій дышатъ совершенно дѣтскою и горячею любовью; самъ вѣчно мучимый нуждой, онъ никогда не перестаетъ хлопотать о нуждахъ товарищей-художниковъ, называя ихъ «своими родными братьями», и въ будущемъ строить широкіе планы, чтобы помочь имъ: свобода, независимость артистовъ у него всегда на первомъ планѣ. Великая любовь къ Россіи и ея художественной славѣ не мѣшаетъ Иванову быть справедливымъ къ европейскимъ талантамъ и желать блага всякому искусству; по его мнѣнію, Россія призвана внести новый свѣтъ въ Европу. Когда, послѣ своего долголѣтняго добровольнаго одиночества, онъ вышелъ на свѣтъ Божій и сталъ являться въ обществѣ,—какъ по дѣтски удивляется нашъ художникъ самымъ простымъ вещамъ, какъ наивно выражаетъ свои восторги! Какъ самая малость утѣшаетъ его, и какъ рѣдки были для него эти утѣшенія!

Много говорятъ о переворотѣ, который произошелъ въ убѣжденіяхъ Иванова въ 1848-мъ году, и жалѣютъ, что слишкомъ мало сохранилось данныхъ, чтобы судить о немъ. Мнѣ же кажется, что

этотъ переворотъ не имѣетъ въ жизни нашего художника той важности, которую ему придаютъ; это былъ только фазисъ въ его все по той же дорогѣ шедшемъ развитіи. Что, въ самомъ дѣлѣ, случилось съ Ивановымъ въ 1848-мъ году? Съ нимъ случилось довольно поздно то, что бываетъ со многими людьми въ болѣе молодые годы: онъ прочелъ нѣсколько книжекъ, между прочимъ Штрауса, и, по собственнымъ его словамъ, онъ «потерялъ вѣру». Между тѣмъ, въ 1858-мъ году онъ такъ выражался: «Я мучусь о томъ, что не могу формулировать искусствомъ, не могу воплотить мое новое воззрѣніе, а до стараго касаться я считаю преступнымъ. Писать безъ вѣры религіозныя картины—это безнравственно, это грѣшно!»—«...Что же я буду въ своихъ глазахъ, взойдя безъ вѣры въ храмъ и работая тамъ съ сомнѣніемъ въ душѣ!»—Конечно, такъ говорившій не потерялъ вѣры, а только преобразилъ ее, идя все тѣмъ же путемъ самоусовершенствованія.

Надо сознаться, что тернистый былъ его путь, что исключительно трудная и безрадостная жизнь выпала ему на долю. Посреди всѣхъ его испытаній мнѣ кажется самымъ трагическимъ—неосуществленіе его поѣздки въ Святую Землю. Грустно подумать, какъ это путешествіе легко теперь, и какъ недоступно оно казалось для Иванова, которому было такъ нужно! Еслибъ онъ могъ всѣ тѣ этюды пейзажей, купающихся людей, еврейскихъ типовъ, изученію которыхъ онъ посвятилъ столько времени и силъ, писать въ Палестинѣ, — во сколько разъ выиграла бы во внѣшней правдѣ его картина и во сколько разъ онъ былъ бы болѣе удовлетворенъ самъ. Какъ страстно, до послѣдняго издыханія, стре-

мился онъ туда!.. Но «Рафаэль не ѣздилъ въ Палестину»,—говорилъ отецъ Иванова; и «Общество поощренія художествъ» нашло, что это—совершенно лишняя фантазія! Невольно приходитъ на мысль сравненіе съ Микель-Анджело и его гробницей Юлія: оба бились, оба производили великое, и обоимъ не дали достигнуть ихъ главнаго желанія.

Трагична также въ жизни Ал. Андр. вѣчная, не дающая успокоиться, борьба съ нуждой. Только художникъ можетъ понять весь ужасъ положенія, когда человѣкъ долженъ надолго бросать излюбленный трудъ, бросать, можетъ быть, въ моментъ вдохновенія, наибольшаго поднятія силъ, бросать потому, что не было денегъ на натурщика!..

И этому человѣку ставятъ въ вину, что онъ двадцать лѣтъ писалъ одну картину! «Я бы могъ очень скоро работать,—говоритъ Ивановъ,—еслибъ имѣлъ единственною цѣлью деньги». Еслибъ онъ написалъ во всю свою жизнь одну только картину «Явленіе Христа», то и этого было бы достаточно:—не много жизней, которыя въ результатѣ даютъ такой плодъ; но въ эти двадцать лѣтъ наименьшее время отдавалъ авторъ своему излюбленному произведенію. Сколько разъ онъ на цѣлые годы долженъ былъ прекращать работу изъ-за недостатка средствъ, изъ-за болѣзней, сколько написалъ за это время этюдовъ, которыхъ однихъ достаточно, чтобы прославить его имя; сколько сдѣлалъ рисунковъ, полныхъ смѣлаго замысла, новыхъ и чудныхъ мыслей, живого исполненія, свидѣтельствующихъ о геніи Иванова, можетъ быть, еще громче, чѣмъ его картина!

Подъ словомъ «геній» мы обыкновенно пони-

маемъ способность человѣка творить легко, быстро, какъ бы подъ внезапнымъ наитіемъ; но и геніи бываютъ различные, и эта разница зависитъ отъ темперамента и отъ окружающихъ обстоятельствъ. Если Микель-Анджело написалъ свой плафонъ въ четыре года, то развѣ Леонардо не такъ же долго, какъ Ивановъ, искалъ типъ своего Христа? И что же, какъ не геній, даетъ человѣку возможность мыслью опередить свой вѣкъ и съ энергіей пролагать новый путь?

Во время послѣдняго путешествія и короткаго пребыванія въ Россіи, всѣ сокровища духовныя, которыя накопились въ душѣ Иванова въ продолженіе его одинокой работы надъ самимъ собой, какъ будто всплыли наружу, и въ немъ началась новая созидательная работа. «Картина моя,—говорилъ Ал. Андр. въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни,—не есть послѣдняя станція... Я за нее стоялъ крѣпко въ свое время и выдержалъ всѣ бури... Нужно теперь учинить другую станцію нашего искусства—его могущество приспособить къ требованіямъ времени и настоящаго положенія Россіи».—«Живопись нашего времени должна проникнуться идеями новой цивилизаціи, быть истолковательницей ихъ. Соединить Рафаелевскую технику съ идеями новой цивилизаціи—вотъ задача искусства въ наше время».—«Раньше той поры, когда опредѣлится во мнѣ идея современнаго искусства, я не начну производить новыя картины; до той поры я долженъ работать не надъ изображеніемъ своихъ идей на полотнѣ, а надъ собственнымъ своимъ образованіемъ».—«Если мнѣ даже не удастся пробить или намѣтить высокій и новый путь,—стремленіе къ нему все-таки показало бы, что онъ существуетъ впереди!»

Ивановъ не только намѣтилъ новый путь,—онъ распахнулъ передъ русскимъ искусствомъ ворота къ свободѣ; онъ, какъ Предтеча на его картинѣ, широкимъ взмахомъ своей творческой руки указалъ на нѣчто еще далекое, но ему видимое и твердо грядущее.

И такого художника, и такую картину мы не поняли, хотя, казалось бы, и мысли этого человѣка, и картина его какъ нельзя болѣе соотвѣтствовали тѣмъ стремленіямъ, которыя таились въ насъ самихъ. Почему же мы не поняли ихъ значеніе? Почему «разочаровались»?

Сказать ли, поборовъ краску стыда, которая выступаетъ при этомъ воспоминаніи?—Потому что мы не нашли въ ликѣ Спасителя «божественности», т.-е. слащавой мягкости, къ которой мы привыкли. Потому что «колоритъ картины былъ непріятенъ». Потому что, какъ выразился одинъ критикъ, она «не была обворожительна для глазъ»! Потому что мы не смѣли еще сбросить съ себя кору покрывавшей насъ рутины. Овацію слѣдовало устроить Иванову, такую овацію, какой не видала еще Россія, а мы, недоразвитые, критиковали и, съ мелочной боязнью сойти съ протореннаго пути, старались подавить восторгъ, помимо нашей воли накипавшій въ душѣ!

Какъ страшно виноватыми почувствовали мы себя послѣ внезапной смерти Иванова! Никто не поминалъ о томъ, что онъ умеръ отъ холеры,—мы говорили, что его убилъ холодный пріемъ, недостатокъ участія и оцѣнки, что онъ умеръ отъ огорченія. И мы были правы въ этомъ: не унесла бы его такъ скоро холера, еслибы онъ не былъ истощенъ физически и истерзанъ нравственно, еслибы сочувствіемъ братьевъ-людей были подняты въ немъ энергія и жизнерадостная сила.

XI.

...Украшенные проворно
Толстого кистью чудотворной.
Пушкинъ.

К. продолжалъ изрѣдка бывать у насъ, но ничего близкаго или дружескаго не было между нами, мнѣ было тяжело съ нимъ. Зачѣмъ онъ приходилъ? Чтобы бередить свои раны, или, просто, видѣть меня?..

Если смотрѣть трезво, моя мать была права, что разстроила мой начинавшійся романъ съ К.; онъ не имѣлъ средствъ, не былъ созданъ, чтобы пріобрѣсти ихъ, я же была очень избалована и ровно ничего не понимала въ практической жизни.

Можетъ быть и способъ, который мама выбрала для этого, былъ единственно возможный, чтобы при моемъ впечатлительномъ и привязчивомъ характерѣ, прервать эту любовь, но надо сказать, что это былъ способъ очень жестокій, не только для К., но и для меня. Эта исторія не прошла безслѣдно въ моей нравственной жизни: я стала хуже; я стала болѣе предаваться внѣшней жизни, стала раздражительнѣе, съ моей любовью исчезла моя свѣтлая, дѣтская радость жизни, и я перестала считать себя самой счастливой въ мірѣ. Какая-то горечь проникла мнѣ въ душу; несмотря на всѣ удовольствія, въ сердцѣ чувствовалась пустота, которую безсознательно хотѣлось наполнить.

Т. Шевченко.

Какъ я упоминала, мои отношенія съ матерью въ дѣтствѣ были холоднѣе, чѣмъ съ прочими членами семьи; теперь это постепенно измѣнилось: мама́ приближала меня къ себѣ, подолгу бесѣдовала со мной, и наши пути какъ бы слились,—мама́ уже не имѣла отдѣльной отъ меня жизни, мы были всегда вмѣстѣ. Въ ней было столько жизненности и живости, что намъ бывало безъ нея скучно. Мнѣ казалось, что я прежде не понимала ее, я радовалась перемѣнѣ нашихъ отношеній, и моя любовь къ ней принимала размѣры какого-то боготворенія. Однако и это сильное чувство не поглощало меня всю. Появились у меня и ухаживатели, но они не интересовали меня,—во мнѣ жило недовольство и собой, и другими, начиналось какое-то броженіе... А тутъ подоспѣло для меня новое горе—разставаніе съ академіей. Отецъ былъ произведенъ изъ вице-президента академіи художествъ въ товарищи президента. Это была почетная отставка, но все-таки отставка. Отцу было тяжело перенести это, тяжело оставить любимую дѣятельность, оставить академію, съ которой неразрывно связана была его жизнь, даже квартиру, гдѣ онъ прожилъ, окруженный любимыми предметами, почти полстолѣтія. Хотя онъ молчалъ и даже шутилъ, называя великую княгиню Марію Николаевну «своей подругой», но друзья наши хорошо понимали состояніе его души и рѣшили показать ему свое участіе въ трудную для него минуту, устройствомъ празднованія юбилея его пятидесятилѣтней дѣятельности въ академіи.

Это не было официальное празднованіе, — это было именно собраніе друзей, поэтовъ, ученыхъ, художниковъ, гдѣ каждое изъявленіе восторга, каждое

слово было искренно. Самую длинную рѣчь, обзоръ всей жизни отца, прочиталъ молодой литераторъ А. Г. Тихменевъ. Приведу мѣста изъ нея, которыя вызвали наиболѣе шумные апплодисменты: «Графъ любилъ искусство не для почестей, не для препровожденія времени, не для денегъ; онъ любилъ искусство для него самого». «Прочитывая и вникая въ смыслъ классиковъ, онъ старался создать въ своемъ воображеніи отчетливую, полную и вѣрную картину древняго быта, онъ переносился въ тотъ міръ, который въ силахъ былъ произвести типы чистой идеальной красоты, не какъ плодъ личной фантазіи художника, а какъ результатъ народныхъ вѣрованій. Законченность и историческая истина этихъ высокихъ идеаловъ прельщали пытливую душу графа»... «...Отецъ медальернаго искусства въ Россіи, жаркій поклонникъ чистой красоты, графъ не могъ слѣдовать рутинному направленію эклектиковъ и псевдоклассиковъ, не могъ терпѣть отсутствія самостоятельной мысли въ искусствѣ, и съ терпимостью высокаго таланта не могъ не оказывать непосредственнаго вліянія на міръ нашихъ художниковъ... Онъ пріобрѣлъ это вліяніе, сдѣлался неизмѣннымъ живымъ фокусомъ развитія русской школы, которая началась на его глазахъ, имъ поддержана, при немъ достигла настоящаго своего положенія, когда имена Брюлловыхъ, Ивановыхъ и другихъ сдѣлались дорогими для народа, для всего общества. Много борьбы, неудачъ, недосказанныхъ фразъ, интригъ и односторонихъ уклоненій записано въ лѣтопись развитія русскаго искусства; долго было подвержено сомнѣнію существованіе русской школы. Пятьдесятъ лѣтъ графъ являлся постояннымъ, энергич-

нымъ, всегда сильнымъ защитникомъ правъ отечественнаго искусства. Пятьдесятъ лѣтъ покровительствовалъ онъ художникамъ, безъ меценатства, не по барски, а какъ товарищъ и старшій братъ». «Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ онъ совершалъ трудный подвигъ внутренней борьбы во имя искусства, подвигъ искупленія общественныхъ предразсудковъ, подвигъ мысли. Теперь онъ видитъ великій плодъ своего подвига, созрѣвшій неуловимо для историка: плодъ этотъ въ успѣхахъ нашего русскаго искусства, въ немъ награда и вѣнецъ истиннаго художника:

Такъ геній радостно трепещетъ,
Свое величье познаетъ,
Когда предъ нимъ гремитъ и блещетъ
Иного генія полетъ...

«Неизмѣнный поклонникъ древне-эллинской красоты, онъ не понималъ ее односторонне, онъ поощрялъ всякое живое воспроизведеніе природы и удачное изображеніе обиходной жизни (genre), и натуру въ пейзажѣ; онъ понималъ и объяснялъ молодому художнику, какъ удовлетворять эстетическимъ требованіямъ вѣрнымъ и точнымъ изображеніемъ дѣйствительности...» «...Взглянувъ на трудолюбіе графа, который не утомляется ни лѣтами, ни обстоятельствами жизни, на это вѣчное присутствіе мысли въ головѣ, украшенной сѣдинами,—становится стыдно праздности. Молчаливая картина, представляющаяся взору молодого человѣка, когда графъ сидитъ день до поздней ночи за кропотливой работой, за книгой, за тетрадью,—убѣждаетъ краснорѣчивѣе всякихъ ораторскихъ диспутовъ. А взгляните на эту оживленность въ чертахъ лица его,

когда онъ заговоритъ объ изящномъ, на эти глаза, полные художественной мысли, когда они остановятся на произведеніи искусства; посмотрите на его жизнь, съ самоотверженіемъ отданную искусству,— и вы скажете, что вамъ мало уважать его, вамъ нуженъ онъ самъ, вамъ нужно его присутствіе непосредственно».

Упомянувъ, что молодежь идетъ къ нему безъ страха передъ его авторитетомъ и уходитъ съ сильнѣе бьющимся сердцемъ и поднятою бодростью, Тихменевъ закончилъ словами извѣстнаго стихотворенія:

Все духъ въ немъ питало: труды мудрецовъ,
Искусствъ вдохновенныхъ созданья,
Преданья, завѣты минувшихъ вѣковъ,
Цвѣтущихъ временъ упованья.
Мечтою по волѣ проникнуть онъ могъ
И въ нищую хату, и въ царскій чертогъ,
Съ природой одною онъ жизнью дышалъ,
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ
И чувствовалъ травъ прозябанье,
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.

Профессоръ Благовѣщенскій сказалъ прекрасную рѣчь объ отцѣ, не какъ о художникѣ, а какъ о человѣкѣ. Эта рѣчь не была приготовлена, и потому была живѣе и горячѣе предыдущей; къ сожалѣнію, она не была написана, и я ее не такъ хорошо помню. Старикъ Одоевскій говорилъ о рисункахъ «Душеньки», помянулъ извѣстное четверостишіе:

Нашъ Богдановичъ милую поэму написалъ,
Но Пушкина стихи ее убили:
Къ ней графъ Толстой рисунки начерталъ,
И „Душеньку“ рисунки воскресили!

—и кончилъ за «энергію въ трудахъ графа». Всѣ воодушевлялись болѣе и болѣе.

Сѣверцевъ прочелъ свое стихотвореніе:

„Тому полсотни лѣтъ—въ надутый барства вѣкъ
Потѣхою двора изящное считалось,
Лишь меценатомъ быть могъ знатный человѣкъ,
Искусствомъ—графство унижалось.
Тогда искусству вы служили,
Трудились крѣпко, какъ плебей,
И спѣсь враждебную сломили
Античной прелестью своей!
И вотъ теперь пора иная,
Искусство въ славѣ, барства нѣтъ:
Предтечѣ мы, семья младая,
Приносимъ искренній привѣтъ!“

На моего бѣднаго скромнаго растроганнаго отца насильно надѣли лавровый вѣнокъ,—и не смѣшонъ, а прекрасенъ былъ этотъ вѣнокъ на вьющихся бѣлоснѣжныхъ кудряхъ.

Этотъ день былъ для меня послѣдней вспышкой моего беззавѣтнаго лучезарнаго дѣтскаго счастья это былъ одинъ изъ самыхъ торжественныхъ дней моей жизни. Мое чувство любви къ отцу было удовлетворено превыше мѣры восторгами, порывами, горячими рѣчами и искренними слезами другихъ людей. Это любовное чествованіе являлось мнѣ оцѣнкою, апоѳеозомъ дорогого мнѣ человѣка и художника, и самъ онъ казался мнѣ окруженнымъ ореоломъ... Сердце мое рвалось отъ счастья, восторга и гордости...

Но чудный мигъ прошелъ, а изъ академіи все-таки приходилось выбираться! Я не хотѣла вѣрить, что я могу жить внѣ академіи, «гдѣ-нибудь въ ули-

цѣ, гдѣ изъ оконъ не будетъ видно неба, рѣки и заката». «Это несправедливо, что меня вытѣсняютъ изъ моей родины!» [1]). Я цѣловала стѣны, рисовала печь, находившуюся противъ моей постели, глядя на пестрые изразцы которой я сочиняла столько сказокъ и романовъ, отрывала на память куски обоевъ, однимъ словомъ—безумствовала.

Такъ какъ мама рѣшила ѣхать черезъ годъ за границу, то тетѣ Надѣ теперь же была нанята отдѣльная квартира, куда она и перебралась со своей вѣрной Аннушкой. Бѣдной старушкѣ, прожившей у брата всю жизнь, привыкшей къ семьѣ, къ дѣтямъ, должно быть, было не легко. Трудно было и бѣдной тетѣ Катѣ, которой пришлось разбираться въ вещахъ, пятьдесятъ лѣтъ не тронутыхъ съ мѣста. Непріятности перевозки на новую квартиру, нанятую въ 3-й линіи, въ домѣ Вольфа, мы съ мама, какъ всегда, всецѣло свалили на ея плечи, а сами спаслись въ Финляндію.

У насъ было много гостей въ это лѣто, между прочими Н. Д. Старовъ, который заражалъ всѣхъ своимъ шумнымъ энтузіазмомъ, и А. И. Мещерскій. А. И. былъ въ высшей степени мягкій, добрый человѣкъ, и я его очень любила, но ни съ кѣмъ на свѣтѣ я такъ не ссорилась, какъ съ нимъ: мы спорили цѣлыми днями, спорили чуть не до слезъ; только во время уроковъ рисованія, которые онъ давалъ мнѣ, я превращалась въ смиренную ученицу и вполнѣ признавала его авторитетъ.

---

[1]) Слова изъ моего тогдашняго дневника.

XII.

...I will go over now
Like one who paints with knitted brow
The flowers and all the things one by one
From the snail on the wall to the
setting sun. [1])

William Morris.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ неожиданно пріѣхалъ въ нашу Марковиллу Николай Алексѣевичъ Сѣверцевъ. Онъ былъ близко знакомъ съ нами еще до своей поѣздки въ Среднюю Азію и своего плѣна у коканцевъ. Онъ любилъ бесѣдовать съ моею матерью, а насъ, дѣтей, иногда занималъ разсказами старыхъ легендъ и сценъ изъ жизни звѣрей; послѣдніе показываютъ его наблюдательность и характерное отношеніе къ животнымъ; не могу не привести хоть одного изъ нихъ. «Рисуя съ натуры въ звѣринцѣ,—разсказывалъ Н. А.,—я особенно подружился съ одной тигрицей; она постоянно играла со мной: возьметъ въ ротъ мою руку и перебираетъ зубами между пальцами,—это ихъ любимая забава. Ну, а когда зрителей много, тутъ она начинаетъ сама представленіе давать: ляжетъ на спину, схватитъ мою руку и, какъ котенокъ, пинаетъ ее четырьмя лапами; вскочитъ, зарычитъ, бросится на меня, схватитъ руку,

[1]) Опишу теперь, какъ внимательный живописецъ, цвѣты и все, отъ улитки, ползущей по стѣнѣ, до заходящаго солнца.

кусаетъ, пуститъ и опять, будто съ ожесточеніемъ, схватитъ, и все не больно».—«Какъ же вамъ не было страшно?»—«Я по глазамъ вижу, съ кѣмъ изъ нихъ и когда можно играть. Пока они кусаютъ, это ничего; а вотъ какъ когти покажутъ, это ужъ нехорошо. Вотъ было съ однимъ молодымъ тигромъ: ему дали мясо, я сталъ отнимать, онъ тянетъ къ себѣ, а я не пускаю; это ему надоѣло, онъ положилъ лапу на мою руку, выпустилъ когти, укололъ меня и опять спряталъ,—дескать, «мое терпѣнье къ концу приходитъ, берегись, брось!» Ну, я и воспользовался совѣтомъ».

Когда Н. А. возвратился въ Петербургъ, исторія его плѣна была на устахъ у всѣхъ, онъ сталъ героемъ дня, всѣ желали воспользоваться его знакомствомъ; онъ бывалъ запросто у великой княгини Елены Павловны и въ очень многихъ домахъ, но не измѣнялъ намъ, напротивъ, большую часть свободнаго времени проводилъ у насъ. Иногда мы ходили къ нему въ академію наукъ смотрѣть его коллекціи и рисунки птицъ, поразительно хорошо исполненныхъ имъ акварелью.

Незнакомыхъ съ нимъ близко людей Сѣверцевъ поражалъ странностью своихъ манеръ и наружностью, которую многіе называли страшной. Н. А. дѣйствительно не былъ красивъ, а раны, полученныя при взятіи его въ плѣнъ, еще болѣе обезобразили его лицо глубокими рубцами. Голову держалъ онъ всегда внизъ и смотрѣлъ черезъ очки; ходилъ, приподнявъ плечи и какъ-то бочкомъ; говорилъ громко, отрѣзывая слова и вставляя въ рѣчь азіатскія словечки, вродѣ «джокъ», «джаманъ» или, присущія ему одному выраженія: «отнюдь», «линія такая», «похоже,

какъ уксусъ на колесо...» Войдетъ, бывало, въ гостиную и, издали завидѣвъ книжку журнала, ни съ кѣмъ не здороваясь, съ возгласомъ: «А! у васъ уже есть!» — садится читать, какъ будто онъ одинъ въ комнатѣ [1]). Особенно смущалась публика способомъ бесѣды Сѣверцева. Дѣло въ томъ, что Н. А. часто въ разговорѣ долго обдумывалъ заинтересовавшіе его взгляды собесѣдниковъ и, по поводу ихъ, прослѣживалъ свою собственную мысль : замолчитъ, задумается, щиплетъ свою бороду и вдругъ, послѣ долгаго времени, вытянетъ руку со скрюченными пальцами и выпалитъ своимъ зычнымъ голосомъ: «Джокъ!» или: «а это, вѣдь, вѣрно!» — когда разговоръ уже успѣлъ перейти на десять новыхъ темъ. Происходило это у него не отъ медлительности мышленія, а потому, что чужое слово тутъ же зарождало въ немъ цѣлые потоки возраженій, выводовъ, которые онъ долженъ былъ развить и сгуппировать самъ въ себѣ, прежде чѣмъ сообщить слушателямъ. Вообще, онъ какъ бы въѣдался въ какую-нибудь мысль и иногда продолжалъ развивать ее еще и на другой, и на третій день.

Мнѣ Сѣверцевъ никогда не казался «безобразнымъ» или «страшнымъ», — напротивъ, я любила его выразительное лицо, освѣщенное проницательными и умными темными глазами, а его, такъ называемое, «оригинальничанье», его обособленность отъ другихъ людей, привлекало меня къ нему.

Мнѣ приходилось впослѣдствіи слышать, что эти «чудачества» Сѣверцева были дѣланы, были позой.

---

1) Читалъ Сѣверцевъ все, даже дѣтскія книжки; онъ говорилъ, что во всякой книгѣ можно найти себѣ что-нибудь полезное.

Я не думаю. Можетъ быть, въ молодости онъ когда-нибудь и хотѣлъ замаскировать свою природную застѣнчивость и неловкость нѣкоторымъ оригинальничаньемъ, — это иногда бываетъ, — но въ то время, когда я знала его, онъ рѣшительно не позировалъ, оригинальность вошла въ его плоть и кровь, она не измѣнялась ни въ какіе моменты его жизни, даже и тогда, когда причиняла ему неудобства или страданія; а что это случалось не разъ, — мнѣ доподлинно извѣстно.

Своей разсѣянностью Сѣверцевъ давалъ поводъ къ безчисленнымъ анекдотамъ, распространителемъ которыхъ являлся, главнымъ образомъ, Щербина. «На дняхъ, — разсказывалъ онъ, — у нашего общаго знакомаго вдругъ въ три часа ночи звонъ. Онъ вскакиваетъ съ постели, бѣжитъ въ переднюю, думаетъ — пожаръ, — а это Сѣверцевъ! «А я, — говоритъ, — къ вамъ посидѣть пришелъ». — Нѣтъ ужъ, Николай Алексѣевичъ, не угодно ли полежать»! А вы слышали, какъ онъ въ Москвѣ въ чужое окно влѣзъ? Нѣтъ? Помилуйте, истинное происшествіе. Когда онъ жилъ въ Москвѣ, онъ имѣлъ обыкновеніе поздно возвращаться домой и, чтобы никого не безпокоить, влѣзалъ въ свою комнату въ окно, черезъ низенькую крышу на дворъ. Вотъ онъ поѣхалъ въ Азію, былъ въ плѣну, успѣлъ тамъ нѣсколько разъ жениться, растерять своихъ женъ и вернулся, наконецъ, въ Москву. И вотъ разъ, поздно ночью, отправляется по старой памяти на свою прежнюю квартиру, лѣзетъ по знакомому пути черезъ крышу въ открытое окно и преспокойно собирается лечь въ постель, какъ вдругъ съ нея раздается: «караулъ!» — Вѣдь, чуть не до смерти испугалъ новаго жильца!.. А то, зашелъ въ

церковь къ иконостасу сигару закурить, ей Богу! Видитъ, огонь...» Неистощимъ былъ Щербина въ подобныхъ разсказахъ, а Сѣверцевъ смѣялся отъ души и самъ еще прибавлялъ. Впрочемъ, онъ не оставался въ долгу и сочинялъ на «Эллина изъ Таганрога» много эпиграммъ. Часто они по вечерамъ сражались эпиграммами другъ съ другомъ. Сѣверцевъ очень свободно владѣлъ стихотворной формой.

Нѣкоторыя черты не совсѣмъ нравились мнѣ въ Сѣверцевѣ, но онѣ стушевывались передъ крупными его достоинствами. Въ немъ было много благородства, чуткости, истинной доброты; его душа всегда понимала чужую душу, въ тяжелую минуту онъ всегда умѣлъ найти то слово, которое одно и могло принести утѣшеніе. Онъ умѣлъ дѣлить не только чужое горе, но и чужое счастье, а это — очень рѣдкое явленіе: пожалѣть ближняго въ горѣ могутъ многіе, но безкорыстно и искренно дѣлить чужую радость умѣютъ только очень хорошіе люди. И ребенкомъ, и взрослой, я никогда не боялась высказывать Н. А. всѣ свои мысли и чувства, — я знала, что онъ все пойметъ и не осудитъ напрасно.

Н. А. ничего не надо было растолковывать, — онъ понималъ съ полуслова и даже разъяснялъ вамъ самимъ вашу мысль, придавая ей такую рельефную форму, какую вы бы сами не сумѣли ей придать. Когда онъ собирался со своими размышленіями, онъ говорилъ увлекательно. Наполнявшія его голову мысли развивались по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, все богаче и богаче, вбирали въ себя все новые элементы, раскидывались массой подробностей, неожиданностей, пугали разнообразіемъ, подавляли эрудиціей и, наконецъ, сливались въ выводы общіе

и ясные. Образованіе, память, знаніе языковъ были послушными слугами большому и острому уму Сѣверцева, уму, равно способному какъ на кропотливую работу, такъ и на широкое обобщеніе. Память у Н. А. была феноменальная: онъ могъ сказать не только гдѣ, но часто на какой страницѣ Богъ знаетъ какъ давно прочитанной книги онъ видѣлъ такое-то изреченіе или такую-то фразу.

Въ эту весну 1859-го года Сѣверцевъ собирался ѣхать въ путешествіе, и мы думали, что онъ находится уже гдѣ-нибудь въ Азіи, когда онъ вдругъ явился къ намъ въ Финляндію. Мы обрадовались, но удивились. «Линія такая вышла», — отвѣчалъ онъ и, взглянувъ на меня, прибавилъ: «вотъ, я и пріѣхалъ къ птичкѣ, которая лучше всѣхъ птицъ и Средней Азіи, и музея академіи наукъ». Вечеромъ онъ читалъ намъ описаніе своего плѣна, дополняя статью живыми разсказами.

Сѣверцевъ былъ посланъ академіей наукъ для зоологическихъ изслѣдованій на берега Сыръ-Дарьи. Пораженіе коканцевъ, въ 1853-мъ г., такъ напугало ихъ, что, присоединившись къ отряду, посланному для рубки лѣса, Сѣверцевъ могъ надѣяться спокойно поохотиться. Сначала это удавалось; онъ, однако, гдѣ-то схватилъ лихорадку, и 26 апрѣля (1858-го года) особенно плохо себя чувствовалъ, но, подумавъ, что онъ пріѣхалъ работать, а не лежать, преоборолъ свой недугъ и въ сопутствіи своего препаратора, трехъ казаковъ и двухъ вожаковъ киргизъ, отправился на охоту. Только-что онъ собирался убить интересовавшую его дикую козу, какъ вожаки сообщили, что замѣтили вооруженныхъ коканцевъ. Это было совершенно неожиданно. Сѣверцевъ пред-

лагалъ засѣсть въ кусты и отстрѣливаться, но потерявшіе голову казаки находили лучшимъ бѣжать; Сѣверцевъ зналъ, что они не покинутъ его, но, боясь взять на себя, однако, отвѣтственность за ихъ жизнь, скрѣпя сердце, согласился. Казаки, давши залпъ въ сторону выскочившей изъ засады кучи коканцевъ, ускакали, а Сѣверцевъ, задержанный своимъ раненымъ препараторомъ, котораго онъ спряталъ въ кустахъ, былъ застигнутъ врагами. Его сняли съ лошади на воткнутыхъ въ грудь пикахъ; одинъ изъ коканцевъ нанесъ ему ударъ шашкой по переносицѣ, вторымъ ударомъ раскололъ скуловую кость и, поваливъ, началъ рубить голову: въ нѣсколькихъ мѣстахъ разрубилъ шею и даже раскололъ черепъ, но тутъ товарищи удержали его, подняли раненаго, причемъ онъ успѣлъ схватить свою шляпу, посадили на лошадь, привязали къ стременамъ и помчали.

Взявшая въ плѣнъ Сѣверцева шайка имѣла своимъ предводителемъ молодого храбреца, красавца и щеголя, джигита Дащана. Несмотря на свою изящную наружность, онъ былъ силачъ и легко разгибалъ подковы. У своихъ онъ слылъ «батыремъ» [1]), а у русскихъ — «разбойникомъ». Такіе предводители со своими отрядами поступали на службу къ враждующимъ между собою родамъ и проводили жизнь въ набѣгахъ и сраженіяхъ; Дащанъ былъ настоящимъ кондотьеромъ. Два раза онъ былъ пойманъ русскими, осужденъ на каторгу и два раза бѣжалъ съ дороги. Обманувъ ложнымъ слѣдомъ высланную изъ русскаго отряда погоню, онъ отвезъ Сѣверцева къ укрѣпленному мѣстечку Яны-Курганъ. Дащанъ говорилъ

---

[1]) Богатырь, витязь.

по-русски, ласково обращался съ плѣнникомъ, но, вмѣстѣ съ яны-курганскимъ комендантомъ, старался выспросить у него все имъ нужное. Сѣверцевъ все время соображалъ, что отвѣчать, и помнилъ свои прежнія показанія. Коканцы обѣщали доставить письмо Сѣверцева въ фортъ Перовскій и освободить его за извѣстный выкупъ. Вмѣсто того, они препроводили, всего израненаго, съ распухшими ногами отъ привязи къ стременамъ, естествоиспытателя, на какой-то полуразломанной русской телѣгѣ, въ Туркестанъ. Все это взяло нѣсколько дней времени, а раны страдальца не были даже ни разу промыты. Въ тюрьмѣ въ Туркестанѣ Сѣверцевъ испыталъ тяжкія физическія и нравственныя муки. Письмо его, какъ онъ понялъ, не было доставлено; для русскихъ онъ былъ безъ вѣсти пропавшій, о свободѣ нечего было и думать! Коканцы предлагали ему принять магометанство, что значило лишиться уже всякаго покровительства русскихъ и навсегда остаться въ Туркестанѣ; за отказъ грозили посадить на колъ. Казнь эта пугала страдальца, такъ какъ онъ зналъ, что подверженные такой казни долго, иногда нѣсколько дней, мучаются, и онъ старался оттягивать подъ разными предлогами положительный отвѣтъ, надѣясь, что умретъ раньше казни отъ ранъ, которыя онъ не позволялъ лечить. «Мое положеніе, — пишетъ Сѣверцевъ, — казалось мнѣ такимъ безвыходнымъ, что я обрадовался, когда многія раны, какъ будто присохшія, открылись и стали портиться: на вискѣ, на затылкѣ, на ногахъ струпья сошли и явилось злокачественное нагноеніе и разложеніе тканей, особенно съ дурнымъ запахомъ на вискѣ. Тамъ открылась костоѣда въ расколотой скуловой кости; это мнѣ

показалось гангреной, и я съ радостью сталъ ожидать смерти отъ ранъ, вслѣдствіе мнимой гангрены, и не хотѣлъ леченіемъ терять хоть этотъ способъ освобожденія». Далѣе онъ пишетъ: «Одно мнѣ было утѣшеніе — молиться, что я и дѣлалъ; тутъ я на опытѣ узналъ благотворное значеніе религіи (чѣмъ мнѣ плѣнъ былъ полезенъ); она поддержала мою падавшую бодрость; безъ нея, пожалуй, вслѣдствіе инстинктивной привязанности къ жизни, хоть бы скверной, я, сдѣлавшись притворнымъ мусульманиномъ, съ напрасной надеждой убѣжать изъ плѣна, чему примѣры въ Азіи рѣдки, и теперь бы велъ въ Коканѣ такую несносную жизнь, что и подумать о ней противно, или бы сошелъ съ ума»... Послѣ усердной молитвы, я вдругъ призналъ неминуемымъ свое освобожденіе, и не смертью, а возвращеніемъ въ фортъ Перовскій... Въ тотъ же день я получилъ извѣстіе, что изъ Яны-Кургана, какъ я и предполагалъ, гонца не послали, чтобы извѣстить обо мнѣ, что туркестанскій датка [1]) о выкупѣ и слышать не хочетъ, что на освобожденіе надѣяться нечего, — не вѣрилъ я извѣстію и оставался при своемъ, ни на чемъ не основанномъ, убѣжденіи, что буду свободенъ, и скоро. А въ это время генералъ Данзасъ уже приступалъ къ своимъ рѣшительнымъ и успѣшнымъ мѣрамъ, прекратившимъ мой плѣнъ! Какъ тутъ не подумать то, что мнѣ тогда же, не зная о дѣйствіяхъ Данзаса, представилось: что этотъ крутой поворотъ мысли, эта безпричинная, противорѣчащая всѣмъ извѣстнымъ мнѣ даннымъ, сумасбродная въ ту минуту, увѣренность въ близкой свободѣ — это былъ отвѣтъ свы-

[1]) Вродѣ губернатора или намѣстника.

ше на мою молитву! И сто лѣтъ проживу, а не забуду того свѣтлаго, глубокаго, отраднаго чувства, которое въ ту минуту замѣнило мучившую меня тоску. И въ слѣдующіе дни, хоть увѣренность въ близкой свободѣ порой и колебалась, но прежней безнадежности уже не было». Въ тотъ же день Сѣверцевъ позволилъ лечить свои раны; это леченіе, чисто коканское, было, однако, успѣшно. «Успокоившись, какъ уже сказано, насчетъ своего освобожденія, — продолжаетъ Сѣверцевъ въ своей статьѣ, — я сталъ припоминать и обдумывать свои научныя наблюденія, но чаще припоминать прошлую жизнь. И тутъ плѣнъ былъ мнѣ очень полезенъ. Вырванный изъ обычной обстановки, я смотрѣлъ на себя, какъ на посторонняго, съ полнымъ безпристрастіемъ. Исчезли самообольщенія, явственнѣе говорила совѣсть; многое, казавшееся мнѣ прежде невиннымъ, теперь осуждалось въ воспоминаніи, осуждалось такъ, что и раны, и плѣнъ казались мнѣ должнымъ возмездіемъ за проступки, не подлежащіе суду юридическому, не осуждаемые общественнымъ мнѣніемъ, но осуждаемые безпристрастною совѣстью».

Послѣ твердаго отказа отъ магометанства, Сѣверцева не посадили на колъ, а оставили въ покоѣ. Дни тянулись однообразно; чтобы не терять имъ счетъ, онъ отмѣчалъ ихъ ногтемъ на стѣнѣ. Наконецъ, его « credo quia absurdum » оправдалось: къ даткѣ пришло письмо, требовавшее освобожденія Сѣверцева. Оказалось, что яны-курганскій комендантъ, подъ вліяніемъ угрожающихъ словъ Сѣверцева, послалъ въ фортъ Перовскій не письмо послѣдняго, а свое собственное, гдѣ старался выгородить себя изъ участія въ его плѣнѣ. Данзасъ задержалъ послан-

наго, въ два-три дня снарядилъ трехсотенный отрядъ съ пушками и двинулъ къ коканской границѣ, и тогда только отпустилъ гонца съ письмомъ къ туркестанскому даткѣ, вмѣстѣ съ извѣстіемъ о видѣнной коканцемъ и преувеличенной съ испугу поддержкѣ этого письма. Датка отправилъ Данзасу отвѣтъ съ разными условіями, но генералъ не принялъ ни посланныхъ, ни письма, а передалъ черезъ Осмоловскаго, что онъ писалъ о безусловномъ, немедленномъ освобожденіи плѣнника; а если это не будетъ тотчасъ исполнено, то Сѣверцева русскіе сами добудутъ изъ Туркестана. Походъ на Туркестанъ былъ бы со стороны Данзаса превышеніемъ власти, и его движеніе было только демонстраціей, но такъ вѣрно разсчитанной, что испуганные коканцы, задаривая Сѣверцева разноцвѣтными халатами, сами торопили его къ отъѣзду. Ужасно тяжело было больному долгое и неудобное путешествіе, но радость возвращенія въ фортъ Перовскій заставила его чувствовать себя чуть ли не здоровымъ. Плѣнъ его продолжался 31 день.

Съ ужасомъ слушали мы подробное описаніе того, что знали изъ отрывочныхъ разсказовъ. «Какъ вы не истекли кровью?»—спрашивали мы.—«Раны пылью забило,—отвѣчалъ Сѣверцевъ,—а ухо у меня на кусочкѣ висѣло; я успѣлъ его приподнять, да подъ шапку засунуть; оно у меня и приросло, только посерединѣ окошко осталось».

То, что Сѣверцевъ писалъ и разсказывалъ о возникшихъ въ плѣну религіозныхъ убѣжденіяхъ и молитвѣ, сильно подѣйствовало на меня. «Такой умный и ученый человѣкъ не можетъ же ошибаться»,—наивно думала я, и мнѣ становилось легко на душѣ.

Наша дача лежала на берегу Финскаго залива, около Выборга. Масса разбросанныхъ островковъ, имѣніе барона Николаи, съ живописной усыпальницей на отвѣсной гранитной скалѣ, городъ Выборгъ съ его мостомъ и стариннымъ замкомъ въ развалинахъ, весь этотъ чудесный видъ разстилался передъ нашимъ балкономъ. Съ другой стороны дома былъ чудный, дикій лѣсъ со скалами, соснами, мхами, лѣсными озерами,—такіе разнообразные лѣса бываютъ только въ Финляндіи! Птицъ, бѣлокъ было тамъ видимо-невидимо: глухари, рябчики такъ и вылетали изъ-подъ ногъ! Въ этотъ-то, глубоко уходившій въ глубь страны, лѣсъ, мы съ сестрой стремились и увлекали съ собой Н. А. При его помощи мы спускались со скалъ по крутизнамъ, перепрыгивали щели, переходили по кочкамъ болота и возвращались разрумяненныя, въ высшей степени довольныя своими подобіями опасныхъ путешествій и своимъ руководителемъ. Я была особенно весела это лѣто и „übermüthig“, какъ говорятъ нѣмцы. Я и понятія не имѣла о кокетствѣ или желаніи увлекать кого-нибудь, но, инстинктивно чувствуя свою женскую силу, заставляла окружавшую меня молодежь исполнять мои маленькіе капризы и къ тому же трунила надъ нею.

«О! Екатерина великомученица!»—восклицалъ тогда Н. А., улыбаясь и качая головой.

Я нахожу, что наши друзья слишкомъ баловали меня,—это развивало во мнѣ самомнѣніе; впослѣдствіи жизнь уничтожила его во мнѣ, но не безъ ломки, и я перешла въ другую крайность, въ полное недовѣріе къ своимъ силамъ,—что, пожалуй, еще вреднѣе.

Трудно мнѣ и теперь, послѣ столькихъ лѣтъ, отнестись объективно къ тому, какая я была въ ранней молодости, и рѣшить, почему меня любили. Правда, мои взгляды и мысли были искренни, наивны, восторженны, и, можетъ быть, эта нетронутая жизнью чистота и молодой задоръ могли нравиться...

Въ концѣ лѣта Мещерскій рѣшилъ, что мнѣ можно начать писать масляными красками. Это наполнило меня радостью и трепетомъ ожиданія; а когда папа, находившійся въ Петербургѣ, прислалъ мнѣ элегантный ящикъ съ красками, я обезумѣла отъ восторга: я была счастлива, что этотъ подарокъ получила именно отъ него, моего великаго художника! «Завтра мы начнемъ»,—сказалъ Арсеній Ивановичъ. Онъ приготовилъ заранѣе холстъ и этюдъ, съ котораго я должна была копировать. Весь день я ни о чемъ другомъ не думала. Куда ушли гости, капризы, шалости!.. Одно то, что должно было начаться завтра, было для меня важно и серьезно. На другое утро мнѣ сдѣлалось радостно и страшно... Задолго до назначеннаго часа, я забралась въ импровизированную мастерскую (кабинетъ отца) и, полна своей прежней беззавѣтной вѣры, стала на колѣни и горячо молила Бога благословить мой первый шагъ.

Когда я взяла кисти въ руки, сердце мое сильно билось, на душѣ было торжественно... Я точно въ туманѣ, издали слышала слова учителя, но помню ихъ до сихъ поръ. Я работала напряженно и, когда ушелъ Мещерскій, продолжала одна, пока не кончила этюда [1]).

[1]) Этотъ маленькій этюдъ сохраняется у меня до сихъ поръ.

Въ тотъ же вечеръ или на другой день, не помню, былъ одинъ изъ дивныхъ закатовъ, часто бывающихъ на Финскомъ заливѣ, и я, въ восторгѣ, вся заплаканная, упала на землю и молила Бога, чтобы Онъ далъ мнѣ въ жизни о д н о счастье: когда-нибудь, р а з ъ только написать такой закатъ...

XIII.

„И мнѣ драгоцѣнны, да еще какъ драгоцѣнны, минуты шестидесятыхъ годовъ, со всѣми призматическими надеждами, въ большой части несбывшимися или переиначенными пыльною дѣйствительностью жизни"!..

Изъ письма Н. И. Костомарова, отъ 6-го янв. 1881-го года.

1859—60-й годъ былъ наиболѣе счастливымъ, наиболѣе исполненнымъ содержанія годомъ моей жизни. Все, что посѣяли въ мою душу такіе люди, какъ отецъ мой, m-me Левель, Старовъ, Шевченко, Щербина, Кулибинъ, — начало быстро всходить и созрѣвать; я столько переживала впечатлѣній, что, въ моемъ воспоминаніи, этотъ годъ кажется равнымъ половинѣ всей жизни.

Подъ наплывомъ откровеній, которыя такъ и зарождались передо мной, я, со свойственной мнѣ страстностью, отдалась потоку окружавшей меня, ключемъ бившей жизни. Съ какимъ захватывающимъ вниманіемъ стала я слѣдить за каждымъ словомъ моего учителя Бауера, вводившаго въ преподаваніе исторіи географію, археологію и искусство! Какой чудный и глубокій смыслъ пріобрѣла исторія, когда любимымъ героемъ ея сдѣлался для меня не витязь или король, а человѣчество! Всѣ отрасли науки о природѣ и человѣкѣ начали цѣпляться другъ за друга, образуя нѣчто цѣлое и гармоничное,

и широкій, широкій, всеохватывающій горизонтъ развертывался передъ моими очарованными глазами!..

Бываютъ счастливые періоды въ жизни отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ народовъ, когда дурныя сѣмена въ ихъ душѣ какъ будто глохнутъ, а добрыя восходятъ и пышно расцвѣтаютъ. Такимъ періодомъ было время такъ называемыхъ «шестидесятыхъ годовъ». Къ моему великому счастью, расцвѣтъ моей юности совпалъ съ расцвѣтомъ всей русской жизни.

Будущій историкъ этого времени долженъ быть большимъ художникомъ, чтобы прочувствовать и передать, въ достаточно яркихъ краскахъ, то незабвенное время, одно воспоминаніе о которомъ заставляетъ радостно биться сердца, время, полное юныхъ и свѣтлыхъ иллюзій, время подъема духа, бодрости, энтузіазма,—передать и ту поражающую быстроту, съ которой совершалось это движеніе. Хотя всѣ благія перемѣны въ понятіяхъ и были предуготованы прежними годами развитія, но онѣ выяснились и вступили въ сознаніе большинства людей вдругъ. Жившіе въ то время, помнятъ, какъ, напримѣръ, до 59-го года, лучшія матери не кормили сами своихъ дѣтей, лучшіе люди признавали дѣятельность женщины только въ своемъ домѣ и хозяйствѣ, и какъ внезапно взглядъ на подобныя вещи перемѣнился.

Самое большое счастье для насъ, людей «шестидесятыхъ годовъ», заключалось въ нашей увѣренности: у насъ не было мучительныхъ сомнѣній и колебаній. Теперь критика затемняетъ вѣру, рефлексія отнимаетъ бодрость и жизнерадостность; теперь и старые, и молодые часто спрашиваютъ себя: гдѣ истина? гдѣ благо? въ чемъ спасеніе? Такіе вопро-

сы были чужды намъ. Мы знали—чего хотѣли. Все было намъ ясно: освобожденіе крестьянъ, реформа суда, свобода слова, только дайте намъ это,—тамъ уже сами собою пойдутъ дальнѣйшія логическія послѣдствія, и Россія вступитъ въ новую эру, пойдетъ рука объ руку съ остальнымъ міромъ по пути развитія и счастья человѣчества. И мы видѣли, что наши пламенныя желанія осуществляются, наши мечты переходятъ въ дѣйствительность. Нервы наши были натянуты, духъ приподнятъ, мы чувствовали себя участниками въ общемъ великомъ дѣлѣ, мы ощущали какъ бы опьяненіе творчества... Еслибъ всѣ мечты наши дѣйствительно осуществились, то и тогда можно бы было смотрѣть съ завистью на «шестидесятые годы», ибо наиболѣе счастливые періоды цивилизаціи—не тѣ, въ которыхъ что-нибудь хорошее достигнуто и практикуется, а тѣ, когда это хорошее созидается. Счастье для человѣка—не въ покоѣ, а въ движеніи, въ дѣяніи.

Какъ нѣчто органически связанное съ стремленіями того времени, какъ очагъ, около котораго сплотилась молодежь, явился Николай Ивановичъ Костомаровъ. Этотъ человѣкъ, пострадавшій за тѣ идеи, которыя теперь торжествовали и въ торжествѣ своемъ возносили его, казался намъ залогомъ, что теперь не будетъ болѣе недоразумѣній, всѣ силы родины пойдутъ вмѣстѣ на общее дѣло. И вотъ, не только этотъ опальный недавно человѣкъ, при общемъ восторгѣ, восходитъ на каѳедру, но за нимъ растворяются двери университета для другого опальнаго до сихъ поръ существа—для женщины!

Я рвалась раздѣлить участь тѣхъ нѣсколькихъ женщинъ—сестеръ Конради, Богдановой и др.,—ко-

торыя рѣшились вступить въ университетъ и пошли на первую лекцію Костомарова, но мать не пустила меня и поѣхала сначала одна. Я провела часы ея отсутствія въ большомъ волненіи и бунтовала: «Во что бы то ни стало, буду на лекціяхъ! Пойду одна, пойду противъ мамы!»—говорила я себѣ, въ душѣ чувствуя, что рѣшительно ничего, «противъ мамы» не подѣлаю... Къ моей радости, она вернулась очень довольная, и на третьей, кажется, лекціи, я уже присутствовала. Съ какимъ священнымъ трепетомъ я вступала въ университетъ, какъ все въ немъ, чуть ли не самыя стѣны, внушало мнѣ чувство благоговѣнія, какъ скоро стало близкимъ и роднымъ, этого теперь никто не пойметъ, объ этомъ не стоитъ и говорить.

Студенты были очень любезны съ дамами. Въ большой, биткомъ набитой актовой залѣ, гдѣ вскорѣ началъ читать Костомаровъ, такъ какъ аудиторіи не вмѣщали слушателей, намъ всегда сохраняли лучшія мѣста. Съ незнакомыми раньше молодыми людьми мы встрѣчались, какъ съ братьями. Говорили, спорили безъ конца, вся зала гудѣла, какъ пчелиный рой, но входилъ профессоръ... Небольшого роста, держась немного сутуловато, привычнымъ жестомъ поправляя очки, разговаривая съ окружающими, онъ поспѣшно пробирался къ каѳедрѣ. Онъ всходилъ на нее, и полная тишина водворялась въ огромной залѣ. Всѣ взоры устремлялись на того, кого молодежь чтила не только какъ профессора, но и какъ человѣка. По лицу Костомарова было видно, что то, что онъ будетъ сейчасъ дѣлать, для него не шутка, не ремесло, а дѣло его жизни, суть его души, и какая-то искра пробѣгала между нимъ и нами.

Говорилъ Костомаровъ стоя, часто облокачиваясь на каѳедру. Кое-какія замѣтки и справки лежали передъ нимъ, но онъ не прибѣгалъ къ ихъ помощи, даже цитируя тексты. Онъ всегда порицалъ профессоровъ, читавшихъ по писанному: «Какъ я буду требовать отъ студентовъ, чтобы они знали, что я преподаю, если я самъ не знаю!»—говорилъ онъ по этому поводу. Костомаровъ не читалъ, не преподавалъ, а просто, какъ въ гостиной, бесѣдовалъ, доказывая свой взглядъ; онъ изъяснялъ слушателямъ генезисъ этого взгляда, проводилъ его по пути, по которому шелъ самъ, распутывая только передъ ними заплетавшія этотъ путь препятствія. Вамъ казалось, что онъ самъ, вотъ сейчасъ, здѣсь передъ вами, убѣдился въ томъ, что говоритъ, убѣдился безповоротно, не могъ не убѣдиться, какъ не можете не убѣдиться въ томъ же и вы. Онъ не давалъ готовыхъ выводовъ, онъ изслѣдовалъ съ вами,—и выводы сами слагались въ вашемъ умѣ и являлись какъ бы вашими собственными. Логично и полно жизни, талантливо и колоритно было его изложеніе: цѣлыя картины давно минувшаго съ яркостью проходили передъ вашими глазами; онъ говорилъ о людяхъ, жившихъ столѣтія тому назадъ, какъ о своихъ близкихъ знакомыхъ, онъ становился на точку зрѣнія ихъ времени, говорилъ ихъ языкомъ, возстановлялъ связь между ними и вами. Я думаю, что сердечное и любовное изученіе современнаго русскаго народа помогало Костомарову такъ жизненно чувствовать его прошлое. Весь бытъ, всю жизнь народа развертывалъ онъ передъ вами съ ея смѣхомъ и съ ея трагизмомъ, онъ заставлялъ васъ и смѣяться, и гру-

стить, и волноваться... Молодыя души на лекціяхъ Костомарова разгорались восторженной любовью къ людямъ, къ добру, къ истинѣ... Человѣка, сумѣвшаго возбудить эти чувства, выносили на рукахъ, при громѣ рукоплесканій, отъ котораго дрожали стекла! А онъ посреди этихъ овацій оставался простъ, скроменъ, требователенъ къ себѣ,—только чувствовалось, что онъ счастливъ.

Добродушные и шаловливые бѣсы изъ Четій-Миней блестѣли въ устахъ Костомарова народнымъ юморомъ; онъ такимъ серьезнымъ тономъ, какъ о дѣйствительности, разсказывалъ объ ихъ похожденіяхъ, такія придавалъ интонаціи своему голосу, когда говорилъ отъ ихъ лица, что гомерическій хохотъ стоялъ въ аудиторіи. Никогда не забуду, между прочимъ, разсказа, какъ святой отецъ спрашивалъ кающагося и жаждущаго искупительной жертвы, князя: «Можешь ли ты провести пятнадцать лѣтъ въ постѣ и молитвѣ въ храмѣ господнемъ?»—«Не могу!»—отвѣчалъ князь.—«Ну, хоть три года?»—«Не могу!»—«Ну, хоть три мѣсяца?»—«Не могу».—Ну, хоть три дня?»—«Не могу!» Надо было слышать оттѣнки голоса разсказчика, передававшіе угнетенное состояніе князя и удивленіе отца его духовнаго, чтобы понять весь комизмъ и всю характерность подобныхъ вводныхъ эпизодовъ. По этому поводу на Костомарова былъ сдѣланъ доносъ, гдѣ его обвиняли въ томъ, что онъ употребляетъ слово «легенды», говоря о дѣяніяхъ святыхъ, что онъ богохульствуетъ, выводя святыхъ отцовъ на посмѣяніе...

Я, однако, увидѣла Костомарова въ первый разъ не на каѳедрѣ, но въ обстановкѣ, тоже какъ нельзя

болѣе подходящей къ нему,—среди фоліантовъ и рукописей Публичной Библіотеки. Какъ только Костомаровъ пріѣхалъ въ Петербургъ, мы, само собой разумѣется, захотѣли познакомиться съ нимъ; это оказалось не такъ-то легко: Н. И. наотрѣзъ отказался знакомиться съ «графами». «Ну, да ничего,—сказалъ Шевченко,—пусть себѣ фордыбачитъ, а мы его поймаемъ. Пойдемте-ка въ Публичную Библіотеку, онъ тамъ каждый день занимается, тамъ я васъ съ нимъ и познакомлю,—небось, самъ тогда къ вамъ запросится». Такъ и было сдѣлано. Съ первой минуты, какъ я увидѣла Костомарова и услышала его голосъ, мнѣ показалось, что я съ нимъ уже давно знакома; на отца и мать онъ сдѣлалъ такое же впечатлѣніе; вѣроятно и мы ему сразу понравились, потому что съ тѣхъ поръ онъ сталъ бывать у насъ, съ рѣдкими исключеніями, каждый день. Почти всегда послѣ его лекцій (которыя, когда только могъ, посѣщалъ и отецъ мой) мы вмѣстѣ отправлялись къ намъ.

Увлеченная университетомъ и Костомаровымъ, я забросила даже живопись. Мѣшало мнѣ и возбуждало назойливую досаду усилившееся ухаживаніе за мной. Въ моемъ дневникѣ проглядываетъ раздраженіе по этому поводу. Еслибъ мои поклонники съ ихъ ревностью другъ къ другу, могли себѣ представить, какъ далека я была отъ нихъ всѣхъ, они избавили бы себя отъ безплодной траты времени. Одинъ изъ нихъ, еще, пожалуй, имѣлъ право дѣлать себѣ какія-нибудь иллюзіи, такъ какъ я усиленно «развивала» его. Я требовала, чтобы онъ ходилъ на лекціи Костомарова, а онъ, не понимая характера моего увлеченія, ревновалъ меня къ нему

и упирался. «Поймите,—говорила я,—что я хочу, чтобы вы бывали на лекціяхъ не для того, чтобъ вы изучали русскую исторію, но чтобы вы раздѣлили со мной и со всѣми то радостное чувство, которое мы тамъ всѣ испытываемъ, когда видимъ, что наша Россія развивается, стремится къ знанію»...

«— Эка невидаль,—перебивалъ онъ,—что тамъ тридцать восемь дамъ было! Я бы такъ всѣхъ этихъ госпожъ выгналъ оттуда: сидятъ, учатся, а пользы отъ нихъ нѣтъ...

«— Значитъ, имъ надо еще больше учиться. Если теперь есть такіе люди, какъ Костомаровъ, то черезъ нѣсколько времени ихъ будетъ больше. А вотъ что больно,—что есть еще такіе, какъ вы, которые не хотятъ итти впередъ, не хотятъ расширять свой взглядъ, не хотятъ пополнять недостатокъ своего образованія.

»— Ахъ, вы поэтъ! составили себѣ какой-то идеалъ, и вотъ дай вамъ такихъ людей. И терзайтесь всю жизнь, что люди не ангелы, и плачьте! Поплачьте вотъ, что у Байрона нравственность была плоха!

«— Что же вы за эгоистъ, что не жалѣете, что есть зло на землѣ? Вамъ, можетъ быть, все равно— освободятъ нашихъ крестьянъ или нѣтъ?!

«— Ахъ, ты мой Господи! да развѣ я ихъ крѣпостными сдѣлалъ?

«— Это и не логично, и бездушно, что вы говорите.

«— Чѣмъ имъ моя жалость поможетъ? Что я ихъ освобожу одинъ, что-ли?

«— Если всѣ такъ будутъ говорить,—кто же будетъ дѣлать? Христосъ тоже одинъ былъ.

«— Э, все это не стоитъ одного свѣтлаго дня для работы!

«— Значитъ, цѣль вашей жизни—одна живопись?

«— Конечно, цѣль моей жизни живопись.

«— А я такъ полагала, что это одно изъ средствъ, а цѣль жизни гораздо выше...

«— Что же мнѣ дѣлать, если я не такъ понимаю вещи, какъ вы?

«— Уйти вонъ!»

Такими дерзостями съ моей стороны часто кончались наши пререканія. За приведеннымъ разговоромъ [1]), въ моемъ дневникѣ значатся слѣдующія слова: «Ужъ сколько я старалась развивать его—и все напрасно! И подѣломъ мнѣ! Лучше спорить съ умнымъ, чѣмъ учить безумнаго, какъ говоритъ Даніилъ Заточникъ». Да приметъ во вниманіе снисходительный читатель, что мнѣ еще не было шестнадцати лѣтъ, когда писались эти строки. Если я полубезсознательно еще сохраняла нѣкоторое чувство въ глубинѣ души своей, то это было къ К. Я иногда видѣла его во снѣ плачущимъ и, проснувшись, бывала грустна весь день.

Но все казалось мнѣ ничтожнымъ передъ тѣмъ интересомъ, тѣмъ содержаніемъ, которые внесъ въ нашу жизнь Костомаровъ.

Его многостороннее образованіе, его удивительная скромность, правдивость, теплота его отношенія къ людямъ, чуткость и отзывчивость ко всему доб-

---

[1]) Всѣ разговоры, приводимые мною, выписаны изъ моего дневника того времени.

рому и прекрасному, живописность его рѣчи, способность переходить отъ серьезныхъ научныхъ разговоровъ къ дѣтской веселости, все въ немъ возбуждало во мнѣ чувство горячаго восхищенія. И не во мнѣ одной: отецъ мой глубоко цѣнилъ Костомарова, наши друзья не меньше меня восторгались имъ,—«свѣтлая личность», «чистая душа»—называли они его. Шевченко, Щербина, Сѣверцевъ, Благовѣщенскій, котораго Щербина называлъ „Marquis de l'Annonciation" (его внѣшній видъ и мягкія манеры дѣйствительно напоминали маркиза), Кулишъ, который тогда былъ, или казался, большимъ поклонникомъ Костомарова, Сухомлиновъ, Лазаревскіе и многіе другіе чаще прежняго собирались у насъ.

Костомаровъ былъ изъ тѣхъ рѣдкихъ прекрасныхъ людей, которые считаютъ свои достоинства, свои благородные поступки чѣмъ-то совсѣмъ простымъ, естественнымъ , вовсе не заслуживающимъ похвалы, и поступаютъ хорошо, потому что иначе поступить не могутъ. Костомаровъ смотрѣлъ на міръ спокойно, и ясно, какъ всѣ, кто созерцаетъ его съ нѣкоторой высоты [1]).

Правда, правдивость, не уступающая ни передъ чѣмъ, была и свойствомъ его натуры, и настоящимъ культомъ, доведеннымъ Николаемъ Ивановичемъ въ частной жизни до крайности. Къ сожалѣнію, я не могу придать гласности извѣстныхъ мнѣ необыкновенно благородныхъ и характерныхъ для него случаевъ изъ его жизни, гдѣ онъ сильно

---

[1]) Все, что я говорю о Костомаровѣ, было моимъ мнѣніемъ того времени, но 35-ть лѣтъ близкаго знакомства съ Н. И. не измѣнили, а утвердили эту оцѣнку его.

повредилъ себѣ изъ опасенія, чтобы какъ-нибудь не покривить душой. У него была, если можно такъ выразиться, излишняя щепетильность правдивости. Николай Ивановичъ говорилъ иногда въ глаза не совсѣмъ пріятныя истины и удивлялся, какъ могутъ обижаться за правду или огорчаться ею; самъ онъ былъ въ этомъ послѣдователенъ—никогда не обижался на откровенное порицаніе и, если оно было справедливо, сейчасъ же соглашался. Онъ говорилъ, что правда всегда хороша, всегда полезна. Очень неохотно соглашаясь, что бываютъ случаи, когда слѣдуетъ не высказывать истину, а промолчать, онъ отвергалъ, чтобы ложь могла быть «во спасенье»: «съ этимъ правиломъ,—говорилъ онъ,—можно Богъ знаетъ куда зайти».

Въ одномъ разговорѣ со мной онъ сказалъ: «Нельзя, принадлежа къ какой-нибудь религіи, брать изъ нея одно, оставляя другое. Надо брать все или ничего. Если вы сами создали себѣ свою вѣру, то называйте ее какъ-нибудь иначе, а не христіанской. Вы не должны ходить въ православную церковь, не должны итти въ общество, къ которому вы не принадлежите, съ которымъ у васъ нѣтъ общаго интереса».

«— Мнѣ дѣла нѣтъ до другихъ,—отвѣчала я,—я иду въ церковь, чтобы молиться Богу, въ Котораго я вѣрую.

«— А въ какого бога вы вѣруете?

«— Какъ въ какого? Въ Того же, въ Котораго и вы вѣруете, и всѣ въ церкви.

«— Нѣтъ, вы въ другого вѣруете. Пошли ли бы вы молиться въ магометанскую мечеть?»

«— Отчего же не пойти? Богъ одинъ.

«— Ну, нѣтъ. У нихъ свой Богъ, не тотъ, что у насъ».

«— И лютеранину, можетъ быть, по вашему, нельзя ходить въ православную церковь?

«— Да зачѣмъ ему? Для любопытства только! Вотъ, раскольники и логичнѣе, и благороднѣе поступаютъ. Они хотя и немного православнѣе васъ,— вставилъ онъ, улыбаясь,—но никогда ни одинъ не пойдетъ въ нашу церковь. Я вѣдь не осуждаю ваши взгляды, мнѣ только противна всякая неискренность. Зачѣмъ дѣлать что-нибудь для проформы, зачѣмъ ходить въ церковь, когда вы не вѣрите тому, чему учитъ эта церковь! Молитесь у себя въ комнатѣ».

Къ нападкамъ печати Н. И. относился въ высшей степени добродушно. Мы иногда ужасно волновались по поводу нѣкоторыхъ взмутительныхъ инсинуацій и упрекали его, что онъ принимаетъ ихъ слишкомъ равнодушно. «Какъ вы несправедливы!—отвѣчалъ онъ.—Какъ же это такъ? Вы всегда стоите за свободу, а тутъ вдругъ хотите лишить человѣка права высказывать свое мнѣніе? Какъ это можетъ сердить, когда человѣкъ высказываетъ свое убѣжденіе?»

Противъ такъ часто раздававшихся обвиненій Костомарова въ разрушеніи идеаловъ и развѣнчиваніи народныхъ героевъ, онъ говорилъ, улыбаясь: «Чѣмъ же я виноватъ, если я этого не вижу, не нахожу въ источникахъ? Что есть въ источникахъ, то я знаю, а чего нѣтъ, того не знаю; я такъ и говорю: этого я не знаю, этого нѣтъ въ источникахъ,—что же я тутъ могу подѣлать?!»

Костомаровъ никогда не искалъ популярности и

обо всѣхъ чествованіяхъ и овацiяхъ, достававшихся ему на долю, говорилъ всегда только шутя. Когда мы дразнили его тѣми дамами, которыя дѣйствительно сильно ухаживали за нимъ, онъ говорилъ, смѣясь: «Для прекраснаго пола я готовъ на все!..» —«Однако, еслибы вамъ «прекрасный полъ» приказалъ читать лекцію три часа подъ-рядъ, вы бы навѣрное отвѣтили, какъ вашъ князь: не могу».— «Я? Да я читалъ бы три часа, стоя на одной ножкѣ, еслибъ мнѣ «прекрасный полъ» приказалъ!»

Бывало, идешь съ Н. И. по улицѣ или въ фойэ театра,—только и слышишь: «Это Костомаровъ!»— «Смотрите, вотъ идетъ Костомаровъ!»—но онъ, всегда занятый какою-нибудь мыслью или разговоромъ, и не замѣчалъ этого.

Я никогда не встрѣчала кого-нибудь, кто бы такъ спорилъ, какъ Костомаровъ. Въ спорѣ онъ сказывался весь: видно было, что въ немъ дѣйствуетъ не выработанная или индифферентная сдержанность, а глубоко развитое уваженіе къ человѣческой личности, внутреннее убѣжденіе въ правѣ каждаго, кто бы онъ ни былъ, имѣть свое собственное мнѣніе и высказывать его. Н. И. выслушивалъ каждаго, даже того, кто стоялъ неизмѣримо ниже его по уму и знанію, выслушивалъ до конца, стараясь въ словахъ противника отыскивать не слабыя стороны, къ которымъ можно бы придраться, но какой-нибудь проблескъ истины; когда онъ возражалъ, онъ не пропускалъ ни одного изъ самыхъ ничтожныхъ доводовъ противника безъ отвѣта; ему не переспорить кого-нибудь хотѣлось, а именно чего-нибудь добиться, и ничто не казалось ему пустякомъ, что могло повести къ разъясненію истины.

Ни одинъ разговоръ съ Костомаровымъ не проходилъ безслѣдно, всегда можно было чему-нибудь научиться, всегда оставалось—о чемъ подумать и призадуматься. Разсказы Н. И. дышали необыкновенной прелестью: отличаясь художественною яркостью, они были какъ-то непосредственно просты. У Костомарова было много юмора, но другого оттѣнка, чѣмъ у Щербины. «Тотъ колюшка[1]),—говорилъ про послѣдняго Сѣверцевъ,—а въ юморѣ Костомарова больше народнаго духа, да и направленъ онъ не на отдѣльныхъ личностей, а больше на среду или эпоху». Если Н. И. острилъ надъ кѣмъ-нибудь, то надъ самимъ собой, и острилъ очень мило. Передать эти споры и разсказы у меня не хватаетъ таланта. Вообще, мнѣ кажется, разговора нельзя передать письменно во всемъ его значеніи. Въ разговорѣ всегда бываютъ неоконченныя фразы, понимать которыя помогаютъ звуки, оттѣнки голоса, мимика, жесты; бываютъ быстрые переходы, чуть намѣченныя, какъ бы бросаемыя и на-лету подхваченныя мысли... Всѣ эти повторенія, отрывочные возгласы, маленькія словечки, кидаемыя тамъ и сямъ, придающія столько жизни рѣчи, пропадаютъ совершенно, когда являются чернымъ на бѣломъ. Можетъ быть, литературныя формы и приблизятся когда-нибудь къ свободѣ разговорной рѣчи, но живое слово останется выше всего, и счастливъ тотъ, кто слышалъ въ жизни столько хорошей живой рѣчи, какъ я.

---

[1]) *Колюшка*—маленькая рыбка съ очень колючими плавниками на спинѣ.

XIV.

Не надо „дѣлать добро“, надо быть добрымъ.

Торо.

Несмотря на только-что высказанное мною, я хочу привести здѣсь хоть два-три разсказа Костомарова о себѣ, какъ я записала ихъ содержаніе въ то время, потому что, помимо художественности, которую я не могу передать, они характеризуютъ Н. И. въ его дѣтствѣ и молодости.

«Лѣтъ мнѣ было десять—одиннадцать,—говорилъ онъ,—я былъ въ пансіонѣ въ Москвѣ. Начитался я Вальтеръ-Скотта, да и задумалъ возобновить рыцарскія затѣи и устраивать турниры. Сооружу бумажный панцырь и шлемъ, и выхожу на поединокъ. Тутъ у меня и герольды трубятъ, и перчатку бросаютъ... Былъ у меня товарищъ одинъ, казакъ... Ахъ, еслибы мнѣ пришлось его теперь увидѣть! Мы бы вспомнили, какъ мы съ нимъ на поединокъ выходили и какъ онъ меня тузилъ. Дюжій, широкоплечій, сильный былъ малый. Только я, бывало, приготовлюсь по всѣмъ рыцарскимъ правиламъ занести копье, онъ выхватитъ его, переломитъ объ мою спину, да за чубъ, за чубъ меня, донъ-Кихота!.. Кто меня только не билъ!.. И всегда я самъ задиралъ: вспылю, подскочу... и всегда-то меня побьютъ! Но я никогда не жаловался, за то меня все-таки товарищи любили».

Въ воронежской гимназіи Костомаровъ одному преподавателю на площадное ругательство отвѣтилъ: «Ты самъ ....». Другой учитель-малороссъ, у котораго жилъ Н. И., вернувшись изъ гимназіи, гдѣ узналъ о случившемся, началъ на него кричать: «Что это ты надѣлалъ? А? Вотъ я тебя! Давайте розги!»

„Я выпрыгнулъ изъ окна,—продолжалъ свой разсказъ Костомаровъ,—и убѣжалъ. «Ловите его!»— кричитъ. Я сталъ посреди двора и говорю: «Вы меня не поймаете. Только, если вы хотите сѣчь, такъ я въ рѣчку брошусь, а сѣчь себя не дамъ». «Ну,—говоритъ учитель,—Николай Ивановичъ, вернитесь, придите, я не буду, не буду».—«Нѣтъ, говорю, дайте честное слово, а иначе не приду».— «Даю, даю. Честное слово!» И сдержалъ его. «Ну, говоритъ, а теперь разсказывай». Я ему все разсказалъ, какъ было, и онъ потомъ крѣпко за меня стоялъ. Научилъ онъ меня также снести директору голову сахару. Я съ торжествомъ понесъ и, въ простотѣ сердца, втесался со своей головой сахару, да прямо въ гостиную директора, да еще при гостяхъ! Какъ онъ началъ меня пушить: «Мнѣ взятку! Какъ ты смѣлъ, негодный мальчишка?.. Вонъ, сію минуту!..» Не знаю, какъ я и на улицу выскочилъ! Думаю: пропалъ я совсѣмъ. А за мной горничная бѣжитъ: «Вы, говоритъ, не туда зашли, барину отсюда, съ чернаго крыльца носятъ».

Слушатели смѣялись. «Чѣмъ же, однако, кончилось?»— спросилъ кто-то. «Когда я пришелъ послѣ этого въ классы, директоръ сказалъ: «Тебя бы слѣдовало исключить, ну, да ты хорошо учишься, оставайся».

«Было это въ Харьковѣ,—разсказывалъ другой разъ Н. И.,—влюбился я въ одну дѣвушку, она же предпочла мнѣ другого. Я позабылъ и думать о ней, какъ вдругъ узнаю, что этотъ другой бросилъ ее въ несчастьи и нуждѣ. Былъ у меня товарищъ П., добрый малый и большой гуляка. Разсказываю ему. «Что-жъ ты, говоритъ,намѣренъ дѣлать?»—«Право, не знаю. Подлость ужасная. Надо бы заставить женится, но какъ?» — «Неужели ты оставишь такую вещь безнаказанной?—кричитъ П.—Такъ-то ты стоишь за правду?» Обругалъ меня и говоритъ: «Я возьмусь за это дѣло! Ты, говоритъ, будь спокоенъ: если онъ тебя убьетъ, то и ему съ мѣста не сойти». Отправился онъ вызывать отъ моего имени того господина и самымъ спокойнымъ образомъ докладываетъ ему: «Если вы застрѣлите Костомарова, то я все равно васъ убью; если же откажетесь отъ дуэли, то мы васъ до смерти заколотимъ, вамъ смерти не миновать, лучше ужъ вы женитесь». Все это дѣлалось только за идею, такъ какъ П. совсѣмъ не зналъ этой дѣвушки, а для меня она уже давно была донной Эльвирой...

Дуель, однако, не состоялась, мой противникъ предпочелъ донести губернатору, и я долженъ былъ выѣхать, вслѣдствіе этой исторіи, изъ Харькова".

Николай Ивановичъ много разсказывалъ намъ изъ своей жизни въ Саратовѣ, о своемъ заключеніи въ крѣпости, очень подробно о своемъ арестѣ.

«Надо сказать къ чести Бибикова,—говорилъ Н. И.,—онъ прогналъ того господина, который донесъ на насъ. Когда пришелъ приказъ о нашемъ арестѣ, генералъ-губернатора не было въ Кіевѣ. Вице-губернаторъ былъ со мной очень хорошъ и

прислалъ сказать мнѣ, чтобы я немедленно къ нему явился. Это было въ среду на Святой. Тутъ меня точно хотѣла спасти судьба, да не спасла.. Я не написалъ одной вещи, о которой меня просилъ вице-губернаторъ, мнѣ поэтому было совѣстно итти къ нему, я рѣшилъ сначала сдѣлать эту работу и весь четвергъ просидѣлъ за ней. Видя, что я не являюсь, онъ въ пятницу утромъ снова послалъ за мной одного моего пріятеля. Не заставъ меня дома, этотъ господинъ пріѣхалъ къ моей хорошей знакомой, начальницѣ пансіона, гдѣ я давалъ прежде уроки, разсказалъ ей, въ чемъ дѣло, и поручилъ извѣстить меня. Она сейчасъ же послала звать меня къ себѣ. Въ обыкновенное время это бы меня поразило, и я бы поѣхалъ немедленно, но надо же, чтобы у меня какъ разъ было дѣло съ одной классной дамой по поводу одного мальчика, котораго я хотѣлъ выкупить; я и вообразилъ, что меня зовутъ по этому дѣлу, и думаю себѣ: лучше я завтра пойду. Черезъ нѣсколько времени приходитъ опять лакей съ тѣмъ, что меня просятъ притти сію минуту по важному дѣлу. Я пошелъ, но, по дорогѣ, зашелъ къ пріятелю и засидѣлся. Прихожу къ г-жѣ *** въ десять часовъ вечера; она меня долго ждала, но должна была уѣхать. Она, однако, поручила дѣвицамъ задержать меня до ея пріѣзда, какъ бы поздно она ни вернулась. Дѣвицы передали мнѣ это, всячески занимали меня, пѣли, играли, но, наконецъ, послѣ одиннадцати часовъ, я распрощался, сказавъ, что зайду завтра. Пришелъ я домой, раздѣлся, легъ. Вдругъ стучатъ. Я отворяю, входитъ NN и говоритъ: « Я пришелъ васъ спасти: черезъ десять минутъ васъ арестуютъ,

нѣтъ ли у васъ чего-нибудь запрещеннаго? Бумагъ? Стиховъ Шевченка?»—«Нѣтъ, говорю, ничего нѣтъ». И вдругъ вспомнилъ, что у меня была одна рукопись, которую я еще прежде видѣлъ, что надо ее истребить, и уже разорвалъ пополамъ, да потомъ забылъ въ карманѣ. Я досталъ ее и хотѣлъ сжечь. «Постойте, что это такое?» — сказалъ NN. — «Это то, что я вамъ читалъ. Да куда же вы это берете? Дайте, я сожгу». Онъ положилъ рукопись себѣ въ карманъ и сказалъ: «Вотъ вамъ рука моя, что никто ничего не узнаетъ, вы только меня не выдайте». Онъ ушелъ. Черезъ нѣсколько минутъ явились жандармы. Зная, что у меня ничего не нашли, я былъ совершенно спокоенъ, и въ кабинетѣ вице-губернатора, куда меня привели, я закурилъ себѣ сигару. Сейчасъ же, въ томъ же кабинетѣ, стали меня допрашивать. «Вы давали Гулаку такую-то рукопись, писанную вами на цвѣтной бумагѣ?»—«Никогда не писалъ и не давалъ».—«Гулакъ донесъ на васъ».—Я зналъ, что Гулакъ неспособенъ это сдѣлать, и что они могли только догадываться объ этой рукописи, и потому рѣшился упорствовать. «Если не писали, то видѣли эту рукопись?»—«И не писалъ и никогда не видалъ».—«Дайте честное слово». Что было дѣлать! Говорю: «Честное слово».—«А еслибъ принести Евангеліе и позвать священника, вы бы поклялись?»—«Зовите попа!»—восклицаю я. Передо мной кладутъ рукопись, писанную моей рукой и только что взятую у меня NN!!

«Въ тюремномъ замкѣ не было мѣста,—меня отправили на ночь въ какой-то острогъ или часть. Вотъ мерзость тамъ была: ни кровати, ни стула, грязь такая, что ступить нельзя, насѣкомыхъ про-

пасть! Тутъ у меня были ужасныя минуты, въ особенности когда вошелъ ко мнѣ жандармскій офицеръ и началъ говорить: «Ну, что, какъ вамъ здѣсь нравится? Я слышалъ, что завтра былъ назначенъ день вашей свадьбы. Конечно, здѣсь не такъ весело проводить ночь, какъ съ молодой женой! Хе... Хе!..»

— Неужели вы не ударили его?—сказалъ отецъ мой.—Я бы не вытерпѣлъ.

— Нѣтъ, не ударилъ. Къ чему?!

Мы всѣ были потрясены этимъ разсказомъ. Я какъ бы перечувствовала ужасную горечь разочарованія въ человѣкѣ, насчетъ котораго онъ былъ спокоенъ, котораго считалъ другомъ, но тяжелѣе всего была мнѣ мысль о страданіи, испытанномъ Николаемъ Ивановичемъ, когда, въ борьбѣ за свою жизнь и счастье, онъ, такой правдивый, рѣшился солгать—и это оказалось напраснымъ!.. Не вспоминая ли эти страшныя минуты, Н. И. такъ горячо нѣсколько разъ говорилъ мнѣ: Что бы изъ этого ни вышло, какія бы послѣдствія это ни имѣло для него, человѣкъ всегда долженъ говорить правду».

Позднѣе вечеромъ разговоръ вернулся къ той же темѣ.

«У Дуппельта была привычка подтрунивать и говорить мягкимъ голосомъ, называя всѣхъ «мой добрый другъ». На всѣ мои оправданія онъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, мой добрый другъ, вы меня, стараго воробья, не поймаете. Это все поэзія, мой добрый другъ, а вы у меня въ крѣпости все-таки посидите».

Черезъ годъ меня выпустили изъ крѣпости и привезли въ третье отдѣленіе. Я тутъ еще какую штуку удралъ: меня привели и оставили въ комна-

тѣ одного. Я вижу—окна отворены, солнце свѣтитъ, двери открыты, жандармовъ нѣтъ... Я взялъ шапку и вышелъ на улицу; мало того, что вышелъ,—такъ обрадовался, что вырвался на волю, что отправился себѣ гулять на Невскій и купилъ какую-то зрительную трубу, не знаю ужъ, зачѣмъ. Прихожу назадъ, жандармскій офицеръ—въ ужасѣ: «Что вы сдѣлали! Намъ теперь достанется!» —«Вы мнѣ не сказали, что нельзя выходить, почемъ же я зналъ».—«Конечно, это мы сами виноваты». И тотчасъ же солдатъ поставили. Меня продержали въ этой комнатѣ четырнадцать дней, но все-таки окно было отворено и все-таки не подъ желѣзными замками. Наконецъ, мнѣ сказали, чтобы я написалъ, въ какомъ городѣ я желаю жить, это предоставлено моему выбору. Я написалъ, что желаю въ Крымъ, чтобы лечиться морскими ваннами. Отвѣтъ пришелъ, что въ Крымъ нельзя, тамъ поэзіи слишкомъ много. Такъ и стояло въ бумагѣ, что «поэзіи слишкомъ много». Были предоставлены на выборъ только нѣсколько городовъ, изъ которыхъ я выбралъ Саратовъ. Сейчасъ же меня и отправили...» «Дорогой вотъ какой былъ случай,— продолжалъ Н. И.:—мы съ жандармскимъ офицеромъ были немного на-веселѣ; онъ легъ отдохнуть, а я воспользовался этимъ и, выйдя на улицу, началъ разсказывать какому-то торговцу о бывшемъ величіи Новгорода, и совсѣмъ увлекся, какъ вдругъ, кто-то меня за руку! Смотрю: жандармскій офицеръ. «Это вы, говоритъ, что дѣлаете? Да я васъ сейчасъ обратно въ третье отдѣленіе свезу!» Однако, эту угрозу не исполнилъ, а когда пріѣхали въ Саратовъ, онъ, объявивъ мнѣ, что я свободенъ, при-

бавилъ: «Теперь можете при мнѣ говорить, что вамъ угодно».

О своей бывшей невѣстѣ Н. И. упомянулъ только одинъ разъ. Это было весной; мы возвращались въ колескѣ съ Острововъ; пахнувшая тепломъ сѣверная весна, только-что слышанныя пѣсни соловьевъ, таинственный полусвѣтъ петербургской ночи, все это привело насъ въ мягкое, меланхолическое настроеніе, и я рѣшилась сдѣлать вопросъ, давно бывшій у меня на умѣ.

— Вы видѣли потомъ когда-нибудь вашу невѣсту?

«— Никогда. Я слышалъ, что она вышла замужъ, но не знаю, за кого, и не знаю, жива ли она.

«— Какъ она могла выйти за другого! — воскликнула я съ негодованіемъ.

«— Она не виновата. Обстоятельства заставили. Она терпѣла, сколько только могла. Это была ангелъ, а не дѣвушка...

«— Она была хорошенькая? Талантливая?

«— Хорошенькая. Восхитительные глаза. Необыкновенно талантливая, умная дѣвушка... Чудная была дѣвушка...

«— Она, я увѣрена, все время любила васъ, а вы?

«— И я все время любилъ ее».

Мы молчали до самаго дома. Я видѣла на лицѣ Н. И. частое подергиваніе верхней губы (этотъ тикъ сдѣлался у него въ крѣпости и являлся при всякомъ душевномъ волненіи), и я никогда болѣе не заговаривала объ этомъ предметѣ. Мнѣ особенно нравилось, если Н. И. приходилъ къ намъ, когда мы были одни. Вмѣсто того, чтобы во всѣ уши слушать научные разговоры, я тогда сама вступала

въ бесѣду съ нимъ и спрашивала обо многихъ, интересовавшихъ меня, вопросахъ жизни. Часто вспоминаю я, выхваченныя изъ разныхъ разговоровъ, слова его, сдѣлавшія на меня сильное впечатлѣніе.

По поводу смерти Я. И. Ростовцева, мама моя осуждала его за декабристовъ и не считала достаточнымъ искупленіемъ его дѣятельность по крестьянскому вопросу, но прибавила: «Впрочемъ, «de mortuis aut nihill, aut bene ». Н. И. возразилъ: «По-моему, только послѣ смерти и наступаетъ время суда; при жизни не слѣдуетъ дурно говорить о человѣкѣ, потому что онъ можетъ еще исправиться». Послѣ только-что вышедшаго «Наканунѣ», Н. И. воскликнулъ: «Я бы никогда не поступилъ, какъ Инсаровъ. Какъ рѣшиться подвергать опасностямъ дѣвушку! Я бы уѣхалъ, пропалъ такъ, чтобъ она не узнала, гдѣ я, и пускай бы она обвиняла меня».

«— Никогда не испытывалъ я большаго наслажденія,—сказалъ разъ Н. И.,—какъ когда я объяснялъ мужикамъ солнечную систему».

«— Почему всѣ великіе люди несчастны?—спросила я какъ-то.

«— Оттого, вѣроятно,—отвѣчалъ онъ,—что ихъ требованія высоки, они стремятся къ лучшему, имъ труднѣе переносить мелочи жизни... Они не удовлетворяются земною жизнью»... Много разъ говорилъ Костомаровъ, что «истинный ученый непремѣнно долженъ быть и поэтомъ. Ученый не-поэтъ можетъ принести пользу, какъ собиратель матеріала,—только поэтъ можетъ быть творцомъ и въ наукѣ».

По временамъ Н. И. разсказывалъ мнѣ съ сестрой о жизни древнихъ народовъ, и, подъ вліяніемъ этихъ разсказовъ, памятники искусства, народная

поэзія, сказки пріобрѣтали въ моихъ глазахъ иное значеніе, чѣмъ прежде; я поняла, что исторія, это—сказаніе о душѣ народа, и что изъ знанія прошедшаго можно создавать будущее или, по крайней мѣрѣ, воздѣйствовать на него.

Костомаровъ такъ умѣлъ поставить себя наравнѣ съ людьми менѣе его развитыми, что я скоро привыкла обращаться съ нимъ совсѣмъ за-просто: упрекала его за недостатки, которые находила въ немъ, спорила съ нимъ. Онъ или серьезно оправдывался, разъясняя мнѣ, чего я не понимала, или, съ любовной улыбкой, объявлялъ себя побѣжденнымъ внезапными нелогичностями или шутками, которыми я выворачивалась, когда не находила больше доводовъ. Я дошла до того, что при Н. И. стала давать волю находившему на меня настроенію недовольства собой: «Я сама не знаю, чего хочу,—жаловалась я:—и наукой хотѣла бы заниматься, и искусствомъ, а между тѣмъ ровно ничего не дѣлаю. Иногда мнѣ кажется, что искусство не удовлетворитъ меня, а иногда—что я рождена быть художникомъ... Когда я вижу дивную картину природы, мнѣ хотѣлось бы пересоздать ее, чтобъ она осталась вѣчною; такъ бы хотѣлось уловить, остановить жизнь, втиснуть ее въ раму съ тѣмъ же движеніемъ, но чтобъ оно не прошло... Хочется эту красоту взять, втянуть, вдохнуть, впитать въ себя... Я не знаю, не умѣю сказать... Никогда, никогда искусству не сдѣлать этого, а между тѣмъ отчего же такъ хочется попробовать?.. И вдругъ у меня являются другія фантазіи, напримѣръ, воскресныя школы, это тоже такъ хорошо!.. И всякія еще разныя фантазіи... И все это меня такъ ужасно мучаетъ!»

«— Это — избытокъ жизни, — отвѣчалъ Н. И. — Когда этого больше не будетъ, какъ вы будете жалѣть объ этомъ тревожномъ времени, какъ прекрасно оно вамъ покажется! И я это въ молодости перечувствовалъ, также хотѣлъ упиться природой, любилъ ее до страданія. Потомъ, когда это время пережито, пріятно и грустно бываетъ вспоминать о немъ...»

Я сознавала, что мученія и радости мои—еще дѣтскія, незрѣлыя, и меня трогало, что Н. И. не свысока, смотрѣлъ на нихъ, а принималъ въ нихъ живое участіе; мысль, что онъ въ молодости пережилъ то, что и я чувствовала, приближала меня къ нему.

Иногда Н. И. присоединялся къ нашимъ играмъ и болтовнѣ. Разъ, вечеромъ, мы засадили его и Сѣверцева играть въ карты, въ «короли», ловили Костомарова въ разсѣянности, выдумывали ему самыя неудобоисполнимыя наказанія, острили напропалую, а онъ смѣялся своимъ заразительнымъ дѣтскимъ смѣхомъ. Одинъ вечеръ мы просидѣли съ нимъ и моей сестрой втроемъ, сочиняя балетъ «Искушеніе св. Исаакія», гдѣ на сценѣ должны были являться бѣсы, «въ видѣ женъ, зѣло испещренныхъ», придумывали декораціи, костюмы, выбирали изъ разныхъ оперъ подходящую музыку.

Съ разрабатываемою въ данное время въ его лекціяхъ или сочиненіяхъ эпохою Н. И. такъ сживался, что дѣйствующія лица этой эпохи дѣлались для него какъ бы живыми существами, и онъ часто, шутя, воображалъ ихъ въ современной жизни; разсказывая о какомъ-нибудь удѣльномъ князѣ, онъ вдругъ, перебивая себя, спрашивалъ: «А какъ вы

думаете, какъ бы онъ поступилъ, еслибъ его сдѣлали директоромъ банка или инспекторомъ Смольнаго монастыря?»—Это опять давало поводъ къ остротамъ и смѣху.

Въ эту зиму была очередь бѣсовъ; эти шаловливыя созданья сдѣлались у насъ очень популярными. Я высказывала симпатію къ нѣкоему бѣсу Зефеусу, котораго спеціальность была «творить пакости мнихамъ», а за неимѣніемъ оныхъ—ученымъ. Сѣверцевъ говорилъ, что я сама и есть этотъ бѣсъ; я отклоняла такую честь, но признавала Зефеуса моимъ другомъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ сотворилъ Н. И. «пакость» тѣмъ, что, возбудивъ театральную дирекцію отмѣнить представленіе «Донъ-Жуана» Моцарта, на которое у Костомарова былъ билетъ, доставилъ мнѣ удовольствіе провести неожиданно этотъ вечеръ съ Н. И. Я, дѣйствительно проявила нѣкоторое сходство съ бѣсомъ, когда, въ концѣ вечера, вдругъ сказала:—А что, если все-таки давали сегодня «Донъ-Жуана?»

— Ну, это была бы архипакость!—съ жаромъ воскликнулъ Н. И.—Какъ! у меня билетъ въ карманѣ, а я „DonGiovanni“ пропустилъ!.. Знаете что? Если мнѣ завтра скажутъ, что сегодня шелъ «Донъ-Жуанъ», я захвораю! Ей-Богу захвораю!—Онъ говорилъ это съ такимъ убѣжденіемъ, что можно было подумать, что это серьезно.

Мы очень часто бывали въ театрахъ и концертахъ съ Н. И. Въ «Жизни за царя» мы должны были ѣздить при особой обстановкѣ: мы должны были брать литерную ложу, въ антрактахъ пить венгерское и танцовать мазурку. Всѣ впечатлѣнія спектаклей и мелкихъ событій ежедневной жизни передавались

на древнерусскомъ языкѣ, и вездѣ играли роль бѣсы. Напримѣръ: «Во едину изъ средъ, — разсказывалъ, входя Костомаровъ, — пріиде ко мнѣ бѣсъ лукавый, во образѣ знаемаго моего N., и глагола: «Хощеши, брате, стяжаніе веліе имати? Возьми акціи саратовской желѣзной дороги». Азъ же, по незлобію и добросердечію своему, поидохъ и взяхъ акціи сіи. Протекшимъ же дванадесяти седьмицамъ, услышахъ, яко акціи сіи упадоша въ цѣнѣ. И грядохъ азъ къ знаемому моему и рекохъ ему: «почто, брате, обманулъ мя еси?» И отречесе, и рече: «не вѣмъ, что глаголеши». И азъ прозрѣхъ и уразумѣхъ, яко се бѣсъ бѣ во образѣ человѣческомъ, иже пріидохъ искусити мя. И абіе пріиде бѣсъ, во образѣ знаемаго моего, и рече ми: «веліе ли, брате, стяжаніе имаши?» Азъ же, прозрѣвый, рекъ ему: вѣмъ, кто еси». И отвѣща, глаголя: «во истину есмь бѣсъ Зефеусъ, ненавидяй добро и родъ человѣческій, паче же премудрости твоея ради, пріидохъ пакости ти творити».

Николай Ивановичъ давно обѣщалъ намъ показать, какъ дѣлаютъ настоящіе вареники. Вотъ, однажды, прямо изъ университета, онъ отправился въ кухню, подпоясался передникомъ, сталъ на табуретку, прочелъ намъ комическую лекцію о происхожденіи и значеніи варениковъ и приступилъ къ дѣлу, — но о дальнѣйшемъ приходится привести его собственныя слова, въ которыхъ онъ позже, за столомъ, передалъ это событіе: «Бѣ мужъ нѣкій, имя же ему Никола, и восхотѣ онъ, гордости своея ради, яство, вареники нарицаемое, сотворити. И, взявъ муки гречневыя, сотвори брашно и, вложивъ въ оное творогу и посыпавъ солью, ввергну въ окропъ. И возсѣдоша домочадцы и присные его за трапезу, и по-

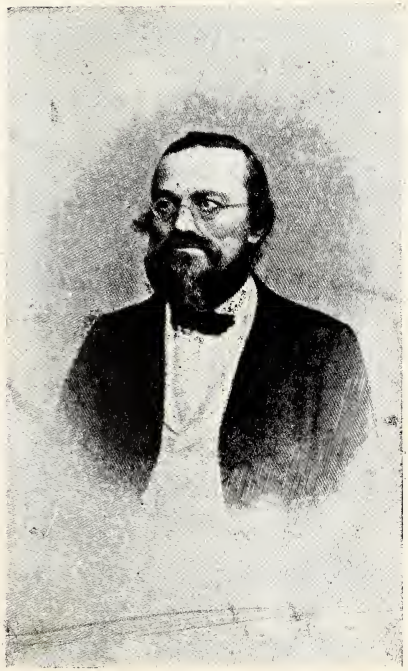
дану сущу явству сему, и — никто же не може ясти!.. И уразумѣхъ мужъ сей, яко се бѣсъ лукавый, ненавидяй добра и рода человѣческаго, соврати его. И отъиде посрамленъ!» — Удивительный, иронически-добродушный оттѣнокъ голоса придавалъ онъ всѣмъ этимъ анекдотамъ.

Въ этотъ счастливый годъ общественная жизнь широко развернулась: конца не было лекціямъ, публичнымъ чтеніямъ, литературно-музыкальнымъ вечерамъ; мы съ Н. И. ихъ усердно посѣщали. Изъ литераторовъ лучше всѣхъ читали Тургеневъ, Писемскій и А. Потѣхинъ. Общее мнѣніе было, что Некрасовъ плохо читаетъ, на меня же онъ произвелъ сильное впечатлѣніе; у него былъ очень сиплый, слабый органъ, но онъ читалъ съ глубокимъ чувствомъ, съ тоской въ голосѣ.

Между прочимъ, и нашъ другъ Сѣверцевъ прочелъ въ университетѣ двѣ лекціи о теоріи Ламарка; онъ тогда былъ противъ этой теоріи, впослѣдствіи же сдѣлался дарвинистомъ и ѣздилъ въ Англію нарочно, чтобы повидаться съ Дарвиномъ. Лекціи были интересны, полны эрудиціи, но слишкомъ растянуты, такъ что крайне утомили слушателей; Сѣверцевъ лучше говорилъ въ обыкновенное время, безъ приготовленія. Въ пользу общества литературы давались очень интересные спектакли съ участіемъ нашихъ литераторовъ. Съ нетерпѣніемъ ожидала я увидѣть Писемскаго въ роли городничаго, но разочаровалась; впрочемъ, послѣ Щепкина могъ ли кто нравиться въ этой роли! [1]). Превосходно сыграна была роль Осипа студентомъ Ловягинымъ; г-жа

[1]) Въ роли Подколесина Писемскій былъ превосходенъ.

Николай Ивановичъ Костомаровъ.



Кони была неподражаемой городничихой. Тургеневъ, Гончаровъ, Майковъ, Курочкинъ вышли на сцену въ видѣ купцовъ съ головами сахара и кульками, — Тургеневъ былъ особенно типиченъ, — и вся публика, повстававъ съ мѣстъ, загремѣла рукоплесканіями и долго не могла успокоиться. Въ этихъ спектакляхъ я видѣла Вѣру Самойлову, по мужу Мичурину, въ «Провинціалкѣ» и сценѣ Татьяны съ Онѣгинымъ. Это была великая артистка, тонкій художникъ: глубокое пониманіе драматическихъ моментовъ, безъ малѣйшей утрировки, показывало рѣдкій художественный тактъ; ея грація, изящныя манеры, необыкновенное благородство игры просто плѣняли. Я негодовала, что она, по желанію мужа, покинула сцену.

Читала она такъ же превосходно, какъ и играла, никогда не забыть мнѣ, какъ впослѣдствіи, дивно прочла она у насъ прологъ изъ «Псковитянки» Мея.

Наслаждались мы гастролями Шумскаго. Щепкинъ пріѣзжалъ и безпрерывно бывалъ у насъ. Щепкинъ одинаково хорошо и игралъ, и читалъ. Разсказъ охотника и монологъ «Скупого Рыцаря» были выше всего, что мнѣ удалось слышать въ жизни. Этотъ маленькій, толстенькій человѣкъ, безъ всякаго грима, преображался, уносилъ васъ въ глубь среднихъ вѣковъ, заставлялъ негодовать и сострадать.

Костомаровъ у насъ часто читалъ — очень хорошо и своеобразно — драматическія бытовыя вещи: такъ же, какъ въ своихъ разсказахъ, онъ каждому лицу придавалъ свой особенный, характеризующій его оттѣнокъ; въ общемъ казалось, что онъ не читаетъ а разсказываетъ. Восхитительно читалъ онъ сцену въ корчмѣ изъ «Бориса Годунова».

XV.

Il est donné à beaucoup d'hommes d'enrichir la science de faits nouveaux, à quelques-uns d'y créer des théories nouvelles, à un bien petit nombre d'y introduire un esprit nouveau. *)

Isidore Geoffroy Saint-Hilaire.

Между нашими знакомыми былъ одинъ молодой литераторъ Тихменевъ; оказалось, Костомаровъ зналъ его въ Саратовѣ и часто магнетизировалъ его. Н. И. очень увлекался магнетизмомъ и говорилъ, что онъ будетъ со временемъ разработанъ, принесетъ много пользы наукѣ и, можетъ быть, откроетъ намъ многія тайны. Костомарову захотѣлось возобновить сеансы; они устраивались у насъ и продолжались почти всю зиму.

Когда «магнетизмъ» былъ переименованъ въ «гипнотизмъ» и признанъ наукой, вся таинственность его пропала, и проявленія его стали казаться дѣломъ простымъ, но въ то время и въ мои годы сеансы эти сильно возбуждали мое воображеніе.

Усыплялъ Костомаровъ большею частью магнетическими пассами, иногда освѣщеннымъ зеркаломъ; одинъ разъ Тихменевъ впалъ въ гипнотическій сонъ самъ собой; чтобы разбудить, Костомаровъ тоже дѣ-

*) Многіе люди могутъ обогатить науку новыми фактами, нѣкоторые создать въ ней новыя теоріи, но очень немногимъ дано внести въ нее новый духъ.

лалъ нѣкоторые пассы и дулъ въ лицо, но былъ случай, когда онъ никакими усиліями не могъ разбудить своего паціента, наконецъ, спросилъ его: «Что сдѣлать, чтобы разбудить тебя?» — «Положить ключъ въ руку», — отвѣчалъ Тихменевъ; когда это было исполнено, онъ тотчасъ же проснулся.

Слабый и тщедушный, Тихменевъ въ гипнотическомъ снѣ помахивалъ гирями, которыя не могъ поднять во время бдѣнія; его можно было колоть булавкой безъ всякаго реагированія съ его стороны; съ нимъ дѣлалось состояніе каталепсіи; онъ доходилъ почти до ясновидѣнія: одинъ разъ разобралъ, хотя и съ большимъ трудомъ, нѣсколько словъ изъ положенной ему подъ голову книги; другой разъ сказалъ, что не съ той стороны открываютъ часы, которыхъ онъ не могъ видѣть. Удивительно хорошо удавалось внушеніе на разстояніи. Костомаровъ находился въ четвертой комнатѣ, отдѣленный отъ своего паціента тремя запертыми дверями, и ни разу не случилось, чтобы Тихменевъ не исполнилъ внушаемаго, хотя бывали вещи довольно сложныя Обыкновенно, часть присутствующихъ, находившаяся съ Костомаровымъ, выдумывала, что требовалось исполнить, а часть, оставшаяся съ паціентомъ, потомъ разсказывала, что послѣдній въ это время дѣлалъ. Во все время сеанса Тихменевъ, казалось, видѣлъ только одного Костомарова или того, съ кѣмъ онъ его приводилъ въ соприкосновеніе. Разъ магнетизеръ заставилъ его разсказать сцену убійства его, Костомарова, отца; съ Тихменевымъ при этомъ сдѣлались судороги и корчи; конечно, Костомаровъ ничего подобнаго больше не повторялъ, но страшные образы стали являться загипнотизированному сами

собой; тогда Костомаровъ тотчасъ же будилъ его. Иногда усыпленный качался, стоя, не сгибая ни одного члена, или падалъ, не сгибая колѣнъ, во весь ростъ, но, проснувшись, не чувствовалъ никакой боли. Я съ ужасомъ описывала всѣ подробности сеансовъ въ моемъ дневникѣ: «Какое страшное впечатлѣніе, — писала я, между прочимъ, — когда видишь передъ собой человѣка, стоящаго безъ движенія, въ томъ положеніи, въ которомъ засталъ его сонъ, и какъ вдругъ эта безжизненная статуя начинаетъ машинально двигаться по волѣ другого человѣка!» — «Мнѣ бываетъ страшно, особенно, когда Тихменевъ видитъ меня, какъ вчера, когда Костомаровъ заставилъ меня что-то спросить у него, и онъ потомъ все слѣдилъ за мной глазами. Я, наконецъ, убѣжала». Магнетическіе сеансы меня, сначала, сильно занимали, но скоро я начала сердиться на нихъ, такъ какъ они отвлекали Костомарова отъ тѣхъ бесѣдъ, которыя были высшимъ наслажденіемъ для меня.

Новый годъ встрѣчали у насъ. Гостей почти никого не было, и мы особенно уютно и пріятно провели время. Помню, что Шевченко, какъ мы называли, «немножко подкутилъ»; тогда онъ бывалъ очень оживленъ и непремѣнно начиналъ какой-нибудь споръ съ Н. И. Я приходила въ восторгъ отъ этихъ споровъ: безконечное спокойствіе одного и горячность другого составляли контрастъ въ высшей степени комичный. Шевченко вскакивалъ, бѣгалъ по комнатѣ, а Костомаровъ совершенно спокойно говорилъ: «Нѣтъ, ты постой! Скажи, откуда ты это берешь? Изъ какихъ источниковъ? Ты, Тарасъ, чепуху несешь, а я тебѣ говорю вещи, доказанныя въ тѣхъ же кни-

гахъ, изъ которыхъ ты только и могъ черпать». — Да Боже-жъ мій милый! Що мені зъ твоихъ источниківъ!.. Брешешь ты, та и годі»!

Такіе близкіе были они люди, что про нихъ именно можно было сказать: милые бранятся, только тѣшатся. Разъ какъ-то разсказывалъ намъ Тарасъ Григорьевичъ: «Прихожу я вчера къ Костомарову, онъ мнѣ самъ отворяетъ: «Чортъ, говоритъ, тебя принесъ мнѣ мѣшать заниматься!» — «Да мнѣ, отвѣчаю, пожалуй, тебя и не надо. Я и не къ тебѣ пришелъ совсѣмъ. Къ твоему Хомѣ пришелъ, хочу поклонъ твоей матери послать, мнѣ до тебя и дѣла нѣтъ». И что же? Послѣ этакой встрѣчи, мы съ нимъ просидѣли до ночи: я уходить хочу, а онъ не пускаетъ».

Этотъ Ѳома былъ давнишній слуга Н. И., обожалъ его и ходилъ за нимъ, какъ нянька; мы его величали и вѣрнымъ Личардо, и Лепорелло, хотя толстый и добродушный хохолъ такъ же мало походилъ на юркаго испанца, какъ его хозяинъ на Донъ-Жуана.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Н. И. помѣстился въ гостиницѣ, рядомъ съ Публичной Библіотекой. Близость ресторана была неудобна, и мы много разъ ѣздили съ Н. И. искать ему квартиру, но онъ не рѣшался переѣхать дальше отъ Библіотеки и разстаться со своей «гусарской квартирой», какъ мы ее называли. Больше всего раздражалъ Костомарова органъ, постоянно гудѣвшій у него за стѣной. Иногда поздно вечеромъ, прилеталъ онъ къ намъ съ возгласомъ: «Не могу, не могу больше!»

„—La donna é mobile“?

«— Съ утра жарятъ!!» .

Какіе хорошіе, веселые вечера проводили мы въ этой достопамятной «гусарской квартирѣ»!

А наши путешествія въ кондитерскую Mezzapelli на Морской! Туда непремѣнно брали съ собой «Тобиньку», тоже получавшаго свою порцію шоколада и бисквитъ. Тоби былъ мой не совсѣмъ чистокровный кингъ-чарльсъ, нашъ съ Н. И. большой пріятель. Костомаровъ не очень-то любилъ собакъ, но Тоби былъ, въ его глазахъ, созданьемъ особеннымъ въ животномъ мірѣ, обладающимъ чуть-чуть что не человѣческимъ умомъ. Эта симпатія была вполнѣ взаимной: Тоби чуялъ приближеніе Н. И. и задолго до его звонка уже сидѣлъ и пищалъ отъ радости у входной двери.

Заходили мы къ Н. И. и въ Публичную Библіотеку; онъ показывалъ намъ интересныя книги и рукописи, объясненія его стоили цѣлыхъ лекцій. Въ Библіотеку въ то время ходила дѣвушка, одѣтая въ ситцевое платье и головной платокъ; она каждый день занималась тамъ чтеніемъ нѣмецкихъ, французскихъ и англійскихъ книгъ. «Она разъ меня испугала, — разсказывалъ Н. И., — подкралась такъ тихо и попросила чернилъ. Она застѣнчиво объяснила, что самоучкой выучилась языкамъ, да не на что купить книгъ, а у нея страсть заниматься, вотъ она и ходитъ въ Библіотеку. Меня заинтересовало. Я спросилъ сторожа, кто она такая? «Да это моя дочь, — отвѣчалъ онъ: — она ходитъ только въ свободное время, а то она матери стирать помогаетъ; и ваше бѣлье стираетъ».

По поводу этой дѣвушки, Н. И. передалъ исторію одного погибшаго таланта. Деревенскій мальчикъ пасъ стадо и рисовалъ углемъ на стѣнѣ мельницы; помѣщикъ, увидя это, отдалъ его въ ученье къ маляру. Выростая, мальчикъ сталъ показывать уди-

вительную способность къ математикѣ и любовь къ естествознанію. Н. И. давалъ ему книги и, уѣзжая изъ тѣхъ мѣстъ, подарилъ курсъ математики, астрономіи и нѣсколько другихъ вещей. Когда Костомаровъ возвратился, молодой мужикъ зналъ всѣ эти книги наизусть. Знакомый Н. И. математикъ проэкзаменовалъ его: онъ рѣшалъ самыя трудныя задачи. Онъ просилъ выучить его французскому языку, говоря: «Я вижу, что на этомъ языкѣ больше ученыхъ книгъ есть, русскихъ очень мало. Я бы сталъ больше работать и могъ бы покупать книги». Костомаровъ хотѣлъ выкупить парня на волю, но помѣщикъ запросилъ слишкомъ дорого. Н. И. сталъ устраивать подписку, а въ это время помѣщикъ взялъ да и женилъ математика насильно на какой-то дурѣ! Такъ онъ и пропалъ.

Тяжело ложились на мою душу такіе разсказы, а ихъ тогда приходилось часто слышать. «Зачѣмъ же всеблагій и всемогущій Богъ допускаетъ такія несправедливости?!» — съ негодованіемъ думала я... Сейчасъ же, однако, приходила благая, упоительная мысль о скоромъ освобожденіи: «Скоро всѣ они будутъ людьми, и отъ нихъ самихъ будетъ зависѣть ихъ судьба». Разное шипѣнье крѣпостниковъ въ комитетахъ, по временамъ смущало насъ, а когда, послѣ смерти Ростовцева, его мѣсто занялъ Панинъ, отецъ мой воскликнулъ: «Ну, теперь все пропало!» — Надо сказать, что этотъ страхъ относился преимущественно къ формамъ, какія приметъ эмансипація, а не къ самому освобожденію, которое, мы твердо были увѣрены, ничто уже не могло задержать.

Изъ дѣятелей по крестьянскому вопросу у насъ бывали многіе, но живѣе всѣхъ я помню Николая

Алексѣевича Милютина, можетъ быть, потому, что мы были знакомы и съ его семьей и видѣлись также и впослѣдствіи. Я всегда замѣчала, рѣдкую при его положеніи и репутаціи, его простоту и скромность. Жена его, урожденная Абаза, была необыкновенно граціозная и красивая женщина: когда она прижимала къ себѣ своихъ прелестныхъ дѣтишекъ, это была соблазнительная для художника картинка. Сестра Н. А. [1]), очень часто навѣщала насъ. Это была оригинальнаго ума, порывистая, поэтичная женщина, настоящій художникъ въ душѣ.

По поводу теоріи Костомарова о происхожденіи варяговъ, шли въ обществѣ и въ литературѣ большіе споры. Главнымъ противникомъ Костомарова въ этомъ вопросѣ былъ М. П. Погодинъ. Между ними завязалась переписка, и Погодинъ предложилъ публичный диспутъ. Чернышевскій одинъ совѣтовалъ не принимать этого вызова, но всѣ другіе говорили, что отказъ Погодинъ приметъ за трусость, — всѣ толкали Костомарова на это. Теперь мнѣ кажется нѣсколько комичнымъ этотъ диспутъ, но не такимъ былъ онъ для насъ, — мы относились къ нему серьезно и страстно. Намъ, собственно, не было никакого дѣла до варяговъ: теорія происхожденія ихъ изъ Жмуди была намъ близка отчасти по патріотическому чувству, но, главнымъ образомъ, какъ представительница направленія молодого, стремящагося къ свободѣ и движенію впередъ, къ наукѣ, въ противоположность косности и рутинѣ, и Жмудь стала нашимъ лозунгомъ, нашимъ знаменемъ!

Насталъ съ волненіемъ ожидаемый нами день 19-го

---

[1]) За первымъ мужемъ Авдулина, за вторымъ Мордвинова.

февраля. Большая зала университета была биткомъ набита: сидѣли по двое на одномъ стулѣ (мы сидѣли — мать, отецъ и я — на двухъ), сидѣли на колѣняхъ другъ у друга, на окнахъ, на полу; гдѣ, казалось, нельзя и яблоку упасть, тамъ еще помѣщались люди. Жара была такая, что въ банѣ показалось бы прохладно. Еще жарче было у насъ, молодежи, въ груди... Надъ трепетной и пылающей толпой возвышались посреди залы другъ противъ друга двѣ каѳедры... Погодинъ началъ фразами благодарности къ публикѣ, почтившей и пр. Ему поаплодировали, онъ поблагодарилъ и за это, и приступилъ къ разбору статьи Костомарова «О началѣ Руси», напечатанной, какъ онъ выразился, «въ какомъ-то петербургскомъ журналѣ». Начало не предвѣщало ничего хорошаго, и его небрежный тонъ покоробилъ публику; чѣмъ больше онъ говорилъ, тѣмъ это чувство оскорбленія дѣлалось сильнѣе: онъ велъ пренія въ шуточномъ тонѣ, стараясь сдѣлать Костомарова смѣшнымъ, а себя оградить отъ этого ироніей.

Мы ждали чего-нибудь серьезнаго; мы въ душѣ боялись Погодина, думая, что онъ приготовилъ калія-нибудь новыя, вѣскія доказательства, — вмѣсто того являлось какое-то издѣвательство, которое возымѣло на слушателей обратное ожидаемому Погодинымъ дѣйствіе; даже приверженцы норманнской теоріи были недовольны имъ, публика же явно чувствовала болѣе симпатіи къ простой и благородной манерѣ держать себя Костомарова. Разъ согласившись на этотъ диспутъ, онъ отнесся къ нему серьезно. Когда Костомаровъ всталъ, раздался такой апплодисментъ, такой крикъ, что долго не могли его прекратить; тщетно раздавалось: «довольно! по мѣстамъ!»—

все гудѣло и ревѣло. Наконецъ, Костомаровъ могъ начать говорить. Его вступительная рѣчь была коротка, ясна, безъ всякихъ фразъ. Дальнѣйшія пренія, къ сожалѣнію, часто прерывались шумными заявленіями сочувствія или порицанія публики. Погодинъ начиналъ все болѣе горячиться; Костомаровъ, по своему обыкновенію, спокойно выслушивалъ, отвѣчалъ довольно ѣдко, но избѣгалъ затрогивать личность, какъ иногда не совсѣмъ красиво дѣлалъ Погодинъ.

Михаилъ Петровичъ подъ-конецъ усталъ и уже совсѣмъ шутя сказалъ: «Уступите мнѣ хоть то, что норманны были каплей вина въ славянскомъ стаканѣ; она все-таки, какъ ни мала, а весь стаканъ окраситъ». — «Капля вина не окраситъ славянское море», — отвѣчалъ Костомаровъ. — «Уступите же хоть эту каплю, у меня гомеопатическія требованія». — «Я не вѣрю въ гомеопатію», — отвѣчалъ Н. И., улыбаясь, и прибавилъ болѣе серьезно, но съ нѣкоторой ироніей: «Однако, гдѣ же ваша тяжелая артиллерія, которую вы обѣщались сегодня выдвинуть противъ меня? Я готовъ выдержать ея атаку». Погодинъ, вмѣсто отвѣта, началъ говорить о своихъ двадцатилѣтнихъ трудахъ и о томъ, что надо внушать молодому поколѣнію уваженіе къ авторитетамъ. Въ залѣ загудѣло негодованіе, но Костомаровъ спокойно отвѣтилъ: «Безъ всякаго сомнѣнія, слѣдуетъ у в а ж а т ь авторитеты, но только бездарность п о к л о н я е т с я имъ. Я привыкъ вполнѣ уважать вашу двадцатилѣтнюю научную дѣятельность, но я презиралъ бы себя, да и вы имѣли бы право не уважать меня, если бы я, убоясь вашего авторитета, не сталъ бы стараться открывать новые пути въ наукѣ». Тутъ я думала, что зала рухнетъ отъ рукоплесканій.

Кончили споръ, какъ большинство споровъ, тѣмъ, что всякій остался при своемъ: Погодинъ сказалъ, что не можетъ отступить отъ своего мнѣнія, потому что это было бы неискренно, а Костомаровъ — что не выступитъ изъ Жмуди, пока ему не представятъ болѣе убѣдительныхъ историческихъ доказательствъ. Сквозь страшный шумъ, поднятый публикой, слышенъ былъ возгласъ Погодина: «Да здавствуетъ Русь, отъ кого бы она ни происходила!» — Соперники, сойдя съ каѳедръ, облобызались; обоихъ вынесли на рукахъ, но сочувствіе публики было явно на сторонѣ Костомарова, и молодежь торжествовала его побѣду.

Какъ студенты любили и понимали Костомарова — показываетъ то обстоятельство, что они, до диспута, уговорились-было освистать Погодина, но потомъ рѣшили этого не дѣлать, такъ какъ это было бы непріятно Николаю Ивановичу. Своимъ стараніемъ быть безпристрастными студенты хотѣли доказать преданность своему профессору, и, демонстративно апплодируя Погодину, они заглядывали въ лицо Костомарову, желая увидѣть, доволенъ ли онъ ими. На лекціи передъ диспутомъ, я выразила опасенія, что Погодинъ сдѣлалъ какое-нибудь новое открытіе и внезапно представитъ его. «Такъ что же? — отвѣчали студенты, — тѣмъ лучше для науки. Костомаровъ первый будетъ радъ этому».

Послѣ диспута, Н. И. поѣхалъ къ намъ. Собрались наши и его друзья, пили шампанское за его здоровье, произносили рѣчи, Сѣверцевъ прочелъ посвященное ему стихотвореніе. Костомаровъ былъ что-то мраченъ и неразговорчивъ. «Отчего вы не сочувствуете сочувствію?» — спросила мама. — «Какъ

это?» — «Не радуетесь сочувствію публики». — «Это было бы не совсѣмъ скромно съ моей стороны, да и публика можетъ быть пристрастной».

На другой день всѣ опять у насъ обѣдали, и Сѣверцевъ прочелъ написанную имъ статью о вчерашнемъ диспутѣ, гдѣ онъ сравнивалъ его съ знаменитымъ диспутомъ Кювье съ Жоффруа Сентъ-Илеромъ. Статья всѣмъ очень понравилась. — Знаете, что пришло мнѣ въ голову? — сказалъ Н. И., обращаясь ко мнѣ.

— Что?

— Умереть.

— Почему?

— Потому что отъ меня слишкомъ многаго ожидаютъ. Я могу обмануть возлагаемыя на меня слишкомъ большія надежды, не буду въ силахъ довершить то, что началъ...

— Вы дали большой толчокъ наукѣ, — сказалъ Сѣверцевъ, — довольно и этого. Вы открыли широкую дорогу исторіи, какъ Жоффруа Сентъ-Илеръ — зоологіи. Прежде думали, что наука дальше предѣловъ, поставленныхъ Кювье, идти не можетъ, что въ ней уже все знаютъ, а Сентъ-Илеръ доказалъ, что еще очень мало въ ней открыто; вотъ такъ и вы.

Подъ конецъ вечера Н. И. разошелся и разсказывалъ, какъ приверженцы норманнской теоріи даже названіе одного воеводы «Волчій хвостъ» производятъ отъ норманнскихъ словъ.

Съ диспутомъ не кончился споръ, напротивъ, — страсти разгорѣлись и пошла полемика въ журналахъ. Изъ нашихъ знакомыхъ были тоже противники Костомарова: это была компанія Глинокъ, Греча и проч. Имъ тоже было мало дѣла до варяговъ, но

они съ беззубою ненавистью накидывались на все свѣжее и молодое. Погодинъ никакъ не могъ успокоиться и продолжалъ громить и задирать Костомарова, какъ печатно, такъ и въ частныхъ письмахъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ онъ жаловался, что диспутъ плохо подѣйствовалъ на его здоровье: «Говорятъ, — писалъ онъ, — о какой-то вашей побѣдѣ надо мной, объ этомъ не можетъ быть и рѣчи: моей теоріи слѣдуютъ люди степенные, а вашей — только вилляющіе хвостомъ». Костомаровъ вышелъ тутъ изъ своего серьезно сдержаннаго тона и отвѣтилъ: « Очень сожалѣю, что вамъ не поздоровилось, но что же дѣлать Михаилъ Петровичъ, кто идетъ на дуэль — долженъ быть приготовленъ къ тому, что можетъ быть раненъ».

Въ слѣдующемъ письмѣ Погодинъ писалъ: «Я думалъ, что вы не согласитесь, а вы сказали: — я готовъ на дуэль. Не могъ же я тогда сказать, что это была только шутка съ моей стороны». Погодинъ написалъ въ «Русской Бесѣдѣ» статью въ такомъ же тонѣ. Чернышевскій, въ очень рѣзкой статьѣ, разгромилъ Погодина. Появились мелкія статейки приверженцевъ норманнской теоріи. Костомаровъ отвѣчалъ, но это ему надоѣло. онъ напечаталъ длинную и для него довольно рѣзкую статью, гдѣ, между прочимъ, выразился, что слишкомъ уважалъ г-на Погодина, чтобы допустить мысли, чтобъ онъ рѣшился шутить надъ наукою и публикой, да еще въ стѣнахъ университета. Онъ заключилъ словами: «я навсегда кончаю свой споръ съ г-номъ Погодинымъ и больше отвѣчать ему не буду». Н. И. былъ недоволенъ, что далъ себя втянуть въ полемику, но онъ не могъ допустить, чтобы въ публикѣ подумали,

что онъ отказывается отъ своей теоріи, — это слишкомъ было важно для него. Зато онъ былъ очень доволенъ, когда рѣшилъ, какъ онъ выражался, предоставить свою защиту его друзьямъ, «благороднымъ рыцарямъ Свистопляски».

23-го марта была послѣдняя лекція Костомарова въ этомъ году. Онъ сначала хотѣлъ посвятить ее обзору прочитаннаго въ семестръ, но рѣшилъ, что это будетъ «недобросовѣстно: точно студенты сами не знаютъ, что я читалъ», и разорвалъ приготовленный конспектъ. Въ этотъ день мнѣ, знавшей, что мы надолго уѣзжаемъ за границу, очень взгрустнулось. Я думала, что, можетъ быть, никогда не увижу болѣе моихъ милыхъ аудиторій, товарищей, съ которыми насъ соединяла общность взглядовъ и сочувствія, не услышу лекцій, наполнявшихъ меня восторгомъ, что я навсегда прощаюсь со всей этой молодой, живой жизнью. «Мало ли что можетъ случиться въ два года!» — думалось мнѣ. Мое предчувствіе не обмануло меня, и многое измѣнилось къ худшему въ эти два года!..

XVI.

Sublime on the towers of my skiey bowers
Lightning my pilot sits;
In a cavern under is fettered the Thunder
It struggles and howls at fits.

Shelley. *).

Свѣтлый праздникъ опять всѣ друзья встрѣчали у насъ, засидѣлись до утра и пошли встрѣчать восходъ солнца на набережную. Николай Ивановичъ сказалъ, прощаясь, что онъ никогда не встрѣчалъ такъ весело праздникъ, и это намъ было очень пріятно слышать.

Тотъ фактъ, что насъ постоянно видѣли вмѣстѣ съ Костомаровымъ, не могъ обойтись безъ сплетенъ, — такъ ужъ люди созданы. Въ городѣ распространился слухъ, что я — невѣста Костомарова. Это доходило до меня съ разныхъ сторонъ, но съ М. у меня былъ горячій разговоръ по этому поводу.

— Знате ли вы объ этихъ толкахъ? — сказалъ мнѣ М. — Недавно въ театрѣ князь Л. узналъ Костомарова потому, что онъ былъ въ вашей ложѣ, и спрашивалъ меня: «Правда ли, что дочь графа выходитъ замужъ за Костомарова?» Я отвѣчаю, что ничего объ этомъ не слыхалъ, а онъ: «Полноте, весь Петербургъ объ этомъ говоритъ».

— Я слышала, — отвѣчала я, но мнѣ это рѣшительно все равно. Что людямъ за дѣло, выхожу я замужъ или нѣтъ? И мнѣ что за дѣло до того, что люди гово-

*) Дремлю я съ бурей обнимаясь,
Сверкаетъ молній бѣлый свѣтъ
И шлетъ мнѣ радостный привѣтъ.
Ведя меня къ воздушной степи,
Въ ущельяхъ скалъ, передъ дождемъ
Мятежный—плѣнникъ, тяжкій громъ
Ворчитъ, порвать пытаясь цѣпи.

Шелли. (Перев. Бальмонта).

рятъ? Развѣ только можно пожалѣть общество, которое думаетъ, что молодая дѣвушка не можетъ интересоваться талантомъ, взглядами, характеромъ человѣка, не можетъ принимать его безъ цѣли выйти за него замужъ, а просто изъ сочувствія, изъ дружбы къ нему.

— Происходитъ это оттого, — продолжалъ М., — что вы въ университетѣ обращаетесь съ Костомаровымъ, какъ дома; этого нельзя: гдѣ столько народу, надо быть осторожной.

— Ну, ужъ извините! Чтобъ я изъ-за глупыхъ сплетенъ измѣнила свое обращеніе съ человѣкомъ! Чтобъ я была съ Н. И. иначе при людяхъ, чѣмъ дома!! Да что же онъ обо мнѣ подумаетъ? Что я неискренна, что я стыжусь или боюсь его дружбы?.. Мнѣ не для чего скрывать мои чувства. Я такъ глубоко люблю и уважаю Костомарова, такъ цѣню, — прямо, горжусь его дружбой, — что готова кричать это не только на весь Петербургъ, но и на весь міръ!

Не знаю, слышалъ ли Костомаровъ объ этой сплетнѣ, но онъ и виду не показалъ, и наши отношенія ничуть не измѣнились.

Къ пріѣзду матушки Н. И., онъ нанялъ хорошую квартиру на Васильевскомъ Островѣ.

Татьяна Петровна обожала своего сына, служила ему, ходила сама на рынокъ, сбивала сама масло, на которомъ имъ готовили (Н. И. былъ крайне прихотливъ насчетъ свѣжести продуктовъ), всячески ублажала и баловала его, готова была все на свѣтѣ сдѣлать для его благополучія, но, на видъ уступая ему, умѣла часто сдѣлать по-своему, ибо и благополучіе его понимала по-своему. Иногда же своимъ непониманіемъ сына, упорствомъ, молчаніемъ на за-

ботливые его вопросы, раздражала Николая Ивановича. Со мной Татьяна Петровна была всегда очень ласкова, и я старалась платить ей благодарностью и вниманіемъ.

Н. И. признавался мнѣ, что онъ былъ, особенно въ ранней молодости, крайне вспыльчивъ. — До того я былъ горячъ, — говорилъ онъ, — что своего Лепорелло нѣсколько разъ прогонялъ: чтобы его сію минуту не было! И съ матушкой безпрестанно ссорился: наговорю, наговорю, а потомъ самъ не радъ, да не вернешь.

— И Лепорелло на васъ не сердился?

— Нѣтъ, онъ, вѣдь, меня съ дѣтства знаетъ.

— Изъ-за чего же вы съ мамашей ссорились?

— Мы съ ней иногда въ убѣжденіяхъ расходились. Разъ она мнѣ обѣщала двухъ своихъ крѣпостныхъ дѣвушекъ отпустить на волю. Я приготовилъ отпускную и прихожу къ ней, чтобы она подписала, а она чего-то закапризничала, такъ я такъ разсердился, что всѣ окна перебилъ!.. Видите, до чего я доходилъ!.. А, вѣдь, въ сущности, я былъ правъ!

— Да, но я думаю, что ваша матушка также отпустила бы своихъ дѣвушекъ, еслибъ вы и не перебили стеколъ, — отвѣтила я, смѣясь.

Весной я заболѣла лихорадкой; мнѣ обрѣзали мои тяжелыя косы, долго лечили меня гомеопатіей, что совсѣмъ изнурило меня, и, наконецъ, рѣшили везти въ Финляндію, такъ что мы уѣхали нѣсколько раньше, чѣмъ предполагали. Мещерскій поѣхалъ проводить насъ; Костомаровъ обѣщался часто навѣщать. Въ Выборгѣ сейчасъ позвали нашего старичка-доктора Гольціуса; онъ закатилъ мнѣ большой пріемъ

хины: я пролежала безъ сознанія двадцать-четыре часа, а потомъ выздоровѣла.

Первые дни еще оставалась сильная нервность и тревожнѣе выступали разные вопросы и сомнѣнія, мучившіе меня по временамъ: «... Я не могу оторваться отъ Него, — писала я въ своемъ дневникѣ; — если я останусь безъ защиты, безъ опоры чего-нибудь высшаго, я упаду, какъ камешекъ, ничѣмъ не поддерживаемый въ воздухѣ». Это состояніе продолжалось недолго: черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ Н. И., я воспрянула духомъ, и у насъ сложилась прелестная жизнь.

Мы катались на лодкѣ, верхомъ и въ экипажахъ; вечеромъ занимались музыкой: одна наша гостья играла любимыя оперы Н. И., «Донъ-Жуана» и «Жизнь за Царя», а мы съ сестрой — въ четыре руки — сонаты Моцарта и «Аделаиду» Бетховена, которая тоже нравилась Н. И. Самъ онъ, тридцать лѣтъ не игравъ на фортепіано, выучилъ наизусть «La, ci darem la mano», и такъ это его заинтересовало, что онъ во всякое время игралъ это. Идемъ мы завтракать мимо фортепіанъ, — нельзя не остановиться и не сыграть «La ci darem»! «Да когда же вы придете? — раздается голосъ мама, — все простыло». — «Давайте, сыграемте это въ четыре руки», — предлагаетъ Н. И., не обращая вниманія на призывъ. — «Ничего не выйдетъ, потому что вы не считаете», рѣшаю я, и только потому, что нѣтъ другого рояля, мы благополучно достигаемъ балкона, гдѣ насъ ожидаетъ, по выраженію Н. И., «божественная простокваша».

Не менѣе увлекался Н. И. англійскимъ языкомъ; мы читали съ нимъ Шекспира, Маколея, и то, что я не могла перевести, искали въ лексиконахъ и коммен-

таріяхъ. Не могу безъ смѣха вспомнить, какъ насъ засталъ дождь, когда мы возвращались съ прогулки. Всѣ наши ушли скорѣе домой, но мы съ Н. И. были заняты англійскимъ діалогомъ и равнодушны ко всему другому. Онъ употребитъ невѣрное выраженіе — я остановлюсь; я скажу что-нибудь ему непонятное — онъ остановится, бьетъ себя въ голову и хочетъ вспомнить значеніе какого-нибудь слова; я начинаю объяснять, и мы стоимъ другъ противъ друга посреди дороги, а дождь льетъ на насъ, какъ изъ ведра.

Я часто болтала вздоръ, а Н. И. любовался тѣмъ, что я еще въ нѣкоторыхъ вещахъ такой ребенокъ. «Я никогда не выйду намужъ», — говорила я. — «Какъ смѣшно это слушать!» — восклицалъ онъ со своей ласковой улыбкой.

Чаще всего мы говорили и спорили о природѣ и объ искусствѣ.

— Посмотрите на эту елочку, — говорилъ Н. И.: — какая она пряменькая, зелененькая! Развѣ она вамъ не нравится?

— Нисколько, она совсѣмъ не живописна.

— То-то и бѣда, что вы смотрите на все съ художнической точки зрѣнія; вамъ то нравится, что годится для картины; такъ на природу нельзя смотрѣть, — это слишкомъ односторонне.

— Да, мнѣ, дѣйствительно, нравится въ природѣ то, что просится на холстъ. Впрочемъ, и то, что, помимо этого, въ самой природѣ картинно, красиво, гармонично...

— Гумбольдтъ говоритъ, что истинная любовь къ природѣ восхищается каждымъ ея листикомъ. Я схожусь въ этомъ съ Гумбольдтомъ. Вотъ этотъ клочокъ природы, — прибавилъ онъ, указывая на

кочку съ травой, — для меня лучше всякихъ картинъ.

— Вы тоже смотрите односторонне, когда вамъ больше нравятся тѣ мѣста, гдѣ есть историческія воспоминанія. Этого ужъ я совсѣмъ не понимаю: историческія воспоминанія, по-моему, одно, а природа — другое.

— Природа кажется лучше, когда къ ней привязываются воспоминанія. Одно другое дополняетъ.

— Природѣ не надо дополненій. Когда я смотрю на природу, я забываю все, кромѣ настоящей минуты и того блаженства, которое я испытываю.

— Самая прекрасная природа получаетъ особенное обаяніе, когда тутъ вѣетъ прошлымъ...

— Ну, да, — горячилась я, — вамъ надо колокольни, могилы, святыхъ отцовъ! Мертвечину!..

— И природа мертва безъ людей.

— А мы вамъ развѣ не люди? — теряя всякую логику, восклицала я: — развѣ мы, живые, не лучше вашихъ мертвыхъ?..

— Послѣ этого, я побѣжденъ! — говорилъ Н. И., смѣясь.

Особенно часто и горячо защищала я пейзажную живопись, которую Костомаровъ считалъ самой низшей степенью искусства и допускалъ только, какъ слабое воспоминаніе о природѣ. Онъ, какъ очень многіе, возставалъ противъ выбора сюжетовъ въ пейзажѣ, и находилъ, что если написать первый попавшійся кусочекъ травы в ѣ р н о, то это будетъ прекрасная картина. Я тогда обладала слишкомъ малыми знаніями въ искусствѣ, и мои взгляды были еще слишкомъ мало обоснованы для того, чтобы я могла убѣдить Н. И., и это было мнѣ досадно... Онъ срывалъ какой-нибудь цвѣтокъ, начиналъ объяснять мнѣ физіоло-

гію и метаморфозъ растеній, говорилъ, увлекаясь самъ и увлекая меня. Вечеръ иногда заставалъ насъ въ такихъ бесѣдахъ; зажигались звѣзды, и онъ объяснялъ мнѣ ихъ теченія, называлъ созвѣздія, говорилъ о гармоніи, о безпредѣльности міроздания, объ обитаемости міровъ... Я въ восторгѣ заслушивалась. Я лучше понимала и еще больше любила природу, послѣ новыхъ познаній, которыми онъ надѣлялъ меня и которыя такъ ярко освѣщалъ своей поэтической рѣчью.

Наканунѣ Иванова дня мы устроили настоящій языческій праздникъ. Массу финновъ и русскихъ рабочихъ столяровъ мы угощали, а они пѣли свои національныя пѣсни. Одинъ молодой мужикъ потѣшалъ насъ сказками и присказками; это былъ бойкій, веселый парень; онъ былъ грамотный, но беззавѣтно вѣрилъ въ лѣшихъ, водяныхъ, «фараоновъ», въ чудодѣйственную силу цвѣта папоротника: «надо его поджидать, — разсказывалъ онъ, — надо, подъ папоротникъ бѣленькій платочекъ подостлать; тутъ представленія всякія будутъ, бѣсовскія... и кому тотъ цвѣтъ дастся, тотъ можетъ все дѣлать, можетъ клады сквозь землю видѣть. У насъ на селѣ есть такой человѣкъ». Николай Ивановичъ предложилъ древнерусское гаданіе: переводить коня черезъ колоду. Я, сестра и всѣ наши дѣвушки украсили себя вѣнками изъ полевыхъ цвѣтовъ и кленовыхъ листьевъ, лошадь всю обвили гирляндами, и я перевела ее черезъ бревно: если конь переступалъ правой ногой, это значило, что задуманное желаніе исполнится въ этомъ году.

— Ну, Максимъ, теперь твоя очередь, — сказала я веселому парню.

— Да что мнѣ гадать? Я ужъ свое счастье знаю: вотъ, Аннушка не хочетъ за меня идти, — сказалъ онъ, лукаво поглядывая на некрасивую чухонку, которая застыдилась и скрылась за дверью дома.

— Ты развѣ женился бы на чухонкѣ? — спросила мама.

— По мнѣ, ваше сіятельство, пусть хошь и дура, да хорошенька.

— Развѣ Аннушка хорошенькая?

— Для меня, значитъ, годится. Не пò хорошу милъ, а пò милу хорошъ.

— Въ Торжкѣ у васъ какія красавицы есть, — сказалъ кто-то.

— Онѣ есть-то есть, да мы-то тамъ не бываемъ, все здѣсь околачиваемся. Вотъ, отпрошусь на праздникъ, на два дня, такъ, можетъ, и женюсь. — Онъ лихо вскочилъ на лошадь и, весело покрикивая, перескочилъ черезъ бревно.

Разложили большой костеръ, и Н. И. первый перепрыгнулъ черезъ него. Далеко за полночь горѣли въ разныхъ мѣстахъ смоляныя бочки, называемыя въ Финляндіи «коками», и раздавались пѣсни.

У насъ только-что былъ отстроенъ флигель, гдѣ была большая зала; въ ней мы устраивали балы для крестьянъ. Чухны, всегда такіе флегматичные, танцуютъ живо и любятъ танцовать. При звукахъ трехъ скрипокъ танцовали польки, искалѣченныя кадрили, но больше всего — свой народный, довольно странный танецъ: люди, стоя другъ противъ друга, трясутся и топчутся на одномъ мѣстѣ; мужчины при этомъ иногда выдѣлываютъ пà, вродѣ присядки, женщины же только быстро переступаютъ съ пятокъ на пальцы и изрѣдка вздрагиваютъ плечами. Не толь-

ко мы съ сестрой, но и Николай Ивановичъ, и отецъ мой принимали участіе въ танцахъ. Финны не конфузились насъ, а очень гордились, что господамъ съ ними такъ весело.

Наибольшее впечатлѣніе въ это лѣто произвела на меня одна поѣздка на Иматру. Мы цѣлый день просидѣли около водопада; Н. И. объяснялъ мнѣ многія физическія явленія, совѣтовалъ прочесть физическую географію лэди Соммервиль и другія книги.

— Знаете ли, что на меня наиболѣе поэтически дѣйствуетъ въ Иматрѣ? — сказалъ онъ послѣ того, какъ мы нѣсколько времени любовались молча: — это мысль, что эти волны все такъ же однообразно бѣгутъ, можетъ быть, съ начала міра, вѣками проходятъ одна за другой, на томъ же мѣстѣ пѣнятся и разсыпаются и, одна за другой, исчезаютъ. Пройдутъ еще вѣка, и онѣ все будутъ течь и пропадать для поддержки одной вѣчной идеи, идеи гармоническаго цѣлаго. Посмотрите на деревья: эти листья опадутъ, сгніютъ, это дерево засохнетъ, а деревья продолжаютъ расти на землѣ...

— Еслибъ вы знали, — воскликнула я, — какъ я часто думаю, что безсмертіе, — это, можетъ быть, и значитъ, что мы умремъ, а масса людей будетъ жить!.. Мы какъ будто тѣло этой безсмертной души природы... Это только очень обидно для нашей личности, для нашего эгоизма.

Поздно вечеромъ разыгралась сильная гроза и при такой эффектной обстановкѣ, что я никогда потомъ не видѣла ничего подобнаго. Мы укрылись въ залѣ со стеклянными стѣнами, выстроенной надъ самымъ водопадомъ и служившей столовой и буфетомъ. Въ моемъ ужасѣ, перешедшемъ скоро въ чистый во-

сторгъ, я не могла оторваться отъ великолѣпнаго зрѣлища. Молнія сначала дрожала и блестѣла вдали, но гроза стала быстро находить: надъ горизонтомъ поднимался огненный столбъ и, какъ въ фейерверкѣ, выбрасывалъ снопы то зеленаго, то краснаго свѣта; за секунду бѣлыя, легкія облака, вдругъ черными силуэтами вырѣзывались на освѣщенномъ небѣ; водопадъ рвался, метался; постоянный ревъ его, какъ аккомпаниментъ, вторилъ страшнымъ раскатамъ грома; бѣлая пѣна вздымалась и огненными брызгами разсыпалась кругомъ. Была минута какого-то страшнаго безмолвія, и гроза разразилась почти надъ нами, освѣщая нашъ стеклянный домикъ со всѣхъ четырехъ сторонъ. Нѣкоторымъ дамамъ сдѣлалось дурно.

— А вамъ не страшно? — спросилъ меня Н. И.

— Нѣтъ.

— Это рѣдко, чтобъ молодая дѣвица не боялась грозы.

— Я ужасно боялась, даже пряталась подъ подушки, но сегодня это слишкомъ хорошо. Еслибъ меня и убило за это, я не отошла бы теперь отъ окна!.. Я никогда больше не буду бояться: всякая гроза мнѣ будетъ напоминать эту чудную ночь!

Когда гроза начала успокаиваться, мы уложили мою заплаканную сестру на диванъ, и она уснула, а мы сидѣли около нея и тихо разговаривали; я все жалѣла, что эта дивная гроза проходитъ. Къ утру только мы могли выйти изъ стекляннаго павильона.

На другой день я въ чемъ-то упрекала мама при Костомаровѣ и говорила рѣзко. Мы пошли съ нимъ въ садъ, долго шли, молча, по аллеѣ; потомъ Н. И. сказалъ:

— Зачѣмъ вы хандрите?

— Съ чего вы взяли, что я хандрю?

— А что вы наговорили графинѣ?.. Такой матери съ огнемъ не найти.

— Я знаю. Я это только такъ... Я сама не понимаю что со мной дѣлается иногда...

— Вы раздражены, вы недовольны, вы чего-то желаете, это — избытокъ жизни.

Мама подошла къ намъ, но мы продолжали разговоръ.

— Мнѣ всегда чего-то недостаетъ, — говорила я, — особенно, когда въ природѣ такъ тихо, какъ теперь, мнѣ все что-то неполно; чего-то, правда, хочется, но я сама не знаю, чего...

— Вы будете любить, и тогда природа покажется полнѣе. Этого-то вамъ и недостаетъ, этого-то вамъ и хочется.

Я молчала.

— Вы будете сильно любить, — повторилъ онъ грустно. — Вчера я видѣлъ, какой въ васъ запасъ поэзіи, — слишкомъ много: это будетъ источникъ страданія.

Мы опять нѣсколько времени всѣ шли молча, и, неожиданно для меня, онъ сказалъ:

— Пишите стихи, Ек. Ѳ., а то вся ваша поэзія обратится въ жизнь, — берегитесь этого!.. Пишите стихи.

Я привожу этотъ разговоръ потому, что мнѣ часто приходилось вспоминать его въ послѣдующей жизни моей.

XVII.

Мы помнимъ горькую утрату,
Внимая новый шумъ лѣсовъ.
Пушкинъ.

Подходило время нашего отъѣзда за границу Мнѣ совсѣмъ не хотѣлось ѣхать. Хотя я знала, что много тамъ будетъ для меня интереснаго, но какъ было покинуть то новое и будто давно родное, съ чѣмъ я сжилась за этотъ годъ! Какъ уйти отъ этой кипящей, веселой и содержательной жизни! Всѣ мои просьбы остаться разбились о безапелляціонное рѣшеніе матери. Между ея различными доводами было и то, что рѣчь шла о назначеніи меня фрейлиной, а мама отклоняла это, говоря всюду, что она бы хотѣла ѣхать за границу, чтобъ окончить мое образованіе, — и теперь уже неловко оставаться.

Разставаніе съ нашей финляндской прислугой было трогательно: они плакали, точно хоронили насъ. Особенно убивалась одна старуха Элли, нищая, которую мы подобрали и пріютили у себя, безгранично любившая мою сестру. «Ольга такъ внимательна къ ней, — нахожу я въ своемъ дневникѣ, — когда мы катаемся, она посадитъ Элли возлѣ себя, закутаетъ ей ноги; всѣ чухны удивляются, какъ она мило ухаживаетъ за старухой». Моя сестра была всѣми любима, у нея былъ даръ привлекать людей.

У насъ долгое время жилъ дворникомъ нѣкій Германъ, морякъ по призванію, какъ почти всѣ финны;

въ свободное время онъ занимался рыбной ловлей. Мама не боялась отпускать насъ съ нимъ, и я, еще ребенкомъ, сроднилась съ моремъ и волнами. Иногда къ Герману приходилъ его пріятель, охотникъ Матвѣй. Я маленькая, любила этого человѣка и живо помню его. Онъ имѣлъ довольно дикій видъ и никогда не разставался со своимъ ружьемъ. Загорѣлый, со всклоченными волосами и бородой, съ недовѣрчивымъ взглядомъ изъ-подъ нависшихъ бровей, онъ напоминалъ Куперовскихъ траппистовъ. При видѣ меня, лицо его преображалось, онъ сажалъ меня на колѣни, глаза свѣтились ласково, голосъ звучалъ мягко, — и онъ начиналъ длинные разсказы о жизни въ лѣсу, о нравахъ птицъ. По-русски онъ говорилъ безъ всякаго акцента, выражался, какъ человѣкъ интеллигентный, но, кажется, только со мной и говорилъ по-русски. Онъ, вѣроятно былъ бѣглый и скрывался; по словамъ Германа, онъ былъ прежде офицеромъ, и за что-то разжалованъ.

У меня былъ привязчивый характеръ, и мнѣ было тяжело разставаться, какъ со всѣми этими людьми, такъ и съ любимой природой, и съ моими двумя собаками. «Тоби», мой любимецъ, долженъ былъ оставаться у Костомарова до нашего возвращенія.

Надо было устроить еще кое-какія дѣла въ Петербургѣ, поэтому мы остановились въ гостиницѣ, откуда я тотчасъ же сбѣжала къ тетѣ, въ свѣтлую квартирку, нанятую для нея на Островѣ, съ видомъ на Невку и Петровскій паркъ. Я не могла себѣ представить, какъ я буду обходиться безъ тети за границей, и, напослѣдокъ, безконечно наслаждалась ея близостью: такъ мнѣ сладко и уютно у нея было! Посѣщали насъ Шевченко, который былъ очень друженъ съ

тетей, Костомаровъ, К. и другіе. Скоро и наши изъ скучной гостиницы перебрались къ тетѣ, и мы провели тамъ нѣсколько счастливыхъ дней, окруженные нашими друзьями, цѣлой толпой провожавшими насъ, когда мы, 19-го августа, наконецъ, выѣхали за границу.

Николай Ивановичъ поѣхалъ съ нами до Пскова. Его желаніе, выпить съ нами шампанскаго на Довмонтовой стѣнѣ исполнилось. Мы сидѣли на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, по всей вѣроятности, долженъ былъ стоять вѣчевой колоколъ. Подъ нами лежала площадь, гдѣ собиралось вѣче; за нею — городъ съ рѣчкой Псковой, за нами — соборъ св. Троицы. Солнце свѣтило, колокола гудѣли торжественно и мелодично. Вспоминали мы, какъ тутъ, когда-то, сходился народъ чтобы судить и рядить, и еще мертвѣе казалась намъ пустота современнаго городишки...

Мысль о скорой разлукѣ придала этимъ послѣднимъ минутамъ, проводимымъ вмѣстѣ, оттѣнокъ грусти...

XVIII

Все, чего добились другіе—готовое наслѣдіе намъ. Не мы трудились надъ изобрѣтеніемъ желѣзныхъ дорогъ—мы пользуемся ими. Все хорошее, что сдѣлано какимъ бы то ни было народомъ для себя, на три четверти. сдѣлано тѣмъ самымъ и у намъ.

Чернышевскій.

Въ 1860-мъ году, въ то время, какъ мы выѣзжали за границу, въ Петербургѣ только что отмѣнили институтъ будочниковъ съ аллебардами, только что зажгли, и то на одномъ Невскомъ, газовые фонари, еще не позволяли курить на улицахъ. Хотя насъ провезли часть пути по неоткрытой для публики желѣзной дорогѣ, все же намъ пришлось два дня ѣхать въ дилижансѣ и ночевать въ какой-то харчевнѣ, гдѣ ничего не было, кромѣ деревянныхъ скамеекъ и клоповъ. Легко себѣ представить, какъ европейскіе порядки отличались отъ вышеописанныхъ и въ какой приводили восторгъ мою юную и впечатлительную душу. Уже Ковно поразило меня чистотой улицъ и оживленіемъ на нихъ. Мы посѣтили Веселовскій садъ, откуда открывался чудный видъ и гдѣ насъ потчивали вкуснѣйшими яблоками, русскую церковь, гдѣ во время службы кромѣ насъ не было ни одной

души, и старинный монастырь Бернардинокъ, который могли посѣщать только однѣ женщины. О насъ доложили настоятельницѣ. Она вышла къ намъ навстрѣчу и повела меня подъ-руку прямо на хоры, гдѣ находились почему-то въ то время сестры. Одну изъ нихъ заставили играть на органѣ и потомъ пѣть; она была молода, красива, съ выраженіемъ грусти на лицѣ, прекрасно играла, и голосъ у нея былъ великолѣпный. Осмотрѣвъ костелъ, мы пожелали видѣть помѣщеніе монахинь; насъ повели по узкому, полуобвалившемуся корридору, гдѣ по обѣимъ сторонамъ стояли сундуки, принадлежащіе монахинямъ. Сюда выходили двери келій, маленькихъ, но чистенькихъ комнатокъ, съ самой необходимой мебелью, съ большими печами. Окна выходили на дворъ, откуда не было видно ничего, кромѣ высокихъ стѣнъ. Этотъ старый монастырь очень заинтересовалъ меня, но навелъ на грустныя размышленія: «какъ гибнетъ здѣсь молодая жизнь, — восклицала я въ своемъ дневникѣ, — какъ всѣ Богомъ данныя чувства подавляются здѣсь! Этимъ бѣднымъ женщинамъ запрещено сообщество людей, гдѣ онѣ могли бы найти источникъ добра; запрещена любовь, облагораживающая и возвышающая душу. Какъ часто благородный поступокъ можетъ привести въ восторгъ! Какъ часто одно слово, сказанное съ любовью, можетъ возратить на путь истиный заблудшую душу! А имъ запрещено все это! Вотъ и развиваются между ними мелочность, сплетни, зависть...»

Кёнигсбергъ произвелъ на меня самое пріятное впечатлѣніе. Вновѣ были мнѣ вытянутыя крыши, выступы пристроекъ старыхъ домовъ; вновѣ — раскинутые въ центрѣ города густые сады, съ прудами, со столи-

ками, за которыми уютно пьютъ кофе, слушая хорошую музыку. Это такъ привлекло меня, что мнѣ не хотѣлось уѣзжать. Пріѣхавъ въ Маріенбургъ, мы отправились прямо на мостъ. Сторожъ, который намъ его показывалъ, говорилъ что-то очень много объ устройствѣ этого замѣчательнаго моста, но я не слушала его: передо мною разстилался цѣлый средневѣковой рыцарскій городъ, съ его укрѣпленіями, подъемными мостами и сторожевыми башнями, великолѣпно освѣщенный заходящимъ солнцемъ. На другой день, мы осматривали самый замокъ. Рыцарскія залы съ толстыми колоннами, подпиравшими готическіе своды, расписныя окна, призраки Вальтеръ-Скоттовскихъ героевъ, въ бѣлыхъ мантіяхъ, съ красными крестами, перемѣшались и закружились въ моей головѣ... Я тотчасъ же описала Н. И. Костомарову видѣнное мною самыми самоцвѣтными красками. Онъ отвѣтилъ мнѣ слѣдующимъ письмомъ:

«Съ какимъ наслажденіемъ я прочиталъ ваше описаніе Маріенбурга, Катерина Ѳеодоровна!

. . . . . .

Какъ бы я хотѣлъ быть съ вами вмѣстѣ въ этихъ страшныхъ залахъ тевтонскихъ рыцарей, гдѣ подъ наитіемъ Іисусова Креста распинали на истребленіе и уничтоженіе литовское и финское племена, гдѣ приготовлялась та же участь и намъ, славянамъ, если бы въ XIII-мъ вѣкѣ мужество Александра Невскаго и псковскаго Домонта не поставили границы этой страшной пропагандѣ, и еслибы, наконецъ, въ XV-мъ вѣкѣ поляки не нанесли ей смертоносный ударъ подъ Грюнвальденомъ. Какъ вы счастливы! Какъ я вамъ завидую! Ступайте впередъ, наслаждайтесь жизнью, упивайтесь любовью къ знанію, созерца-

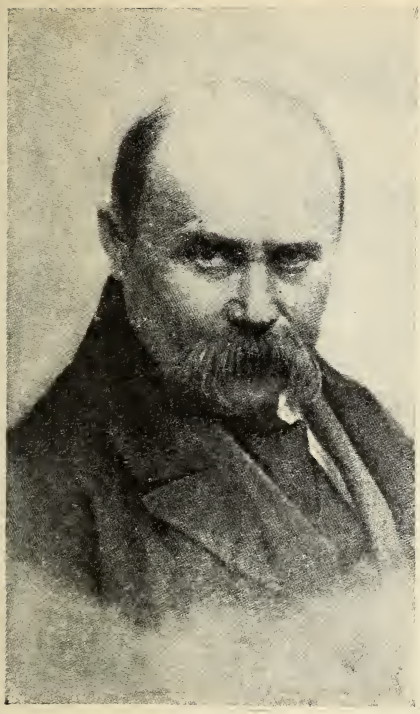
ніемъ природы и искусства. Дай Богъ, чтобы ни одно черное облачко не пробѣжало надъ вами во все время вашего путешествія. Вы теперь въ Дрезденѣ. Я воображаю, какъ много почерпнете вы наслажденія въ созерцаніи дивныхъ произведеній искусства, безцѣнныхъ сокровищъ дрезденской галлереи, и какъ свѣжо, какъ прекрасно все это запечатлѣется въ вашемъ молодомъ, дѣвственномъ сердцѣ! Пишите, ради Бога, ко мнѣ; дозвольте мнѣ получать нѣсколько разъ такое удовольствіе, какое я получилъ сегодня.

«Я не могу сдѣлать моего письма такъ занимательнымъ, какъ ваше ко мнѣ. Кругъ моей жизни слишкомъ однообразенъ. По возвращеніи изъ Пскова, любезнаго мнѣ Пскова, съ его Домонтовой стѣной, гдѣ мы попрощались, я занимался приготовленіемъ лекцій, которыя еще не начались. Мнѣ мѣшаетъ какая-то хандра, грусть, апатія, лѣнь умственная. Оказывается, что я своимъ литературнымъ врагамъ сильно досаждаю тѣмъ, что молчу и оставляю безъ отвѣтовъ и объясненій ихъ выходки. Я хорошо сдѣлалъ, что послушался васъ, когда вы мнѣ говорили, что я долженъ молчать.

«Небо сѣрое. Дожди безпрестанные. Итальянская опера еще не началась. Русская сцена со смертью Мартынова осиротѣла. Еслибы въ Ковнѣ былъ съ вами Донъ-Жуанъ, то, безъ сомнѣнія, онъ бы нашелъ возможность проникнуть въ жилище отшельницъ, какъ это сплошь и рядомъ дѣлалось въ средневѣковыхъ монастыряхъ. Тобинька здоровъ, но все еще скучаетъ [1]). Я его берегу, какъ ревнивый мужъ —

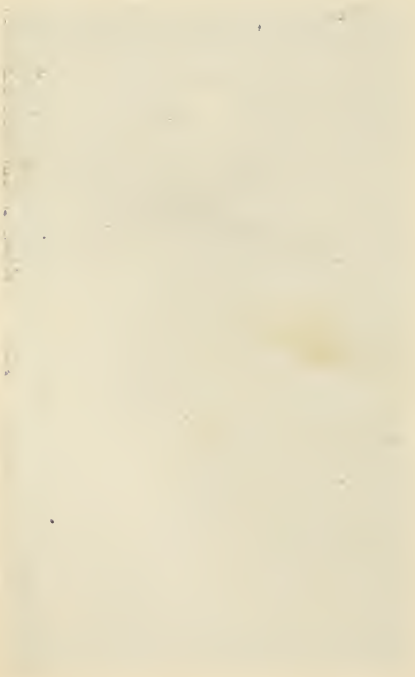
---

[1]) Моя собачка, которую взялъ къ себѣ Н. И. до моего возвращенія.



Шевченко.

Николай Дмитріевичъ Старовъ.



жену-красавицу. Каждое утро будитъ меня. Мы съ нимъ гуляемъ по Васильевскому Острову часто.

«Да благословитъ васъ Богъ, Катерина Ѳеодоровна, да подастъ онъ вамъ столько счастья, сколько возможно оно на землѣ.

Вашъ глубоко-преданный всѣмъ сердцемъ и душою Н. Костомаровъ».

«Цѣлую ручки милѣйшей бабушки!» [1]).

Берлинъ мало заинтересовалъ меня: онъ слишкомъ былъ похожъ на обыкновенные, новые города. Мы осмотрѣли Шарлоттенбургъ, музеи, Каульбаха и не преминули быть въ театрѣ, гдѣ давали балетъ; обстановка и декораціи были гораздо бѣднѣе нашихъ. Берлинцы показались мнѣ очень надменными и хвастливыми.

Магдебургъ и Лейпцигъ опять восхитили меня своими кривыми улицами и старыми домами. Жаль, что я не попала тогда въ Нюрнбергъ, куда мнѣ страшно хотѣлось, но куда, почему-то, ни разу, во время нашего пребыванія за границей, мы не нашли возможнымъ заѣхать. Я не повторяю здѣсь мое подробное описаніе достопримѣчательностей Лейпцига, ибо, несмотря на мои восторги, это будетъ похоже на Бедекера. Не помню только, есть ли у Бедекера маленькій фактъ, что на старинной церкви св. Николая въ небольшую нишу наружной стѣны вдѣлана подкова лошади св. Георгія!..

Три недѣли, проведенныя въ Дрезденѣ, были сущимъ праздникомъ для меня. Утромъ—рынокъ съ невѣроятнымъ обиліемъ фруктовъ и цвѣтовъ, чай въ саду нашей гостиницы, откуда открывался кра-

---

[1]) Бабушкой называли мою маленькую сестру.

сивый видъ на Эльбу, поѣздки въ Саксонскую Швейцарію, кофе на Брюлевской террасѣ, галлерея и, главное, театръ, театръ съ такими великими артистами, какъ Девріэнтъ и Дависонъ, съ операми Моцарта и Вагнера!.. Во время первой поѣздки въ Саксонскую Швейцарію я описывала каждую выдавшуюся надъ дорогой скалу, каждое ущелье; маленькіе городочки, вродѣ Шандау, я находила райскими мѣстами, и вездѣ мнѣ хотѣлось остаться и пожить... «Долинка окружена живописными горами,—описывала я,—въ серединѣ извивается и журчитъ прозрачная рѣчка; по обѣимъ ея сторонамъ домики, утопающіе въ зелени; дѣвушки поливаютъ разостланное по травѣ бѣлье, все дышетъ сельской идилліей. Кажется люди здѣсь не могутъ быть ни злы, ни несчастны: они живутъ въ такой связи съ природой, видятъ передъ собой столько прекраснаго. Вспоминаешь Байрона:

And peasant girls with deep blue eyes
And hands, which offer early flowers,
Walk smiling o'er this paradise. [1])

«Здѣсь человѣкъ является не разрушителемъ поэзіи ради своихъ выгодъ, а только, какъ бережливый садовникъ, поливаетъ и полетъ Богомъ созданный цвѣтникъ. Я видѣла ранѣе, что вездѣ, гдѣ только человѣкъ прикоснулся къ природѣ, тамъ онъ исказилъ ее и нарушилъ ея порядокъ,—и мнѣ было это больно,—а здѣсь человѣкъ соединился съ природой, не испортивъ ея».

Привлекали мое вниманіе также порядки въ на-

[1]) Крестьянки съ голубыми глазами и съ цвѣтами въ рукахъ проходятъ улыбаясь въ этомъ раю.

шей гостиницѣ «Бель-Вю». Моя сестренка подружилась со всей прислугой и потащила меня въ кухню. Она состояла изъ нѣсколькихъ комнатъ: въ одной приготовляли кофе и чай, въ другой—мясо, въ третьей стояли варенья и салаты, въ слѣдующей—мыли фарфоровую посуду, дальше чистили мѣдную, еще дальше — хранилось бѣлье. Про кѣльнеровъ я писала: «...это люди, честно добывающіе свой хлѣбъ. Они никому ни въ чемъ не обязаны, ни передъ кѣмъ не будутъ унижаться, никому не позволятъ обращаться съ собой грубо, и потому сами со всѣми вѣжливы и предупредительны. Они разсуждаютъ о театрѣ, о литературѣ, о природѣ и, въ свободное время, съ ними пріятно поговорить. Какая разница съ нашими л а к е я м и! Горничная, разсказывая намъ про своего Schatz'a [1]), привела стихъ Шиллера и прибавила: «Да, Шиллеръ былъ великій писатель, онъ зналъ сердце человѣческое».

Въ Дрезденѣ тогда существовала большая простота нравовъ: когда намъ въ театрѣ хотѣлось пить, намъ въ Fremdenloge приносили пиво; не только въ публичныхъ садахъ, но и въ театрѣ дамы вязали чулки. Это послѣднее, а также холодность и чопорность нѣмцевъ злили меня: «Ахъ, эти ненавистные чулки, — восклицала я, — какъ они меня возмущаютъ!.. Хорошенькія, молоденькія дѣвушки на гуляньѣ сидятъ около своихъ старухъ и цѣлый вечеръ не поднимаютъ глазъ со своего вязанья; мужчины сидятъ отдѣльно за пивомъ и сигарами. Иногда подойдетъ господинъ къ знакомой дамѣ (въ присутствіи ея мужа, конечно; иначе это

---

[1]) Жениха.

было бы неприлично) и спроситъ: «Вы были вчера въ театрѣ?»—Да.—«Игралъ Дависонъ?»—Нѣтъ, Девріэнтъ.—«О, Девріэнтъ. Ja so!» Кажется, что послѣ этого господинъ спроситъ даму, какъ ей понравилось, или что дама выскажетъ какое-нибудь сужденіе о видѣнномъ. Нисколько! Кавалеръ возвращается къ пиву, а дама принимается за работу съ такимъ рвеніемъ, какъ будто хочетъ возмѣстить потерянное время... Въ театрѣ сидятъ, молчатъ; дурно ли, хорошо ли играютъ актеры, зрители не выражаютъ своихъ впечатлѣній, не хлопаютъ. Дависона вчера ни разу не вызвали!!..» Несмотря на непріятное зрѣлище вяжущихъ дамъ, я любила сидѣть на Брюлевской террасѣ, куда иногда приходили актеры, которыхъ занятно было посмотрѣть внѣ сцены. Девріэнтъ, несмотря на то, что приближался къ шестидесяти годамъ, справлялся, какъ нельзя лучше, съ ролями jeune-premier'овъ, былъ и внѣ сцены поразительно моложавъ. Игралъ онъ необыкновенно изящно, красиво, но холодно. Дависонъ былъ несравненно выше его, какъ художникъ. Про него говорили, что онъ очень образованный человѣкъ. Это видно было по его игрѣ: все у него было и продумано, и прочувствовано, всегда былъ виденъ художественный тактъ. Онъ давалъ цѣльный и сильный образъ, въ каждой роли онъ былъ другимъ, новымъ человѣкомъ. Въ легкой вещицѣ: «Der Königsleutenant», передѣланной изъ разсказа въ «Wahrheit u. Dichtung», Дависонъ изображалъ пожилого французскаго полковника, былъ сантименталенъ, немного смѣшонъ и очарователенъ. Трудно было повѣрить, что это—тотъ самый человѣкъ, который поражалъ насъ своимъ глубокимъ

трагизмомъ въ «Валленштейнѣ». Не могу назвать всѣхъ пьесъ, въ которыхъ я видѣла этихъ артистовъ; помню Девріэнта въ «Вильгельмѣ Телль», Дависона, кромѣ названныхъ уже вещей, въ «Натанѣ» и обоихъ вмѣстѣ въ «Эмилія Галотти» и «Коварство и любовь». Въ обѣихъ послѣднихъ у Дависона были несимпатичныя роли, но какъ тонко и умно онъ проводилъ ихъ! До сихъ поръ жалѣю, что не удалось видѣть его въ его коронной роли Мефистофеля; воображаю, какъ великолѣпенъ долженъ былъ быть въ ней артистъ съ такимъ талантомъ и темпераментомъ. Самый театръ, впослѣдствіи сгорѣвшій, былъ прекрасенъ: весь сѣрый, спокойный, какъ по краскамъ, такъ и по линіямъ украшеній.

Несмотря на то, что я выросла среди художниковъ, я гораздо болѣе понимала толкъ въ драматическомъ искусствѣ и литературѣ, чѣмъ въ живописи. Большинство окружавшихъ меня живописцевъ или были мало развитые люди, или не высказывали своихъ техническихъ познаній; учителя мои обыкновенно ограничивались замѣчаніями: «вотъ это надо такъ сдѣлать,—здѣсь надо правѣе, а тутъ потолще...» Марковъ, одинъ изъ нашихъ профессоровъ, котораго я, какъ человѣка, наиболѣе любила, глядя на мои работы, произносилъ: «это недостаточно прочувствовано», «тутъ любви мало»—слова, смыслъ которыхъ былъ для меня непонятенъ. Отецъ вообще мало говорилъ, и я часто пропускала мимо ушей его рѣдкія, но мѣткія замѣчанія. Къ тому же мнѣ было только шестнадцать лѣтъ и послѣдній годъ моей жизни я была занята совсѣмъ не вопросами искусства. Со столь малыми познанія-

ми, съ нѣсколько потрясеннымъ уже картиной Иванова, но все же всосавшимся въ кровь поклоненіемъ итальянскому искусству Возрожденія, предстала я передъ Сикстинской Мадонной.

Мы съ сестрой такъ волновались, что долго не могли войти въ комнату, гдѣ она находилась, а я, войдя, наконецъ, не сразу рѣшилась поднять на нее глаза. И что же? Я разочаровалась! Разочаровалась въ самомъ воплощеніи образа Мадонны. «Да это не Матерь Божія!—воскликнула я,—это глупенькая дѣвочка, которая няньчитъ своего братишку!» Въ этомъ возгласѣ, мнѣ кажется, выразилось отчасти наше русское пониманіе Богородицы: для насъ она прежде всего М а т ь, для католиковъ—Д ѣ в а. Потомъ, часто видя эту картину, мое мнѣніе нѣсколько измѣнилось, я примирилась съ ея дѣвичествомъ и писала: «дольше присматриваясь къ ней, находишь что-то необъяснимое, привязывающее къ ней. Кажется, будто она сошла съ неба, и ей странно и пріятно видѣть опять земное: такое дѣтское удивленіе выражаютъ ея темные глаза. Правда, у нея ротъ кривой и непропорціонально большіе глаза, но въ ея лицѣ такая жизнь, что вотъ-вотъ она заговоритъ. Во всеиспытующемъ, глубокоосмысленномъ взглядѣ Младенца художникъ хотѣлъ изобразить Его всевѣдѣніе. Поза Его выражаетъ ту же мысль: какъ онъ взялся за свою ножку, погрузился въ глубокую думу! Это не обыкновенный ребенокъ, это—человѣкъ, который обсуживаетъ и провидитъ заранѣе судьбу человѣчества. Въ лицѣ Маріи болѣе дѣтской простоты и невѣдѣнія. Это было бы нелѣпо, если бы Марія представлялась, какъ она жила на землѣ; но въ этой картинѣ она представлена

не какъ земное существо, а какъ видѣніе. Все-таки, эту картину слишкомъ восхваляютъ, слишкомъ превозносятъ. Развѣ хуже чудные Рембрандты?» Кромѣ Рембрандта и Мурильо, столь знакомыхъ мнѣ по Эрмитажу, я восхищалась Тиціаномъ, Рюиздалемъ, Каналетто, а иногда нравились мнѣ такія посредственныя вещи, какъ «Дѣти художника» Фогеля. Рубенсъ мнѣ былъ противенъ. Гольбейновская мадонна, столь любимая мною впослѣдствіи, въ то время ничего не сказала мнѣ.

Я чуть не со слезами разставалась съ Дрезденомъ. Послѣдній день мы провели въ такъ называемомъ Большомъ саду, гдѣ давались представленія на открытой сценѣ и были устроены всякія увеселенія для дѣтей и взрослыхъ. Около деревянныхъ лошадокъ стояла толпа дѣтей, съ завистью смотрѣвшихъ на катающихся счастливцевъ. «Отчего вы не катаетесь?»—спросила ихъ моя мать. «У насъ денегъ нѣтъ».—«Такъ поѣзжайте, я за васъ заплачу. Сколько васъ тутъ?» Оказалось человѣкъ десять. Ихъ лица засіяли счастьемъ. «Какое удовольствіе можно доставить какими-нибудь грошами!»—сказала мама. «Да,—отвѣчалъ по-русски стоявшій возлѣ пожилой господинъ,—вы сдѣлали десять счастливцевъ». Въ эту минуту дѣти, покатавшись, прибѣжали благодарить мама и со словами: «danke schön»—протягивали ей свои ручонки. И вдругъ русскій господинъ вынулъ изъ кармана горсть конфектъ и бросилъ ее въ толпу дѣтей, которыя, конечно, начали выбирать ихъ изъ песку и перехватывать другъ у друга. Этимъ поступкомъ онъ привелъ меня въ негодованіе, я демонстративно отвернулась отъ него; къ счастью, заиграла музыка, и мы отправились въ театръ.

Изъ Дрездена мы поѣхали по Эльбѣ, ночевали въ Aussig'ѣ. Утромъ попали въ соборъ, гдѣ пѣли чудную мессу, если не ошибаюсь—Гайдна. «Такъ и надобно,—писала я,—чтобы силою всѣхъ голосовъ и инструментовъ пѣть хвалу Богу: такая молитва несется прямо къ небу... И вдругъ мнѣ пришло въ голову, что эта чудная молитва возносится этими людьми за австрійскаго императора! Нѣтъ, нѣтъ! Звуки прежде дойдутъ до Бога, чѣмъ пустыя слова, а звуки навѣютъ Ему другое, лучшее... Однако я сужу о Богѣ, какъ о человѣкѣ; какъ могутъ дѣйствовать на Него слабые звуки нашей бѣдной земли? Такъ же малы и ничтожны, вѣроятно, кажутся Ему и страданія людей... А Тотъ, который страдалъ и чувствовалъ съ людьми, неужели Онъ ничего болѣе не можетъ сдѣлать для нихъ, и несправедливость и страданіе непремѣнно должны существовать на землѣ?.. Мои мысли смѣшались... Я вспомнила нашъ споръ съ Николаемъ Ивановичемъ, мнѣ стало стыдно, что я, находясь въ этой церкви, тоже какъ будто участвую въ молитвѣ за неправое дѣло. Нѣтъ, я буду сама по себѣ молиться, не за австрійцевъ, а за притѣсняемыхъ и угнетаемыхъ ими, и, можетъ быть, моя молитва, искренняя, исходящая изъ глубины души, и дойдетъ до моего Бога!..»

Въ такомъ восторженномъ настроеніи, въ первый же вечеръ нашего пріѣзда въ Прагу, я была свидѣтельницей сцены, сильно тронувшей меня. Мы пошли погулять и вдругъ увидѣли въ концѣ одной улицы множество огней; оттуда доносились звуки трубъ и пѣнія. Мы поспѣшили туда. На площади, надъ конной статуей св. Венцеслава, были воздвиг-

нуты арки съ разноцвѣтными фонариками; передъ нею стоялъ аналой, убранный цвѣтами и зажженными восковыми свѣчами. Одинъ изъ присутствующихъ стоялъ около и читалъ по-чешски молитвы, а народъ громкимъ пѣніемъ повторялъ его слова. Я долго въ умиленіи душевномъ молилась,—здѣсь уже воедино съ народомъ,—за освобожденіе славянъ отъ австрійскаго ига. Иго это дѣйствительно чувствовалось тогда даже въ мелочахъ жизни. Чешскіе и нѣмецкіе спектакли давались въ одномъ и томъ же театрѣ, но чешскій долженъ былъ начинаться въ самое неудобное время—въ половинѣ четвертаго часа дня; едва опускался занавѣсъ, публика должна была торопиться уходить, чтобы дать мѣсто уже толпившимся у входовъ зрителямъ нѣмецкаго представленія; некогда было и похлопать любимымъ и дѣйствительно хорошимъ актерамъ. Правительство какъ бы старалось вездѣ уничтожать національное чувство, но послѣднее все-же ярко проявлялось и въ публичныхъ демонстраціяхъ, въ родѣ видѣнной нами въ день пріѣзда, и въ иниціативѣ частныхъ лицъ, которыя устроили и содержали многія общественныя учрежденія, между прочимъ, интересный пражскій музей и библіотеку.

Мы имѣли письма отъ общихъ знакомыхъ къ извѣстному чешскому патріоту и политическому дѣятелю Ганкѣ. Онъ встрѣтилъ насъ тепло, радушно, вызвался самъ показать намъ достопримѣчательности своего родного города. Онъ былъ уже пожилой человѣкъ, но въ глазахъ его горѣла жизнь молодости. Его горячія рѣчи затронули живую струну въ моей душѣ: мы въ Петербургѣ часто мечтали объ объединеніи славянъ подъ гегемоніей Россіи,—

повидимому и Ганка въ то время надѣялся еще на помощь нашего правительства. На другой день послѣ пріѣзда начался осмотръ города подъ его руководствомъ. Все видѣнное онъ освѣщалъ намъ разсказами изъ исторіи или легендъ своего народа; съ такимъ вожатымъ дѣйствительно интересно и полезно было осматривать памятники древности, которыми богата Прага. Были мы и во дворцѣ, и въ музеѣ, и въ соборѣ, который тоже настоящій музей, и въ древней синагогѣ XIII-го вѣка. Все это извѣстно всѣмъ путешественникамъ, но не знаю, всѣ ли видѣли великолѣпный видъ на Прагу изъ сада гр. Кинскаго; всѣмъ ли показываютъ живописное мѣстечко въ зелени сада, гдѣ, будто бы, Моцартъ писалъ своего «Донъ-Жуана»; всѣ ли посѣщаютъ и суще́ствуетъ ли до сихъ поръ замокъ Валленштейна, содержавшійся въ томъ видѣ, какъ былъ во времена великаго полководца. Тамъ былъ садъ съ подрѣзанными деревьями, съ баней, устроенной въ видѣ грота, со стѣной изъ сѣраго камня, обвитой плющемъ, что должно было изображать имя владѣльца «Wald» и «Stein» [1]), также большая галлерея, украшенная фресками, готическія залы, домовая часовня и, наконецъ, портретъ самого бывшаго хозяина. Взглянувъ на него, мы съ сестрой въ одинъ голосъ воскликнули: «да это Дависонъ!» Такъ же острижены волосы, тотъ же высокій лобъ, тѣ же черты лица, то же выраженіе глазъ: казалось, что мы видѣли недавно на сценѣ оригиналъ этого портрета. Не знаю также, замѣтилъ ли кто живопись на потолкѣ большой залы публичной би-

[1]) Настоящее имя его было Вальдштейнъ, а не Валленштейнъ.

бліотеки въ Прагѣ. Всѣмъ извѣстно, что глаза нѣкоторыхъ портретовъ какъ бы движутся по направленію къ зрителю,—но нигдѣ не встрѣчала я этого явленія въ такой рѣзкой формѣ, какъ на упомянутомъ плафонѣ. Когда вы входите въ залу, написанный на немъ летящій геній обращенъ головой къ вамъ; вы идете по залѣ—и онъ поворачивается за вами, такъ что въ сторонѣ, противоположной входу, геній опять находится головой къ вамъ, т.-е. повернутъ совершенно въ обратную сторону, чѣмъ былъ прежде. Онъ поворачивается и движется, какъ живой: это необычайно курьезно.

Мы разстались съ Ганкой самымъ дружескимъ образомъ; онъ подарилъ намъ на память свои брошюры и портретъ.

Въ Вѣнѣ мы оставались недолго. Мы встрѣтили тамъ знакомыхъ: посланника Балабина и князя Гагарина, служившаго въ посольствѣ; мы были очень рады свидѣться съ ними, но потеряли много времени въ разговорахъ, вертѣвшихся, главнымъ образомъ, на предполагаемомъ свиданіи нашего Государя съ австрійскимъ и на опасеніи союза съ Австріей. За недостаткомъ времени мы слишкомъ бѣгло осмотрѣли галлереи. Самый городъ, съ тѣснотой и магазинами, не особенно понравился мнѣ, а Шенбруннъ показался много бѣднѣе Петергофа. Одинъ св. Стефанъ произвелъ должное впечатлѣніе. Недалеко отъ Зальцбурга насъ встрѣтила (12 октября) настоящая зима: снѣгъ засыпалъ крыши и деревья. Первый день въ Мюнхенѣ мы мерзли, такъ какъ нигдѣ не было печей и въ комнатѣ было сносно только пока горѣлъ каминъ.

Въ Мюнхенѣ ожидалъ меня цѣлый рядъ новыхъ

впечатлѣній. Упомяну самое сильное, произведенное на меня картиной Пилоти: «Сени надъ трупомъ Валленштейна» (опять Валленштейнъ!). Я такъ восторгалась этой картиной, что даже написала въ своемъ дневникѣ фразу: «и послѣ этого намъ велятъ восхищаться Рафаэлемъ и Корреджіо!» Потомъ, какъ бы извиняясь за свою дерзость, я прибавляла: «что же мнѣ дѣлать, если мнѣ нравится то, что ближе къ намъ?» И «не все ли равно: картина подписана Рафаэлемъ или Пилоти, лишь бы она была хороша». Да, много надо было мнѣ учиться! Долголѣтнюю школу надо пройти, чтобы вернуться къ источникамъ чистаго искусства, не прикрашеннаго никакой театральностью.

Драматическій театръ въ Мюнхенѣ былъ довольно хорошъ, и давались все классическія вещи. Между прочимъ, я нахожу въ моихъ путевыхъ замѣткахъ слѣдующее мнѣніе о Шиллеровской «Орлеанской Дѣвѣ», которую я тамъ видѣла: «...я не люблю этой пьесы, въ ней слишкомъ много вымысла и ненатуральныхъ эффектовъ. Противна сцена, гдѣ отецъ обвиняетъ дочь; неправдоподобно, чтобы люди, видѣвшіе, какъ она побѣждала со знаменемъ Святой Дѣвы въ рукахъ, хоть на минуту повѣрили болтовнѣ безумнаго старика... Развѣ это не одинъ эффектъ—сцена въ тюрьмѣ и смерть Іоанны? Послѣ представленія уходишь спокойно: король загладилъ свою вину, Іоанна умираетъ среди своихъ, во всемъ величіи своей славы. Нѣтъ! мнѣ нужно, чтобы Іоанна, поруганная, осмѣянная, преданная тѣми, кому она даровала жизнь, свободу, престолъ, умирала на кострѣ. Тогда бы осталось тяжелое, но глубое впечатлѣніе.

XIX.

Auf die Berge will ich steigen,
Auf die schroffen Felsenhöhen,
Wo die grauen Schlossruinen
Zu dem Morgenlichte stehn.

Heine. [1])

Изъ Мюнхена мы отправились въ Гейдельбергъ, гдѣ надѣялись найти семейство Пассекъ. Съ Татьяной Петровной Пассекъ, двоюродной сестрой Герцена и вдовой извѣстнаго въ свое время этнолога и знатока русской старины Вадима Пассека, мы познакомились въ 1859-мъ году въ Петербургѣ, куда она пріѣзжала изъ Москвы по дѣламъ [2]) Старшій сынъ Татьяны Петровны, Александръ, былъ серьезный юноша, мало обращалъ на насъ съ сестрой вниманія; съ младшимъ же, Владиміромъ, болѣе веселымъ, я скоро сошлась; но болѣе всѣхъ понравилась мнѣ сама Татьяна Петровна, такая она была радушная, ласковая, умная и живая.

Не забыть мнѣ одну совершенную въ эту весну, съ Пассекомъ, Шевченкомъ, Щербиной и еще нѣкоторыми друзьями, поѣздку «на тоню». Ѣздятъ ли теперь «на тоню», какъ мы ѣздили? Отправлялись мы съ утра, возбужденные и веселые. Городъ, съ

---

[1]) Подымусь на горъ вершины,
На обрывы скалъ крутыхъ,
Гдѣ руины въ блескѣ утра
Замковъ грозныхъ и сѣдыхъ.

[2]) Объ этомъ первомъ знакомствѣ Т. П. Пассенъ очень хорошо и трогательно пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, озаглавленныхъ „Изъ дальнихъ лѣтъ“.

его духотою, заботами и тревогами, постепенно исчезалъ изъ нашихъ глазъ и пропадалъ въ утренней дымкѣ, какъ бы навсегда... Взрослые дѣлались дѣтьми, радостно вдыхали свѣжій воздухъ, любовались на появившіеся въ бархатной муравѣ ранніе весенніе цвѣточки. Мы съ интересомъ слѣдили за рыбной ловлей, бесѣдовали съ рыбаками, слушали ихъ пѣсни. Расположившись на травѣ, мы ѣли уху, пили чай, болтали, острили, пѣли и уѣзжали уже ночью, освѣженные и тѣломъ, и душой...

Пріѣхавъ въ Гейдельбергъ, мы тотчасъ же послали въ полицію узнать адресъ Пассекъ; намъ отвѣтили, что они уже двѣ недѣли какъ уѣхали. Это извѣстіе насъ очень огорчило. За табль-д'отомъ, мы услышали громкую русскую рѣчь. Папа подошелъ къ разговаривающимъ и спросилъ, не знаютъ ли они, гдѣ теперь г-жа Пассекъ? Они отвѣчали, что она здѣсь; взяла только паспортъ изъ полиціи двѣ недѣли тому назадъ, но осталась по незродовью.

Оказалось, что всѣ они—молодые ученые изъ Петербурга—Менделѣевъ, Бородинъ и другіе,—и что они каждый день бываютъ у Пассекъ. Мы, конечно, поспѣшили къ Татьянѣ Петровнѣ и нашли ее больною и въ большомъ горѣ. Здѣсь приведу выписку изъ моего дневника, не отвѣчая за правоту своихъ тогдашнихъ мнѣній и выпуская даже нѣсколько сильныхъ словъ моего негодованія: «Всему этому виновата М.! Она совершенно увлекла старшаго Пассека... И что въ этой женщинѣ, что всѣ ею такъ увлекаются? Наружностью—простая баба, отпечатокъ чего то «commun»; противные бѣлые глаза съ бѣлыми бровями и рѣсницами, плоское лицо;

въ обществѣ молчитъ, никакъ ее не разговоришь, отвѣчаетъ только «да» и «нѣтъ»... А всѣ мужчины сходятъ по ней съ ума: Тургеневъ лежитъ у ея ногъ, Герценъ пріѣхалъ къ ней въ Бельгію, гдѣ его чуть не схватили, Кулишъ ради нея разошелся съ женой, Пассекъ увлеченъ до того, что бросилъ свои занятія, свою карьеру, исхудалъ весь и уѣзжаетъ съ нею, несмотря на то, что братъ только началъ поправляться послѣ горячки, а мать захворала отъ горя. М. умѣетъ такъ сдѣлать, что ея поклонники во всемъ заступаются за нее: она бросила мужа, прекраснаго человѣка—говорятъ: «онъ ея не достоинъ»; бросила ребенка, держала его, какъ собаку, въ кухнѣ—говорятъ: «ея душа слишкомъ возвышенна, чтобы удовлетворяться мелочью жизни». Какъ меня возмущаетъ эта женщина! Гдѣ же справедливость, когда такія творенья живутъ на землѣ, чтобы портить жизнь другимъ!»

Татьяна Петровна, къ сожалѣнію, не могла участвовать въ тѣхъ прогулкахъ, которыя мы каждый день совершали съ кѣмъ-нибудь изъ нашихъ соотечественниковъ. Гейдельбергскій замокъ научилъ меня той истинѣ, что развалины лучше реставрацій, и затмилъ въ моихъ глазахъ Маріенбургъ. Тутъ, въ этихъ живописныхъ развалинахъ, во мнѣ вспыхнулъ художественный восторгъ, и, сидя на кокой-то обвалившейся ступенькѣ, я думала: «Я буду художникомъ! я буду учиться, учиться... Потомъ пріѣду еще разъ за-границу не для путешествія, а для работы. Жить для искусства, вотъ счастье!»

Послѣ прогулокъ мы съ нашими спутниками иногда обѣдали вмѣстѣ, а вечера, понятно, прово-

дили у Татьяны Петровны, около которой всегда образовывалась теплая, родная атмосфера, вѣяло чѣмъ-то широко русскимъ. Молодежь, бывало, посудитъ, порядитъ о профессорахъ, о нѣмецкихъ студентахъ, съ ихъ дуэлями и шрамами на лицахъ, а когда рѣчь обратится къ нашимъ русскимъ дѣламъ, пойдутъ горячіе и шумные русскіе споры; прервутся они иногда разсказами, анекдотами, воспоминаньями. А тутъ, на столѣ, Герценъ, Пушкинъ: возьметъ кто-нибудь и прочтетъ любимое мѣсто. Я хорошо читала, и моя мама и Татьяна Петровна уговаривали меня прочесть что-нибудь; я была очень застѣнчива, но разъ какъ-то согласилась, сначала конфузилась, потомъ увлеклась и стала читать наизусть «Моцарта и Сальери», «Сцену у фонтана». Г-жа***, немолодая дѣвица, которая только что, во время нашей прогулки, отъ существовавшей лишь въ ея воображеніи опасности, упала въ объятія Менделѣева и совершенно потеряла голосъ, во время моего чтенія обрѣла голосъ вновь и громко закричала: «браво! превосходно!», при чемъ мы всѣ не менѣе громко расхохотались.

Во время нашего пребыванія въ Гейдельбергѣ праздновалась годовщина лейпцигской побѣды, и въ нашемъ отелѣ былъ ужинъ съ музыкой. Мы тамъ не были, но кавалеры наши разсказывали, въ нѣсколько сатирическомъ тонѣ, какъ это у нѣмцевъ происходило: сначала поѣдятъ, попьютъ, потомъ кто-нибудь встанетъ, ударитъ по бутылкѣ и говоритъ длинную рѣчь объ единствѣ Германіи; засимъ предлагаетъ тостъ за это единство и за великаго герцога; ему сильно апплодируютъ. Вста-

Гр. О. П. Толстой.

ФОНТАНА.

Гр. О. П. Толстой.

РЫБОЛОВЫ.

етъ другой господинъ, говоритъ такого же содержанія и столь же длинную рѣчь, съ тою только разницею, что предлагаетъ тостъ за предыдущаго оратора. Встаетъ третій, говоритъ такую же рѣчь и предлагаетъ тостъ за только-что говорившаго— и такъ очередь обходитъ весь столъ. Если описаніе вѣрно, то это дѣйствительно не похоже на нашъ русскій энтузіазмъ въ подобныхъ случаяхъ. Менделѣевъ говорилъ про нѣмцевъ, что если они хвалятъ кого, то хвалятъ уже все въ немъ, если бранятъ, то бранятъ все, не разбираясь; они ужасно прямолинейны.

Какъ мы ни пріятно проводили время въ университетскомъ городкѣ, но намъ надо было ѣхать дальше. Жалко было оставлять Татьяну Петровну въ ея горѣ, но насъ утѣшала мысль, что мы разстаемся не надолго и встрѣтимся въ Парижѣ. Во Франкфуртѣ мы осмотрѣли все, что можно было. Заинтересовали меня легенды о золотомъ пѣтухѣ, находящемся на высокомъ шпицѣ надъ чугуннымъ распятіемъ на мосту. Одно преданіе говоритъ, что мостъ никакъ не могли достроить безъ помощи дьявола, который, по своему обыкновенію, выговорилъ себѣ въ награду душу того, кто первый пройдетъ по новому мосту; также по обыкновенію, черта обманули, пустивъ первымъ черезъ мостъ пѣтуха. Другой разсказъ повѣствуетъ, что пѣтухъ этотъ долженъ былъ напоминать о покаяніи преступникамъ, которыхъ въ древнія времена бросали съ моста въ Майнъ. О распятіи, находящемся на томъ же мосту, разсказываютъ, что одинъ шведскій солдатъ выстрѣлилъ въ Распятаго, но пуля, ударив-

шись о распятіе, отпрянула назадъ и убила грѣшника.

На необыкновенно красивомъ кладбищѣ обратилъ на себя мое вниманіе общій памятникъ павшимъ 18-го сентября 1848-го года, во время возстанія, солдатамъ, вмѣстѣ съ убитыми тогда же Лихновскимъ и Ауерсвальдомъ. Памятника Блюму, понятно, не было.

Мои родители, однако, утомились, и мы спѣшили въ Парижъ, гдѣ предполагали провести зиму.

XX.

Когда же юности мятежной
Пришла Евгенію пора,
Пора надеждъ и грусти нѣжной...

Пушкинъ.

Я писала въ первой части моихъ воспоминаній, что, послѣ моей внезапно расторгнутой въ самомъ началѣ дѣтской любви къ К., я стала хуже, чѣмъ была прежде. Общественное движеніе конца пятидесятыхъ годовъ приподняло мой нравственный уровень; во время нашего пребыванія въ Парижѣ я снова начала портиться. Послѣ дѣятельной зимы въ Петербургѣ, послѣ общества людей, общеніе съ которыми давало мнѣ массу знаній и открывало широкій просторъ для мысли, я попала въ самую пустую среду, которая запустила въ мою неустановившуюся душу ядовитые ростки пошлости. Во мнѣ начали проявляться свѣтскіе предразсудки, ложный стыдъ, даже до такой степени, что я стала осуждать отца моего за простоту и скромность, которыя я такъ всегда цѣнила въ немъ. Если бы не вліяніе нѣкоторыхъ личностей, о которыхъ разскажу позднѣе, я, кажется, совершенно отупѣла бы. Путешествіе, предпринятое «для окончанія моего образованія», въ первое время не принесло мнѣ той пользы, которую могло бы принести при другихъ условіяхъ: у меня не было ни достаточнаго развитія, ни подготовки, ни руководства, такъ какъ

отецъ мой былъ почти все время боленъ, а никого другого, кто могъ бы быть въ этомъ отношеніи полезнымъ, не было съ нами.

Пріѣхавъ въ Парижъ, мы наняли квартиру на Елисейскихъ Поляхъ, обзавелись прислугой, назначили jour fixe и познакомились съ большинствомъ находившихся въ этомъ городѣ русскихъ. Между послѣдними были люди серьезные, имѣвшіе опредѣленныя занятія или по обстоятельствамъ оставшіеся надолго въ Парижѣ, но они были исключеніемъ; большинство же составлявшихъ такъ называемую русскую колонію были, что называется, «праздношатающіеся по заграницамъ». Тутъ были кокетливыя дамы, державшія своихъ дочерей въ Sacré coeur, пожилые господа, служившіе прежде въ Россіи, недовольные своей отставкой, и потому раздраженные и дующіеся; престарѣлыя дѣвицы, находившія, что все въ Парижѣ хуже, чѣмъ въ Москвѣ; молодые люди, дающіе гарсону въ кафэ, вмѣсто одного су, русскій золотой, и пр., и пр.

Проводя вечера въ обществѣ или театрахъ, днемъ я слонялась по Парижу, какъ туристка. Я восхищалась магазинами, оживленіемъ улицъ. «Въ три часа,—писала я,—Тюльерійскій садъ мгновенно наполняется массою дѣтей: они здѣсь такъ красивы, здоровы, веселы, изящно одѣты, что кажется, что находишься въ царствѣ эльфовъ. Что дѣлается въ Bois de Boulogne! Тамъ каждый день больше народу, чѣмъ у насъ на Екатерингофскомъ гуляньѣ... Въ Парижѣ совершенно безопасно ходить поздно вечеромъ. Здѣсь полиція исполняетъ свое назначеніе, дѣйствительно блюдетъ за порядкомъ». «Вчера, 4-го ноября, была панихида по скончавшей-

ся императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Присутствовалъ маршалъ Наполеона, фамилію котораго не знаю, гр. Морни, много господъ въ лентахъ; всѣ русскіе были въ глубокомъ траурѣ». «Видѣла Наполеона; онъ очень дуренъ и старообразенъ. Лицо мертвое, апатичное, глаза прищуренные, хитрые. Онъ всегда какъ будто видитъ только то, что у него въ головѣ, точно все окружающее не существуетъ для него. Въ лицѣ его можно прочесть очень многое или ровно ничего. Онъ мѣшковатъ, движенья неловки; онъ не двигаетъ шеей, а поворачивается всѣмъ корпусомъ (это, говорятъ, оттого, что онъ носитъ кольчугу)».—Въ такомъ поверхностномъ духѣ были мои замѣтки перваго времени въ Парижѣ. Привлекалъ меня, какъ и вездѣ, театръ, и здѣсь пришлось увидѣть много знаменитостей, правда, уже престарѣлыхъ: изъ пѣвцовъ я слышала въ концертѣ Гризи, въ итальянской оперѣ—Маріо, но они были уже не тѣ люди, которые возбуждали молодые восторги моихъ родителей. Одна Віардо, которую мнѣ удалось увидѣть въ «Орфеѣ» Глюка, въ послѣднее ея выступленіе на сценѣ, глубоко потрясла меня. Немолодая, некрасивая женщина, она своимъ превосходнымъ пѣніемъ и чудной игрой создала цѣльный образъ, трогательный и прекрасный. Изъ драматическихъ артистовъ я видѣла Ристори, старика Лемэтра, Брессана, увлекавшаго когда то нашихъ дамъ въ Петербургѣ, г-жъ Плесси и Вольнисъ—тоже нашихъ давнишнихъ знакомыхъ. Всѣхъ именъ хорошихъ парижскихъ актеровъ и актрисъ ужъ я и не припомню, но не забыть старушку Дежазе, игравшую, въ семьдесятъ лѣтъ отъ роду, парижскихъ уличныхъ мальчишекъ.

Я до сихъ поръ чувствую нѣкоторую слабость къ французскимъ мелодрамамъ, но только къ обстановочнымъ и колоритнымъ. Безъ всякаго сомнѣнія, наши современныя пьесы затрагиваютъ и возбуждаютъ мысль, но присутствіе при этихъ пьесахъ никакъ уже нельзя назвать развлеченіемъ: послѣ нихъ остается на душѣ тяжелое чувство. Романтическія же мелодрамы, со своими интригами, заговорами и чудотворными спасеніями, не только развлекаютъ, но, хорошо обставленныя и разыгранныя, могутъ доставить и эстетическое наслажденіе. Въ Парижѣ, во время моего тамъ пребыванія, постановка такихъ вещей, особенно въ театрѣ Porte S-t Martin, была превосходная и между актерами было много знаменитостей. Нѣкоторыя эффектныя сцены изъ такихъ пьесъ какъ «La dame de Montsoreau», «La tour de Nesle», до сихъ поръ живы въ моей памяти, напримѣръ убійство Бюсси въ темной узкой улицѣ стараго Парижа, убійство Гиза, подмѣнъ Людовика XIV его братомъ-близнецомъ, послѣ чего спасшійся какимъ то образомъ Людовикъ вбѣгаетъ въ залу и сталкивается лицомъ къ лицу со своимъ двойникомъ; эти два актера были до того похожи другъ на друга, что различить ихъ было невозможно. Помню еще сцену, гдѣ талантливый Mélingue, уже немолодой тогда человѣкъ, выѣзжалъ верхомъ въ роскошной процессіи, отставалъ отъ нея, чтобы отдать какое то приказаніе, и оставался одинъ на сценѣ. Онъ сидѣлъ на прекрасной, кровной бѣлой лошади, покрытой тигровой шкурой, сидѣлъ безъ сѣдла и стремянъ. Вдругъ лошадь начала бѣситься, становиться на дыбы, кружиться: казалось, что она сейчасъ выпрыгнетъ за рампу на публику, которая

кричала отъ страха... Надо было видѣть, какъ этотъ человѣкъ боролся со своимъ конемъ, какъ всѣ движенія его были смѣлы, сильны и ловки! Вѣроятно, все это было выучено, лошадь дрессирована, но до чего это было красиво! Въ Bouffes Parisiens новинкой былъ тогда «Орфей въ аду» Оффенбаха, гдѣ выступали цѣлыхъ три замѣчательныхъ комика. Первый — Désiré (Юпитеръ), маленькій, толстый, умѣвшій такъ раскрывать глаза, что бѣлокъ былъ виденъ вокругъ зрачка. Второй—Башъ (Baches), изображавшій Нептуна, былъ невообразимо смѣшонъ своей фигурой и тѣмъ тупымъ хладнокровіемъ, съ которымъ онъ пѣлъ про свою любовь. Имени третьяго (аркадскаго принца) я не помню, къ сожалѣнію, но онъ, пожалуй, былъ самымъ талантливымъ изъ нихъ; онъ былъ длиненъ, худъ, гибокъ, какъ «змѣя-человѣкъ», и крайне меланхоличенъ. Всѣ трое такъ острили, что публика не переставала грохотать. Привлекало въ эту оперетку и то, что всѣ актрисы были красавицы; въ цѣломъ Олимпѣ не было ни одной дурнушки. Видѣла я также знаменитаго Леотара, дѣйствительно сложеннаго, какъ статуя, въ его граціозныхъ полетахъ на трапеціяхъ; видѣла бѣгъ римскихъ квадригъ въ Иподромѣ и пятиактную пьесу, гдѣ главную роль исполнялъ живой слонъ, который безъ руководителя, одинъ проводилъ цѣлыя сцены.

По музеямъ сопровождали меня барыни и барышни, считавшія обязанностью посѣщать ихъ и, несмотря на дѣланные восторги, ничего не понимавшія въ искусствѣ; мнѣ ни разу не пришлось постоять передъ картиной, призадуматься надъ ней. Моему недоразвитому вкусу нравились картины ихъ

внѣшними качествами—красотою линій и колорита: Веронезъ и Рубенсъ, съ которымъ я примирилась уже въ Вѣнѣ и Мюнхенѣ, Вандикъ и Мурильо. Лесюёръ и Ватто не нравились мнѣ, примитивовъ я не замѣтила, на Джоконду не обратила вниманія! Только одного изъ величайшихъ художниковъ міра я поняла непосредственнымъ чувствомъ; въ своемъ дневникѣ я нахожу слова: «мнѣ больше всего въ Луврѣ нравятся портреты Веласкеза». Скульптурное отдѣленіе мы всегда какъ-то только пробѣгали, ибо оно еще менѣе интересовало моихъ спутницъ. Одинъ только разъ мнѣ удалось быть тамъ съ отцомъ, и мы очень наслаждались, но, къ сожалѣнію, не видѣли Венеры Милосской: вслѣдствіе какого-то ремонта, я такъ совсѣмъ тогда и не видѣла эту лучезарную красоту. Такимъ образомъ Лувръ, великая школа, мало принесъ пользы моему художественному образованію. Какъ неустойчивы были мои взгляды на искусство, какъ смѣшивались они у меня съ ничего не имѣющими общаго съ искусствомъ понятіями, показываютъ мои восторги по поводу Версальской галлереи. «Въ Версалѣ,—писала я,—живешь особенною жизнью; все прошедшее такъ живо представляется, что кажется дѣйствительностью: видишь не только мѣста, гдѣ жили эти люди, но въ картинной галлереѣ видишь и самихъ дѣйствующихъ лицъ, можешь по портретамъ судить объ ихъ характерахъ, они какъ будто сами разсказываютъ свою исторію. Что такое Лувръ и Люксембургъ въ сравненіи съ Версальской галлереей, гдѣ почти вся французская школа, гдѣ видишь исторію Франціи въ лицахъ, гдѣ можно перенестись во всѣ ея эпохи! Правда, тамъ мно-

го сраженій; но могутъ ли быть не интересными сраженія Ораса Вернета (!)? Я тутъ нашла свой идеалъ галлереи». Засимъ я подробно описываю тѣ произведенія, которыя привлекали меня своими сюжетами и потому казались прекрасными и въ художественномъ отношеніи.

Изъ всѣхъ церквей Парижа я упоминаю нѣсколькими словами о S-t Denis. «Снаружи соборъ не представляетъ ничего особеннаго, тѣмъ болѣе, что можно видѣть только одну его сторону: такъ онъ застроенъ домами. Говорятъ, что одна сторона его немного наклонена, какъ голова Спасителя на крестѣ. Внутри церкви великлѣпно. Что-то торжественное, волшебное представляется глазамъ: солнце, проходя сквозь цвѣтныя стекла, играетъ на полу разноцвѣтными пятнами и разливаетъ по храму таинственный, мистическій свѣтъ. Тамъ сохранилась розаса XIII-го вѣка, которая неподражаемо хороша. Какая яркость и пріятность тоновъ и какая добросовѣстная работа! Сдѣланъ вѣнокъ изъ медальоновъ; каждый содержитъ сцену изъ священнаго писанія и окруженъ бѣлыми стеклышками, какъ яркимъ жемчугомъ. Гробницъ королей мы не могли видѣть, потому что въ церкви шла перестройка». Notre Dame всегда вѣяла на меня холодомъ: мнѣ казалось, что тамъ нельзя молиться; нравилась мнѣ тамъ больше всего послѣдняя розаса съ лѣвой стороны отъ входа, та, которая кажется вся сотканною изъ аметистовъ.

Я любила чудесный Булонскій лѣсъ, набережную Сены съ деревьями, склоняющимися надъ рѣкой, съ разложенными на парапетахъ, въ тѣни этихъ деревъ, старыми книгами; любила Люксембургскій

садъ. Но не сумѣла я тогда достаточно оцѣнить красоты Парижа, какъ пейзажа, съ ему одному свойственными эффектами освѣщенія, съ преобладаніемъ этого удивительнаго, неизъяснимо пріятнаго сѣраго тона, отражающагося въ гладкихъ мостовыхъ, окутывающаго въ прозрачную дымку уходящія улицы, съ черною толпой, такъ хорошо «сидящею» въ этомъ сѣромъ, такъ органически сливающеюся съ нимъ; не прониклась я стариной, красящей и новое въ свой вѣковой тонъ, не поняла всю эту «красоту городовъ», столь великолѣпно осуществленную Парижемъ; не прикоснулась и къ его современной, разнообразной и кипучей артистической жизни. Чтобы понять эту жизнь, насладиться настоящимъ Парижемъ, надо жить не на Champs Elysées, а гдѣ-нибудь около Люксембурга, гулять не по Rue de la Paix, Итальянскому бульвару и парку Монсо, а по бульварамъ S-t Michel и Montparnasse; надо жить въ дешевенькомъ пансіонѣ, гдѣ ютятся студенты и художники, обѣдать гдѣ-нибудь въ crémerie, подъ каштанами бульвара; надо останавливаться съ толпой передъ акробатомъ, дающимъ свои представленія на углу улицы; надо летѣть съ художниками на vernissage новой выставки, пропадать въ лавченкахъ старьевщиковъ, которыя наполняютъ всѣ узенькія улицы около «Одеона». Надо посѣщать не одни Salons, но главнымъ образомъ частныя коллекціи и маленькія выставки, продолжающіяся иногда только нѣсколько дней; надо найти доступъ къ тѣмъ артистамъ, которые въ тѣсной мастерской открываютъ новые способы репродукцій и въ папкахъ которыхъ часто хранятся chef-d'oeuvre'ы знаменитыхъ мастеровъ. Надо по вече-

рамъ сходиться въ мастерскихъ, гдѣ тѣсно отъ гостей, гдѣ стономъ стоитъ шумъ споровъ и толковъ о новыхъ теченіяхъ въ поэзіи и искусствѣ. Надо жить тѣмъ ускореннымъ темпомъ, которымъ живетъ интеллигентная молодежь Парижа, надо кипѣть, какъ она кипитъ: тогда только поймешь, почему Парижъ — центръ мірового искусства, тогда только полюбишь этотъ чудный городъ, какъ его надо любить...

Въ глубинѣ души я смутно сознавала, что дѣлала не то, что было нужно, или, лучше сказать, не дѣлала чего-то очень нужнаго, и потому постоянно раздражалась и скучала. Въ доказательство того, въ какомъ неровномъ и нервномъ настроеніи я находилась, приведу еще нѣсколько выписокъ изъ моего тогдашняго дневника.

2-го ноября. «Мы мерзнемъ въ нашей квартирѣ. Французы ходятъ грѣться въ кафе. Когда говоришь о двойныхъ рамахъ и печкахъ, тебя не понимаютъ. Наша кухарка открываетъ настежь всѣ окна и двери и говоритъ: «mais l'air est bon pour la santé».

3-го ноября. «Французы ужасно невѣжественны: не знаютъ, гдѣ Уралъ, Каспійское море, и говорятъ: «bah, qui est-ce qui s'occupe de la Russie, chez nous!» А во сколько разъ общество этого «pays barbare» развитѣе ихъ общества».

11-го ноября. «Мнѣ невообразимо скучно. Проходятъ дни и недѣли, а мы не сдѣлали ни одного шага для моей живописи. Въ музеѣ мнѣ еще страшно копировать».

12-го ноября. «Я въ восторгѣ: взяла въ магазинѣ копировать картинку Тройона. Мнѣ нравится Тройонъ, но Роза Бонёръ soigne mieux ses tableaux [1]). Завтра

[1]) Болѣе оканчиваетъ картины.

начну работать и буду счастлива. Съ нетерпѣніемъ ожидаю завтрашняго дня».

22-го ноября. «Мама совѣтовала писать дневникъ по-французски; я начала, но это нейдетъ. Я могу писать сочиненія по-французски, но высказывать чувства души я могу только на своемъ родномъ языкѣ. Ну, какъ я скажу: люблю юную силу, пробуждающуюся въ тебѣ, люблю тебя, моя родная Русь! — по-французски?!»

23-го ноября. «Мой дорогой дневникъ, съ которымъ я дѣлюсь и радостями и горемъ! Что могу сказать тебѣ сегодня? Развѣ только то, что мнѣ завтра минетъ семнадцать лѣтъ, что я взрослая дѣвушка, а поступки мои бываютъ такіе, что слѣдовало бы меня ставить въ уголъ. Дѣтская веселость теряется во мнѣ, а воли и разума не прибавляется... Какъ бѣжитъ время, какъ страшно думать, что оно невозвратимо!.. У меня все впереди, а я уже жалѣю о прошедшемъ!..»

14-го декабря. «Въ воскресенье въ польской церкви будетъ какое-то воззваніе, направленное противъ насъ. Говорятъ, здѣсь заказано 6,000 мундировъ для польскихъ войскъ. Славянскіе народы волнуются, сносятся съ Италіей. Что-то неспокойно, что-то готовится».

9-го января 1861 г. «Въ эти послѣднія двѣ недѣли случилось вотъ что: мы переѣхали на новую квартиру, гдѣ было еще холоднѣе. Пять дней лежалъ на улицахъ снѣгъ; по Елисейскимъ Полямъ ѣздили фантастическія сани, въ видѣ птицъ, звѣрей и раковинъ. Пріѣхалъ Мещерскій; такъ поэтически описывалъ Аѳины, что я будто видѣла портики, храмы, ихъ прозрачный мраморъ, освѣщенный розовой каемкой заходящимъ солнцемъ. Въ эти же двѣ недѣли я успѣла

нѣсколько разъ перемѣнить мнѣніе о Яр., страшно перессориться съ Мещерскимъ, полюбить нашу гувернантку такъ, что не могла и думать о разлукѣ съ ней, и совершенно разочароваться въ ней»...

14-го января. «Я встрѣтила нашъ русскій новый годъ одна дома, — Ольга съ мамà были у священника, — встрѣтила его безъ знакомыхъ, безъ веселости, безъ шампанскаго, но со всей моей любовью ко всему русскому и съ мыслью о тетѣ, которое я написала письмо».

Этому нервному возбужденію способствовало и то, что наступала для меня пора, когда начинаютъ зарождаться юношескія мечты, неясныя желанья, неопредѣленная тоска, всѣ признаки безсознательнаго желанія любви. По поводу проведенныхъ дней въ Версалѣ, я писала: «Мнѣ не было весело, много грустнаго было у меня на душѣ, но эта грусть, это меланхолическое чувство шло къ пустыннымъ мѣстамъ, гдѣ нѣкогда кипѣла жизнь, а теперь все безмолвно и одиноко. Лежа въ постели, одна въ комнатѣ, я думала о томъ, какъ много значитъ обстановка (настроеніе (?)) въ жизни. Эта прогулка, со всѣмъ ея великолѣпіемъ, съ фонтанами и музыкой, съ великолѣпными галлереями, съ гуляньемъ при лунѣ въ чудныхъ аллеяхъ, со всѣми удобствами и затѣями, показалась мнѣ безъ всякой прелести, когда я сравнила ее съ какой-то прогулкой въ Косую линію въ Петербургѣ. Во сколько разъ гнилая Косая линія, окаймленная сѣрыми заборами, казалась мнѣ лучше Версальскаго парка! Отчего? Оттого, что былъ тогда со мной человѣкъ, близкій моему сердцу, съ которымъ грязное болото могло показаться великолѣпнымъ садомъ. Съ такими мыслями приходитъ чувство одиночества».

Рядомъ съ отголосками естественнаго чувства, въ головѣ моей, къ сожалѣнію, существовала невообразимая путаница понятій. Я заразилась романтизмомъ моей матери и постоянно повторяла слова, смысла которыхъ я не понимала, или понимала совсѣмъ по-своему. Я ждала какого-то «рыцаря», я жаждала «платонической любви», подъ которой понимала дружбу между мужчиной и женщиной, всякое желаніе людей вступить въ бракъ называла матеріальнымъ, корыстнымъ и плотскимъ, хотя абсолютно не имѣла ни малѣйшаго понятія о половыхъ отношеніяхъ. Всѣ эти слова я повторяла, какъ попугай, а между тѣмъ искренне страдала отъ этихъ словъ. Вотъ одна изъ страницъ, наполнявшихъ въ то время мой дневникъ: «Вчера одно письмо много отняло у меня моихъ молодыхъ вѣрованій. Такъ идетъ въ жизни: первое горе — разбитая кукла, потомъ — смерть собачки, потомъ — измѣна въ дружбѣ, потомъ — во всемъ, во что вѣруешь, придется разочароваться... Эти дни мнѣ было очень тяжело: разочарованіе камнемъ лежало на моей душѣ. И отчего они не могутъ просто слѣдовать влеченію сердца? Можно видѣться каждый день, бесѣдовать, читать, гулять вмѣстѣ; чего же еще надо, если любишь? Развѣ этого не довольно? Я не понимаю, чего еще хотятъ эти люди, но у меня пробѣгаетъ дрожь по тѣлу, становится грустно... Какъ перемѣнились наши отношенія съ тѣхъ поръ, какъ онъ написалъ мамѣ! Исчезло довѣріе. Онъ написалъ мнѣ теперь такъ сухо, такъ сухо! Получивъ такое письмо прежде, я подумала бы, что онъ сердится на меня, сейчасъ бы спросила, отчего это, и попросила бы простить меня, если я чѣмъ-нибудь огорчила его; а теперь выходитъ, что

онъ не сердитъ, а пишетъ такъ потому, что слишкомъ любитъ меня! Какъ это странно, какъ неестественно!»

По счастью я не потеряла интереса къ общественнымъ дѣламъ, и это отвлекало меня отъ безплодныхъ и ребяческихъ мыслей о самой тебѣ. Я выписала откуда-то фразу: «Quand une grande idée s'empare d'une nation, la nation elle-même devient grande» [1]) и съ большимъ интересомъ слушала разсказы Левицкаго о революціи 48-го года, свидѣтелемъ которой онъ былъ. Левицкій занимался фотографіей въ Парижѣ, мы очень сошлись съ его семьей; жена его была добрая, милая женщина и необыкновенная красавица; его дочери, Полинѣ, будущей пѣвицѣ, было въ 1861 году лѣтъ двѣнадцать, но она была такая умненькая дѣвочка, что я охотно болтала съ ней. Одинъ изъ разсказовъ Левицкаго я записала и привожу его здѣсь.

«22 февраля народъ сталъ собираться на площадяхъ. Сначала въ полголоса раздавалась, то тамъ, то сямъ, «Марсельеза», и, наконецъ, вся площадь, гдѣ я былъ, громко запѣла пѣснь революціи. Потомъ народъ разсѣялся, все успокоилось, но это была тишина передъ бурей. Послѣ объявленія о перемѣнѣ министерства, весь городъ былъ иллюминованъ; казалось, всѣ были въ праздничномъ настроеніи. Погулявъ съ женой, я, проводивъ ее домой, пошелъ одинъ на улицу. Вдругъ, я увидѣлъ толпу рабочихъ, предводительствуемую мальчикомъ въ красной шапкѣ; это были, какъ мнѣ сказали, руанскіе

---

[1]) Когда великая идея овладѣваетъ націей, сама нація становится великой.

рабочіе. Я пошелъ за ними. На одной улицѣ намъ заградилъ дорогу взводъ солдатъ. Изъ-за забора раздался пистолетный выстрѣлъ, и полковникъ упалъ съ лошади, успѣвъ однако скомандовать: «Trois pas en arrière, feu!» Тридцать солдатъ выстрѣлили, первые ряды рабочихъ пали. Тогда, въ общемъ смятеніи, увлекаемый толпою, я очутился въ Пале-Роялѣ, откуда хотѣлъ выйти въ противоположную сторону, но тамъ меня встрѣтила новая толпа, уже кричавшая: «En avant, citoyens! A bas le roi! Vive la république!» Съ февраля до іюля не было ни правительства, ни полиціи, всѣ заключенные были выпущены на свободу, а между тѣмъ въ этомъ промежуткѣ времени не было ни одного убійства, ни одного грабежа во всемъ Парижѣ».

Гр. О. П. Толстой.

СѢНОКОСЪ.

Гр. Θ. П. Толстой.

ПАСТУХИ.

XXI.

„Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ православный народъ и призови съ нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ...“

Изъ манифеста 19-го февраля.

Знаю: на мѣсто сѣтей крѣпостныхъ
Люди придумали много иныхъ..

Некрасовъ.

Мы довольно часто получали письма отъ Н. И. Костомарова; приведу нѣкоторые отрывки изъ нихъ.

22 октября 1860 г. «Я продолжаю читать исторію Новгорода; прекрасный полъ начинаетъ, мало-помалу, посѣщать меня. Со времени пріѣзда изъ Троицкой лавры, я сижу чрезвычайно уединенно за своими лекціями и почти никуда не хожу, нигдѣ не бываю и ничего не читаю, и потому впечатлѣнія мои очень узки и незначительны: даже политика, столь важная, меня, не такъ интересуетъ, какъ бы нужно было, и я болѣе занимаюсь новгородскимъ и псковскимъ вѣчемъ, чѣмъ австрійской конституціей... Вдовствующая императрица отъиде въ селенія праведныхъ и будетъ на томъ свѣтѣ наслаждаться пѣніемъ ангеловъ, а мы, грѣшные, черезъ то лишаемся возможности слышать Тамберлика и Лакруа... На художественной выставкѣ, бывшей въ текущемъ мѣсяцѣ, кромѣ множества пейзажей, въ которыхъ я толку мало знаю, и картинъ, которыя произвели на меня незначительное

впечатлѣніе, ничто меня такъ не поразило, какъ судъ надъ Галилеемъ; самъ Галилей не хорошъ, но духовные превосходны. Хороши тоже картины Соколова изъ малороссійскаго быта и комическіе этюды Перова. Пейзажи Мещерскаго и Эрасси очень хороши. Множество портретовъ и сценъ изъ обыденной жизни могутъ занимать знатоковъ относительными достоинствами отдѣлки, но ища мысли въ художественномъ произведеніи — пройдешь мимо ихъ. Вообще, выставка производитъ впечатлѣніе, похожее на то, которое выносишь изъ Вердіевской музыки: надъ нѣкоторыми мотивами задумаешься, а остальные вводятъ въ зѣвоту. Жаль, что русскіе художники пишутъ, большей частью, не русское, а именно въ русской Академіи Художествъ и хотѣлось бы увидѣть русское, а не чужое подъ русской кистью».

1-го ноября. «Сколько помнится, Катерина Ѳеодоровна, я къ вамъ писалъ, вы получили, конечно, два мои письма, я, кажется, въ обоихъ писалъ, да, именно, писалъ: и такъ какъ вы пишете, что не писалъ, то вѣрно, по разсѣянности, не вложилъ письма, что со мной случается. Случалось со мной, что я перепутывалъ письма и посылалъ въ одно мѣсто то, что слѣдовало въ другое, и творилась путаница. Нѣтъ, прекрасный полъ рѣшительно забываетъ мои лекціи: появятся двѣ-три, никакъ не болѣе семи или восьми шляпъ, а то все одни синіе воротники. Старъ сталъ: помоложе есть, тѣ болѣе имѣютъ права на вниманіе прекраснаго пола, чѣмъ я. А мнѣ скоро придется надѣть стариковскій колпакъ, перемѣнить продолговатой формы очки на круглыя, нюхать табакъ и обсыпать себѣ имъ жилетъ, хвалить прежніе годы своей юности да собирать въ головѣ утлыя воспо-

минанія, которыхъ запасъ чрезвычайно скуденъ былъ въ юности. Сколько я ни стараюсь бороться съ тоской, которая, какъ бѣсъ лукавый, преслѣдуетъ меня и нашептываетъ мнѣ разныя искусительныя, вмѣстѣ мрачныя и забавныя идеи, я никакъ не совладаю съ собой. Знаете, что̀ больше меня мутитъ — это сознаніе упадка умственныхъ силъ и умственной дѣятельности. Это крайняя степень тоски, и если эта идея совершенно меня одолѣетъ, то я рѣшительно пропалъ.

«Я сегодня на лекціи читалъ объ уничтоженіи псковскаго вѣча. Дѣйствіе этого замѣчательнаго событія происходило тамъ, гдѣ мы послѣдній разъ пили шампанское. Какъ живо мнѣ представилось это милое время! Какъ мнѣ было тогда хорошо! Какъ душа гармонировала своимъ довольствомъ съ этимъ очищеннымъ отъ дождя воздухомъ, съ свѣтлымъ небомъ и пурпурнымъ закатомъ солнца. По дальнѣйшимъ моимъ разысканіямъ, именно тамъ, гдѣ мы съ вами сидѣли, висѣлъ вѣчевой колоколъ; оттуда произнесъ грозную рѣчь посолъ Василія и, сдѣлавши нѣсколько шаговъ внизъ, сѣлъ на одной изъ ступеней, ожидая рѣшенія псковичей, которые, горько обливаясь слезами, стояли у подножія толпою въ той сторонѣ, куда мы смотрѣли, когда пили́ шампанское. Съ этого мѣста, конечно, и прежде раздавались рѣчи псковичей на вѣчевомъ собраніи. И насъ съ развалинъ вѣчевой башни провожалъ колоколъ!..»

6-го декабря [1]). «Мнѣ какъ-то скучно, графиня, когда я долго къ вамъ не пишу, хотя жизнь моя не представляетъ такихъ интересныхъ сторонъ, которыя

[1]) Адресовано моей матери.

бы могли имѣть занимательность. Однообразно по прежнему хожу изъ квартиры моей въ университетъ на лекціи, захожу иногда оттуда ѣсть бифштексъ къ Гейде, возвращаюсь домой и готовлю лекціи на слѣдующій разъ, а одинъ разъ въ недѣлю побываю въ библіотекѣ, иногда въ оперу пойду. Гогенфельденъ предлагаетъ мнѣ издать мою исторію Новгорода иллюстрированную, а картины Микешинъ берется нарисовать, но мнѣ кажется, что Микешинъ не имѣетъ настолько образованія, чтобы уразумѣть русскую жизнь и схватить черты ея. Если рисунки будутъ вродѣ общихъ, антично-подражательныхъ типовъ, то лучше ихъ не надо. Какъ вы думаете?.. Предполагаю слѣдующіе рисунки: 1) Чудо иконы Знам. Б. Матери, когда суздальцы осаждали Новгородъ, и явленіе иконы на стѣнѣ, на рукахъ архіепископа Зосимы, сдѣлало между врагами смятеніе, и они побѣжали. 2) Мечиславъ на вѣчѣ съ мечемъ и знаменемъ, окруженный новгородцами, проводитъ выручаніе Новгорода отъ бѣды. 3) Липецкая битва Мстислава Удал. съ суздальцами, 4) Междоусобіе въ Новгородѣ на мосту: владыка и духовенство приходятъ утишать волненіе. 5) Пиръ у Марѳы Посадницы: о. Зосима предсказываетъ паденіе Новгорода. 6) Снимаютъ вѣчевой колоколъ. Народъ плачетъ и прощается со свободой. 7) Та же сцена въ Псковѣ. Дьякъ Третьякъ Далматовъ съ башни, на которой мы съ вами прощались, возвѣщаетъ, что великій князь требуетъ уничтоженія вѣча и снятія колокола. 8) Ив. Вас. III переселяетъ новгородцевъ. Толпа народа оставляетъ землю отцовъ своихъ, гонимая московскими ратными людьми. 9) Ив. Вас. Грозный съ сыномъ, окруженный духовенствомъ, сидитъ на тронѣ; передъ нимъ

топятъ народъ въ Волховѣ. Приложить два вида Новгорода, съ Торговой на Софійскую и съ Софійской на Торговую сторону, и два вида Пскова, съ Дѣтенца на Завеличье и съ Завеличья на городъ.

«Какъ вы думаете объ этомъ планѣ? Напишите ваше мнѣніе и графа спросите; его совѣтъ, какъ опытнаго, ученаго, истиннаго художника, очень важенъ: я безъ него не рѣшусь, — пусть дастъ совѣтъ: я прошу покорнѣйше его, можетъ быть, онъ найдетъ что-нибудь и замѣтитъ, какъ сдѣлать надобно».

28-го февраля 1861 г. «Крестьянскій вопросъ остается вопросомъ для народа, хотя, говорятъ, въ Государственномъ Совѣтѣ и послѣдовалъ на него отвѣтъ, но онъ еще не объявленъ. Вообще, ожиданіе объявленія его 19-го февраля было неожиданно парализовано объявленіемъ въ газетахъ, повелѣвающимъ не вѣрить слухамъ, распространившимся въ городѣ о его объявленіи. По мысли, брошенной первымъ мною, готовилось общество литераторовъ устроить великое пиршество и веселиться и пить, якоже подобаетъ русскому народу, но и наше пьяное намѣреніе осталось неисполненнымъ по той же причинѣ, по какой народное ожиданіе было обмануто. Говорятъ, что сіе великое дѣло должно совершиться 19-го марта. Мы уже много слышали о такихъ предполагаемыхъ числахъ».

Зачѣмъ до послѣдней минуты не позволяли говорить о великомъ переворотѣ — я не могла себѣ представить. Въ высшихъ сферахъ очень боялись бунта, но я не могла понять, на чемъ основывался этотъ страхъ: мнѣ казалось, что народъ будетъ толь-

ко ликовать. Мысль, что народъ перестанетъ быть рабомъ, заслоняла въ насъ, молодежи, мысль о недостаточности надѣла, которая такъ заботила и огорчала очень многихъ членовъ редакціонныхъ коммиссій. Когда пришла въ Парижъ вѣсть о совершившемся уже радостномъ событіи, я была внѣ себя отъ счастья. «Что сказать, писала я, о томъ великомъ дѣлѣ, которое возвысило нашу славную Россію и, во главѣ ея, перваго изъ нашихъ государей, который показалъ себя человѣкомъ и христіаниномъ? Присоединить ли мой слабый голосъ къ милліонамъ голосовъ, возносящихся со всѣхъ сторонъ Россіи съ молитвою и благодарностью?.. И какъ торжественно, величественно и спокойно совершилось великое дѣло, безъ страшныхъ, кровавыхъ революцій, съ которыми совершилось оно въ другихъ странахъ!»

Скоро, однако, стали къ намъ доходить и тревожные слухи: говорили, что крестьянъ обманываютъ, давая плохія земли, что ихъ возмущаютъ, сѣкутъ, что народъ бунтуетъ, не понимая рескрипта, написаннаго чуждымъ простолюдину языкомъ. Говорили также о готовящемся возстаніи въ Польшѣ, о соединеніи славянскихъ народовъ съ нею противъ Россіи — всѣ эти слухи волновали и пугали меня. Около того же времени получили мы отъ Николая Ивановича и моей тети горестныя письма о смерти Шевченка.

Костомаровъ писалъ отъ 2-го марта (ст. ст.): «Я теперь дѣлаюсь вѣстникомъ печальнаго событія, Катерина Ѳеодоровна! 26-го февраля въ $5^1/_2$ ч. утра скончался нашъ поэтъ Тарасъ Шевченко. Уже около двухъ мѣсяцевъ открылось для него, что стѣсненіе въ груди, на которое онъ жаловался еще лѣтомъ — есть водяная. За недѣлю ему казалось, что ему лучше, и

онъ даже купилъ себѣ часы, которыхъ прежде въ жизни никогда не носилъ. Въ субботу 25-го февраля ему стало дурно. Къ вечеру легче. Утромъ чувствовалъ себя легко; онъ попилъ чаю, сошелъ сверху въ свою мастерскую, чтобъ работать, но упалъ и испустилъ духъ. Его отпѣвали въ Академ. церкви, гдѣ послѣ того отраднаго утра, которое нѣкогда мы провели вмѣстѣ на Пасху, я былъ въ первый разъ... Нѣсколько рѣчей, произнесенныхъ на малороссійскомъ, великорусскомъ и польскомъ языкахъ, свидѣтельствовали о значеніи, какое онъ пріобрѣлъ у всѣхъ трехъ соединенныхъ подъ русскимъ государствомъ славянскихъ народовъ. Особенно была хороша рѣчь польская, возвѣщавшая справедливость той ненависти южно-россіянъ къ полякамъ, которая проглядываетъ въ сочиненіяхъ Шевченка. Жаль, что изъ академиковъ никто не сказалъ о немъ, какъ о ихъ товарищѣ и художникѣ, какъ будто бы онъ имъ не былъ. Остался одинъ поэтъ. Да и вообще Академія какъ будто была къ нему холодна. Я не встрѣчалъ знакомыхъ образовъ академическаго міра, встрѣчаемыхъ нѣкогда у васъ въ домѣ. Даже великаго творца новгородскаго памятника Микешина я тамъ не замѣтилъ. Зато университетъ показалъ къ нему чрезвычайное нежданное сочувствіе. Аудиторіи тогда были почти пусты. Гробъ Тараса несли студенты до самаго смоленскаго кладбища. Со стороны можно было подумать, что хоронятъ университетскаго профессора, а не художника. Намѣреваются малороссы послѣ перевезти въ Украйну. Вѣчная память поэту-страдальцу, купившему свой неувядаемый вѣнецъ славы тяжелымъ горемъ. (Не разобраны три слова). Употребленіе рома въ богатырскихъ размѣрахъ све-

ло его въ могилу. Врачи, составлявшіе консиліумъ предъ его смертью, единогласно увѣряютъ, что одна эта слабость могла свалить такую героически сложенную натуру. Иначе онъ, устоявшій столько бѣдъ, перенесшій столько лишеній, униженій — дожилъ бы до глубокой старости. Я жалѣю, что этотъ проклятый ромъ былъ поводомъ къ единственному въ жизни нашей неудвольствію между нами въ тотъ памятный день, когда Тарасъ представлялъ на набережной въ лицахъ новгородскаго удальца Ваську Буслаева. Мы помирились, или лучше сказать, сошлись не объяснившись. Но ромъ не былъ оставленъ. Осенью, сошедшись съ Якушкинымъ, Тарасъ пивалъ чары завѣтныя въ тяжесть ведра, выражаясь гиперболическимъ нынѣшнимъ языкомъ».

Моя тетя, Екатерина Ивановна, также подробно описывала смерть и похороны Шевченка. Она говорила о тѣхъ огорченіяхъ, которыя ускорили его кончину. Огорченія эти, вслѣдствіе которыхъ онъ, по словамъ тети, и запилъ, причинила ему исторія съ знаменитой Лукерьей. Послѣдняя была горничной въ знакомомъ Шевченку домѣ, молодая, здоровая хохлушка.

Увлекшійся мечтатель соткалъ себѣ цѣлую поэму на самой грубой канвѣ: простую дѣвку онъ, своимъ поэтическимъ воображеніемъ, превратилъ въ чистую, непосредственную представительницу украинскаго народа, съ которымъ онъ жаждалъ слиться, который хотѣлъ соединить съ интеллигенціей; въ той же дѣвушкѣ видѣлъ онъ и залогъ идиллическаго личнаго, долгожданнаго счастья. Тетя и друзья предупреждали его, но онъ не слушалъ, не вѣрилъ, и Лукерья сдѣлалась его невѣстой. Т. Гр. просилъ

тетю, чтобы она у себя помѣстила Лукерью до свадьбы; зная эту дѣвушку и предвидя всему этому дурной конецъ, она не согласилась, но помогла невѣстѣ найти квартиру и устроиться. Шевченко ежедневно бывалъ у нея, но никогда не оставался позднѣе девяти часовъ вечера, чтобы не компрометировать дѣвушку, которую уважалъ и ставилъ такъ высоко. И вдругъ свѣтлымъ надеждамъ поэта грубо былъ положенъ конецъ: онъ засталъ Лукерью en flagrant délit съ лакеемъ. Когда она увидѣла, что поправить этого дѣла уже нельзя, то отвѣчала нагло: «Развѣ-жъ бы я за тебя, такого «старого та поганаго» пошла, кабы не подарки, да не то, чтобы быть барыней?» Въ слишкомъ глубокую грязь упалъ онъ съ той вышины, куда занесли его орлиныя крылья! Этого онъ не могъ перенести — и запилъ... Тетя кончала: «еще то счастье, что онъ передъ смертью зналъ объ освобожденіи крестьянъ, хотя и не было еще объявлено, но онъ зналъ, что б у д е т ъ». Горько плакали мы о нашемъ бѣдномъ, дорогомъ Тарасѣ!.. Еще мучила насъ всю эту зиму болѣзнь отца моего. Болѣзнь глазъ постепенно развивалась у него и причиняла ему почти невыносимыя страданія. У него была glaucoma, при чемъ надо безусловно оперировать глазъ и какъ можно скорѣе, чтобы избѣгнуть всѣхъ страданій, и, главное, спасти этимъ еще здоровый глазъ. Нашъ знакомый докторъ, нѣмецъ, говорилъ, что операція необходима, а знаменитый окулистъ Демаръ, къ которому обратился отецъ, сказалъ, что операція не только нужна, но что ее нельзя откладывать. Мы же всѣ боялись и оттягивали рѣшеніе. Написали Грефе, но онъ, понятно, отвѣтилъ, что заочно ничего не можетъ сказать. Обратились къ дру-

гому окулисту Нелатону, который отвѣтилъ, что операція теперь врядъ ли принесетъ пользу. Не знаю, на что онъ намекалъ: на то ли, что пропущено время, или на глубокую старость отца. А тутъ рекомендовали намъ съ самой лучшей стороны нѣкоего доктора Каффà, который, несмотря на то, что не былъ спеціалистомъ, внушилъ намъ такое довѣріе, что папà рѣшился послѣдовать его совѣту и отказаться совсѣмъ отъ операціи. Это какъ-то всѣхъ успокоило, тѣмъ болѣе, что, въ концѣ-концовъ, страданья уменьшились и папà сталъ поправляться. На самомъ же дѣлѣ, еслибы отецъ послѣдовалъ совѣту Демара, его зрѣніе могло бы быть спасено. Объ этой роковой ошибкѣ мы узнали много времени спустя, когда началъ пропадать и второй глазъ моего бѣднаго старика.

Чтобы не кончить такими грустными нотами эту главу, привожу еще одно шуточное письмо Костомарова: «Сказаніе еже бысть лѣта 7368 декамврія въ 5-й день. Наступающу пресвѣтлому дню въоньже вѣрніи совершаютъ память святаго славнаго святителя Христова Николая Чудотворца азъ грѣшный возимѣхъ желаніе внити въ храмъ всенощнаго ради бдѣнія; тогда ненавистникъ добра всекозненный Зеѳеусъ хотяй отъ молитвы отвратити мя принеся предъочію ми писаніе еже есть о бѣсовскихъ утѣшеніяхъ нарицаемыхъ итальянская опера, рекомое афиша, въ немъ узрѣхъ яко поганіи фрази творятъ мерзкое и всякія скверны исполнено игрище, его же отъ богохульцы и кощуны своими мерзкими устны пророкомъ святоругательно наричутъ въ бозѣ же почившій, благочестивый и христолюбивый царь Николай Павловичъ таковыя хулы на святыхъ пророкъ не терпля повелѣ оное бѣсоугодное игрище осадою Гента пре-

именовати. Азъ же по скудоумію своему вложихся бѣсу и не вѣдей козни его, и не идохъ въ святый храмъ, не потщихся помолитеся Богови и поклонитеся чудотворцу Николаю, но текохъ въ храмину, идѣже позоры и дѣйства творятся, рекомую Большой Ѳеатръ, и егда внидохъ, видѣхъ множество мужей и женъ и дѣвъ текущихъ на оныя позоры, и видѣхъ яко лукавые бѣси зачепляюще ихъ по выямъ ихъ и по рукамъ ихъ и по ногамъ ихъ аки (слово не разобрано) нѣкими влечаху тѣхъ на оное богопротивное дѣйство позорованія ради. И егда возсѣдахъ и взыграша орудія и согласія мусикійскія, и бысть свистаніе и бряцаніе и струнное гудѣніе, и сопѣли, и свирѣли, и скрипицы, и цѣвницы, и трубный гласъ, въ бубны и тимпаны неистовое удареніе яко храминѣ поколебатися и се изыдоша блудныя жены и начаша плясати и плескати, хребтами своими вихляюще, ногами же своими велія скаканія творяще и бысть подъятіе ногамъ ихъ искушенія человѣческаго ради, люди же неразумніи рукоплещуще радовахуся. И минущу нѣкоему времени видѣхъ богопротивное дѣйство, еже самъ діаволъ мною сотвори: творяху позоръ нѣкій окаянніи храмъ Бога латинскаго воображаху, и игру мерскую творяху яко нѣкоего пророка въ ризахъ бѣлыхъ, каменіемъ многоцѣннымъ украшенныхъ на царство вѣнчающе, гласомъ трубнымъ, и тимпаномъ, и кампаномъ гудящимъ и звенящимъ и пѣнію бѣсовскому сущу великому, потомъ же нѣкая жена, яко мати пророка того творящеся, плачуще, и рыдающе, и поюще, и вопіюще, и горѣ взывающе, и власи свои рвуще и мещущеся съ крикомъ великимъ, людіе же невѣгласы тому бѣсовскому умышленію радовахуся.

«Посемъ же оле чюдо великаго! Оле дива непостижимаго языкомъ человѣческимъ нѣсть возможно изрещи скверному тому пророку пирующу и піянственная питія исполняющуся, блудницамъ же около него скачущимъ и служащимъ ему, еще же вземшу ему чашу вина исполнену и скверныя своя устнѣ разверзающу, и пѣснь бѣсовскую поющу, внезапу огнь подземный явися, и сѣдящу пророку тому діаволю на мѣстѣ своемъ и сотворися громъ неописанъ, и бысть трескъ, и огнь, и куреніе дыма, и абіе развалися храмина та, и погребе пророка того и любодѣицъ его, и клевретовъ его и всѣхъ, кланяющихся ему и чтущихъ его, людіе же, зряще таковая, плескаху руками рыкающе аки львы, и взывающе: Тамберликъ! Тамберликъ! нѣкаго проклятаго Тамберлика скомороха и пѣвца діаволя призывающе и честь ему воздающе. Азъ видяй таковую мечту воздохнулъ и спѣшно изыдохъ и сѣдохъ на сѣнѣхъ и притекохъ въ домъ свой и плакахся горько разумѣюще яко отъ происка (?) того присно поборающе на мя, ненавистника и врага моего бѣса Зеѳеуса паки запять быхъ и во искушенія сѣть впадохъ мстящу ему всячески за еже посрамленіе его еже отъ святыхъ преподобныхъ отецъ нашихъ принялъ есть (не разобрано), тисненію предахъ и безсиліе его извѣстно сотворихъ. Ныне же всячески подобаетъ постомъ и молитвою очиститися, и таковыхъ бѣсовски позоры отбѣгати, наипаче же молитися (не разобрано) и непрестанно Богови, ему же слава во вѣки вѣковъ. Аминь».

XXII.

Der Kreis von edlen Menschen
ist das wehrteste alles dessen,
was ich errungen habe.
Goethe. [1])

Я въ Парижѣ брала уроки музыки у брата А. Гр. Контскаго, также хорошаго піаниста, и посѣщала курсы французскаго языка и литературы для дѣвицъ г-на Гарди. Этотъ преподаватель очень помогъ мнѣ въ пониманіи французской грамматики, такъ что мое правописаніе стало безукоризненнымъ. Мы писали у него сочиненія на заданныя имъ или нами самими выбранныя темы. Мои сочиненія пользовались одобреніемъ, и одинъ разъ m-r Hardy, при полномъ собраніи ученицъ, ихъ матерей и воспитательницъ, прочелъ вслухъ одно изъ нихъ: я удостоилась нескончаемыхъ похвалъ. «Вотъ, m-lles, — сказалъ учитель, — какъ надо писать». Но, Боже мой, что это была за банальность мое сочиненіе! Какой гладкій былъ стиль, какія высокія добродѣтели проповѣдывала я въ громкихъ, пышныхъ фразахъ! И вотъ что смѣшно: я искренно вѣрила, когда писала, что розовый образъ жены, долженствующей быть помощницей мужа въ его ученыхъ трудахъ, воспитательницей дѣтей, удивительной хозяйкой, вѣчно улыбающимся ангеломъ-хранителемъ семьи, утѣшеніемъ во всѣхъ скорбяхъ, и пр., и пр., осуществимъ въ жизни. Мало того: я воображала себя такой жен-

---

[1]) Составивъ около себя кругъ благородныхъ людей, я достигъ самаго драгоцѣннаго въ жизни.—Гёте.

щиной. Какимъ образомъ я, изъ капризной дѣвчонки, какою я сама часто признавала себя, безо всякой подготовки, безъ всякихъ усилій съ моей стороны, должна была превратиться въ такую идеальную жену — объ этомъ я не думала. Скажу, однако, въ свою защиту, что отъ похвалъ Гарди и отъ неискреннихъ любезностей разныхъ мамашъ мнѣ стало очень стыдно, и съ тѣхъ поръ я выспреннихъ сочиненій не писала, а выбирала почти всегда историческія темы, которыя требовали болѣе спокойнаго изложенія.

Курсъ, который читалъ Изидоръ Жоффруа Сентъ-Илэръ въ аудиторіи Jardin des Plantes, я прослушала весь, не пропустивъ ни одной лекціи и записывая ихъ самымъ аккуратнымъ образомъ. Папà, когда чувствовалъ себя здоровымъ, ѣздилъ туда со мною и очень интересовался этими лекціями. С.-Илэръ читалъ превосходно: просто, понятно, сопровождая свое изложеніе демонстраціей на скелетахъ, чучелахъ и живыхъ животныхъ. Онъ говорилъ объ открытіяхъ своего знаменитаго отца въ Египтѣ, о происхожденіи уродствъ, о рудиментарныхъ органахъ, объ ископаемыхъ обезьянахъ, о соотношеніи органовъ (balancement des organes). Онъ былъ противъ строгой классификаціи, постоянно указывая на переходныя степени въ животномъ мірѣ. «Il ne faut pas s'attacher à faire des généralités», говорилъ онъ. Онъ отрицалъ идею цѣлесообразности творенія, телеологію, приводя случаи, гдѣ извѣстные признаки въ растительномъ и животномъ мірѣ развивались и измѣнялись вслѣдствіе условій окружающей жизни, приспособляясь къ нимъ. Человѣкъ, по физической организаціи, по словамъ его, не выше обезьянъ: по

нѣкоторымъ признакамъ, напримѣръ, человѣкъ болѣе похожъ на чимпанзе, чѣмъ послѣдній — на другихъ, сродныхъ ему обезьянъ. Въ послѣдней лекціи профессоръ, сдѣлавъ общій обзоръ своего курса, пришелъ къ слѣдующему выводу. «Физически нѣтъ пропасти между человѣкомъ и животнымъ, они соприкасаются. Эта близость не должна оскорблять насъ; не обижаетъ же насъ мысль, что мы состоимъ изъ тѣхъ же элементовъ, изъ которыхъ состоятъ и самыя простыя химическія вещества. Мы должны классифицировать животныхъ, основываясь не на сходствѣ ихъ органовъ, а на способностяхъ (facultés), на роли, которыя эти животныя играютъ въ природѣ: въ первомъ случаѣ мы должны бы были помѣстить человѣка въ число обезьянъ, во второмъ — мы должны выдѣлить его въ наукѣ, какъ онъ выдѣленъ въ природѣ, и сдѣлать изъ него отдѣльное царство». Упомянувъ, что какъ ни близко соприкасаются между собой растительное и животное царства, смѣшивать ихъ невозможно, онъ кончилъ словами: итакъ, «самое вѣрное будетъ, если мы скажемъ съ Аристотелемъ, что органическій міръ дѣлится на три части: на существа, обладающія жизнью, на существа, обладающія жизнью и движеніемъ (произвольнымъ, какъ выразителемъ чувства), и существа, обладающія жизнью, движеніемъ и разумомъ». Впослѣдствіи я часто недоумѣвала, почему С.-Илэръ остановился на пути и не додумалъ свои мысли до конца, т. е. до эволюціонизма, какъ будто испугавшись выводовъ изъ своихъ собственныхъ наблюденій?

Человѣкъ С.-Илэръ былъ прелестный: привѣтливый, милый, необыкновенно скромный; доброта такъ

и свѣтила въ его некрасивомъ лицѣ. Познакомившись съ нами, часто бывая у насъ, онъ пожелалъ познакомить насъ также со своей матерью, вмѣстѣ съ которой онъ жилъ въ томъ же домѣ, гдѣ многіе годы жилъ его отецъ и гдѣ самъ онъ родился. Возлѣ находился домъ Кювье, напротивъ — домъ Бюффона. Квартира была уютная, чистенькая; на стѣнахъ висѣли портреты Этьена Жоффруа Сентъ-Илэра и Кювье. Г-жа С.-Илэръ встрѣтила насъ крайне радушно и обратилась къ намъ съ любезными словами «j'ai beaucoup entendu parler de vous, car je suis la confidente de mon fils». Дѣйствительно, по всему видно было, что эти люди живутъ одной жизнью, что ихъ соединяетъ глубокая любовь и нѣжная заботливость другъ о другѣ. Мать была такой же доброй и мягкой, какъ и ея сынъ; разговоръ ея былъ уменъ и интересенъ; въ домѣ чувствовался миръ и покой.

С.-Илэръ былъ директоромъ «сада акклиматизаціи»; онъ часто водилъ своихъ слушателей по саду, много показывалъ и объяснялъ интереснаго. Разъ мы тамъ видѣли странное, но прелестное животное: бѣлую лошадку, у которой вся шерсть была круто завита, какъ въ мелкой смушкѣ, и глаза были разные: одинъ — черный, другой — голубой.

Въ Парижѣ основалось общество, имѣвшее цѣлью пропагандировать употребленіе въ пищу лошадинаго мяса; имъ устраивался рядъ лекцій, въ которыхъ принимали участіе нѣкоторые парижскіе ученые, между прочими и С.-Илэръ. Мы присутствовали на двухъ или трехъ изъ этихъ лекцій, на которыхъ доказывалось, что лошадиное мясо — здоровая, вкусная и дешевая пища, что она могла бы много улучшить питаніе бѣдныхъ классовъ людей. С.-Илэръ находилъ,

что мы не хотимъ ѣсть мяса этого благороднаго животнаго, потому что любимъ его. Между тѣмъ, именно изъ любви къ лошади мы должны бы желать обращать ее въ концѣ жизни въ пищу. Человѣкъ не обращается дурно съ воломъ, чтобы не испортить его мясо. Стоитъ старую лошадь хорошо кормить, не заставляя ее работать нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы мясо ея сдѣлалось мягкимъ и вкуснымъ. Такимъ образомъ, лошадь избѣгла бы той страшной участи, которая постигаетъ ее въ настоящее время, когда она уже не годится въ работу. Лекторъ разстроилъ насъ всѣхъ до слезъ описаніемъ неблагодарности людской и всѣхъ мукъ, которымъ подвергается это самое несчастное изъ всѣхъ животныхъ.

С.-Илэръ часто помогалъ намъ получать доступъ въ разныя учрежденія и музеи, закрытые для публики. Онъ былъ друженъ съ Розой Бонёръ, очень сердечно относился къ ней и, узнавъ, что я большая поклонница этой художницы, предложилъ дать намъ рекомендательное письмо къ ней. Роза Бонёръ была, по его словамъ, очень замѣчательнымъ человѣкомъ. Шестнадцати лѣтъ она осталась сиротой, съ нѣсколькими младшими сестрами и братьями на рукахъ. Отказавшись отъ брака, она всѣхъ ихъ выростила и воспитала трудами рукъ своихъ, всѣхъ поженила и повыдала замужъ, и тогда только подумала о томъ, чтобы по своему устроить свою личную жизнь. Она купила маленькое имѣньице «Ву» близъ Фонтэнблосскаго лѣта, удалилась туда со своей подругой дѣтства, m-lle Микà, такой же пожилой дѣвушкой, какъ и она, никуда не выѣзжала, никакихъ посѣтителей, ни простыхъ смертныхъ, ни художниковъ, не принимала, кромѣ только самыхъ близкихъ друзей,

окружила себя животными и предалась работѣ, не за деньги, а по душѣ. Мы рѣшились воспользоваться любезностью С.-Илэра и отправились всей семьей въ Ву. Когда мы подъѣхали къ «замку», какъ называютъ тамъ домъ Розы Бонёръ, къ намъ вышелъ какой-то господинъ и объявилъ, что хозяйки нѣтъ дома. Мы передали ему письмо и остались ждать въ обширномъ дворѣ. Черезъ нѣсколько минутъ господинъ возвратился и съ нимъ странное существо невысокаго роста, съ остриженными, густыми съ просѣдью волосами, въ короткой юбкѣ, въ жилетѣ и курткѣ, въ высокихъ сапогахъ. «Вотъ г-жа Роза Бонёръ», сказалъ господинъ и удалился. Она сказала, что никого не принимаетъ, чтобы спокойно жить и работать, но друзей С.-И., а тѣмъ болѣе такого художника, какъ отецъ мой, она рада видѣть у себя, и чувствуетъ себя польщенной нашимъ посѣщеніемъ. Затѣмъ она повела насъ къ себѣ. Устройство ея дома было очень оригинально, не похоже на парижскіе дома; все въ немъ было просторно, комнаты высокія, свѣтлыя. За легкимъ завтракомъ, который предложила намъ хозяйка, она, между прочимъ, сказала, что только два года, какъ она работаетъ на себя, купила себѣ домъ и виноградникъ, отдыхаетъ душой, можетъ удобно работать и чувствуетъ себя вполнѣ счастливой. Послѣ завтрака она повела насъ въ мастерскую, такую громадную, что люди терялись въ ней. Тутъ была масса начатыхъ картинъ, этюдовъ, художественныхъ вещей и, между прочимъ, на отдѣльномъ пьедесталѣ, какъ видно — пользуясь большимъ почетомъ, была бронзовая группа лошадей барона Клодта. Долго говорили Роза Бонёръ и отецъ мой о нашей Академіи, объ

условіяхъ работы и жизни художниковъ въ Россіи и во Франціи. Наконецъ, она пригласила насъ смотрѣть ея усадьбу и животныхъ. Послѣднія особенно заинтересовали меня, тѣмъ болѣе, что хозяйка видимо души въ нихъ не чаяла. Подробно разсказывала она ихъ біографіи, описывала ихъ разнообразные характеры и указывала красоты ихъ строенія. Она встрѣтила сочувствіе въ отцѣ моемъ, который тоже любилъ животныхъ, особенно лошадей, и хорошо зналъ ихъ нравы. Между лошадьми, главнымъ любимчикомъ Розы Бонёръ былъ прелестный пони, котораго она писала въ эту минуту. У нея были устроены разныя удобныя сооруженія, чтобы писать животныхъ въ стойлахъ и на волѣ. «Ихъ не надо стѣснять, когда пишешь», говорила она. «Я удивляюсь, — сказала я, — какъ вы можете сохранить такую вѣрность рисунка, когда животныя ни минуты не стоятъ спокойно». — «Для этого надо основательно знать ихъ анатомію; также, конечно, надо имѣть большую наблюдательность. Я могу сказать, что хорошо изучила ихъ. Я знаю при всякомъ движеніи, какъ долженъ измѣниться каждый мускулъ». Узнавъ, что я занимаюсь живописью, она обратила на меня больше вниманія и стала чаще обращать ко мнѣ свою рѣчь. Она горячо одобряла мое желаніе заняться спеціально живописью, но сказала: «Я бы вамъ совѣтовала выбрать жанръ, а не пейзажъ. Пейзажисту надо много путешествовать, ходить, таскать свои вещи, подвергаться дурной погодѣ; все это очень трудно для женщины. Какъ жанристка, вы можете гораздо больше работать дома. Впрочемъ, если у васъ болѣе склонности къ пейзажу, то вы сумѣете побороть всѣ препятствія». Такимъ образомъ, прошелъ почти весь

день; прощаясь, мы извинились, что такъ надолго оторвали ее отъ работы. Она отвѣчала намъ просто и ласково, что рада была познакомиться съ отцомъ моимъ, что день этотъ она провела съ нами пріятно и не считаетъ его потеряннымъ. Ея слова не звучали одною любезностью; я увѣрена, что она такимъ же своимъ немного рѣзкимъ, но искреннимъ голосомъ сказала бы людямъ, которые ей надоѣли: «убирайтесь, вы мнѣ мѣшаете работать!» Роза Бонёръ произвела на насъ впечатлѣніе правдиваго, хорошаго человѣка и настоящаго художника, радостно отдающагося своему любимому дѣлу, откинувшаго отъ себя все, что въ жизни могло этому помѣшать, начиная съ кринолина, и кончая обществомъ равнодушныхъ и непонимающихъ людей.

Еще нѣсколькихъ замѣчательныхъ лицъ встрѣчала я въ Парижѣ, но такъ мимолетно, что мало могу сказать о нихъ. Въ этомъ городѣ пришлось мнѣ въ первый разъ встрѣтиться съ моимъ двоюроднымъ братомъ Алексѣемъ Толстымъ, который произвелъ на меня самое пріятное впечатлѣніе.

Въ Парижѣ постоянно жила старушка, двоюродная сестра моего отца, Вѣра Ивановна Хлюстина, настоящая grande dame прежняго времени: радушная, ласковая, тихая, вся въ потемнѣвшихъ кружевахъ и сѣдыхъ соболяхъ. У нея въ домѣ встрѣчала я нѣсколько разъ декабриста кн. С. А. Волконскаго. Я была въ восторгѣ отъ его наружности, напоминающей апостола [1]), чувствовала трепетъ благоговѣнія передъ его личностью и горѣла желаніемъ услышать изъ его устъ что-нибудь объ его многострадальной жи-

[1]) Я впослѣдствіи написала съ него, по фотографіи, образъ апостола Марка.

зни; но объ этомъ съ нимъ никто не заговаривалъ. Онъ говорилъ съ отцомъ моимъ преимущественно объ эмансипаціи крестьянъ и о современныхъ русскихъ дѣлахъ; но послушать и эти разговоры мнѣ не давали — меня обыкновенно увлекали къ себѣ внучка Хлюстиной Вѣрочка и ея подруги, дѣвушки моихъ лѣтъ.

У однихъ нашихъ знакомыхъ, гдѣ мы проводили вечеръ, обратилъ на себя мое вниманіе замѣчательной наружности старикъ: длинные волосы и густая борода были совершенно серебряные, глаза настолько проницательные, что, казалось, смотрѣли внутрь васъ, а всѣ черты лица дышали такой добротой, что хотѣлось назвать его «дѣдушкой». Я, противъ своего обыкновенія, передъ нимъ совсѣмъ не конфузилась и много говорила, особенно о моей любимой темѣ — Россіи. Онъ слушалъ мои горячія рѣчи съ ласковымъ и снисходительнымъ вниманіемъ, потомъ сказалъ, улыбаясь, что онъ самъ почти русскій, прожилъ три года въ Россіи, послѣ войны 12-го года, высоко ставитъ русскій народъ и много хорошаго ждетъ отъ него въ будущемъ. Уходя, я спросила: «кто этотъ милый старикъ?» Мнѣ отвѣтили, что это — знаменитый сенъ-симонистъ, père Enfantin.

Двѣ женщины имѣли наибольшее вліяніе на меня въ эту пору моей жизни: кузина моего отца Александра Алексѣевна Иванова и Татьяна Петровна Пассекъ. Обѣ эти столь непохожія другъ на друга женщины давали пищу моей душѣ. Обѣ онѣ были глубоко вѣрующія, но форма ихъ вѣры была различна: А. А. была православная, Т. П. скорѣй можно назвать деисткой. Обѣ старушки полюбили меня, и у обѣихъ мнѣ было тепло и хорошо.

Когда мать моя была въ Парижѣ въ 47-мъ году и скучала обо мнѣ, А. А. сочувствовала ей, всячески успокаивала ее. Теперь, когда она увидѣла меня взрослой дѣвушкой, она со слезами воскликнула: «такъ вотъ она Катя!» и крѣпко обняла меня. Что это была за умная, образованая, милая женщина! Я проводила съ ней незабвенные часы; она могла говорить обо всемъ: о современныхъ вопросахъ, о литературѣ, о живописи, всѣмъ интересовалась, обо всемъ судила просто и здраво; понимала она также всякіе молодые порывы. Она была лично знакома съ Вальтеръ-Скоттомъ, съ Куперомъ, съ m-me de Genlis въ самые послѣдніе годы ея жизни. Часто говорила она съ любовью о моемъ отцѣ, вспоминала, какъ въ ея дѣтствѣ, во время болѣзни, онъ утѣшалъ и развлекалъ ее, вырѣзывая, сидя у ея постели, лошадки и пейзажи. Кромѣ ея знаній и образованія, на меня глубоко дѣйствовало смиреніе, съ которымъ она переносила доставшееся на ея долю страданіе. Рано оставшись вдовой, А. А. всю жизнь посвятила своему единственному сыну (бывшему въ Парижѣ русскимъ консуломъ). Потерявъ его, она, по ея словамъ, врядъ ли перенесла бы это горе, еслибы не остались на ея попеченіи его вдова и двое дѣтей. А. А. съ достоинствомъ и терпѣніемъ переносила тяжелыя страданія не только нравственныя, но и физическія: у нея былъ ракъ въ груди.

— Какое это должно быть мученіе! — воскликнула я, когда узнала о ея болѣзни.

— Что это значитъ, — отвѣтила она — въ сравненіи съ душевными страданіями!

— Но физическія страданія развѣ не усиливаютъ и нравственныя?

— Напротивъ, — отвѣтила она тихо, какъ бы обдумывая свои слова, — это меня даже развлекаетъ немного, отвлекаетъ отъ того худшаго, заслоняетъ на минуту горе.

XXIII.

Для эгоизма нѣтъ ничего на свѣтѣ, кромѣ своего тщедушнаго *я*, но за то нѣтъ ему и вѣчности; для любви же нѣтъ *я*, это *мы*—двоихъ, мы—всего рода человѣческаго, мы—всего творенія, и нѣтъ ей предѣловъ въ мірѣ конечномъ, она гостья *оттуда*.

Т. Пассекъ.

Въ Парижѣ, видясь съ нею ежедневно, я ближе узнала Татьяну Петровну Пассекъ и глубоко полюбила ее. Такого рода привязанность и почитаніе юноши чаще питаютъ къ чужимъ, чѣмъ къ своимъ. Какъ бы ни были умны и хороши родные, къ этому привыкаешь съ дѣтства, не такъ цѣнишь, не такъ видишь. При всей моей любви къ мамѣ и тетѣ, мнѣ не пришло бы въ голову открывать имъ мою душу, какъ я это дѣлала передъ Т. П. У нея находила я подходящіе отвѣты на мои вопросы и сомнѣнія, она вводила меня за собой въ идеальный міръ; рѣчи ея восхищали меня, я «сидѣла у ногъ ея»... иногда не только въ переносномъ смыслѣ. Я приходила къ Татьянѣ Петровнѣ, когда вздумается, часто вечеромъ; домой меня тогда уже и не ждали. Т. П. любила работать и пить чай, лежа въ постели; какъ въ Москвѣ, такъ и въ Парижѣ, передъ ея широкой кроватью стоялъ некрашенный, деревянный столъ, съ разбросанными на немъ бумагами и книгами. Маленькая, полная, добродушная, лежала она въ своей неизмѣнной, сит-

цевой блузѣ, съ высоко засученными рукавами надъ полными руками, окруженная цѣлой семьей бѣлыхъ кошекъ. Я присоединялась къ компаніи, съ ногами усаживалась на кровать — и начинались наши нескончаемыя бесѣды.

Бородинъ выражался о Т. П., что она для него «слишкомъ подробна»; она, дѣйствительно, говорила очень много, нѣсколько книжнымъ и сантиментальнымъ языкомъ 40-хъ годовъ; но я, въ шестнадцать лѣтъ, не критиковала рѣчи Т. П., а, напротивъ, пила каждое ея слово. Изливая откровенно всѣ мои мысли и чувства, я иногда жаловалась на кого-нибудь изъ моихъ близкихъ. Т. П. всегда оправдывала ихъ и бранила меня, но такъ бранила, что размягчала меня всю, и я чувствовала, что подъ ея словами я дѣлаюсь добрѣе. Побранивши, она вышучивала меня, заставляла смѣяться, а потомъ начинала говорить о своихъ высокихъ идеалахъ: любви къ людямъ, всепрощеніи, о томъ, что и прощать-то нечего и некому, что наше неразуміе только ищетъ вину въ людяхъ.

О комъ бы ни говорили дурное, Татьяна Петровна сейчасъ же заступалась, и это не были одни слова: она всегда готова была помочь, если нужно, людямъ, лично обидѣвшимъ ее; даже нанесшую ей неизгладимое горе женщину она простила и впослѣдствіи видѣлась съ ней. Я, со своей обычною горячностью, восклицала: «Не стоитъ дорожить вашей любовью, если вы одинаково и мерзавцевъ, и хорошихъ людей любите! Нечего и стараться быть хорошей, — хоть я, Богъ знаетъ, какихъ гадостей надѣлаю, вы меня все любить будете... Не хочу, послѣ этого, вашей любви!..» — «Вотъ, — отвѣчала она, улыбаясь, — самоваръ ушелъ! Фр... фр!.. А ты не кипи, прикрой

крышку! Послушай-ка лучше, что я тебѣ скажу, да и сама мозгами пораскинь: вѣдь, дурныхъ-то людей, пожалуй, и больше любить надо, они несчастные, за ними, какъ за больными, уходъ нуженъ... И гдѣ это, Котъ мой милый, ты злыхъ людей нашла? Нѣту ихъ, Котъ, нѣту злыхъ людей. Есть только незнающіе. Зло есть непониманіе. А темнаго, непонимающаго человѣка жалѣть надо, не карать. Какъ мы бываемъ больны тѣломъ, такъ можемъ быть больны и духомъ. Какъ ушибаемъ иногда свое тѣло, такъ можемъ ушибить и душу. Много значитъ воспитаніе: какъ тѣло ребенка, такъ и душу его надо беречь, чтобы онъ какъ-нибудь не ушибся, не споткнулся, и тогда онъ выростетъ здоровымъ и крѣпкимъ». Долго развивала она эту тему и кончала: «Ну-ка, Котъ, скажи: развѣ не такъ?»

— «Такъ» — отвѣчалъ «Котъ», и въ душѣ его загорался пламень, отражаясь въ заблестѣвшихъ глазахъ. — «И съ чего это ты вдругъ считаться вздумала? — перемѣняла она тонъ. — Люблю — и будетъ съ тебя!.. Хорошо мнѣ съ тобой, гусь ты мой лапчатый. Вѣдь, хорошо намъ съ тобой, Котъ, а?..» Она прижимала меня къ своей груди и, гладя по волосамъ, приговаривала: «Славный ты у меня, котъ, славный».

Татьяна Петровна была всегда «cheerful», — я не могу перевести этого слова, у насъ нѣтъ соотвѣтствующаго выраженія: не «веселая», а какъ бы всегда въ хорошемъ расположеніи духа, всегда ровная, всегда привѣтливая. Она никогда не раздражалась, изъ случайныхъ непріятностей умѣла вывести что-нибудь утѣшительное. Между тѣмъ жизнь ея была не изъ легкихъ. Послѣ рано потерянаго ею любимаго мужа остались долги въ типографіяхъ, которые она

непремѣнно хотѣла уплатить, хотя въ эту минуту не имѣла ни гроша; остались двое маленькихъ дѣтей да ожиданіе третьяго. Въ первое время тупого отчаянія бѣдной женщинѣ помогали братъ и друзья ея мужа; потомъ началась продажа вещей, потомъ собственный усиленный трудъ. Несмотря на тяжесть этихъ воспоминаній, Татьяна Петровна часто разсказывала мнѣ, какъ, потерявъ родившуюся послѣ смерти мужа дѣвочку, она боялась и дрожала за жизнь оставшихся двухъ сыновей, какъ часто сама ѣла одинъ хлѣбъ, чтобы дать дѣтямъ тарелку супу и мясо; какъ проводила ночи у постели больного ребенка со срочнымъ переводомъ на колѣняхъ. Впослѣдствіи Пассеки выиграли процессъ и получили въ наслѣдство маленькое имѣніе въ Малороссіи, гдѣ они стали проводить лѣто. Дохода это имѣніе приносило мало, но зато былъ свѣжій воздухъ для дѣтей, была природа, которую такъ любила Татьяна Петровна. Кромѣ того, ей удалось пріобрѣсти домъ на Остоженкѣ, съ четырнадцатью комнатами, службами и садомъ, за пять тысячъ рублей!

Животрепещущій интересъ представляли для меня разсказы Татьяны Петровны о ея молодости, о кружкѣ Станкевича, о ихъ вечернихъ преніяхъ, о Грановскомъ, о частной жизни Герцена [1]), о симпатичномъ образѣ Наташи, о ея многихъ страданіяхъ, остающихся и теперь неизвѣстными публикѣ. Татьяна Петровна часто не одобряла тогдашнихъ соціалистовъ. «Основы у нихъ нѣтъ, — говорила она, — краеугольнаго камня. Все хотятъ только умомъ добиться

---

[1]) Разсказы, повторенные впослѣдствіи въ ея запискахъ: „Изъ дальнихъ лѣтъ“.

до правды, а она тутъ у нихъ подъ руками, въ ученіи Христа. Только основываясь на этомъ ученіи любви и можетъ быть достигнутъ истинный соціализмъ. А они, какъ дѣти, оторвутъ у цвѣтка корень и сажаютъ въ песокъ, — и завянутъ всѣ ихъ теоріи, потому что нѣтъ въ нихъ источника жизни: корня... Иные считаютъ какимъ-то униженіемъ причащаться! Именины друзей празднуютъ, а Тотъ, Кто открылъ намъ, что мы всѣ дѣти одного Отца, источника всякаго блага, поставившаго намъ единымъ закономъ любовь, неужели Онъ не стоитъ, чтобы праздновали дни воспоминаній о Немъ? Онъ сказалъ: «дѣлайте сіе въ память мою». Что родственникъ заповѣдалъ намъ передъ смертью, мы свято исполняемъ, а Его послѣднюю волю считаемъ ненужнымъ исполнять!.. Когда-то вылечится эта хроническая болѣзнь человѣческаго самолюбія!» —

«Отчего же этотъ Отецъ допускаетъ всѣ несправедливости на землѣ? Зачѣмъ Онъ, Всеблагій, Всемогущій, создалъ зло?» — спрашивала я.

— «Да гдѣ это ты все зло видишь? Нѣтъ зла: Богъ, создатель, отецъ міра, есть источникъ прекраснаго, изъ котораго не можетъ произойти ничего иного, кромѣ прекраснаго. Богъ — не старикъ, сидящій въ креслѣ, судящій и карающій; Онъ — въ насъ самихъ, въ цѣломъ мірѣ; нѣтъ ни одной травки, ни одной инфузоріи, гдѣ бы Его не было, гдѣ бы не было безсмертной нравственной красоты. Человѣкъ счастливѣе остальной природы и выше тѣмъ, что не только отражаетъ въ себѣ эту красоту, но и сознаетъ ее. Онъ тѣмъ и великъ, что ему даны разумъ и воля, чтобы обсуждать свои дѣла. Злыхъ людей нѣтъ. Человѣкъ можетъ не понимать, не знать, быть боль-

нымъ; но когда онъ пойметъ и узнаетъ, то онъ выздоровѣетъ, и тогда исчезнетъ, какъ дымъ, все, что ты называешь зломъ и несправедливостью. Останется одна любовь». — Рѣчи эти казались мнѣ логичными, неотразимыми, ибо сущность ихъ была доброта, идеальность, успокоеніе за будущее человѣчества, все, чего такъ жаждала душа моя.

Веселились мы часто у Пассекъ. Молодежь чувствовала себя у нихъ легко и свободно. Немало способствовала уютности ихъ дома пріѣхавшая съ Т. П. ея вѣрная Дуняша; иногда казалось, что мы въ Россіи, д о м а. Я часто бѣгала въ садикъ съ моей сестрой и племянникомъ Татьяны Петровны, Ипполитомъ, котораго она воспитывала и любила, какъ своихъ собственныхъ дѣтей. Разъ, когда пріѣхали въ Парижъ дѣти Герцена, у насъ устроился настоящій танцовальный вечеръ. Саша Герценъ былъ немного серьезный молодой человѣкъ, но очень милый и симпатичный.

Три пріятные дня провели мы съ Пассеками въ Версалѣ. Татьяна Петровна была чутка и молода душой; мы съ ней погружались въ историческія воспоминанія, философствовали, любовались чудными лунными ночами съ большой террассы дворца и въ тѣнистыхъ боскетахъ парка, гдѣ заливались соловьи. За чаемъ и ужиномъ въ гостинницѣ Т. П. больше всѣхъ смѣшила насъ.

Пассеки уѣхали изъ Парижа раньше насъ. Я увидѣлась съ ними вновь года три или четыре спустя. Я была уже замужемъ, когда пріѣхала, вмѣстѣ съ Н. И. Костомаровымъ, въ Москву и, конечно, полетѣла къ моему другу на Остоженку. Домъ былъ деревянный, старинный, съ интересной мебелью красна-

го дерева и разными антресолями, на одномъ изъ которыхъ помѣщалась сама Т. П. Все въ немъ было старинное и прелестное. Только одно меня непріятно поразило: куча прислуживающихъ б о с о н о г и х ъ дивчатъ. Это рѣзало мои глаза, напоминая оборотную сторону добраго, стараго времени — крѣпостничество. Я сейчасъ это выразила Татьянѣ Петровнѣ, но она объяснила мнѣ, смѣясь, что не такъ-то легко заставить хохлушекъ надѣть башмаки и что имъ такъ много пріятнѣе. Хозяйка устроила для Костомарова вкуснѣйшій малороссійскій борщъ и н а с т о я щ і е вареники. Однако, Н. И. заподозрилъ, что масло было несвѣжее, началъ бѣгать по комнатѣ и стонать, что у него начинается изжога. Въ этомъ отношеніи онъ былъ неисправимъ: во всѣхъ кушаньяхъ, неприготовленныхъ руками его матушки или у насъ въ домѣ, онъ всегда склоненъ былъ предполагать горькое масло. На сей разъ намъ удалось убѣдить его въ его ошибкѣ: изжога мгновенно прошла, послѣ чего мы провели очень весело и интересно вечеръ. Меня, само собой разумѣется, нельзя было увезти отъ Т. П., я осталась у нея ночевать. Опять, какъ въ Парижѣ, усѣлась я у ея ногъ на широкую кровать; опять стоялъ возлѣ некрашенный столикъ; опять на постели лежали бѣлыя кошки, опять я говорила моему другу то, чего не сказала бы никому другому, и опять она, своимъ идеальнымъ взглядомъ на людей, на ихъ взаимныя отношенія и чувства, лила свѣтъ и тепло въ мою душу.

Къ моей большой радости, Татьяна Петровна вскорѣ переѣхала въ Петербургъ, и мы стали часто видѣться. Посѣщали мы съ нею лекціи Сѣченова. По этому поводу мнѣ припоминается смѣшной эпизодъ.

Съ нами разъ отправилась на лекцію одна пожилая, очень восторженная дѣвица; она была въ упоеніи отъ слышаннаго и умоляла насъ познакомить ее съ лекторомъ. Мы не могли отвертѣться и должны были это исполнить. Разсыпавшись въ любезностяхъ, она спросила профессора: можетъ ли она дома повторить произведенные имъ опыты (лекція была о зрѣніи). «Вы, сударыня, — отвѣтилъ Иванъ Михайловичъ, — никакихъ опытовъ дѣлать не можете, потому что вы на оба глаза косая». Сѣченовъ просто и серьезно отвѣтилъ то, что онъ только и могъ отвѣтить; но дѣвица очень обидѣлась.

Татьяна Петровна вѣрила въ спиритизмъ и много вращалась въ кружкѣ Аксакова. Иногда она, мать моя и я садились за круглый столикъ, который у насъ преисправно бѣгалъ по комнатѣ и даже стучалъ ножкой въ отвѣтъ на вопросы, выстукивая, впрочемъ, непонятное сочетаніе буквъ. Эти движенія объясняютъ усталостью мышцъ и непроизвольными, безсознательными движеніями самихъ участвующихъ, но Т. П., кажется, серьезно вѣрила въ возможность общенія съ душами умершихъ; по крайней мѣрѣ она разсказывала мнѣ объ одномъ своемъ видѣніи и говорила впослѣдствіи, послѣ смерти моего отца, что когда она занимается его записками, то слышитъ стуки въ столѣ, на которомъ работаетъ, и высказывала предположеніе, что это его душа откликается ей. Мнѣ казалось, что это какъ-то не вяжется съ ея высокими нравственными убѣжденіями, съ ея вѣрой.

Не помню, когда это было и по поводу какихъ обстоятельствъ, но Т. П. рѣшила отдать своимъ дѣтямъ принадлежащую ей часть имѣнія и продать свой московскій домъ. Узнавъ объ этомъ, я возмутилась.

«Что это вы выдумали, — говорила я ей, — развѣ возможно дѣлать такія вещи! Ну, пусть ваши сыновья продаютъ имѣніе, Богъ съ ними, но только домъ ни за что не продавайте».

— «Отчего такъ?»

«Какъ отчего? Вамъ это будетъ большое лишеніе, вы любите свой домъ, вы привыкли къ нему».

— «Мнѣ, Котъ, вездѣ хорошо».

«Даже для вашихъ дѣтей будетъ лучше, если вы сохраните домъ. Если кто-нибудь изъ нихъ останется безъ мѣста, или что-нибудь другое случится съ ними, они тамъ у васъ найдутъ пріютъ, пока опять не устроятся. А деньги проживутся, и вы безъ ничего останетесь. Еще имъ же въ тягость будете».

— «Вздоръ, Котъ, говоришь. Какъ это такъ? Моимъ дѣтямъ нужно, а я не дамъ? Развѣ мое не ихъ? И какъ это я имъ въ тягость буду? Что мнѣ надо — сама знаешь: четыре рубашки холщевыя, да двѣ блузы ситцевыя, только у меня и всего. Кровать да столъ деревянный — вотъ и мебель вся, а ѣда — самая моя любимая — черный хлѣбъ съ чаемъ. Когда моихъ дома нѣтъ, я не велю ничего варить, да и самоваръ не всегда велю ставить — водой запью. Въ тягость я, Котъ, еще никому не бывала... Я, братъ, до смерти работать буду, — мнѣ-то почти ничего не надо, а для нихъ же. Безъ работы, ты знаешь, я быть ни минуты не могу; вишь, сколько ужъ сегодня наваляла! Такъ-то, Котъ».

«Ну, я никогда бы такъ не поступила».

— «И врешь! Опять зря языкомъ болтаешь: и ты бы точно такъ поступила. Садись-ка лучше, да прочти мнѣ вотъ тутъ, у тебя глаза-то помоложе».

Въ началѣ 70-хъ годовъ Татьяна Петровна вновь

Екатерина Ѳеодоровна Юнге.

Николай Алексѣевичъ Сѣверцевъ.

ѣздила за границу съ сыномъ Владиміромъ и его молодой женой. Потомъ они поселились на время въ Одессѣ, куда я заѣзжала къ нимъ въ 1874-мъ году, по пути въ чужіе края. Оставивъ моего маленькаго, слабаго сынка съ няней въ Крыму у моихъ друзей, которые, я была увѣрена, будутъ ухаживать за нимъ лучше меня самой, я хотѣла воспользоваться свободнымъ временемъ и ѣхала позаняться живописью въ Дюссельдорфѣ. Въ Одессѣ у Пассекъ встрѣтилась я съ Сѣченовымъ. Я давно была знакома съ Иваномъ Михайловичемъ и всегда питала къ нему самое теплое чувство. Да и можно ли было не любить и не цѣнить этого превосходнаго человѣка, такого правдиваго, горячаго, цѣльнаго, никогда не вступавшаго въ компромиссы со своею совѣстью, не поступавшагося ни одной іотой изъ того, что составляло законы его этики? Передъ тѣмъ я долго не видалась съ нимъ и обрадовалась ему, какъ родному. Съ такими добрыми друзьями провела я нѣсколько очень хорошихъ дней и съ сожалѣніемъ пустилась въ путь.

Въ первый разъ разставшись съ мужемъ и дѣтьми, я, несмотря на усиленную работу и на массу художественныхъ впечатлѣній, очень скучала въ Дюссельдорфѣ по семьѣ и, какъ всегда, дѣлилась своими чувствами съ Татьяной Петровной. Она написала мнѣ слѣдующее полушутливое письмо: «Ты, милый Котъ, не смѣй грустить и ревѣть, а прижми хвостъ, лапку въ краски и размазывай всѣми красками, какія подъ лапу попадутъ, и подай Ахенбаху, — пускай любуется, вотъ, дескать, какъ наработала, — поправляйте! Такъ и развлекайся, а за результатами не гонись, что-нибудь да выйдетъ, я думаю, должно быть хорошее, иначе на что и Дюссельдорфъ стоитъ, на что и Ахенбахъ,

на что и ты столько жертвъ принесла; могла бы и по роднымъ крышамъ мяукать да лапой, скуки ради, ихъ красить. А ты, вотъ, ради искусства сколькихъ близкихъ душъ покинула, такъ ужъ и держись бодро — не допускай упадать духу, а то я возьму тебя за хвостъ да и отдеру. Чего еще тебѣ хочется? Счастья небось, полнаго, — да мало ли что! Этой штуки нѣтъ нигдѣ — вотъ тебѣ шишъ, вмѣсто полнаго счастья. Спроситко объ этомъ предметѣ Ахенбаха, хотя изученіе этого предмета не есть его спеціальность, но все-же онъ не чуждъ ему, — нутко, спроси его, что, небось, вы полнымъ счастьемъ дышете въ вашей мастерской?.. Такъ-то, Котъ, накинь на себя попону мудрости, прижми уши шапкой смиренія и прикройся щитомъ терпѣнія, — да мажь, да мажь себѣ, вся углубись въ мазанье, — это поглотитъ тебя до забвенія всего, кромѣ красокъ. Глядь къ свѣту — что-нибудь и вышло. Ты и возрадуешься. Читай въ уединеніи — оно полезно. Уединеніе, тишина, знаешь, что никто къ вамъ не войдетъ, никто васъ не ждетъ, можете дѣлать, что хотите, никто не помѣшаетъ; въ такомъ положеніи можно работать, думать, учиться во всю силу своей мочи. Располагай временемъ, какъ хочешь — въ такихъ-то условіяхъ у талантливыхъ людей и возникаютъ великія созданья, дѣлаются громадные успѣхи. Ты и не увидишь, какъ зима пролетитъ, а съ весной ты въ Крыму, всѣ деревья въ цвѣту, какъ въ молокѣ, и запахъ розъ, — Саша дѣлаетъ веселые прыжки передъ тобой, ты съ нимъ уже на пароходѣ, въ Одессѣ, я тебя ругаю, ты въ вагонѣ, Кіевъ, Москва, Петербургъ — ахъ! Эдуардъ! [1].

---

[1]) Имя моего мужа.

Ты въ ихъ объятіяхъ, а на хвостѣ у тебя пейзажъ въ три аршина — типъ Ахенбаха. Тебя превозносятъ, пьютъ за твое здоровье, картина среди стола; на выставкѣ передъ ней публика, разиня ротъ отъ умиленія, и на твоей главѣ вѣнокъ; поднимаешь хвостомъ картину, несешь во дворецъ — министры, флигель- и генералъ-адъютанты и все III-е отдѣленіе въ умиленіи — и самъ государь... Вотъ тебѣ, Котъ, перспектива. Плакать нечего, а надобно отъ радости смѣяться. Сознайся, вѣдь, ты въ виду такого блеска смѣешься, ну, право, смѣешься, — и правильно!.. Итакъ, Котъ, мысленно, въ знакъ прощанія, верчу тебя за хвостъ и цѣлую въ рыльце».

Передъ отъѣздомъ изъ Россіи, я совершила дурной поступокъ, на который Татьяна Петровна взглянула очень строго и сначала даже слишкомъ трагично. «Ты, Котъ, отъ этого дѣла отрѣшись», — писала она мнѣ по этому поводу, — «не пачкай въ немъ твоихъ рукъ. Я люблю тебя, и горько было бы мнѣ увидѣть пятна на твоихъ рукахъ, кромѣ пятенъ отъ красокъ да отъ поцѣлуевъ твоихъ дѣтей». Дѣло заключалось въ томъ, что я начала процессъ изъ-за куска земли. По юридическому закону я была права и выиграла впослѣдствіи дѣло безъ всякихъ затрудненій, но по нравственному закону такъ поступать не слѣдовало. Люди, дѣлая компромиссы со своею совѣстью, часто оправдываютъ себя тѣмъ, что поступаютъ такъ не для себя лично, а для пользы другого, какъ будто дурными средствами можно кому бы то ни было принести добро!. Такъ поступила и я: то, что я ни за что не рѣшилась бы сдѣлать для себя, я сдѣлала «для дѣтей», и успокаивала себя этимъ, вопреки тайному голосу совѣсти. Изложивъ Татьянѣ Петровнѣ всѣ

свои доводы и оправданія, я все-же высказывала опасенія, что она теперь охладѣетъ ко мнѣ и отшатнется отъ меня. Къ величайшему сожалѣнію, изъ ея прекраснаго отвѣтнаго письма я могу привести только нѣсколько фразъ, такъ какъ дѣло, о которомъ шла рѣчь и которое она въ этомъ письмѣ такъ превосходно разбирала, касается не меня одной. Вотъ эти отрывки: «Врешь, ежъ, не то поешь. Меня къ тебѣ ничего не охладитъ, ничто не измѣнитъ, я знаю твое сердце и честность, что бы ни дѣлалось — виной не сердце, а голова — ошибочный взглядъ. Напротивъ, теперь-то ты мнѣ дороже, мнѣ жаль тебя, мой бѣдный Котъ; я не осуждаю тебя, потому что знаю тебя и потому что никого не сужу, это не наше человѣческое право; наше право одно: разобрать, чтобы понять, а съ пониманіемъ и оправданіе каждаго . . . . . .

... Точка зрѣнія, съ которой ты взглянула на это дѣло, о ш и б о ч н а, и слѣды этой ошибки падутъ больше всего на тебя, Котя. У моего сердца ты всегда найдешь горячій пріютъ, горячѣе прежняго: знаю и вижу, не легко тебѣ... ... Вотъ въ какое положеніе ставятъ софизмы!..

«Брось палитру, кисть и полотно, да прижмись къ моей старой груди, мой бѣдный Котъ, я пишу это и плачу, такъ глубоко́ сострадаю тебѣ, — и разберемъ вмѣстѣ, не прячась отъ истины, вѣрно ли ты поняла это дѣло... Взгляни на все это безпристрастно, не щадя себя, не защищаясь софизмами, и, положа руку на сердце, мой Котъ, скажи чистосердечно своему истинному, старому другу, скажи, такъ ли надобно было поступать?..

«Ты называешь меня другомъ своимъ и не оши-

баешься, — точно, Котъ, ты во мнѣ друга имѣешь, который ни во имя чего бы то ни было не оттолкнется отъ тебя, которому можешь открыть душу и горе, и радость, но который считаетъ преступнымъ поддерживать ослѣпленіе, а долгомъ дружбы говорить истину...

«Пиши мнѣ, не стѣсняйся: все, что̀ на душѣ, пр̀и въ письмо, оно здоровѣй, да береги себя. Мать для дѣтей дороже всякаго куска земли, ее ничѣмъ не замѣнишь».

Узнавъ многія обстоятельства, нѣсколько смягчавшія мою вину, Татьяна Петровна заключила, что я была вынуждена такъ поступить, какъ поступила, и, можетъ быть, чтобы утѣшить меня, свое чудное, длинное письмо, изъ котораго я, къ сожалѣнію, не могу привести даже отрывковъ, закончила словами: «во всемъ этомъ ты, котикъ, не повиненъ, вотъ мой финалъ, и больше ужъ ни слова не услышишь отъ меня, что бы тамъ ни было!»

Привожу еще отрывокъ изъ письма Т. П., написаннаго, когда я, проживъ зиму въ Дюссельдорфѣ, переѣхала въ Парижъ:

«Эхъ ты, Митрофанъ Терентьевичъ! Сидѣла, сидѣла въ Дюссельдорфѣ, а подъ руками Парижъ былъ, а тамъ слишкомъ двадцать человѣкъ нашихъ художниковъ, да еще, какъ слышно, замѣчательныхъ: кромѣ извѣстнаго проф. Боголюбова, Полѣновъ, Рѣпинъ... Что это за картина его саженная — Царство подводное Садко̀, съ сотнями морскихъ дѣвушекъ и лѣсомъ водяныхъ растеній? Сообщи мнѣ объ этой картинѣ; также и о картинахъ Боголюбова. Ужъ и то отдыхаешь ты, что среди русскихъ. Да, право, Котъ, ни въ одномъ народѣ я не встрѣчала этой свѣжести, юности

и широкой, открытой души, какъ у народа русскаго. Вѣдь вотъ, Котикъ, чѣмъ и ты мнѣ милъ — это твоей горячей, изливающейся нараспашку душой, я и ругаю-то тебя съ наслажденіемъ...

. . . . . .

«Твое письмо получила дня три тому назадъ и отвѣчаю. Ждала давно вѣсточки отъ моего Кота... Могу тебѣ сообщить новость: 21-го марта у Володи родился сынъ Сережа, котораго и рекомендую вашему расположенію, — поетъ и очень хорошо поетъ. Лёля [1]) тебѣ шлетъ разныя куры и комплименты, занимается кормленіемъ Сергѣя Владиміровича... Что ты рисуешь? Напиши. Въ Парижѣ и на фарфорѣ живопись въ ходу»...

Мнѣ кажется, что приведенные отрывки прибавляютъ много характернаго къ образу Татьяны Петровны, живо рисуютъ ея любящую душу, умѣвшую принимать такое живое участіе въ горести, жизни и интересахъ другихъ людей.

Когда Пассеки вернулись изъ Одессы въ Петербургъ, мы часто видались съ ними. Татьяна Петровна обладала рѣдкимъ искусствомъ жить вмѣстѣ съ дѣтьми своими и не ссориться съ ними. Этому способствовало, конечно, и то, что она всегда была занята работой. Она начала писать свои воспоминанія, которыя, кромѣ литературнаго интереса, были въ то время важны тѣмъ, что въ нихъ описывалась біографія Герцена и приводились мѣста изъ запрещенныхъ сочиненій его и Огарева. Въ то время упомянуть имена ихъ въ печати было невозможно, но всѣ знали, кто тѣ «Саша» и «Ника», о которыхъ писала Т. П.

---

[1]) Жена Владиміра Вадимовича Пассека.

Она начала также издавать «Игрушечку», прелестный дѣтскій журналъ, гдѣ все, казалось, проникнуто было духомъ Т. П. Около нея собирался интересный кружокъ ея сотрудниковъ. Здѣсь я познакомилась съ талантливой писательницей Лаврентьевой и нашей извѣстной художницей Бёмъ.

Въ 1879-мъ году я оставила Петербургъ, переѣхала сначала въ Крымъ, потомъ въ Кіевъ и, наконецъ, въ Москву. Я посѣщала отъ времени до времени мой возлюбленный Петербургъ полный для меня лучшихъ воспоминаній дѣтства и молодости, гдѣ я оставила столько близкихъ мнѣ людей. Я останавливалась у мужа, пока онъ оставался въ Петербургѣ, а когда и онъ переѣхалъ въ Москву — у моей матери.

Между другими своими работами Татьяна Петровна занималась изданіемъ въ «Русской Старинѣ» записокъ моего отца, но съ этой задачей она не совсѣмъ хорошо справилась. Правда, не одна она надъ этимъ трудилась, ей некогда было все взять въ свои руки; было много посредниковъ. Въ концѣ-концовъ, записки вышли въ печати очень измѣненными: нѣкоторыя вещи, сказанныя отцомъ моимъ, принимали оттѣнокъ, несвойственный его взгляду и образу мышленія. На мои протесты Т. П. возражала: «все было отцу твоему прочитано, и если онъ одобрилъ, нечего тебѣ тутъ, Котъ, мудрить». Но когда это читалось отцу, онъ былъ очень старъ, плохо слышалъ и помнилъ: гдѣ было ему слѣдить за редакціей!

Въ одинъ изъ моихъ пріѣздовъ въ Петербургъ, я была поражена тѣмъ, что моя мать поссорилась и окончательно разошлась съ Т. П. изъ-за какого-то недоразумѣнія по поводу тѣхъ же записокъ. Была рѣчь о какомъ-то пропавшемъ, будто бы, у Пассекъ

рисункѣ отца моего; вообще, я хорошенько не разобрала, въ чемъ дѣло, но мать моя такъ нервничала по этому поводу, что я въ первый день пріѣзда боялась и заикнуться о томъ, чтобы навѣстить Т. П., а потомъ такъ захлопоталась со своими дѣлами, заторопилась домой, что не успѣла заглянуть къ Пассекъ. Это было очень нехорошо съ моей стороны, именно въ такую минуту. Долгое время послѣ того мнѣ не пришлось быть въ Петербургѣ. Наконецъ, въ 1889-мъ году, я отправилась туда навѣстить заболѣвшую мать мою. По пріѣздѣ, я услышала, что Татьяна Петровна серьезно больна; говорили, что у нея ракъ въ желудкѣ... Я сейчасъ же поѣхала къ ней, дорогой сильно волновалась и съ трепетомъ ожидала, въ какомъ состояніи найду мою родную старушку...

Въ квартирѣ меня встрѣтила незнакомая мнѣ дама, сказала, что Татьяна Петровна очень опасно больна, но принимаетъ посѣтителей, и ввела меня въ спальню. Я вошла и остолбенѣла: на кровати лежалъ совсѣмъ незнакомый мнѣ человѣкъ! Татьяна Петровна всегда была настоящей «кубышкой», на постели же передо мной былъ живой скелетъ: мускулы превратились въ какія-то струны, кожа потемнѣла, даже черты лица трудно было узнать въ первую минуту, только глаза поражали своею жизнью, горѣли необыкновеннымъ огнемъ... — «Котъ мой, Котъ мой!» — воскликнула она и, обхвативъ мою шею, не выпускала меня изъ своихъ объятій, цѣлуя, плача и приговаривая: — «Пришла, пришла! Я говорила, что она придетъ, что она меня не обвиняетъ... Котъ мой со мной, Котъ мой сѣрый!..» Такимъ тепломъ обхватило меня и такой жалостью, и такой радостью, и та-

кимъ горемъ!.. Долго мы обѣ плакали. «Вы думали, что я...» — «Ничего я не думала, Котя, я говорила: ты придешь, я все говорила: не умру, не увидѣвъ тебя, и вотъ ты пришла!»

— «Посмотри, какая я стала!» — сказала она, когда мы немного успокоились, показывая мнѣ свои бѣдныя, изсохшія руки, съ засученными, какъ и прежде, рукавами. — «У васъ боли бываютъ? Вы очень страдаете?» — «Нѣтъ, такъ иногда, — это пустяки... А я все работаю, записки свои кончаю» — и она указала на тотъ же всегдашній бѣлый столикъ. — «Писать только не могу сама, устала, силъ нѣтъ; такъ вотъ добрые люди помогаютъ — диктую. «Игрушечка» тоже идетъ, теперь тамъ для маленькихъ есть отдѣлъ, да, вотъ, я пошлю книжку твоимъ дѣтямъ, скажи: отъ бабушкиП ассекъ... А читала ли ты, Котъ...» И пошелъ разговоръ о литературѣ, о воспитаніи, о томъ, что всѣ люди добры къ ней, и что все хорошо. Это была совсѣмъ прежняя Татьяна Петровна, теперь нельзя было не узнать ее. Она съ восторгомъ разсказывала о своихъ внукахъ, особенно о старшемъ, Сережѣ, о которомъ выражалась: «ну, этотъ у меня гусь лапчатый» — высшая въ ея устахъ похвала. Она захотѣла знать мое мнѣніе о написанномъ въ послѣднее время съ нея портретѣ, который я, къ сожалѣнію, не нашла похожимъ.

«Постой, — сказала Татьяна Петровна, — я встану и приду въ гостиную».

— «Зачѣмъ это?»

«Нѣтъ, я, вѣдь, могу, я встаю... Тамъ я на диванѣ лягу». Она дѣйствительно вышла, поддерживаемая съ двухъ сторонъ, и сѣла съ ногами на диванѣ, облокотясь о подушку.

«Ну, разсказывай, Котъ, про себя, говори в с е».

Я разсказала о перенесенныхъ мною за послѣдніе годы нравственныхъ и физическихъ страданіяхъ. О томъ, какъ я выпуталась изъ состоянія, близкаго къ отчаянію, взявшись серьезно за трудъ, какъ нашла равновѣсіе, перестала думать только о себѣ; какъ передъ мыслью о близкомъ, торжественномъ часѣ смерти простила враговъ своихъ, простила по-христіански, такъ что, возвратившись къ жизни, чувствовала къ нимъ уже не ненависть, какъ прежде, а любовь, и какъ это было мнѣ радостно; говорила о томъ, какъ, поднявшись временно на такую высоту, снова падала, снова карабкалась вверхъ... Я говорила, что не ропщу на перенесенное: чтобы стать настоящимъ человѣкомъ, надо испытать не однѣ только радости, но и горе жизни...

По мѣрѣ моего разсказа, Татьяна Петровна приговаривала: «Дѣло говоришь, Котъ. Все благо, все хорошо», и, когда я кончила, сказала: «Душа твоя выросла. Душа, Котя, не старится. Она все растетъ, растетъ, поднимается выше и выше, къ болѣшему и большему совершенству, пока не соединится, наконецъ, съ вѣчнымъ началомъ добра, вѣчнымъ бытіемъ, вѣчной любовью».

Она произносила эти слова радостнымъ голосомъ, какъ бы въ экстазѣ, и мнѣ казалось, что душа ея уже вырастаетъ изъ тѣла, и что мы сейчасъ разстанемся съ ней... Но блестящіе глаза съ лаской опустились на меня, усталыя руки упали на колѣна... Вошла встрѣтившая меня дама. «Поди сюда, Котя, — сказала Татьяна Петровна, — дай я благословлю тебя. Благословляю и дѣтей твоихъ, передай имъ это мое благосло-

веніе». Я плакала. Мы прощались долго, она долго не отпускала меня, все прижимала къ себѣ и цѣловала...

Вернувшись въ Москву, я вскорѣ узнала о смерти Татьяны Петровны Пассекъ.

XXIV.

Are not the mountains, waves and skies a part
Of me and of my soul, and I of them?

Byron.

Весною 1861-го года опять начались наши странствованія. Прежде всего, мы отправились въ Лондонъ. Морское путешествіе черезъ коварный Pas de Calais сошло лучше, чѣмъ я ожидала; мы пріѣхали на мѣсто нашего назначенія довольно бодрые. Послѣ веселаго и солнечнаго Парижа, Лондонъ произвелъ на меня непріятное впечатлѣніе чернымъ видомъ однообразныхъ домовъ, туманомъ, угольной пылью; толпа на улицѣ некрасивая, грязная, скучная; лица холодныя и сосредоточенныя; уличные мальчишки и нищіе дерзки. Мнѣ казалось, что я гораздо дальше отъ родины, чѣмъ была во Франціи и Германіи. Достопримѣчательности, которыя мы успѣли осмотрѣть въ пять-шесть дней, проведенныхъ въ Лондонѣ, оставили также мрачное впечатлѣніе: Тауеръ, съ его кровавыми воспоминаніями, строгій Св. Павелъ, прекрасное, но печальное Вестминстерское Аббатство; отвратительный кабинетъ восковыхъ фигуръ г-жи Тюссо... Про Британскій музей и про Національную галлерею я ничего не могу сказать, такъ какъ, пробѣжавъ ихъ одинъ разъ, нельзя составить себѣ

объ нихъ ни малѣйшаго понятія. Всесильно привлекли меня къ себѣ только Эльджинскіе мраморы [1]). Въ Кенсингтонскомъ музеѣ меня поразили больше всего картины Тёрнера. Говорятъ, что Тёрнеръ страдалъ болѣзнью глазъ, дальтонизмомъ, но ни на какія картины послѣ него не хочется смотрѣть; онѣ блѣднѣютъ, скользятъ мимо и забываются.

Въ театрѣ мы были одинъ разъ; видѣли знаменитаго Фехтера въ «Гамлетѣ». Его изображеніе датскаго принца было ново для меня: онъ игралъ не болѣзненнаго, слабосильнаго человѣка, а полнаго жизни, только слишкомъ далеко ушедшаго впередъ отъ своего вѣка и окружающей среды. Ради долга разбиваетъ онъ счастье и свое, и любимой дѣвушки.

Самымъ радостнымъ событіемъ проведенной въ Лондонѣ недѣли было наше сердечное свиданіе съ Ольдриджемъ. На другой же день послѣ пріѣзда мы отправились къ нему, но не застали его дома; видѣли только его десяти- или одиннадцатилѣтняго сынка; черты лица мальчика напоминали отца, но цвѣтъ лица былъ совершенно бѣлый и волосы кудрявые. Онъ объяснилъ намъ, что мать его больна, и отецъ съ нею на берегу моря, но на-дняхъ долженъ пріѣхать. Мы оставили нашъ адресъ, и черезъ два дня Ольдриджъ явился къ намъ. Нашу встрѣчу омрачило нѣсколько извѣстіе, что жена его въ чахоткѣ и врядъ-ли поправится; онъ былъ удрученъ этимъ, но свиданіе съ нами, искренними его друзьями, было ему пріятно именно въ такую минуту. Ольдриджъ навѣщалъ жену, но посвящалъ и намъ много времени,

---

[1]) Фронтоны Парѳенона, увезенные изъ Аѳинъ лордомъ Эльджиномъ.

заботясь о нашемъ комфортѣ и сопровождая насъ въ разныхъ поѣздкахъ. 26-го іюня, провожаемые Ольдриджемъ, мы поѣхали въ Вентноръ на островъ Уайтъ, гдѣ хотѣли провести лѣто и покупаться. Тамъ ожидало меня нѣчто мнѣ близкое: море! Я родилась около моря, любила и люблю его, к а к ъ ч е л о в ѣ к а; его вѣчный, чарующій голосъ говоритъ мнѣ о чемъ-то, можетъ быть, слишкомъ глубокомъ для моего пониманія, но говоритъ на языкѣ родномъ. Всматриваясь въ изумрудную глубину набѣгающей волны, я оживала душой, я снова приближалась къ родинѣ... Островъ Уайтъ очарователенъ, и Вентноръ — одно изъ лучшихъ мѣстечекъ на немъ. Веселенькій городъ, расположенный по склону горы, среди садовъ, спускается къ морю и оканчивается набережной надъ широкой plage. Вся природа — ласкающая и веселая. На берегу моря набросаны не грандіозныя, но красивыя скалы; за ними поднимается высокій бѣлый берегъ — the white cliffs of Albion. Вездѣ красивые сады, вѣковыя деревья, дороги, окаймленныя живыми изгородями, гдѣ переплетаются всевозможные пахучіе цвѣты и травы; по полямъ журчатъ ручейки; коттеджи, разбросанные повсюду, свѣтлы, чисты, обвиты розами; на что ни посмотришь, все — веселое, уютное. Нравились мнѣ маленькія, старинныя церковки, которыхъ много въ окрестностяхъ. Я любила ходить туда по воскресеньямъ. Особенно привлекала меня одна изъ нихъ, S-t Laurence Church, построенная въ 1196-мъ году. Она заросла плющемъ; внутри — таинственная полутьма, въ которой ярко горятъ прорвавшіеся въ окна лучи солнца. Молящіеся напѣваютъ гимны, имъ вторитъ снаружи хоръ пташекъ. Вокругъ церкви — старое кладбище. Какъ не

уйти отъ суеты мірской въ такой обстановкѣ! Родителямъ моимъ надо было отдохнуть послѣ тревогъ этой зимы; жизнь наша потекла тихо и однообразно. Купаться, лежать на мягкомъ пескѣ, гулять, читать — вотъ наше времяпровожденіе; для меня и для сестры оно разнообразилось только уроками верховой ѣзды. Рысью намъ совсѣмъ не позволяли ѣздить; «it is not ladylike», говорилъ нашъ учитель. Мы могли ѣздить только курцъ-галопомъ или маршмаршемъ. Хорошо было нестись карьеромъ по подстриженной бархатной травѣ луговъ (the downs), разстилающихся по высокому берегу надъ моремъ! Среди публики, встрѣчавшейся на плажѣ, не было ни одной интересной физіономіи, и мы съ сестрой скучали одиночествомъ, когда вдругъ замѣтили молодого человѣка, лицо котораго намъ показалось «человѣческимъ», какъ мы выражались. Съ нимъ гуляла барышня и мальчикъ лѣтъ семи. Намъ сейчасъ же захотѣлось познакомиться съ ними. Случай скоро представился: съ молодыми людьми разъ пришла пожилая дама, оказавшаяся ихъ матерью; она не пошла гулять, а сѣла рядомъ со мной на скамейку, такъ что я легко могла вступить въ разговоръ съ нею. Она была вдова, жила въ Рединге (Reading), фамилія ихъ Бейлей (Bailey), дочь зовутъ Анной, старшаго сына Іосифомъ, онъ студентъ оксфордскаго университета, готовится быть пасторомъ; очень хорошо пишетъ стихи.

Подошли дѣти старушки, мои родители, и знакомство завязалось. Съ этой минуты мы, молодежь, проводили цѣлые дни вмѣстѣ въ прогулкахъ, въ собираніи морскихъ растеній и животныхъ, ходили вмѣстѣ въ церковь, возвращаясь по залитымъ солнцемъ

изумруднымъ лугамъ, а по вечерамъ говорили, говорили до поздней ночи. Миссъ Анна, мало развитая дѣвушка, не принимала участія въ разговорахъ, но оставить насъ вдвоемъ было противъ правилъ приличія, и она, понявъ своимъ добрымъ сердцемъ возникавшее между нами чувство, жертвовала собою. Г-нъ Бейлей разсказывалъ мнѣ объ Оксфордѣ, я о нашей университетской жизни; мы говорили о знакомыхъ книгахъ, о любимыхъ поэтахъ, и у насъ оказывалось много общихъ мыслей и чувствъ. «It was not, писалъ онъ мнѣ потомъ о нашихъ бесѣдахъ, «a lady and gentleman playing the hynocrite to one another, but soul holding communion with soul» [1]).

Б. былъ образованъ, много читалъ, говорилъ по-французски и по-нѣмецки, что рѣдко тогда встрѣчалось въ Англіи; онъ былъ поэтично и немного мистически настроенъ. Его европейская утонченность и культурность нравились мнѣ, а нѣкоторыя мысли, новыя для меня, дѣлали на меня впечатлѣніе. Такъ, напримѣръ, онъ говорилъ: «Я вѣрю, что до этой жизни была еще другая или другія. Иногда я какъ будто что-то вспоминаю изъ этого прошедшаго; иногда промелькнетъ въ умѣ что-то неизъяснимое, смутный отголосокъ чего-то иного, давно минувшаго», или: «какъ между людьми, мало знающими другъ друга, возникаетъ непонятная точка соприкосновенія— симпатія, такая же точка соприкосновенія должна быть и между всѣми, такъ называемыми, «царствами природы». Еслибъ человѣкъ захотѣлъ, онъ, можетъ быть, отыскалъ бы это звено, эту таинственную точ-

[1]) Не дама и кавалеръ лицемѣрили другъ передъ другомъ, но душа сообщалась съ душой.

ку, онъ понялъ бы тогда и то, что «говорятъ волны», и языкъ растеній, и психическую жизнь животныхъ...

Хотя Б. готовился быть священникомъ, но онъ не былъ формалистомъ, всю силу христіанства онъ видѣлъ въ ученіи Христа и въ добрыхъ дѣлахъ.

Разъ какъ-то я привела, слышанную или вычитанную гдѣ-то мысль, что Іисусъ любилъ Марію, сестру Лазаря, земною любовью.

«Нѣтъ, не вѣрьте этому», рѣзко отвѣтилъ Б.

— «Развѣ дурно любить?»

«Для насъ нѣтъ. Я думаю, что человѣкъ дѣлается сильнѣе для добра, когда онъ проходитъ путь свой рука объ руку съ сочувствующимъ ему, дорогимъ, близкимъ существомъ. Много, много можно сдѣлать хорошаго вдвоемъ! Но на сколько Онъ былъ выше насъ, на столько Его дѣло было выше нашихъ дѣлъ. При Его великой миссіи ничего земного, личнаго не могло существовать для Него. Нѣтъ, никогда не думайте этого! Не умаляйте Его!!..»

Я увлекалась, мнѣ казалось, что я нашла того, кого ждала и искала. Однако, и этой моей возгорающейся любви суждено было разомъ прерваться. Бейлей не могли дольше откладывать своего отъѣзда. Джозефъ Б. зашелъ къ намъ вечеромъ послѣ того, какъ мы уже простились со всей семьей. Я вынула свою записную книжку и попросила его написать мнѣ что-нибудь на память. Онъ написалъ:

My fairesd child, J have no song to give thee,
No lark could sing to skies so dull and gray—
Yet, ere we part, one lesson J would leave you
For every day.

Be good, sveet child, and let who will be clever,
Do noble things, not dream them all day long—
So wills shon makelife, death, and the vass forever
One grand sweet song

Въ ненастье и птицы не слышится пѣнье,
Не спрашивай пѣснь, дитя, у меня,
Но на прощанье скажу наставленье
Для каждаго дня.
Будь доброй и пусть на дѣлахъ отзовутся
Стремленья къ добру твоего существа,
И жизнь твоя къ небу и смерть вознесутся,
Какъ пѣснь торжества.

пер. П. Н.

Послѣ его отъѣзда я много плакала, но болѣе, чѣмъ прежде, чувствовала родство съ природой: «она и я — одно», часто повторяла я мысленно.

Нѣсколько знакомствъ съ англійскими семьями были не интересны. Придешь, подадутъ чай, поговорятъ необыкновенно важно о самыхъ пустыхъ вещахъ, потомъ барышня сядетъ за фортепіано и «запищитъ, о Боже мой!..» Все ужасно шаблонно у нихъ, но, можетъ быть, это только провинціальные нравы.

Памятенъ мнѣ разговоръ съ одной барышней: она меня спросила о званіи моего отца, я отвѣчала: «онъ графъ».

— Да? — промолвила она, — но вѣдь русскій графъ меньше англійскаго джентльмена?» Я не разувѣряла ее.

Еще вспоминается мнѣ, что въ Вентнорѣ я видѣла въ первый разъ швейную машину, которыхъ еще не было тогда въ Россіи.

На обратномъ пути, въ Лондонѣ, мы посѣтили Герцена и провели у него вечеръ. У него было нѣсколько человѣкъ русскихъ, между прочимъ Голицыны. Говорилъ больше всего самъ Герценъ. Рѣчь его лилась необыкновенно свободно и красиво, именно л и л а с ь; было, однако, замѣтно, что онъ это

сознаетъ и не очень любитъ, когда ему возражаютъ. Онъ былъ въ этотъ вечеръ крайне оживленъ, привѣтливъ, много разсказывалъ анекдотовъ и смѣялся заразительнымъ хорошимъ смѣхомъ, отъ всей души. Такой смѣхъ бываетъ только у искреннихъ и честныхъ людей, смѣхъ болѣе всего выдаетъ человѣка. Огаревъ составлялъ совершенный контрастъ съ Герценомъ; онъ былъ тихъ, мало говорилъ, казался застѣнчивымъ, какъ бы подавленнымъ личностью своего друга. Герценъ былъ интересенъ, блестящъ, но Огаревъ былъ мнѣ болѣе симпатиченъ; мнѣ было его жалко. Парижъ не нравился Герцену: онъ находилъ, что жить тамъ такъ же отвратительно, какъ въ Петербургѣ. Я довольно безтактно замѣтила, что для меня всего лучше въ Россіи. «Это кажется, пока далеко оттуда, — сказалъ А. И., — а какъ подъѣдешь къ границѣ, да увидишь полосатый шлагбаумъ и маленькаго солдатика въ большомъ киверѣ съ цифрою 4!!!..» Рѣчь зашла о Шевченкѣ. «Онъ тѣмъ великъ, — сказалъ Герценъ, — что онъ совершенно народный писатель, какъ нашъ Кольцовъ; но онъ имѣетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ Кольцовъ, такъ какъ Шевченко также политическій дѣятель и явился борцомъ за свободу». Когда оба друга вышли провожать насъ, мама сказала: «До свиданія; я надѣюсь, что еще увижу васъ въ Россіи».

— Я надѣюсь, — отвѣчалъ Огаревъ. Герценъ промолчалъ.

«Теперь другія времена, — продолжала мама, — многаго можно ожидать».

— Помилуйте, — сказалъ Герценъ съ горечью, — чего можно ожидать, когда тамъ не прямо дѣйствуютъ!?

Въ гостиной Герцена висѣла картина, подаренная ему русскими художниками въ Парижѣ: она изображала колоколъ, поддерживаемый летящими геніями, и надъ нимъ «Полярную Звѣзду» въ образѣ женщины, въ старинномъ русскомъ костюмѣ, также парящую въ воздухѣ.

Тотъ, кто ступилъ на благословенную землю Бадена, забываетъ и горе, и заботы; онъ живетъ и чувствуетъ наслажденіе жизнью». Слова эти прочла я въ гидѣ на пароходѣ, поднимавшемся вверхъ по Рейну. Рейнъ, какъ впослѣдствіи Волга, разочаровалъ меня: слишкомъ много поэтическихъ пѣсенъ пропѣто о немъ, слишкомъ воспаряло воображеніе надъ дѣйствительностью. Мнѣ больше всего понравилось мѣсто, гдѣ возвышается Драхенфельсъ, и я успѣла зачертить его. Кёльнскій соборъ я не достаточно оцѣнила. Признаюсь, мнѣ и теперь ближе скульптура и живопись средневѣковья, чьмъ архитектура его храмовъ. Во мнѣ болѣе возбуждаютъ молитвенное настроеніе такія церкви, какъ св. Маркъ въ Венеціи, св. Зенонъ въ Веронѣ, даже Успенскій соборъ въ Москвѣ. Баденъ-Баденъ дѣйствительно, по своему мѣстоположенію, по прелестнымъ прогулкамъ показался мнѣ избраннымъ уголкомъ земли, кромѣ, конечно, мѣста царствованія рулетки, которая совсѣмъ не подходила къ красотамъ Шварцвальда. Однако, «забыть горе и чувствовать наслажденіе жизнью» мнѣ не скоро удалось, слишкомъ еще свѣже было чувство разлуки съ Б. Къ концу нашего пребыванія въ Баденѣ случилось со мной слѣдующее непріятное приключеніе. Еще въ Парижѣ намъ представили г-на NN, съ которымъ мы встрѣтились въ Баденѣ, гдѣ онъ сдѣлался нашимъ ежедневнымъ гостемъ. Онъ

мнѣ не былъ симпатиченъ, но я обращалась съ нимъ непринужденно, какъ со всѣми. И вотъ, одинъ разъ, когда я была одна дома, онъ упалъ передо мной на колѣни и сказалъ: «я люблю тебя!» Я подумала, что онъ сошелъ съ ума, страшно испугалась и однимъ прыжкомъ очутилась у двери сосѣдней комнаты, гдѣ работала горничная. Онъ ушелъ. Когда я успокоилась и разсказала возвратившимся мамѣ и сестрѣ о происшедшемъ, вся сцена показалась намъ до того комичной, что мы разхохотались. Однако, я долго мучилась вопросомъ о томъ, чѣмъ я могла дать поводъ къ такому поступку. Во всякомъ случаѣ, я рѣшила быть осторожнѣе въ обращеніи съ людьми, мало мнѣ знакомыми.

Осмотрѣвъ Рейнскій водопадъ, мы отправились въ Базель и Цюрихъ. Я съ трепетомъ ждала того момента, когда увижу снѣжныя вершины. Когда онѣ явились вдали, онѣ произвели на меня странное впечатлѣніе: будто это не природа, а уже видѣнная мною декорація. Просто не вѣрилось, что это дѣйствительность. Я не осматривала достопримѣчательностей названныхъ городовъ, — это мнѣ надоѣло; хотѣлось насладиться одними видами природы. Послѣднее удалось мнѣ только въ Лозаннѣ; чудный видъ съ горы Signal навѣялъ почему-то грусть, но такъ запечатлѣлся въ памяти, что я, много времени спустя, могла бы написать его, со всѣми формами горъ и переливами тоновъ. Пока мы плыли по Женевскому озеру, я не отрывала глазъ отъ Монблана, свѣтящаяся масса котораго какъ бы предшествовала намъ. Разныя горы проходили передъ нимъ и мѣняли свои формы, а онъ одинъ, казалось, шелъ вмѣстѣ съ нами, не мѣняя своего гигантскаго образа: ни

одна тѣнь не передвинулась на немъ. Въ Женевѣ мы оставались недолго и рѣшились пожить подольше въ мѣсточкѣ Морнэ, въ Савойѣ. Въ недорогомъ и уютномъ пансіонѣ, гдѣ мы помѣстились, жили англичане и американцы, постоянно враждовавшіе между собой. Одна семья, изъ южныхъ штатовъ, съ ожесточеніемъ стояла за рабовладѣльцевъ, что вызывало съ моей стороны жаркіе споры. Англичанки отзывались объ американкахъ, что онѣ не «ladies»; но американки были гораздо развитѣе, оживленнѣе и любезнѣе англичанокъ. Вскорѣ эти путешественники разъѣхались, мы остались въ пансіонѣ одни и почувствовали себя совершенно какъ дома. Гдѣ бы мы ни останавливались на болѣе продолжительное время, къ намъ съ сестрой сейчасъ приглашали какую-нибудь дѣвицу, съ которой мы могли гулять сколько хотѣли; родители не были въ состояніи всегда сопутствовать намъ, особенно въ Морнэ, гдѣ мы совершали длинныя прогулки въ горы, иногда на ослахъ, но большею частью пѣшкомъ.

Швейцарія — хорошее преддверье для Италіи. Тому, кто еще не подпалъ подъ чарующее обаяніе юга, Швейцарія кажется достаточно колоритной, ночи ея — блестящими, горы поражаютъ величественностью и картинностью. Надо признаться, что на меня именно к а р т и н н о с т ь этой природы имѣла расхолаживающее дѣйствіе; она часто представлялась мнѣ мертвой панорамой и слишкомъ напоминала картины Калама, Мещерскаго и пр. «Здѣсь можно — замѣчала я — писать картины не к о м п о н у я; Швейцарія — готовая картина, которую надо только к о п и р о в а т ь». Природа здѣсь какъ бы застыла въ своемъ совершенствѣ; между тѣмъ ху-

дожнику дорога не оконченность формъ, а вѣчно мѣняющаяся, созидающая природа. Дѣйствительно, мы видимъ, что Швейцарія бѣдна художниками-творцами. Бöклинъ жилъ и работалъ не на своей родинѣ и не писалъ видовъ Швейцаріи. Тѣмъ не менѣе, картины, разстилавшіяся передъ моими глазами, были все же прекрасны, особенно, когда онѣ оживлялись эффектами заката или тумана. «Всѣ Альпы, — писала я въ одно поразившее меня утро,— покрыты другими, менѣе опредѣленными, фантастическими горами и долинами облаковъ; линіи самыхъ горъ безпрестанно мѣняются, и вся цѣпь дѣлается изъ мертвой живою, двигающеюся, перерабатывающеюся громадой: горы идутъ за горами, обращаются въ долины, изъ которыхъ вновь выростаютъ горы. Иногда ровный туманъ застилаетъ все; никто не повѣрилъ бы, что это не чистое небо — и вдругъ высоко надъ кажущимся горизонтомъ собираются пятна, все болѣе яснѣютъ, и открывается верхушка Монблана, какъ бы висящая среди неба». «Что можетъ быть эффектнѣе горъ при вечернемъ освѣщеніи?» — писала я въ другое время. — «Розовый атласъ не такъ нѣженъ, малиновый бархатъ не такъ пушистъ, червонное золото не такъ блеститъ, какъ онѣ! А Монбланъ, съ его горячимъ свѣтомъ и холодѣющими тѣнями!»... «Я только что была свидѣтельницей поразительнаго заката. Горы перемѣняли свой синій цвѣтъ на болѣе теплый, лиловатый, потомъ, краснѣя, покрылись туманомъ, и вдругъ солнце, вырвавшись изъ тучи, зазолотило, зарумянило все кругомъ... Скоро волшебная иллюминація кончилась; багровыя вершины горъ, блѣднѣя, терялись въ воздушной перспективѣ и вновь приняли холодный, синій тонъ, туманъ

поднялся отъ ихъ подножья и затопилъ торжество красокъ; только одинъ царь горъ оставался въ своемъ золотомъ одѣяніи. Золото — слишкомъ банальное выраженіе: когда же золото имѣло такой яркій, пламенный и вмѣстѣ съ тѣмъ мягкій блескъ? Но этотъ свѣтъ потухалъ, загорѣлся на мгновенье еще одинъ уголокъ послѣднимъ лучомъ — и огонь превратился въ ледъ! Умолкла природа, погрузилась въ тишину и полумракъ... и сердце притаилось въ груди»...

Отъ постоянныхъ прогулокъ на свѣжемъ воздухѣ я чувствовала себя все веселѣе и бодрѣе. Я совсѣмъ не занималась живописью; маленькій альбомчикъ, конечно, всегда былъ со мной и до сихъ поръ служитъ мнѣ пріятнымъ воспоминаніемъ о путешествіяхъ, — но это не называется работой. Тѣмъ не менѣе я не считаю это время потеряннымъ для моего художественнаго развитія: смотрѣть на природу съ тѣмъ вниманіемъ, съ которымъ я смотрѣла, есть то же ученье.

Не долго продолжалась моя хорошая и здоровая жизнь въ Морнэ; въ нашемъ сосѣдствѣ оказались знакомые, стали устраивать общія, шумныя прогулки. Во время одной изъ нихъ, устроенной нашими сосѣдями Коссиковскими, я познакомилась съ Николаемъ Яковлевичемъ Ростовцевымъ. Онъ былъ очень красивъ, уменъ, образованъ; въ его обращеніи было много мягкости и деликатности; съ опредѣленностью его либеральныхъ убѣжденій соединялась большая терпимость; говорилъ онъ прекрасно; мы съ нимъ рисовали съ натуры, онъ меня живо поощрялъ къ дальнѣйшимъ занятіямъ живописью и говорилъ, что у меня «вкусный карандашъ». Пріѣхалъ Мещерскій и повезъ насъ посѣтить мастерскую его обожаемаго учителя, знаметаго Калама. Хозяинъ былъ въ выс-

шей степени любезенъ, показалъ намъ много этюдовъ и только что конченную картину, съ освѣщенными горами и камнями въ тѣни на первомъ планѣ—картину эффектную, превосходно выполненную, но не произведшую на меня впечатлѣнія. Картины испортили мнѣ Швейцарію, а Швейцарія испортила картины.

Въ послѣднюю недѣлю нашего пребыванія въ Морнэ наступилъ сборъ винограда, сливъ и орѣховъ. Въ это время всякій могъ входить въ виноградники и вволю кушать плоды, а также собираемые фрукты; нѣсколько дней подъ рядъ во всѣхъ садахъ былъ настоящій праздникъ. Не смотря на то, что я «политиканствовала», влюблялась, съ серьезными людьми могла разговаривать, возможность поѣсть съ вѣтки сладкій, золотистый виноградъ, набрать полный подолъ свѣжихъ грецкихъ орѣховъ, была истинной радостью для меня, затмившей на нѣсколько дней все остальное.

9-го октября мы, наконецъ, тронулись въ Италію. Теперь, вѣроятно, мало извѣстенъ путь, которымъ мы ѣхали, потому рѣшаюсь нѣсколько подробнѣе описать его. Мы отправились изъ Женевы на пароходѣ въ Бувере (Bouveret), гдѣ пересѣли на желѣзную дорогу. Долина Роны показалась мнѣ способной именно возбудить творчество художника. Особенно красиво мѣстечко St.-Maurice, гдѣ поѣздъ, пробравшись сквозь туннель, выходитъ на чудную долину, фонъ которой образуютъ горы, необыкновенно граціозныя по своимъ линіямъ. На первомъ планѣ красивыя группы деревьевъ; сквозь ихъ прозрачную листву синѣетъ даль. Въ Сіонѣ надо было пересѣсть въ дилижансъ, что было не особено пріятно. Въ Бригѣ мы переночевали и на другое утро стали

подниматься на Симплонъ. Дорога сначала идетъ между деревеньками, виноградниками, но скоро природа становится болѣе дикой, суровой, и горы начинаютъ надвигаться на васъ; вмѣсто каштановъ показываются ели и сосны, потомъ пропадаютъ и онѣ; путниковъ окружаютъ голыя скалы, кругомъ клубятся туманы, кое-гдѣ бѣлѣетъ снѣгъ, слышенъ грозный вой вѣтра да ревъ прыгающихъ со скалъ горныхъ потоковъ. День былъ пасмурный. Только когда мы уже совершили перевалъ, и передъ нами открылся спускъ въ Италію, выглянуло на мгновенье солнце, какъ бы встрѣчая насъ привѣтомъ. Отъ итальянской границы тянется дивное ущелье Гондо, съ живописнымъ потокомъ Диверія. Трудно описать дикую красоту этой мѣстности: груды камней и скалъ будто раздроблены и набросаны другъ на друга рукою взбѣшенаго гиганта, а между ними легко и граціозно прыгаетъ, катится и пѣнится веселый ручей. Мы провели день на очаровательномъ Lago Maggiore и прибыли въ Миланъ, гдѣ остановились въ отелѣ «de la belle Venise». Комнаты намъ дали съ расписными потолками, съ высокими, узкими окнами, съ кроватями подъ балдахинами, съ витыми колонками. — Уже это привело меня въ особенное настроеніе и дало почувствовать, что я въ Италіи. Пріятно поразило меня также, что дамы на улицѣ носятъ не шляпы, а граціозно накинутыя на голову кружевныя мантильи.

XXV.

Италія, волшебный край,
Страна высокихъ вдохновеній!

Пушкинъ.

Миланскій соборъ мнѣ вскружилъ голову: украшенья, барельефы, башни, взвившіяся вверхъ, какъ ракеты; статуи, поддерживаемыя стрѣлками, вырисовывающіяся въ лазурномъ воздухѣ, кружева изъ мрамора, полы изъ розовой мозаики... А наверху, на крышѣ собора, аллеи изъ аркадъ, безконечные ходы, обставленные большими, изъ мрамора изваянными цвѣтами и фруктами, среди которыхъ временами поднимаются башенки, какъ стройные тополя! Волшебное царство, бѣломраморный садъ, застывшій, окаменѣлый цвѣтникъ... Глаза разбѣгаются, общее не улавливается... Я не успѣла переварить этого сильного впечатлѣнія, какъ пришлось испытать другое, не менѣе сильное и для меня затмившее первое. Я говорю о «Тайной вечерѣ» Леонардо да-Винчи. Я видѣла ее еще не совсѣмъ погибшей: существовали почти всѣ лица апостоловъ, столь живыя и разнообразныя; лицо Спасителя, отчасти лишенное краски, сохраняло свои очертанія, свое дивное , глубокое выраженіе. Ни одна копія, ни одна гравюра, видѣнная мною раньше, не передавали того впечатлѣнія, которое произвелъ на меня оригиналъ. Ни перъ одной картиной не чувствова-

ла я, до сихъ поръ, такого тихаго, душевнаго восторга; это была первая вещь, внутреннюю красоту которой я вполнѣ поняла. Мнѣ казалось, что чѣмъ бльше я смотрю на нее, тѣмъ больше вникаю въ истинный смыслъ искусства; я духовно росла передъ этой картиной. Съ жадностью смотрѣла я потомъ на рисунки великаго художника, на голову Христа на обломкѣ стѣны, сохраняющуюся въ Брера, — вѣроятно, одно изъ многочисленныхъ исканій Леонардо типа Христа. Хотя она сильно реставрирована, но видишь какъ-то оригиналъ сквозь реставрацію. Какъ жалѣю я о Джіокондѣ, о всякомъ штрихѣ и мазкѣ Леонардо, мимо которыхъ прежде проходила безъ вниманія. Хотѣлось бы остановиться, передумать, переварить все то новое, что ворвалось въ душу, но быстрота нашего путешествія влекла впередъ; масса видѣннаго кружилась передъ глазами, какъ калейдоскопъ.

Піаченца, Парма, Модена летятъ мимо. Останавливаетъ нѣсколько Болонья: улицы въ аркадахъ, дворцы, черепичныя крыши, башни, церкви... Едва выдвигаются изъ пестраго фона прекрасныя аркады, тянущіяся на полторы версты и ведущія къ монастырю св. Луки, подъ которыми монахи могли гулять въ дождливую погоду; соборъ, косыя башни (изъ которыхъ высокая — почти пряма, а низкая, которую Данте сравнивалъ съ Антеемъ, такъ наклоняется, что кажется совсѣмъ падающею), Campo-Santo, гдѣ похоронены двое русскихъ — кн. Голицыны, наконецъ, галлерея. Смотрю на картины уже иначе, чѣмъ прежде: ищу выраженія, обращаю вниманіе на технику, начинаю разбирать школы; на тѣ картины, которыя нравятся, смотрю уже съ нѣкоторой кри-

тикой. Записываю въ свою книжку: «Въ картинѣ «Избіеніе младенцевъ» Гвидо Рени прекрасно лицо одной матери: нѣтъ ни мольбы, ни страха, это все уже было, теперь все кончено, осталось только отупѣніе отчаянья. Свѣжесть и яркость красокъ этой картины изумительны, а между тѣмъ въ ней есть тотъ теплый тонъ, который даетъ время картинамъ старыхъ мастеровъ и который мнѣ чрезвычайно нравится». «Поразительно реальна «San Pietro Martire» Доменикино, даже смотрѣть страшно», «Въ картинѣ «Madonna del rosario» Доменикино все хорошо, кромѣ самой Мадонны. Въ большинствѣ картинъ менѣе удовлетворительны бываютъ главныя фигуры, потому ли, что наше воображеніе болѣе сосредоточивается на нихъ, или потому, что художники задавали себѣ задачи, съ которыми не могли справиться? Вотъ, напримѣръ, картина, которая называется «Martyre de S-te Agnès»: первое, на что обращаешь вниманіе — конечно, на ту фигуру, по которой названа картина, и она разочаровываетъ; потомъ уже всматриваешься въ остальныя фигуры, и онѣ оказываются такъ хороши, что изъ второстепенныхъ дѣлаются главными. Такъ и въ вещахъ Аннибала Караччи: въ святыхъ столько силы и выраженія, что Мадонна дѣлается только аксессуаромъ... Сколько у Аннибала благородства и энергіи въ двухъ столь различныхъ между собою головахъ Іоанна Крестителя и св. Франциска». «Не надо забывать и перваго болонскаго художника — Франціа; онъ еще похожъ на византійцевъ, но у него уже есть выраженіе въ лицахъ и такой покой. Остается сказать о св. Цециліи, конечно, Рафаэля, но кто ее не знаетъ? Она мнѣ очень нравится».

Приводя эти выписки, я вовсе не хочу сказать, чтобы мои сужденія были особенно вѣрны; но въ нихъ уже являлось нѣчто менѣе дѣтское и болѣе вдумчивое, и это былъ шагъ впередъ, которымъ я, главнымъ образомъ, обязана «Тайной Вечерѣ».

Изъ Болоньи мы поѣхали во Флоренцію съ vetturin'онъ, т. е. въ отдѣльномъ экипажѣ. Это было дороже и, можетъ быть, въ то время опаснѣе, чѣмъ въ дилижансѣ, но зато много занимательнѣе. Мы видѣли разныя итальянскія деревеньки, насъ часто окружали толпы ребятишекъ, которые пѣли намъ пѣсни; ночевали мы въ простой локандѣ въ мѣстечкѣ Cavagliajo и видѣли довольно непріятную картину, какъ грязные мужики давили виноградъ ногами. Мы пріѣхали во Флоренцію немного усталые, но въ хорошемъ расположеніи духа.

Моя жизнь во Флоренціи сложилась интереснѣе и полнѣе, чѣмъ въ Парижѣ; но прежде, чѣмъ эта жизнь приняла болѣе или менѣе правильное теченіе, мы жадно осматривали достопримѣчательности города безъ всякаго плана. Шли туда, куда въ эту минуту было удобнѣе. Прежде всего, попали мы въ Санъ-Донато, имѣніе Демидова, куда мы и впослѣдствіи часто ѣздили, въ русскую церковь. Священникъ былъ очень милый человѣкъ, служилъ прекрасно, пѣли хорошо, въ церкви всегда встрѣчались знакомые; ѣхать въ Санъ-Донато, находящееся за городомъ, было настоящее удовольствіе. Дворецъ Демидова былъ роскошный, просто царскій: малахитъ, золото, бронза, мозаика, драгоцѣнные камни сіяли, блестѣли и такъ переполняли залы, что дѣлали ихъ похожими на магазины. Въ картинной галлереѣ были болѣе интересныя вещи: мужская

голова Веласкеза, «Казнь Жанны Грей», одна изъ лучшихъ работъ Делароша, его «Франческа да-Римини», «Стратоника» Энгра и много другихъ.

Заняла меня сначала итальянская художественно-промышленная выставка. Я въ первый разъ видѣла такого рода большую выставку, съ удовольствіемъ разсматривала прекрасныя кружева, ткани, вещицы, машины. Съ перваго шага въ Италію я расположилась къ итальянцамъ и желала имъ всякаго добра. Художественный отдѣлъ выставки былъ болѣе богатъ количествомъ, чѣмъ качествомъ выставленныхъ вещей, но все же было нѣсколько хорошихъ картинъ и статуй. Итальянскіе скульпторы отличались въ то время особенно техникой, хорошей «рубкой» мрамора, необыкновенной отдѣлкой матерій, цвѣтовъ, кружевъ, но одна вещь своей новизной привлекла мое вниманіе: это была статуя профессора Magni «читающая дѣвушка», трактованная и красиво, и реально. «Я никогда не видѣла скульптурной вещи, которая бы такъ приближалась къ живописи», писала я. Изъ картинъ мнѣ понравился «Совѣтъ десяти, идущій во дворецъ дожа» Челентино. «Она безъ эффектовъ освѣщенія, безъ блестящаго колорита неаполитанцевъ, члены совѣта идутъ попарно по лѣстницѣ, и кажется, что слышишь ихъ разговоры между собой. Изъ Неаполитанцевъ лучше всѣхъ Морелли, но и пр. Всего больше мнѣ понравилась картина Усси. Не знаю, была ли она дѣйствительно хороша, такъ какъ въ этомъ случаѣ не только меня одну, но и всю Флоренцію подкупалъ ея сюжетъ: «Отреченіе герцога Аѳинскаго», а также личность самого художника, извѣстнаго горячаго патріота. Тогда было боевое время въ Италіи: все

наиболѣе развитое населеніе ея, особенно молодежь, было причастно или горячо сочувствовало освободительному движенію и желало объединенія Италіи. Немудрено, что изображеніе такого событія, какъ изгнаніе народомъ (въ 1343 г.) тирана, навязаннаго Флоренціи чужестранцами, возбуждало восторгъ. Фигура злобнаго, безсильно борющагося съ собой тирана, какъ бы еще ищущаго какого-нибудь выхода изъ своего положенія, была очень выразительна. Самого Усси я встрѣтила на первыхъ же дняхъ у Шевырева, гдѣ мы съ отцомъ провели вечеръ. Это былъ тихій и скромный человѣкъ лѣтъ около тридцати, очень мало говорившій и внимательно слушавшій другихъ. Тамъ было еще нѣсколько итальянцевъ: ученый профессоръ, очень краснорѣчивый, молодой литераторъ, недавно написавшій исторію Саванароллы, и одинъ настоящій феноменъ: слѣпой философъ, медикъ и музыкантъ! Онъ много игралъ намъ на фортепіано и пѣлъ національныя пѣсни своей родины, Сициліи.

Взойдя въ первый разъ въ Уфиціи, я вспомнила, какъ я потерялась, когда меня ребенкомъ въ первый разъ привели въ игрушечный магазинъ и сказали: «выбирай, что хочешь». «Что выбирать? Что хочу? Все хочу!» Я стояла, молчала и не знала даже, что мнѣ купили... Освоившись въ музеѣ, побывавъ въ Питти и въ разныхъ церквахъ, я стала наслаждаться произведеніями искусства гораздо интенсивнѣе, чѣмъ въ Дрезденѣ или Парижѣ: теперь я любила ихъ, шла къ нимъ, какъ къ друзьямъ, мнѣ хотѣлось вновь и вновь смотрѣть на нихъ, быть подолгу съ ними. Портреты Рафаэля и Тиціана поражали меня, какъ нѣчто новое; залитыя солнцемъ

марины Сальватора Розы плѣняли; Мадонна делла Седіа нравилась простотой и тѣмъ, что нѣтъ вокругъ ничего, кромѣ главныхъ лицъ. Безконечныя сокровища находила я между портретами художниковъ; лицо Леонардо было именно такимъ, какъ я его себѣ представляла — спокойное, глубокое, ясное. Много времени проводила я въ Ротондѣ. Венера Медиційская— оригиналъ, какъ и копія въ нашей залѣ въ академіи — нравилась мнѣ менѣе другихъ антиковъ: ужъ очень была она неестественна и жеманна. Тиціановская Венера, съ ея простой позой, юнымъ тѣломъ и милымъ лицомъ, была моя любимица. Поражали меня — разбросанные по разнымъ мѣстамъ и галлереямъ рисунки Микель-Анджело тою массою труда, которую онъ положилъ въ изученіе каждаго мускула, каждаго движенія. Не могу понять, почему я такъ мало обратила вниманія на Ботичелли, лучшими произведеніями котораго полна Флоренція, между тѣмъ какъ я уже начинала увлекаться Джіотто, Беате Анджелико, Масачьо? Совершенно покорила меня группа «Ніобеи». «Кто это говоритъ, — писала я, — что греки изображали только физическую красоту, пренебрегая выраженіемъ и душой?!.. Въ Ніобеѣ привлекаетъ не красота тѣла, а именно сложное душевное движенье, выраженное и позой, и лицомъ. Горе, возмущенье, упрекъ написаны на ея чертахъ; въ ея глазахъ безъ зрачковъ свѣтится говорящій взглядъ; въ гордомъ презрѣніи къ обидчикамъ хочетъ она закрыть лицо свое, чтобъ они не видѣли ея страданій».

Во Флоренціи, какъ вездѣ, къ намъ приставили дѣвицу, съ тѣмъ, чтобы она читала со мной поитальянски, давала сестрѣ уроки музыки, сопровожда-

ла насъ на прогулки и болтала съ нами на своемъ родномъ языкѣ. Удивительное созданіе была эта дѣвушка: немолодая, некрасивая, бѣдно, но безвкусно-пестро одѣтая, безконечно конфузливая и глупо-сантиментальная, она своимъ добрымъ сердцемъ и благородной гордостью, устоявшею противъ принизившей ее жизни, пріобрѣла нашу любовь. Несмотря на жалкія и смѣшныя стороны этой дѣвушки, въ ней чувствовалась душа живая. Эльвира dell' Bianco серьезно и толково преподавала музыку, обращая вниманіе на то, чтобы ученикъ слышалъ то, что играетъ. Она не позволяла механически считать и напѣвала сестрѣ, когда она сбивалась съ темпа или фальшивила. Она старалась развивать слухъ, а этого большинство нашихъ учителей и до сихъ поръ не дѣлаетъ, уча играть чисто механически, какъ будто въ музыкѣ нужны только глаза и руки, а уха совсѣмъ не надо. Наша радость была въ сумерки засадить Эльвиру за фортепіано и заставить пѣть народныя пѣсни или подражающіе имъ романсы; у нея былъ небольшой голосъ, но она была очень музыкальна. Много услышали мы отъ нея неаполитанскихъ пѣсенъ: «Dolce Napoli», «Voga, voga», «La mia Stella», также популярную народную пѣсню: Jo ti voglio bene assai» и чисто флорентинскую «Julia gentil dal bel color», а изъ романсовъ, между прочимъ, веселенькій вальсъ «Tippete, tappete, tup ete», заканчивающійся звукомъ поцѣлуя, и сантиментально- грустный «Allora ed oggi», обыкновенно вызывавшій у исполнительницы слезы, можетъ быть напоминая что-нибудь пережитое. Впрочемъ, синьору Эльвиру можно было назвать фонтаномъ слезъ. Стоило ей попасть въ самомъ веселомъ романсѣ на слово «любовь», какъ она моментально

закрывала книгу и начинала лить обильныя слезы. «О чемъ?» — спрашивали мы. — «Ахъ, это такъ трогательно!» — отвѣчала она... Бѣдная дѣвушка! А мы, глупыя, часто нарочно подкадывали ей открытую на самой трогательной страницѣ книгу, дразнили ее, смѣялись, но сейчасъ же бросались къ ней на шею, вызывая этимъ новые потоки — на этотъ разъ сладкихъ слезъ.

Когда мы съ родителями, или съ кѣмъ-нибудь изъ нашихъ художниковъ, осматривали музеи, церкви и проч., въ этомъ было что-то офиціальное, холодное; приходилось смотрѣть подрядъ самыя разнообразныя вещи, слушать объясненія, говорить о постороннемъ. Совсѣмъ другое было бродить съ Эльвирой по улицамъ города, который, съ его Piazza dei Signori, Loggia, Pallazzo Vecchio, съ великолѣпными дворцами строгаго, мрачнаго, но гордаго флорентинскаго стиля, былъ самъ какъ бы продолженіемъ музеевъ и сливался съ ними. Какъ хорошо было подъ вечеръ слоняться по пустынной соборной площади, стоять подолгу передъ дверями Гиберти, молча смотрѣть на затягивающійся вечерней дымкой фасадъ собора, на камень, на которомъ часто сидѣлъ Данте! По мѣрѣ того, какъ спускался покровъ ночи, меня пробирала сладкая и жуткая дрожь; я какъ бы чувствовала присутствіе великой тѣни, близость горячо любимаго мною поэта. Какъ молитву, повторяла я мысленно его дивныя строфы... Въ одну изъ первыхъ нашихъ прогулокъ Эльвира повела насъ съ сестрой на набережную около Ponte Vecchio и указала намъ то мѣсто, гдѣ Данте въ первый разъ встрѣтился съ Беатриче, при чемъ наша синьора украдкой отерла слезу. Я пришла въ экстазъ: кры-

тый мостъ съ лавчонками, узкая набережная — все дышало стариной; передо мной рисовалась, какъ живая, вся картина встрѣчи, давшей поэту новую жизнь («Vita nuova»). Что мнѣ было за дѣло до того, что Данте въ дѣйствительности, вѣроятно, никогда не сидѣлъ на камнѣ около собора, и совсѣмъ не на этомъ мѣстѣ встрѣтился со своей возлюбленной! Я не отравляла своего восторга исторической критикой, я вѣрила, я вся погружалась въ воображаемое былое и забывала все настоящее. Мы съ Эльвирой исходили Флоренцію вдоль и поперекъ. Бродишь, бывало, по довольно пустымъ улицамъ, упиваясь поэзіей старины, а тамъ зайдешь въ капеллу Медичи взглянуть въ лицо великаго Микель-Анджело и выйдешь съ любовью и трепетомъ, съ выраженіемъ глазъ серьезнѣе своихъ лѣтъ...

А вотъ другое: трибуна Галилея въ Академіи Specola (музей естественной исторіи и физики). Картины изъ его жизни — неважныя, новыя, но держатъ въ той же атмосферѣ старины и легенды. Вотъ великій мыслитель смотритъ на качающуюся въ церкви лампаду, а друзья его удивляются, что онъ въ этомъ видитъ интереснаго; вотъ онъ показываетъ свой телескопъ венеціанскому сенату; вотъ онъ, уже слѣпой, диктуетъ свои труды. А вотъ посреди Ротонды сидитъ онъ самъ, изваянный изъ мрамора; вокругъ него бюсты его знаменитыхъ учениковъ, Торичелли, Вивіани и другихъ, точно они и теперь сошлись послушать дорогого учителя. Вокругъ инструменты, сдѣланные собственной рукой того, кто сказалъ: «eppur si muove». Леонардо, Галилей, Данте, Микель-Анджело, какъ близки другъ другу эти родные по глубинѣ мысли великіе сыны человѣческіе!.. Потомъ возвращаешься

нѣсколько назадъ, къ тѣмъ изъ художниковъ, которымъ не снились научные или философскіе вопросы, которые были проще своихъ учениковъ, но полны искренности и горячей вѣры. Вотъ S-ta Croce, S-ta Annunziata, Carmine, S-ta Marià Novellá, которую Микель-Аджело называлъ: la miasfidanzata [1]), гдѣ всѣ стѣны покрыты фресками Guirlandajo, Giotto, Masaccio, Filippino Lipi Mascagni; вотъ Marco, убѣжище трогательного Beato Angelico, вдохновеннаго Fra Bartolomea и любимаго художниками мрачнаго врага искусства — Савонаролы. Передъ моими глазами носились сцены его проповѣди, его кратковременнаго торжества, когда женщины несли сокровища свои къ его ногамъ, и его конецъ — на пылающемъ кострѣ... Мое воображеніе восполялось еще болѣе чтеніемъ повѣстей и романовъ, вродѣ «Promessi sposi», «Hettore Fieramosco», «Nicollo dei Lapi», трактовавшихъ о величіи свободныхъ городовъ Италіи, о геройхъ, о храбрыхъ кондотьерахъ, о видѣвшихъ ангельскія видѣнія иконописцахъ, о прекрасныхъ женщинахъ и играющихъ на лютняхъ поэтахъ... Объ этихъ моихъ восторженныхъ минутахъ наслажденія не зналъ никто, кромѣ сочувствующей и молчаливой Эльвиры; другимъ я стыдилась открыть свое святое святыхъ.

Въ другомъ родѣ были наши прогулки за городъ: тамъ не было мѣста грусти воспоминаній, тамъ захватывала красота природы, блескъ солнца, скромная прелесть зимнихъ розъ. Иногда было свѣжо, и мы покупали горячіе каштаны, чтобы грѣть руки. Зато какъ бодро дышали мы, какъ быстро шли, какъ пріятно грѣлись, присѣвши гдѣ-нибудь на солнышкѣ, какъ вкусенъ казался намъ нашъ завтракъ! Отправляясь въ

*) Моя невѣста.

дальнія странствованія, мы заходили въ лавки; покупали тонко нарѣзанныхъ разнообразныхъ salami, переложенныхъ слоями вкуснаго желе, и сѣрый хлѣбъ, похожій на тотъ, что у насъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ называютъ «докторскимъ». Любимымъ мѣстомъ нашихъ прогулокъ была лежавшая на горѣ, по ту сторону Арно, видная изъ оконъ нашей квартиры у Ponte Caraja, старинная вилла «Bello Sguardo». Это было пустынное и вмѣстѣ уютное мѣсто, откуда былъ самый прелестный видъ на Флоренцію. Изъ С.-Миніато, находящагося на другомъ холмѣ, видъ тоже хорошъ, но не такой обширный и картинный. Santo Miniato — старинная церковь, служившая когда-то и крѣпостью. О ней я писала: «въ ней сохранился тонъ древности, ничего нѣтъ изъ испорченнаго вкуса XV-го и XVI-го столѣтій, въ ней все оригинально, несимметрично, просто; кромѣ того, въ ней есть что-то таинственное, страшное». Снаружи стѣны, обросшія плющемъ, большая башня, ворота напоминаютъ о крѣпости. Далеко, далеко ходили мы по Lung'Arno (набережной Арно), туда, гдѣ уже и не видно города. Несмотря на зимнее время, здѣсь было всегда тепло, тихо. Рѣка мирно текла среди зеленыхъ береговъ, отражала синее небо и далекія, розовыя или тепло-лиловыя, легкія, какъ видѣніе, горы. Мнѣ особенно нравился одинъ видъ при поворотѣ дороги: «на первомъ планѣ, — описывала я его, — песокъ, лодки и бревна; Арно, извиваясь, уходитъ въ даль; длинный рядъ пожелтѣвшихъ тополей принимаетъ, удаляясь, все болѣе и болѣе теплый, сѣрый тонъ, который такъ гармонируетъ съ лилово-теплымъ цвѣтомъ горъ, что просто прелесть. Утромъ здѣсь такъ уединенно, такъ много природы,

что кажется, что находишься Богъ знаетъ какъ далеко отъ города и людского шума; такъ спокойно, хорошо, широко»...

Еще любила я гулять по городскому валу, по берегу рѣчки Муньоне. Узенькая тропинка вела вокругъ всего города, болѣе или менѣе удаляясь отъ стѣнъ. Тутъ такъ свободно было дышать, такой широкій горизонтъ открывался вокругъ: разнообразныя панорамы горъ, виллъ, кипарисовыхъ рощъ тянулись, все время мѣняясь передъ глазами, какъ движущіяся декораціи. А на первомъ планѣ — какая-нибудь избенка, грязный дворикъ, куры, что-то знакомое, уютное, живописное. Конечно, мой альбомчикъ былъ моимъ неизбѣжнымъ спутникомъ при всѣхъ прогулкахъ. Я тогда рисовала карандашомъ очень недурно, — какъ, пожалуй, не нарисую теперь.

Несмотря на взятый съ собой завтракъ, мы возвращались домой голодныя и, не дожидаясь обѣда, съ наслажденіемъ закусывали ачугами (acciughi, родъ анчоусовъ) [1]) со сладкимъ лукомъ, плавающими въ свѣжемъ, бѣломъ, какъ ключевая вода, прованскомъ маслѣ.

---

[1]) Въ Римѣ тѣ же рыбки называются Alici.

XXVI

Суета суетъ...

Послѣ обѣда мы часто торопились въ Кашины, куда съѣзжалась на музыку вся Флоренція; въ пять часовъ можно было тамъ встрѣтить всѣхъ знакомыхъ, а ихъ у насъ набралось много. Та набережная Арно, которая утромъ казалась такой уединенной, теперь кишѣла народомъ. По чудной аллеѣ, тянущейся вдоль берега, съ зеленой стѣной разнообразныхъ деревьевъ, завитыхъ плющемъ, несутся экипажи за экипажами. Они не такъ роскошны, какъ въ Парижѣ, но, въ общемъ, представляютъ болѣе пестроты: ливреи красныя, синія, сѣрыя, сбруя лошадей блеститъ серебромъ, покрывала, шляпки, зонтики разноцвѣтными пятнами играютъ на солнцѣ. Обращаютъ вниманіе упряжь одного американца, правящаго двѣнадцатью лошадьми, запряженными цугомъ, и маленькій національный флорентинскій экипажъ, съ одной лошадкой, изукрашенной кистями, помпончиками и большимъ пучкомъ перьевъ на головѣ. Вся эта шумная толпа стремится къ площади, гдѣ играетъ музыка и довольно безпорядочно скучиваются вмѣстѣ всѣ экипажи. Интересно смотрѣть на эту картину: обнюхивающія другъ друга лошадиныя морды, перебѣгающія между колесъ цвѣточницы, разныя лица въ коляскахъ; недавно пріѣхавшіе иностранцы и уже

акклиматизировавшіяся англичанки, повторяющія совершенно некстати флорентійское „che, che!“; англичане, разсматривающіе преимущественно экипажи и лошадей; юноши, безъ церемоніи заглядывающіе подъ шляпки дамъ; мѣстныя красавицы и щеголихи, благосклонно принимающія ѳиміамъ, воскуряемый имъ ихъ итальянскими и иностранными обожателями; свѣтскіе молодые люди, переходящіе отъ экипижа къ экипажу, дѣлающіе тутъ свои визиты, передающіе смѣющимся дамамъ городскія сплетни, и, между ними, первый флорентинскій левъ и донъ-Жуанъ, красивый и блестящій маркизъ Никколини. Настоящій раутъ на свѣжемъ воздухѣ и тоже, въ своемъ родѣ, картина, своеобразная и живая.

Мы очень скоро познакомились почти со всѣми русскими, жившими во Флоренціи, и съ нѣкоторыми итальянцами. Свѣтскіе люди вездѣ болѣе или менѣе похожи другъ на друга. Тѣ же представители народа и буржуазіи, съ которыми чаще всего приходилось сталкиваться въ жизни, такъ же жадны, какъ французы, но довольствуются меньшимъ, такъ же готовы васъ на каждомъ шагу обмануть, но ихъ хитрости шиты бѣлыми нитками, и если ихъ обличить, они не обижаются. У нихъ есть свой point d'honneur; если **вы** сумѣете найти это слабое ихъ мѣсто и нажмете надлежащую кнопку, то они уже васъ ни за что не обманутъ. Подкупаетъ безконечное добродушіе итальянцевъ, откровенность, живость характера, горячность, восторженность и какая то удивительная, почти дѣтская наивность. Славный, симпатичный народъ.

Русское общество, какъ всегда за-границей, было довольно разношерстное. Были люди изъ высша-

го общества; были тѣ, кого я называла «лѣзущими въ аристократію», прибавляя при этомъ, что «настоящіе аристократы уже тѣмъ лучше, что имъ лѣзть некуда». Были крайніе либералы, были консерваторы. Послѣдняго направленія дамы называли папу: „le saint père“, говорили про него, что онъ «своимъ христіанскимъ смиреніемъ и ангельскимъ благословеніемъ побѣдитъ враговъ своихъ», и воспитывали своихъ дочерей въ католическихъ монастыряхъ. Самый богатый русскій домъ, куда на балы и обѣды собиралась вся Флоренція, принадлежалъ княгинѣ Лидіи Арсеньевнѣ Друцкой, по первому мужу графинѣ Нессельроде, урожденной Закревской. Говорили, что она послужила оригиналомъ для героини романа Дюма-сына: „La dame aux perles“. Она была намъ близкая родная: ея мать была дочерью Ѳеодора Андреевича Толстого, крестившаго моего отца. Первою сдѣлала намъ визитъ Друцкая и понравилась мнѣ своей простотой и веселостью. Она живописно разсказала, какъ ее выслали изъ Рима за то, что она въ Ватиканѣ, когда ей показали папскій престолъ, сказала сопровождавшему ее кардиналу: «онъ очень хорошъ, но еще лучше было бы, еслибы на немъ сидѣлъ Викторъ-Эммануилъ». «Какъ весело было выѣзжать!—продолжала она.—У воротъ города подошелъ ко мнѣ мужикъ, который привелъ лошадей, просить на чай, я ему и говорю:—Крикни: „viva Garibaldi“ —Онъ и закричалъ во все горло передъ всѣми жандармами, а я имъ говорю:—теперь мы уѣзжаемъ, но скоро вернемся съ Гарибальди». Что она способна была устроить описываемую сценку, я въ томъ не сомнѣвалась, но о причинѣ ея высылки изъ Рима я слышала и другую версію...

Князь Друцкой былъ необыкновенно милымъ и любезнымъ хозяиномъ, а Лидія Арсеньевна была родственно ласкова и добра съ нами. У нихъ собиралось почти все русское и итальянское общество, но, признаюсь, на ихъ обѣдахъ и маленькихъ вечерахъ мнѣ было скучновато; пустая свѣтская болтовня не удовлетворяла меня, мнѣ было привольнѣе и интереснѣе въ средѣ нашихъ художниковъ, меня тянуло въ ихъ кругъ, который я считала своимъ.

Во Флоренціи было мало русскихъ художниковъ. Мартынова, Ге мы знали раньше; здѣсь мы познакомились съ братомъ жены Ге, скульпторомъ Забелло, женатымъ на милой француженкѣ M-lle Bovet, и со скульпторомъ Н. В. Штромомъ. Къ этому кружку принадлежало нѣсколько горячихъ любителей искусства, между которыми выдавался умомъ и знаніемъ Фрикенъ, впослѣдствіи написавшій нѣсколько книгъ объ искусствѣ первыхъ временъ христіанства и возрожденія. Собирались у насъ, у Ростовцевыхъ, которые также переѣхали во Флоренцію, чаще всего у Ге. Тутъ не было разговоровъ о свѣтскихъ сплетняхъ, а всегда возникали споры объ искусствѣ, о философіи, о жизни. Ге увлекался трансцендентальной философіей и, со свойственной ему горячностью, опустивъ руку на столъ, утверждалъ, что этого стола вовсе нѣтъ. Когда мы невольно начинали хохотать, онъ объяснялъ, что нельзя логически доказать существованіе внѣшняго міра.

Я не могла принимать участія въ философскихъ разсужденіяхъ, но Николай Николаевичъ Ге проводилъ тогда и на словахъ, и на дѣлѣ совершенно

новые взгляды на искусство и на трактованіе религіозныхъ сюжетовъ въ живописи. Это глубоко интересовало меня, и я съ большимъ вниманіемъ, съ большимъ сочувствіемъ слушала его. Анна Петровна Ге была очень умная и милая женщина, прекрасная мать, много занимавшаяся своими двумя славными сыночками, у которыхъ мы были въ этомъ году на елкѣ.

Большимъ другомъ Ге былъ Александръ Бакунинъ. О немъ говорили, что онъ кончилъ нѣсколько факультетовъ въ университетѣ, занимался сначала римскимъ правомъ, потомъ медициной, естественными науками, былъ преподавателемъ въ одесскомъ лицеѣ, а теперь занимается живописью. Онъ былъ очень интересенъ, но большой оригиналъ. Незадолго передъ тѣмъ онъ покушался на самоубійство Когда я познакомилась съ нимъ, онъ гулялъ съ пулей въ груди, но былъ совершенно здоровъ. Онъ былъ большой спорщикъ и могъ говорить нѣсколько часовъ подрядъ. Я писала про него: «онъ споритъ не горячась, ровнымъ тономъ, но постоянно перебиваетъ васъ словами: вы возразите мнѣ то-то, на это я вамъ отвѣчу...», когда вы вовсе не думали дѣлать ему названное имъ возраженіе, забрасываетъ вопросами, техническими выраженіями, текстами, не даетъ вамъ времени собраться съ мыслями. Наши художники уже не спорятъ съ нимъ, а даютъ ему говорить, какъ съ каѳедры». Такъ какъ я тоже была большая спорщица, то наши милые художники стравливали меня съ Бакунинымъ, ради потѣхи; я скоро поняла ихъ тактику, немного обидѣлась и, желая лишить ихъ этого удовольствія, навсегда присоединилась къ слуша-

ющимъ. О Мартыновѣ я высказывала слѣдующее сужденіе: «онъ самобытный человѣкъ, у него природный, оригинальный умъ и наблюдательность; онъ людей разбираетъ по ниточкамъ, я люблю слушать его, въ немъ нѣтъ злобы, онъ смѣется надъ тѣмъ, что дѣйствительно смѣшно или дурно. Не то, что N. N., который направляетъ свой умъ, чтобы смѣяться надо всѣмъ, что другіе считаютъ хорошимъ, чтобы во всякомъ благородномъ поступкѣ отыскать какую-нибудь дурную подкладку. Такіе люди думаютъ, что они знаютъ человѣчество à fond, а на самомъ дѣлѣ вездѣ видятъ только отраженіе себя. Имъ не случалось встрѣчать истинно-великихъ людей, или они, со своимъ односторонним взглядомъ, не умѣли распознавать ихъ, и потому они утверждаютъ, что великихъ людей нѣтъ; они думаютъ, что видятъ очень глубоко, но видятъ они не до самаго дна; они боятся смотрѣть на вещи безъ какого-то стекла, чтобъ не найти въ нихъ противорѣчія себѣ».

Н. Н. Ге допускалъ всѣхъ въ свою мастерскую, мы часто заставали его тамъ за работой надъ его картиной: «Тайная вечеря». Она была совсѣмъ окончена, когда онъ вдругъ взялъ и переписалъ ее всю. Мнѣ картина нравилась; я пришла въ ужасъ, узнавъ, что онъ почти совсѣмъ уничтожилъ ее—но когда я увидѣла ее въ новомъ видѣ въ Петербургѣ, я поняла, что правъ былъ въ этомъ случаѣ художникъ. Перемѣны, которыя Ге сдѣлалъ въ своемъ произведеніи, соотвѣтствовали эволюціи его мысли, въ направленіи къ реализму. Положеніе Христа на прежней картинѣ было то же, что и теперь, но выраженіе лица было мягче; Іоаннъ сидѣлъ на

ложѣ, такъ что Христа было менѣе видно; Петръ также сидѣлъ, яркаго пятна на скатерти не было, ее перерѣзывала фигура Іуды, находившаяся ближе къ серединѣ. Іуда стоялъ почти въ профиль, гордо закинувъ плащъ за лѣвое плечо, и рисовался не такимъ темнымъ пятномъ, какъ теперь, а былъ написанъ въ сѣроватыхъ полутонахъ. Лица Христа и Іоанна, мнѣ кажется, нѣсколько потеряли, Петръ сталъ гораздо жизненнѣе и выразительнѣе, но главнымъ образомъ выиграла фигура предателя: онъ сталъ сильнѣе, проще и глубже; прежній,—и въ позѣ, и въ драпировкахъ носилъ отпечатокъ академизма, походилъ болѣе на оскорбленнаго патриція или гидальго, чѣмъ на еврейскаго простолюдина. Фигура эта не согласовалась съ общимъ характеромъ картины, хотя, сама по себѣ, была красива. Какъ-то разъ, до передѣлки картины, я, придя изъ мастерской художника, набросала картину на память въ своемъ альбомчикѣ и вечеромъ показала набросокъ пришедшему къ намъ Николаю Николаевичу. Онъ удивился моей памяти. «Это не память,—сказала я,—а сильное впечатлѣніе». Онъ еще разъ посмотрѣлъ на рисунокъ и сказалъ: «Вы этимъ меня награждаете за мой трудъ».—«Что вы говорите!—сказала я, конфузясь. «Какъ вы думаете,—продолжалъ онъ,—когда художнику платятъ деньги за его картину, это вознаграждаетъ его?»—«Конечно нѣтъ». —«Такъ вотъ вы мнѣ даете это другое, что можетъ вознаградить художника». Я была тронута его словами, а теперь рада, что у меня сохранился этотъ рисунокъ: какъ онъ ни плохъ, но это—единственное существующее напоминаніе о первой концепціи картины.

Въ эту зиму не обошлось безъ ухаживаній за мною и безъ влюбленій съ моей стороны. Впрочемъ, влюбленность—слишкомъ сильное выраженіе, мы называли это болѣе подходящимъ словомъ «интересоваться». Покажется, напримѣръ, что какой-нибудь господинъ умнѣе, интереснѣе другихъ, и вотъ желаешь чаще быть съ нимъ, даже ревнуешь его къ другимъ женщинамъ, но скоро разочаровываешься, охладѣваешь, или, просто, кто-нибудь другой покажется лучше и свои чувства переносишь на послѣдняго.

Если я уже коснулась пустяковъ моей личной жизни, то разскажу про мой первый балъ. Балъ этотъ состоялся у Друцкихъ въ день нашего новаго года. Разсказывать о днѣ тревогъ и волненій передъ моимъ первымъ выѣздомъ въ свѣтъ я не буду, отсылаю читателя къ первому балу Наташи въ «Войнѣ и мирѣ». Балъ уже былъ въ разгарѣ, когда мы пріѣхали. Не успѣла я подняться по лѣстницѣ, какъ какой-то, маленькаго роста, пожилой, лысый господинъ пригласилъ меня на котильонъ, я сконфузилась и обѣщала.

Освѣщеніе залъ, ихъ убранство, туалеты дамъ были блестящи. Я весело танцовала, но смущалась мыслью о предстоящемъ котильонѣ. Вдругъ княгиня подвела ко мнѣ красавца-маркиза Николлини, сразу понравившагося мнѣ хорошими манерами и скромностью, между тѣмъ какъ я всегда слышала объ его нахальствѣ и дерзости съ женщинами. Онъ пригласилъ меня на котильонъ, я должна была отвѣтить, что уже танцую. Лидія Арсеньевна просто выпучила на меня глаза: «Съ кѣмъ это? Когда же?»—спросила она съ удивленіемъ.

— Я не знаю съ кѣмъ, онъ пригласилъ меня на лѣстницѣ»—проболтала я, вся покраснѣвъ.

—«Зачѣмъ же ты не отказала?»—уже съ гнѣвомъ воскликнула княгиня.

—«Да вѣдь я не была ангажирована, какъ же отказать?»—чуть слышно произнесла я.

Княгиня сердито пожала плечами.

„Mais on trouve un prétexte [1]) да прямо бы сказала, что танцуешь,—не могла же ты думать, что я тебя безъ кавалера оставлю! Non, ma chère, c'est par trop naif! [2])

Добрая княгиня хотѣла, чтобы мой первый балъ остался у меня въ памяти, чтобъ ея молоденькая родственница была, такъ сказать, царицей бала, танцуя съ первымъ кавалеромъ Флоренціи, и я сама, сама это разстроила! Мнѣ было жалко, стыдно и я едва удерживала слезы.

Подошелъ мой партнеръ. Боже! какъ я его ненавидѣла въ эту минуту. Онъ не открывалъ рта во все время котильона и хорошо сдѣлалъ, ибо я врядъ ли отвѣчала бы ему вѣжливо. Я такъ и не узнала, къ какой онъ принадлежитъ національности, и не догадалась, зачѣмъ онъ пригласилъ меня. Николлини видѣлъ, что со мной дѣлается: моя ли наивность тронула его, но только онъ пожалѣлъ меня. Легкій и граціозный, онъ подлетѣлъ ко мнѣ и выбралъ меня для какой то фигуры, и сталъ постоянно выбирать меня, отбивать отъ другихъ кавалеровъ, ловить мой платокъ и пр. Я была благодарна ему, но это было не то, что танцовать съ нимъ весь котильонъ въ первой парѣ!

---

[1]) Можно найти отговорку.

2) Нѣтъ моя милая, это ужъ слишкомъ наивно.

Набросокъ съ картины Ге «Тайная Вечеря», исполненный Е. Ѳ. Юнге.

Мнѣ еще предстояла ужасная перспектива ужинать съ моимъ ненавистнымъ молчальникомъ за особеннымъ столикомъ, гдѣ онъ заготовилъ намъ мѣста съ его знакомыми старичками. Я въ совершенномъ отчаяніи искала глазами мама, чтобы уѣхать. Выручилъ меня опять Николлини, онъ оказался около меня и предложилъ проводить меня къ матери, извинился передъ моимъ кавалеромъ и увлекъ меня прямо къ Друцкой, которая, не говоря дурного слова, посадила меня за свой столъ, рядомъ съ маркизомъ, съ которымъ мы проболтали самымъ оживленнымъ образомъ. Это хоть немного вознаградило меня за неудавшійся вечеръ.

Я была еще на двухъ балахъ: благотворительномъ и у префекта города и рѣшила, что съ меня довольно.

Изъ прогулокъ, которыя мы со знакомыми совершали по окрестностямъ, осталась у меня въ памяти поѣздка въ Пратолина. Погода не была благопріятна, но дорога была живописна и мы всѣ были въ веселомъ расположеніи духа. Мы немного озябли, а въ мѣстной локандѣ не нашли никого, кромѣ голодной собаки. Мы не стали дожидаться и ушли, ибо на воздухѣ все же было теплѣе, чѣмъ въ нетопленныхъ комнатахъ пустой гостиницы. Пошли мы по направленію къ парку и вдругъ, какъ въ сказкѣ, увидѣли передъ собой хорошенькій домикъ. Рѣшили постучаться и попросить, чтобы намъ позволили погрѣться. Слуга докладываетъ, что здѣсь живетъ Superiore (начальникъ) и прибавляетъ съ глубокимъ презрѣніемъ: è tedesco (онъ нѣмецъ). На насъ это извѣстіе производитъ другое впечатлѣніе, чѣм ъ ожидалъ итальянецъ, и Штромъ

отправляется парламентеромъ. Радушный старикъ-нѣмецъ и его тоже уже немолодая племянница, услышавъ родной нѣмецкій языкъ, приняли насъ крайне радушно. Въ чистой, теплой комнатѣ съ деревяннымъ бѣлымъ поломъ, напоминавшимъ мнѣ Финляндію, на блестяще-бѣлой скатерти, намъ подали горячій кофе, съ густыми сливками и домашнимъ печеньемъ. Это было оригинально въ Италіи и въ высшей степени пріятно. Всего парка мы не успѣли осмотрѣть; обратили главное вниманіе на высѣченную въ скалѣ статую Джіана Болоньи, изображающую Аппенины. Колоссъ какъ бы выжимаетъ изъ скалы дѣйствительно вытекающій изъ нея ручей. Бросились мнѣ въ глаза сидѣвшіе на баллюстрадѣ бѣлые павлины съ необыкновенно важнымъ видомъ; они были, вмѣстѣ съ окружающимъ, очень красивы.

XXVII.

„The end of playing, both at the first, and now, was and is, to hold, a't were, the mirror up to nature".

Shakespeare *).

Но театры! Я еще ни слова не сказала о театрахъ, а между тѣмъ я большую часть вечеровъ посвящала имъ во Флоренціи. Тамъ были двѣ оперы, съ хорошими пѣвцами и хорошей танцовщицей въ балетѣ. Послѣдній дается въ Италіи всегда въ какомъ-нибудь антрактѣ оперы; довольно непріятный обычай, который разбиваетъ впечатлѣніе оперы, но въ Италіи оперная зала представляетъ въ то же время и гостиную: дѣлаютъ визиты, какъ въ Кашинахъ, съ тою разницей, что здѣсь и дамы приходятъ другъ къ другу въ ложи, громкій говоръ и смѣхъ раздаются кругомъ. Итальянцы—такой живой народъ, что имъ трудно долго сидѣть тихо, и такой музыкальный, что не можетъ не подпѣвать въ нравящихся мѣстахъ. Когда же выходишь изъ театра на улицу, то вся толпа громко поетъ номера изъ слышанной оперы. Между итальянскими операми давали «Марту» Флотова, которую итальянцы считали русской оперой. Вещи Верди, Россини, какъ мнѣ казалось, звучали лучше въ Италіи, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; онѣ тутъ органически связаны съ жизнью, съ характеромъ страны, и многіе ихъ моти-

*) Конечная цѣль сценическаго искусства и прежде, и теперь, была и есть только та, чтобы быть зеркаломъ природы. (Шекспиръ).

вы, какъ напримѣръ „La donna è mobile“, прямо взяты изъ народныхъ пѣсенъ.

Изъ драматическихъ артистовъ видѣли мы Росси, тогда еще только начинавшаго свою славную карьеру, въ «Коріоланѣ» и «Гамлетѣ». Сальвини уже пользовался извѣстностью; онъ долженъ былъ пріѣхать на нѣсколько спектаклей. Мы ждали его съ нетерпѣніемъ, но какое же было мое отчаяніе, когда, несмотря на всѣ усилія, друзья наши не достали намъ ложи ни на одно представленіе; все было раньше абонировано, а пойти въ кресла дамамъ въ то время было немыслимо. Но со мной не такъ то легко было справиться: чтобы я, бывши тутъ, да не видѣла Сальвини! Это тоже было для меня немыслимо. Этого пережить нельзя!.. Я направилась сама въ кассу. Кассы съ окошечкомъ, какъ у насъ, нѣтъ, а просто комната раздѣлена прилавкомъ, за которымъ сидитъ молодой человѣкъ. Я одна въ кассѣ. Молодой человѣкъ на мой вопросъ вѣжливо и холодно отвѣчаетъ, что всѣ ложи абонированы и билеты разобраны. Я къ этому времени знала итальянцевъ, какъ свои пять пальцевъ, и потому не ухожу, а, опершись о прилавокъ, вступаю въ разговоръ; говорю, что очень жалѣю, что не увижу ихъ знаменитаго трагика. Молодой человѣкъ отвѣчаетъ, что ему тоже очень жалко, но ключей больше нѣтъ (во Флоренціи давали не билеты, а ключи отъ ложъ). Я начинаю разсказывать о Ристори, о разныхъ актерахъ, видѣнныхъ мною, перехожу на хорошее впечатлѣніе, которое произвела на меня Италія, и, наконецъ, на политику. Мой молодой человѣкъ уже со своей стороны облокотился на прилавокъ и слушаетъ меня съ интере-

сомъ. Тогда я прихожу въ пафосъ, говорю о близкомъ будущемъ объединенной Италіи, о Римѣ—столицѣ Италіи, о моемъ поклоненіи Гарибальди, котораго совершенно искренно называю величайшимъ героемъ девятнадцатаго вѣка... Дальше мой итальянецъ не выдерживаетъ, онъ дотрогивается до моего плеча, съ восклицаніемъ: «Подождите, синьорина, я принесу вамъ ключъ!» Моя взяла! Ключъ отъ ложи на всѣ представленія Сальвини у меня въ рукахъ!.. «Какъ это ты сдѣлала?»—спрашиваютъ меня дома. А вотъ, сдѣлала!

Мы видѣли Сальвини въ первый разъ въ «Заирѣ», Вольтера. Меня сразу поразило сходство нѣкоторыхъ его движеній и интонацій съ Ольдриджемъ, между тѣмъ какъ они никогда не видали другъ друга. Нашей Эльвирѣ хотѣлось видѣть знаменитаго трагика, и именно въ «Отелло», его, какъ утверждали, лучшей роли. Мы, конечно, взяли ее и пригласили еще ея дядюшку, но мы очень опасались ея чувствительности и не даромъ: она съ самаго начала плакала, а въ сценѣ, когда Отелло бьетъ Дездемону, съ ней сдѣлалось дурно и она должна была уѣхать изъ театра.

Поразительно было видѣть Сальвини въ двухъ такихъ разнообразныхъ роляхъ, какъ Самсонъ и Паоло Малатеста. Въ первой—мрачная, мужественная фигура, вся дышащая силой, во второй—нѣжный, влюбленный юноша. Какъ противоположны были картины: въ «Самсонѣ», когда колонны храма начинаютъ поддаваться подъ его руками и все лицо его горитъ злобной радостью мщенія, и въ «Франческѣ да Римини», когда онъ, трепещущій страстью, скользя руками по стану своей возлю-

бленной, опускается къ ея ногамъ, цѣлуетъ ея платье и нѣжно, какъ вздохъ, произноситъ: „iot'amo". Но я не стану распространяться объ игрѣ этого дивнаго художника; она и въ Россіи достаточно извѣстна и оцѣнена. Я хочу разсказать о другомъ представленіи, мало кому у насъ извѣстномъ: о народномъ театрѣ и флорентійской національной «маскѣ» Стентерелло, исполнителемъ которой былъ въ театрѣ Borg'ognisanti, также въ высшей степени талантливый актеръ Ландини. Этотъ театръ я никогда не уставала посѣщать, бывала въ немъ иногда по нѣскольку дней сряду. Тутъ давались и мелодрамы, и фарсы, и смѣшеніе того и другого, но во всѣхъ пьесахъ героемъ являлся Стентерелло, съ его всегда одной и той же клоуновской гримировкой. Стентерелло—такая же народная маска, какъ Арлекинъ и Полишинель, но изображающая, въ каррикатурномъ, конечно, видѣ, характеръ флорентинца. Стентерелло наивенъ, глуповатъ, трусоватъ, обжора, всегда по своей винѣ попадается въ самыя затруднительныя положенія, но онъ честенъ, великодушенъ, благороденъ. Кромѣ Ландини и еще двухъ-трехъ актеровъ, исполнителями остальныхъ ролей были любители изъ простонародья: рабочіе, уличные мальчишки, швейки и прачки. Всѣ они играли гораздо лучше, живѣе, реальнѣе нашихъ второстепенныхъ актеровъ, а массовыя сцены шли у нихъ до того живо и натурально, что въ иныя минуты становилось страшно: казалось, что это не игра, а дѣйствительность. Говорили они на флорентинскомъ діалектѣ или, вѣрнѣе, съ флорентинскимъ выговоромъ, такъ какъ флорентинскаго діалекта не существуетъ: „lingua toscana in bocca romana", говоритъ пословица. Лан-

дини, не измѣняя общему типу Стентерелло, былъ необыкновенно разнообразенъ: онъ являлся босякомъ, большимъ бариномъ, старикомъ, юношей, флорентинцемъ XV-го вѣка, современнымъ мелкимъ буржуа. Онъ былъ великій комикъ, но имѣлъ даръ въ самыхъ комическихъ сценахъ вызывать симпатію, трогать душу; онъ былъ комикъ и трагикъ вмѣстѣ, онъ сквозь смѣхъ могъ вызвать слезы. Мы съ мамà положительно плакали, когда онъ, изображая сапожника, у котораго убѣжала единственная дочь, садится одинъ за столъ. Онъ, проголодавшійся и жадный Стентерелло, въ первую минуту забываетъ свое горе, глядя на дымящіяся макароны и фіаску хорошаго вина, но проглотить пищу онъ не можетъ, кладетъ вилку назадъ: «Гдѣ-то она теперь? Стоятъ-ли передъ ней теперь макароны?» Онъ снова подноситъ вилку ко рту и, опять опуская ее, произноситъ невѣроятно комично и грустно: «не могу!» Потомъ наливаетъ себѣ вина, подноситъ ко рту, но, не глотнувъ, ставитъ стаканъ на столъ и говоритъ, въ полной безпомощности, въ отчаяньи и со слезами въ голосѣ: «даже и пить не могу». Мимика у него была неподражаемая; пьяныхъ онъ изображалъ удивительно и безъ всякой утрировки. Въ одной пьесѣ онъ представлялъ провинившагося мужа, идущаго къ женѣ на расправу; онъ до того боится своей жены, что дрожитъ при одной мысли о предстоящемъ свиданіи, для храбрости выпиваетъ и хмѣлѣетъ. Когда приходитъ жена, ему очень тошно, онъ ея уже совсѣмъ не боится, но жалобнымъ тономъ проситъ ее: «dammi cualgue cosa di caldo»...[1])

[1]) Дай мнѣ чего-нибудь тепленькаго.

Въ другой пьесѣ онъ воображаетъ, что въ дракѣ убилъ своего противника; скрываясь отъ мнимаго преслѣдованія жандармовъ въ какой то фермѣ, онъ хочетъ спрятаться въ подполье, открываетъ люкъ, но боится спуститься въ темноту. Дрожащимъ голосомъ онъ усовѣщиваетъ самого себя: «Вотъ, прежде не боялся, а когда убилъ человѣка, такъ совѣсть заставляетъ бояться... Такъ вотъ же тебѣ въ наказанье, ступай туда, въ темноту, ступай, ступай»... Надо было видѣть весь страхъ и борьбу съ собой, которые выражались на его лицѣ! Наконецъ, онъ рѣшается, люкъ закрывается за нимъ, но черезъ минуту открывается вновь и оттуда появляется посѣдѣвшая отъ страха голова Стентерелло съ такимъ выраженіемъ ужаса, который я видѣла потомъ только въ изображеніяхъ, приложенныхъ къ научнымъ физіологическимъ сочиненіямъ. Оказалось, что Стентерелло увидѣлъ въ подвалѣ мнимо убитаго имъ человѣка и принялъ его за привидѣніе.

Иногда Ландини, когда его вызывали, пѣлъ куплеты на злобу дня и, какъ мнѣ разсказывали, при великомъ герцогѣ Леопольдѣ II-мъ просидѣлъ за свое остроуміе довольно долго въ тюрьмѣ. Въ то время, кромѣ улицы Боргоньисанти, былъ такой же народный театръ въ улицѣ Леопольда. И вотъ, Ландини сказалъ, что во Флоренціи два Стентерелло: онъ первый и Леопольдъ—второй. За такое дерзновеніе его, раба божія, и посадили.

Я часто вспоминаю этого Ландини; лицо его, какъ живое, передо мной; это былъ въ своемъ родѣ большой артистъ.

Упомянувъ Леопольда II-го, я вспоминаю слышанный во Флоренціи разсказъ объ его отъѣздѣ изъ

этого города, послѣ переворота 1859-го года. Говорятъ, представители національнаго собранія вѣжливо простились съ вел. герцогомъ и торжественно проводили до экипажа. Улицы были всѣ разукрашены, окна и балконы полны народа, отовсюду бросали въ экипажъ цвѣты и кричали: «прощайте, счастливаго пути!» Весело для народонаселенія, но, должно быть, не особенно пріятно для самолюбія Леопольда, кончилась эта безкровная революція.

Въ началѣ 1861-го года папа, въ какомъ то посланіи къ Наполеону, выразилъ, что весь народъ стоитъ за него. 2-го февраля, въ видѣ протеста противъ этихъ словъ, во всѣхъ городахъ Италіи были устроены демонстраціи. Флорентинскую опишу словами моего тогдашняго дневника. «Демонстрація была великолѣпна. Мнѣ давно не было такъ хорошо, такъ отрадно видѣть народъ, свободно, громогласно заявляющій свое мнѣніе. Не было ни полиціи, ни жандармовъ, и хотя въ толпѣ было большое оживленіе, но сохранялся образцовый порядокъ: толкать кого-нибудь, бить окна—объ этомъ не думалъ ни одинъ уличный мальчишка. Мы отправились на Piazz d' Jndependenza, гдѣ собирался народъ, и пошли вмѣстѣ съ нимъ за музыкой и знаменами. Мы съ Ольгой храбро шли впередъ, не боялись быть среди такой толпы, потому что идея свободы такъ высока нравственно, что она облагораживаетъ того, у кого она на губахъ. «Passa, passa, Signorina», говорили намъ въ толпѣ, «lascia passare le signarine». Казалось, имъ самимъ было пріятно видѣть, что иностранныя дѣвушки принимаютъ въ ихъ торжествѣ такое живое участіе. Музыка играла національные гимны, красивыя шелковыя знамена съ герба-

ми городовъ или со знаками корпорацій развѣвались въ воздухѣ; оживленный народъ кричалъ безъ устали: «Vivo Roma, capitale d'Italia!» «Abasso il papa re!» «Vogliamo Roma e Venezia liberi!» «Abasso il bugiardo Antonelli e le settanta due ladrone!» «Il rè Emmanuele al Campitolio!» [1]). Эти крики прерывались иногда свистомъ, когда проходили мимо домовъ извѣстныхъ приверженцéвъ папы. На разныхъ флагахъ и знаменахъ были всевозможныя надписи, на всѣхъ шляпахъ были розовые билетики со словами: «Roma Capitale d'Italia. Abasso il papa-re». Знамена Рима и Венеціи были покрыты чернымъ крепомъ. Во Флоренціи есть одинъ булочникъ Dolfi, бывшій во главѣ революціи; онъ отказался отъ ордена, который предлагалъ ему самъ король, остался, какъ прежде, простымъ лавочникомъ, но «capo popolo» (главой народа). Я съ большимъ любопытствомъ смотрѣла на него; его славная наружность напомнила мнѣ какого-нибудь Николло дей Лаппи, которыми такъ богата исторія Флоренціи. Я не перестала бы писать объ этой демонстраціи! Я долго буду вспоминать этотъ день, вспоминать въ моей бѣдной Россіи, гдѣ, вѣроятно, если и придется когда-нибудь увидѣть что-нибудь подобное, то, навѣрно, это не будетъ такъ спокойно, радостно и безопасно!»

* * *

Письма Костомарова въ это время были довольно грустныя по отношенію къ нему лично и неутѣшительныя по отношенію къ общимъ дѣламъ. Привожу отрывки изъ нихъ.

«20-го ноября 1861 г.

---

[1]) Да здравствуетъ Римъ, столица Италіи! Долой папу-короля! Хотимъ свободы Риму и Венеціи! Долой лгуна Антонелли, долой семьдесятъ двухъ разбойниковъ! Короля Эммануила на Капитолій!

«...О себѣ скажу вамъ, что, во-первыхъ, я все хвораю: головныя боли меня мучатъ ужасно и не даютъ спокойно заниматься дѣломъ; во-вторыхъ, печальная обстановка, среди которой поставили меня непредвидѣнныя обстоятельства, заставятъ меня очень скоро оставить должность, а вслѣдъ затѣмъ, быть можетъ, навсегда удалиться изъ Петербурга. Это нашъ несчастный университетскій вопросъ. Совершенно нейтральный, поставивъ себѣ долгомъ пребывать съ моей спеціальностью внѣ житейскихъ треволненій, я, однако, уже поставленъ въ ложное положеніе...

«Изъ студентовъ, вступившихъ опять въ университетъ послѣ уличныхъ демонстрацій, только самая малая часть ходитъ на лекціи; другіе не только не желаютъ сами посѣщать лекціи, но еще и товарищей своихъ отгоняютъ, а отъ профессоровъ требуютъ прямо, чтобы не читали. Другіе пусть поступаютъ, какъ имъ угодно, но, мнѣ кажется, надобно имѣть мѣдный лобъ, чтобы спокойно итти въ аудиторію и читать тѣмъ, которые говорятъ: мы не хотимъ васъ слушать! Наконецъ, общественное мнѣніе въ пользу тѣхъ, которые покидаютъ университетъ, и считаетъ подлецами тѣхъ, которые въ немъ остаются. На все и это я бы плюнулъ: что же въ самомъ дѣлѣ это за терроръ такой? Да развѣ я не могу имѣть собственнаго взгляда и собственныхъ чувствъ? Зачѣмъ мнѣ раболѣпствовать передъ гуломъ праздныхъ языковъ, которые легко требуютъ отъ человѣка жертвъ, когда сами не рискуютъ принести какую-нибудь жертву? Но тутъ препятствіе иное: читать лекціи невозможно, гадко. Наука требуетъ сочувствія между читающимъ ее и слушателя-

ми, наука требуетъ яснаго, невозмутимаго, спокойнаго духа и сердца. Хорошо было прежде, когда, при совершенной свободѣ и чтенія, и слушанія, я зналъ, что если кто меня слушалъ, то значитъ хотѣлъ слушать, искалъ себѣ пользы отъ моего труда. Теперь же, когда мнѣ извѣстно, что тѣ, которые меня хотѣли бы слушать—не могутъ, а тѣ, которые придутъ слушать, дѣлаютъ это не изъ чистаго желанія получить пользу отъ моихъ словъ, а потому, что въ ихъ разсчетѣ окончить курсъ въ университетѣ, или отъ страха—какое побужденіе можетъ руководить мною? Могу ли я съ прежней любовью входить въ свою аудиторію? А гдѣ нѣтъ любви, что же остается? Вотъ ужъ буквально сбывается сравненіе св. Писанія съ кимваломъ звучащимъ и мѣдью звенящею. Вотъ такое то положеніе заставляетъ меня серьезно думать объ удаленіи своемъ изъ университета, а тамъ и изъ Петербурга, потому что я не имѣю средствъ оставаться здѣсь безъ должности. Не хочу сейчасъ дѣлать этого, чтобы это не имѣло вида уступки праздному говору, который я не признаю справедливымъ, ибо никто не въ правѣ заставить меня принимать ту или другую партію, когда я предпочитаю остаться служителемъ научной истины, которая стоитъ выше текущихъ явленій и желаній, всегда необдуманныхъ, несознанныхъ, въ которыхъ послѣ того, какъ время и холодное разсужденіе ихъ (слово не разобрано), останется навѣрно больше мякины, чѣмъ чистаго зерна».

Это письмо такъ рисуетъ Костомарова, что комментаріевъ не требуетъ. Скажу только, что въ послѣднихъ фразахъ звучитъ нѣкоторая горечь, ко-

торая понятна, когда вспомнишь, какъ Костомаровъ любилъ свое преподавательское дѣло.

Слѣдующее его письмо отъ 13-го декабря, начинающееся трогательнымъ изъясненіемъ его добрыхъ чувствъ къ нашей семьѣ, кончается еще болѣе грустнымъ аккордомъ, чѣмъ предыдущее: «дѣло нашихъ студентовъ кончилось: семерыхъ сослали, четвертокурсныхъ велѣли исключить и сослать въ губ. Вологодскую, Вятскую и Архангельскую, если не представятъ поручительствъ отъ родителей и родственниковъ; остальныхъ простить и позволить вступить въ университетъ на тѣхъ правилахъ, противъ которыхъ они сдѣлали протестацію, а если не согласятся, то сослать, буде не представятъ поручительствъ. Непринадлежащимъ къ университету прочитали нравоученіе, но тѣхъ, которые находились на службѣ, исключили изъ оной. Вотъ чѣмъ окончилась трагедія. Лекцій нѣтъ. (слово не разобрано) филологическій и юридическій факультеты разсорились; математическій и естественный еще держатся. Профессора Кавелинъ, Спасовичъ, Пыпинъ, Утинъ, Стасюлевичъ, Соколовъ, Андреевскій и ректоръ Плетневъ оставили службу. Собралась коммиссія для преобразованія университета, но что она сдѣлаетъ— увидимъ; только нашъ университетъ едва ли поправится. Я много разъ порывался бѣжать отсюда. Университетъ сталъ для меня невыносимъ, такъ же, какъ прежде я любилъ его. Помилуйте: аресты повторяются, шпіоны шныряютъ между студентами и каждое неосторожное слово передается въ III-е отдѣленіе. Студенты прячутся, боятся являться въ стѣны университета; на насъ на всѣхъ, принадлежащихъ къ университету, смотрятъ какъ на злонамѣренныхъ.

Какъ всѣ замѣчаютъ, я очень постарѣлъ въ продолженіе сентября и октября. И было отъ чего, когда чуть не каждый день съ разныхъ сторонъ прилетали ко мнѣ зловѣщіе слухи о томъ, что меня хотятъ арестовать—за что? Чортъ ихъ знаетъ! За собой я ничего не знаю, но пуганая ворона и куста боится. Являлись ко мнѣ подозрительные люди, заводили двухсмысленные разговоры; я запирался на замокъ или, ничего не дѣлая, шнырялъ по улицамъ. Эти обстоятельства зловредно подѣйствовали на мое здоровье, и безъ того разстроенное, только что немного поправленное короткимъ купаніемъ въ Италіи. Теперь я не думаю о возможности пребыванія въ университетѣ; апатія, отвращеніе вообще къ педагогической службѣ, какая то умственная лѣнь, какое то уныніе, упадокъ силъ, я самъ не знаю что такое, только мнѣ такъ скверно, что и выразить трудно».

Мы должны были въ это лѣто встрѣтиться съ Николаемъ Ивановичемъ въ Италіи, и я этому радовалась напередъ, но произошло какое то недоразумѣніе по случаю неполученія его письма, и мы уѣхали въ Англію.

Послѣднее, сохранившееся письмо Костомарова—отъ 3-го января 1862-го года:

«Съ новымъ годомъ, мы празднуемъ разомъ и новое тысячелѣтіе Руси.

«Самыя свѣжія новости наши тѣ, что университетъ нашъ, послѣ изнурительной трехмѣсячной тифозной болѣзни—умеръ! Печальное событіе случилось 20-го декабря. По докладу бывшаго министра Путятина Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ закрыть С.-Петербургскій универси-

тетъ, въ томъ вниманіи, что дальнѣйшее его существованіе не оказывается полезнымъ для обучающагося въ немъ юношества; профессоровъ оставили за штатомъ, т.-е. выкинули на улицу. Студентамъ позволили разойтись по другимъ университетамъ. Даютъ надежду открыть его—но когда? неизвѣстно, уже на новыхъ правилахъ. Вслѣдъ за кончиной университета, вышелъ и министръ. На мѣсто его поступаетъ Головнинъ, кажется хорошій, благомыслящій человѣкъ. Что мнѣ съ собой дѣлать, не знаю—хоть бы уже по питейной части служить! Правительство нерасположено не только къ студентамъ, но и къ профессорамъ нашего университета; даже и тѣ, которые старались угодить ему въ эпоху путятинскаго нашествія, не выиграли ничего, ибо имъ не дали ни крестика, ни денегъ и не отдѣлили, какъ благонамѣренныхъ овецъ отъ козлищъ. По дѣломъ!

«Въ непродолжительномъ времени пошлю вамъ рѣчь, читанную мною на литературномъ вечерѣ 2-го января по поводу наступившаго тысячелѣтія Россіи, если цензура ее пропуститъ».

Незадолго передъ отъѣздомъ изъ Флоренціи мы совершили, въ сопровожденіи Штрома и Мартынова, очень пріятную поѣздку въ Сіенну. Осматривали все, что только можно было осмотрѣть; мама, въ большинствѣ случаевъ, не отставала отъ насъ, молодыхъ. Мы весело лазили на колокольни, ходили вверхъ и внизъ по ступенькамъ крутыхъ улицъ, были даже въ театрѣ. Изъ видѣннаго назову только ратушу palazzo Publico) и лѣстницу, ведущую въ баптистерій, находящійся внизу подъ соборомъ. Въ ратушѣ мнѣ понравилась средневѣковая зала, съ арками и сводами, раздѣленная чудесной

работы желѣзной рѣшеткой. Со сводовъ, отъ того мѣста, гдѣ они всѣ сединялись, висѣла старая, готическая, прелестная лампада. Лѣстница, спускающаяся по наружной сторонѣ собора, построеннаго на возвышеніи, была чрезвычайно живописна, особенно если смотрѣть на нее снизу: она сходила немного сгибаясь по стѣнѣ собора; надъ нею рисовалась на небѣ величественная арка, оставшаяся отъ древняго собора, разрушеанаго во время чумы въ XIV-мъ столѣтіи; съ другой стороны лѣстницы—старые дома, стѣны, террассы, обросшія мхомъ. Но возвращаюсь къ послѣднимъ днямъ во Флоренціи, которые были посвящены прощанію съ любимыми мѣстами и нашими знакомыми. Мнѣ не было грустно разставаться съ Флоренціей: я использовала въ ней все, что могла, и съ меня было довольно. Искусствомъ я была насыщена, въ меня уже ничего болѣе не вмѣщалось: если мнѣ говорили, что я ещѣ чего-нибудь не видала, я только рукой махала. Такъ, въ слишкомъ длинномъ концертѣ, слухъ нашъ притупляется, вниманіе ослабѣваетъ и мы уже не можемъ по достоинству оцѣнить исполняемыя въ самомъ концѣ пьесы. Мнѣ въ жизни пришлось не разъ убѣждаться, что наслажденіе, какъ и страданье, не можетъ быть безпредѣльнымъ, и чѣмъ сильнѣе чувство, тѣмъ скорѣе наступаетъ реакція; душа требуетъ отдыха и новыхъ впечатлѣній. Хорошо было во Флоренціи, но впереди лежало нѣчто болѣе широкое: впереди былъ Римъ!

Я сначала имѣла великодушное намѣреніе скрыть отъ нѣкоторыхъ, болѣе близкихъ знакомыхъ, какъ равнодушно разстаюсь я съ ними, но потомъ рѣшила, что «какъ ни будешь желать чѣмъ-нибудь ка-

Римскій Карнавалъ.

заться, все-таки останешься тѣмъ, чѣмъ есть; лучше быть натуральной». Тяжело мнѣ было разставаться только съ Эльвирой; она была неутѣшна. «Я теперь навсегда останусь одинокой,—жаловалась она:—гдѣ я найду другихъ людей, которые не будутъ обращаться со мной, какъ съ низшей? Нѣтъ, никого никогда я такъ не полюблю, какъ васъ!..» У меня тоже были слезы на глазахъ, я горько жалѣла, что не могу взять ее съ собой; я знала, что дѣйствительно, при ея застѣнчивости, ей трудно привыкать къ новымъ людямъ. Живо вспоминаю я скорбный образъ этой милой дѣвушки и жалѣю, что ничего съ тѣхъ поръ не слыхала о ней.

Въ Сіенну мы пріѣхали въ лунную ночь, ночевали въ томъ же отелѣ, гдѣ недавно такъ весело проводили время. «Какъ хороша должна быть теперь—замѣчала я—та лѣстница у собора. Гуляли мы тамъ въ темную ночь, мечтая, какъ это должно быть эффектно при лунѣ; теперь мы тутъ опять, и луна, а мы не пошли! Все такъ на свѣтѣ... Сіенна—послѣднее воспоминаніе о Флоренціи; потомъ пойдутъ новыя мѣста, новыя лица, новыя знакомства!» Желѣзная дорога доходила только до Сіенны; дальше мы поѣхали въ экипажѣ. Намъ совѣтовали отправиться моремъ, пугая разбойниками. Лидія Арсеньевна въ азартѣ восклицала: «Да васъ зарѣжутъ, оберутъ и пустятъ голенькими!» Но мы никого не послушались и не имѣли повода раскаяться въ этомъ.

«Славная ѣзда съ веттуриномъ,—писала я;—не надо заботиться о вещахъ, бояться, что опоздаешь. Любуешься видами, отдыхаешь на станціяхъ, идешь пѣшкомъ... Мы выѣхали очень рано, былъ туманъ и мы были сонные. Но туманъ мы проѣхали, разве-

селились и пошли съ Мартыновымъ, который провожалъ насъ въ Римъ, пѣшкомъ. Это было наслажденье: воздухъ былъ свѣжій, солнце грѣло, чувствовалось, какъ здорово, какъ хорошо пройтись пѣшкомъ. Въ мѣстечкѣ, гдѣ мы остановились завтракать, былъ маленькій садъ, къ которому изъ дома спускалась грубо-сложенная изъ камней лѣстница, неровная, почернѣвшая, обросшая мхомъ, которую я сейчасъ же нарисовала. На дорожкахъ сада лежалъ полурастаявшій снѣгъ; кусты были покрыты бутонами розъ, схваченными морозомъ, точно гдѣ-нибудь у насъ на дачѣ осенью. Когда мы стали подниматься въ горы, начались мрачныя картины: снѣгъ некрасиво лежалъ кусками на черной замороженной землѣ, такъ и обдавало холодомъ. Эта мертвенность, тишина, прерываемая только шумомъ далекаго потока, вселяла невольный ужасъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ было что то поэтичное... На другой день мы проѣзжали самыя высокія горы, природа стала напоминать Россію: снѣгъ, грязь, ухабистая почва, никакой растительности. Въѣзжая въ папскія владѣнья, поражаетъ нищета и грязь народонаселенія. Въ городкѣ S.-Lorenzo Nuovo мы пошли въ церковь; она была полна народа, лежащаго на колѣняхъ,—какія то тупыя, запуганныя фигуры! Больно становилось смотрѣть на жалкій, заморенный народъ, распростертый ницъ передъ жирными, откормленными, круглыми попами... Послѣ обѣдни насъ обступила толпа съ безсмысленными, бараньими лицами, смотрѣвшая на насъ, какъ на чудищъ. Господи, когда же перестанутъ пѣть Тебѣ хвалу въ церквахъ люди, исказившіе Твое ученье? Они себѣ поютъ хвалу. Тебѣ хвала и слава—въ сердцахъ людей,

идущихъ по стопамъ Твоимъ, Твоихъ братій по мысли... Но оставимъ это. Теперь передо мной равнина, остается проѣхать только еще одну маленькую горку... Налѣво вдали солнце освѣтило подножіе горъ, заселенныхъ городками; тамъ Фраскати и другіе... Вотъ, наконецъ, проѣхали и горку, еще заслоняютъ кусты... Вотъ изъ-за нихъ что то показывается, подымается, выростаетъ куполъ,—это куполъ Петра! Это Римъ!.. Римъ!..»

... Онъ находилъ все равно прекраснымъ: міръ древній, шевелившійся изъ-подъ темнаго архитрава, могучій средній вѣкъ, положившій вездѣ слѣды художниковъ-исполиновъ и великолѣпной щедрости папъ, и, наконецъ, прилѣпившійся къ нимъ новый вѣкъ съ томящимся новымъ народонаселеніемъ. Ему нравилось это чудное сліяніе ихъ въ одно...

Гоголь.

XXVIII.

«И вотъ я въ Римѣ! Такъ недавно меня занимали мелочи флорентійской и моей собственной жизни, а теперь я отдѣлалась отъ этого всего, я сижу на балконѣ гостиницы въ Via Condotti, прямо противъ скалинады. Лѣстница широкая, широкая, идетъ террасами, раздѣляясь вверху на двѣ стороны; надъ нею церковь; все необыкновенно красиво, граціозно, какъ и вся площадь. Однако, на первый взглядъ Римъ менѣе характеренъ, чѣмъ Флоренція; я ожидала видѣть его старымъ, темнымъ, похожимъ на Москву оригинальностью и характерностью, а тутъ новыя улицы, прекрасные магазины... Впрочемъ, я вѣдь нахожусь въ Римѣ новомъ; тамъ, гдѣ то, есть Римъ другой. Я чувствую себя хорошо, потому что у меня здѣсь нѣтъ еще никакихъ впечатлѣній, ни хорошихъ, ни дурныхъ; все впереди, а это самое пріятное».

Таково было мое первое впечатлѣніе. На другой или третій день я уже восклицала: «что за прелесть Римъ! Мнѣ кажется, что разъ увидѣвъ его, нельзя больше разстаться съ нимъ!»

Вскорѣ начался карнавалъ. Говорили, что въ томъ году онъ былъ менѣе оживленъ, чѣмъ когда бы то ни было, такъ какъ итальянскій національный ко-

митетъ издалъ воззваніе къ римлянамъ, гдѣ говорилось, что увеселеніями имъ хотятъ золотить цѣпи, чтобы они помнили, что они находятся хотя и въ обширной, но все-таки темницѣ; вмѣсто того, чтобы быть на Корсо, да идутъ они на форумъ, мѣсто ихъ прежняго величія. Демонстрація на форумѣ, однако, не состоялись.

Прежде карнавалъ имѣлъ значеніе: тутъ выбирались невѣсты, завязывались знакомства, влюбленные могли свободно видѣться: всѣ двери, всѣ квартиры были для всѣхъ отперты, все превращалось въ одинъ общій, шумный праздникъ; забывались заботы, возникала на время сказочная жизнь. Теперь такой характеръ, конечно, утратился, но для насъ и то зрѣлище, которое мы имѣли передъ собой, было достаточно оживленно и весело. И необычность жизни въ эту недѣлю тоже веселила: съ утра забирались мы на свой балконъ или «ложу», какъ это называлось, сидѣли въ домино, держа въ рукахъ сѣтку для охраны лица отъ иногда очень больно ударявшихъ confetti, брали съ собой завтракъ, возвращались при закатѣ, обѣдали поздно. Я сначала настраивала себя на либеральный ладъ, говорила, что тутъ одни иностранцы, что это папскій карнавалъ, что глупо тутъ быть—но молодость брала свое, я заражалась беззавѣтной радостью моей сестры и тоже начинала принимать участіе въ общемъ оживленіи и перебрасываться цвѣтами и конфетти. Нашъ балконъ былъ въ нижнемъ этажѣ; противъ насъ, вдоль всей улицы, были устроены въ нѣсколько рядовъ скамейки, гдѣ возсѣдали женщины изъ народа—крестьянки изъ Фраскати и Альбано въ ихъ живописныхъ блестящихъ нарядахъ, римскія натурщицы, между ними красавицы

Стелла и Анунціата, съ которыми мы съ сестрой уже успѣли познакомиться. Съ ними любезничали проходившіе парни и оттуда раздавался несмолкаемый смѣхъ. Меня поражало количество цвѣтовъ, которое было погублено за эти дни. Эта роскошь букетовъ была бы восхитительна, еслибъ и тутъ не примѣшивалось варварство: на букетахъ часто были привязаны живыя птицы, трепетавшія разноцвѣтными крыльями. Ихъ съ букетами бросали на высокіе балконы, до которыхъ онѣ рѣдко долетали и падали на землю, гдѣ дѣлались добычей дравшихся изъ-за нихъ уличныхъ мальчишекъ. Можно себѣ представить, что за страданія испытывали при этомъ птицы.

Все, что только напоминало итальянскіе національные цвѣта, было строго запрещено, поэтому ко всѣмъ букетамъ, составленнымъ изъ красныхъ и бѣлыхъ камелій съ зелеными листьями, были присоединены желтые цвѣточки. Мы съ сестрой начали выбирать изъ гуляющихъ молодыхъ итальянцевъ, которые всѣ были безъ масокъ и костюмовъ, кого нибудь болѣе понравившагося и вступать въ безмолвные разговоры. Возьмешь изъ высокихъ корзинъ, наполнявшихъ нашу ложу, букетикъ фіалокъ и бросишь въ избраннаго, чтобы обратить его вниманіе, затѣмъ выберешь красную и бѣлую камелію съ зеленью, перевьешь ниткой и бросишь ему. Если онъ папистъ, онъ съ презрѣніемъ отшвырнетъ цвѣты и пройдетъ мимо; если же патріотъ, то ласково улыбнется, тутъ же купитъ у мальчика большой букетъ, тщательно вырветъ изъ него желтые цвѣты и броситъ или подастъ въ ложу. Если молодой человѣкъ покажется симпатичнымъ, то въ слѣдующій

разъ, когда увидишь его, опять бросишь ему цвѣты; если и онъ ничего не имѣетъ противъ завязывающихся отношеній, то онъ съ новымъ букетомъ, въ который иногда вложитъ бонбоньерку, остановится около ложи. Начинается настоящій разговоръ и карнавальное знакомство. Въ послѣдній день карнавала, когда толпа людей, на улицѣ, въ ложахъ и прилегающихъ къ нимъ комнатахъ, тушитъ другъ у друга зажженныя восковыя свѣчи и оглашаетъ воздухъ крикомъ: «senza moccoli», настоящіе и карнавальные наши знакомые наполнили нашу ложу—и пошелъ хохотъ, возня и веселье. Во всю масленичную недѣлю, гдѣ бы вы ни встрѣтились съ карнавальнымъ знакомымъ, онъ будетъ разговаривать, итти съ вами; но разъ карнавалъ кончился, временный знакомый вновь дѣлается чужимъ и поклониться вамъ на улицѣ считалъ бы непозволительной дерзостью.

Кто то изъ нашихъ художниковъ подалъ мнѣ на Корсо букетъ съ птицей, еще не очень помятой; я принесла ее домой, думала, что она не будетъ жива, и такъ заботилась о ней, что даже оправилась настолько, что рвалась и клевала меня, пока я несла ее на Пинчьо. Когда я открыла руки, она съ крикомъ вылетѣла на свободу и какъ стрѣла скрылась изъ глазъ. Долго не могла я забыть отчаянно радостнаго звука этого крика.

По прошествіи шумной масленичной недѣли, на меня снова напала невыразимая тоска. Во Флоренціи я знала, чѣмъ наслаждаться; все мнѣ было ясно, я знакомилась съ небольшимъ періодомъ исторіи, болѣе или менѣе мнѣ извѣстнымъ. А тутъ! Исторія

цѣлыхъ вѣковъ должна была пройти передо мной. Передъ этимъ я стояла безоружной. Болѣе чѣмъ въ Парижѣ нуждалась я въ руководствѣ, болѣе чувствовала свое невѣжество. Отецъ часто хворалъ, я рѣдко говорила съ нимъ, книгъ, о которыхъ онъ упоминалъ, я не могла достать; мать знала немногимъ больше меня и сердилась, что я постоянно всѣмъ недовольна. Наши художники? Отъ нихъ я не ждала помощи. Мнѣ бы надо Костомарова, Благовѣщенскаго... Взявъ съ собой служанку и альбомъ, я отправлялась въ свои одинокія и безлюдныя странствованія. Моя спутница портила мнѣ послѣднее удовольствіе; немолодая и довольно тучная, она еле поспѣвала за мной и все время ворчала. Съ каждымъ шагомъ, съ каждой открывавшейся передо мной прекрасной картиной, росло мое раздраженіе. Вотъ узенькая, темная улочка: красивыя, въ отрепьяхъ, женщины расчесываютъ на порогѣ свои волосы; проходитъ продавецъ броколи; стоятъ высокіе закопченые дома. И вдругъ бросятся въ глаза вдѣланные въ стѣну дома античный фронтонъ или колонна. Что это? Откуда? Почему? Какого времени? Вотъ Campo Vacino—древній форумъ: колонны, арки, храмы, тарпейская скала, полузаваленные мусоромъ: гдѣ начало чего, гдѣ конецъ? Что происходило здѣсь, что тамъ? Почему Колизей такъ великъ, а форумъ такъ малъ? Что еще остается тамъ, подъ землей? Неужели этотъ храмъ, крошечный какъ бесѣдка, дѣйствительно тотъ храмъ Весты, гдѣ хранился очагъ города Рима? Мои слабыя историческія знанія здѣсь окончательно спутывались, ничего не входило въ опредѣленныя рамки, все было хаосъ... «И неужели никто и ничто не поможетъ

мнѣ? Какая мука!»—думала я и уходила въ Колизей, гдѣ, съ горя, рисовала разныя его подробности. Куда бы я ни шла, вездѣ царила такая красота, что въ моей душѣ съ тоскою смѣшивался восторгъ, граничившій съ болью. Чѣмъ болѣе я знакомилась съ Римомъ, тѣмъ болѣе чувствовала, что въ немъ отражается цѣлый міръ, идетъ непрерывная связь между жизнью античною, средневѣковою, времени возрожденія и настоящей. Всѣ зданія, все искусство, народные костюмы, эти босоногіе капуцины, богатые экипажи кардиналовъ, черный аббатикъ, мужикъ, живописно драппирующійся въ изорванный плащъ—все вытекаетъ изъ прошлаго, соединяется съ нимъ. Здѣсь нѣтъ cessation de continuité, нѣтъ перерывовъ; двѣ тысячи лѣтъ какъ на одной плоскости, какъ на одной картинѣ лежатъ передъ зрителемъ. Все близко и съ окружающей природой, органически сливается съ нею. Въ другомъ мѣстѣ можетъ не притти въ голову мысль, что та же природа сіяетъ на прошлыя и настоящія человѣческія страданія и радости—а въ Италіи не отгонишь отъ себя мысли, что вотъ это самое небо глядѣло и на Цезаря, и на папу Юлія, и на Микель Анджело, что это самое море съ тѣмъ же шумомъ катило римскія триремы, крутогрудые корабли викинговъ, Венеціанскія галеры. Какъ мысль ученаго приводитъ къ единству закона пестроту событій, какъ пестроту красокъ приводитъ въ гармонію кисть художника, такъ дуновеніе высшаго покоя легло на Римъ и все противорѣчивое слило воедино. Да, вотъ что значитъ вѣчный Римъ! Я все это чувствовала, но не могла ясно оформить; мнѣ казалось, что недостаетъ мнѣ чего то, какого то звена,

чтобъ понять сейчасъ смыслъ жизни человѣчества... Фрикенъ и Ростовцевъ могли бы разъяснить мнѣ многое, особенно Фрикенъ, который занимался исторіей искусства, но я была очень застѣнчива и самолюбива, не хотѣла выказать передъ ними моего невѣжества и не обращалась къ нимъ, тѣмъ болѣе, что поочереди интересовалась ими обоими. Къ недовольству моими малыми познаніями, къ жаждѣ знанія, примкнула вновь проснувшаяся, внутренняя тоска. Хотѣлось читать, знать, понимать и вмѣстѣ съ тѣмъ, хотѣлось и еще чего то, или, какъ я начинала уже сознавать, кого то. Этотъ кто то никогда не былъ тѣмъ, кѣмъ я интересовалась въ данную минуту; онъ—это было нѣчто совсѣмъ другое, онъ былъ грядущій, ожидаемый, туманный...

Уставъ терзаться, я перестала бродить по Campo Vacino и принялась за музеи. Въ Ватиканѣ лучшимъ произведеніемъ его чудныхъ коллекцій показался мнѣ «торсъ». До сихъ поръ высшими явленіями въ античной скульптурѣ остаются для меня фронтоны Парѳенона, Венера Милосская и ватиканскій торсъ. Какъ ни былъ плохъ здоровьемъ и слабъ мой отецъ, но онъ непремѣнно самъ хотѣлъ въ первый разъ показать мнѣ всѣ столь дорогія ему античныя произведенія скульптуры, объяснить мнѣ ихъ красоты и насладиться моими восторгами. Ему доставляло великую радость, что мои сужденія о нихъ были, по его мнѣнію, правильны, что онъ могъ передавать мнѣ тутъ же, показывая на оригиналы, свои сужденія. Исполнилась его завѣтная мечта увидѣть все это со своею дочерью, съ будущей, какъ онъ надѣялся, художницей. Милый, добрый отецъ мой!

Какъ мало я сумѣла вознаградить его за его любовь!...

Весь этотъ античный міръ заставлялъ жить въ атмосферѣ красоты. И опять чувствовалось единство Рима: отъ античнаго искусства не трудно было переходить ко времени начала христіанства—къ катакомбамъ, къ старинным церквамъ VII и VIII вѣковъ,—затѣмъ къ искусству возрожденія. Микель Анджело и Рафаэль не могли бы существовать безъ античной скульптуры; послѣдователи ихъ, которые только повторяли и утрировали одни ихъ недостатки, и тѣ были тутъ необходимы, и безъ Бернини нельзя себѣ представить Рима. Изъ Рима ничего нельзя вынуть. Рядомъ съ термами и мавзолеями естественны всѣ эти великолѣпные дворцы, со статуями и фонтанами на дворикахъ, съ плафонами работы Гверчино и Гвидо Рени, съ зеркальными расписными стѣнами залъ, гдѣ находятся избранныя меценатами работы современныхъ имъ художниковъ. А виллы! Если внутренняя отдѣлка домовъ представляетъ разницу съ устройствомъ древнихъ жилищъ, то сады навѣрно сохранили тотъ же характеръ: они навѣрно были такіе же, когда по нимъ гулялъ Марціалъ и когда отдыхалъ въ нихъ Бокаччіо. Да и эти люди по крови были родные. Когда по узкимъ улицамъ города проѣзжаетъ карета папы и народъ повергается передъ нею ницъ, невольно вспоминаешь, какъ проносили по тѣмъ же мѣстамъ носилки римскихъ императоровъ. Да развѣ папа и не былъ наслѣдникомъ цезарей?

Когда я съ народомъ готова была кричать: abasso, il papa re!, я не предвидѣла, что паденіе этого кесаря повлечетъ за собой уничтоженіе той гармоніи,

которою я восхищалась, введетъ въ мой милый, старый Римъ Art nouveau, трамы и автомобили... Впрочемъ, онъ не даромъ вѣчный Римъ: можетъ быть онъ переваритъ и наше мѣщанство и сумѣетъ примирить антагонизмъ между современной цивилизаціей и красотой. Надо надѣяться, что такъ— а все же лучше было бы не трогать Римъ и Венецію, оставить ихъ какъ живые музеи, чтобъ они существовали, какъ говоритъ нашъ величайшій поэтъ Гоголь, «для того, чтобы будить міръ, чтобы жителю Сѣвера, какъ сквозь сонъ, представлялся иногда этотъ Югъ, чтобы мечта о немъ вырывала его изъ среды хладной жизни, преданной занятіямъ, очерствляющимъ душу,—вырывала бы его оттуда, блеснувъ ему нежданно уносящею вдаль перспективой, колизейскою ночью при лунѣ, прекрасно умирающей Венеціей, невидимымъ небеснымъ блескомъ и теплыми поцѣлуями чудеснаго воздуха, чтобы хоть разъ въ жизни былъ онъ прекраснымъ человѣкомъ...» Но я отклонилась отъ того времени, когда я не думала о будущемъ Рима.

Невозможно передать словами ту страстность, съ которой я теперь наслаждалась искусствомъ. Въ молчаніи Сикстинской капеллы я какъ бы жила съ Микель Анджело. Гнѣвъ, разочарованіе, неудовлетвореніе его жизни отражались для меня въ его ужасномъ «Страшномъ судѣ»; въ плафонѣ: въ Сивиллахъ и Пророкахъ я видѣла грусть и нѣжность его почти никѣмъ не понятой души. Какъ я жалѣла его, какъ я любила его!.. Моисей, силой произведеннаго впечатлѣнія, на время затмилъ во мнѣ все и нѣсколько дней положительно стоялъ передъ моими глазами. «Выраженіе ужасное,—писала я,—передъ ко-

торымъ все погнется; дикая, желѣзная воля. Взглядъ мраморныхъ глазъ прожигаетъ васъ насквозь, заставляетъ пробѣгать морозъ по кожѣ. Становится страшно: кажется онъ живетъ, сейчасъ привстанетъ, заговоритъ и міръ потрясется отъ звука этого голоса. Еслибы онъ сказалъ горѣ: двинься! она бы двинулась. Я не осталась бы съ нимъ одна ни за что на свѣтѣ; я знаю, онъ ожилъ бы и я бы умерла... Не даромъ Буанаротти, окончивъ статую, сказалъ ей: говори! Она и говоритъ о безсмертіи ея создателя. Моисей есть то, чѣмъ могъ бы или желалъ бы быть Микель Анджело; статуѣ онъ передалъ идеализованныя черты своего характера и своего лица. Да, одинъ онъ могъ создать этого Моисея».

Чтобы оцѣнить по достоинству Рафаэля и поставить его около Микель Анджело и Леонардо, надо—это я поняла въ Ватиканѣ—отрѣшиться отъ его Мадоннъ и судить о немъ по Станцамъ: не можетъ нравиться «Мадонна di Faligno» послѣ «Аѳинской школы» и «Диспута». Смотря на стѣнную живопись въ Станцахъ и на Сивиллъ въ церкви della Pace, нельзя не преклониться передъ геніемъ Рафаэля. Когда подумаешь о его молодости, о массѣ произведеній, созданныхъ имъ въ столь короткій срокъ, о его техникѣ, то совѣстно становится критиковать его. Описывая впечатлѣнія моей молодости, я должна, однако, признаться, что, стоя передъ «Преображеніемъ», мнѣ было противно смотрѣть на эту картину. Она возмутила меня своею театральностью; я находила, что главныя дѣйствующія лица «танцуютъ балетъ на воздухѣ» и что «всѣ остальные не соотвѣтствуютъ изображаемому событію. Вотъ гдѣ

все для внѣшней красоты, а ничего для правды, ничего духовнаго!» Послѣдняя фраза могла бы казаться нѣкоторымъ переходнымъ шагомъ къ пониманію Quattrocentist'овъ, къ которымъ я, однако, во все время своего пребыванія въ Италіи относилась очень странно: я положительно любила ихъ, особенно Джіотто, Масканьи и Мазачьо, менѣе сильно чѣмъ Микель Анджело или Леонардо, но любила—только не могла объяснить себѣ почему. Въ нихъ не было того, что мы привыкли считать красотой въ картинѣ; у насъ въ академіи ихъ съ презрѣніемъ называли «Византійщиной». О прерафаэлитахъ я не слыхала, и потому свое безсознательное влеченіе къ примитивамъ я считала дурнымъ вкусомъ и стыдилась громко выражать его. Какъ жалко мнѣ теперь, что, увлеченная Микель Анджело, я не обратила даже вниманія на находящіяся тамъ же, въ Сикстинской капеллѣ, дивныя вещи Ботичелли!..

Часто ходила я изъ одной церкви въ другую; вездѣ было что-нибудь замѣчательное и глубоко-интересное. Особенно симпатична была мнѣ церковь св. Климента, потому что построена она, повидимому, еще до раздѣленія церквей: въ ней сохранилась мраморная стѣна, отдѣлявшая алтарь. Нѣкоторымъ диссонансомъ въ общей окружающей красотѣ, были неизбѣжныя въ католичествѣ суевѣрія: комнаты, гдѣ стулья и люстры сдѣланы изъ человѣческихъ костей, гдѣ по стѣнамъ сидятъ скелеты въ монашескихъ одѣяніяхъ, лѣстница дома Пилата съ каплей крови Христа подъ стекломъ, мѣрка роста Христа, колодецъ Самаритянки, мраморная мадонна, у которой просверлены уши для серегъ, знаменитый Bambino. Послѣдній находился въ церкви Aracoeli, въ Капито-

ліи; это—деревянный нерукотворный младенецъ, «приплывшій» изъ Іерусалима въ Римъ, исцѣляющій больныхъ; ѣздитъ онъ по домамъ въ раззолоченной каретѣ; хорошій знакъ для больного, если, поднесенный къ его постели, младенецъ покраснѣетъ, плохой—если поблѣднѣетъ. Монахъ, который намъ его показывалъ, нѣсколько разъ присѣдалъ, прежде чѣмъ открылъ шкафъ и вынулъ ящикъ съ Бамбино. Онъ зажегъ передъ нимъ свѣчи и тогда только открылъ покрывало: передъ нами на парчевой подушкѣ, увѣшанная драгоцѣнными камнями, лежала грубо размалеванная кукла, точно такая, какою играютъ дѣти. Монахъ и моя служанка опустились на колѣни, громко прочитали молитву и приложились къ ножкѣ младенца.

Изъ ближайшихъ окрестностей Рима, мнѣ болѣе понравились S'Pietro in Montorio и Ponte rotto. Церковь св. Петра построена на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, былъ распятъ апостолъ Петръ; въ маленькомъ храмѣ, работы Браманте, показываютъ дыру, въ которую былъ воткнутъ крестъ во время распятія. Наивный монахъ объяснилъ намъ, что въ этомъ мѣстѣ лежатъ кости Ноя; «это по книгамъ знаютъ»—важно прибавилъ онъ. Мнѣ захотѣлось подразнить монаха и я сказала: «а вѣдь нѣкоторые люди увѣряютъ, что св. Петръ не былъ распятъ въ Римѣ?» Монахъ пришелъ въ ярость: «такъ гдѣ же? — возопилъ онъ, — развѣ на это нѣтъ тысячи доказательствъ? Что же означаютъ эти барельефы, представляющіе его казнь? Да если бы онъ не былъ здѣсь, развѣ построили бы этотъ храмъ?» Негодованіе бѣднаго монаха тронуло меня и я поспѣшила увѣрить его, что я лично вполнѣ вѣрю въ

присутствіе и казнь Петра въ Римѣ. Въ эту минуту я взглянула на бѣлую, пыльную дорогу, идущую вдоль храма, и вспомнила, что по этой дорогѣ, будто бы, шелъ Петръ, когда встрѣтился ему Спаситель и спросилъ: «quo vadis?» И что-то поэтичное шевельнулось во мнѣ... Что бы мы были безъ легендъ и преданій!.. Съ церковной горы чудный видъ на Римъ. Еще красивѣе видъ на Тибръ съ находящагося недалеко оттуда Ponte rotto (сломанный мостъ). Подъ нимъ въ водѣ виднѣются остатки древняго палатинскаго моста; съ одной стороны неровные дома спускаютъ свои арки прямо въ воду, съ другой—церковь св. Сабины, возвышающаяся надъ густой массой зелени.

XXIX.

Veder Napoli e poi morir. *

Я поставила въ эпиграфѣ фразу, которую постоянно повторяютъ, говоря о Неаполѣ, но съ которою я несогласна. По-моему, не только Римъ, Венеція, но и Ривьера—по крайней мѣрѣ какъ она была, еще не испорченная людьми,—лучше Неаполя. Неаполитанская природа имѣетъ въ моихъ глазахъ тотъ же недостатокъ, что и швейцарская: въ ней также все картинно, закончено, почти банально. Нѣтъ въ ней никакой неожиданности: всегда синее небо, синее море и непремѣнно на самомъ подходящемъ мѣстѣ рисуется въ воздухѣ кипарисъ, пинія или развалина. Удивительно красиво, слова нѣтъ, но надоѣдаетъ. Не знаю, поймутъ ли меня, если я скажу, что Неаполь по сравненію съ Римомъ—то же, что паркъ по сравненію съ лѣсомъ. Неаполь, какъ городъ, очень оживленъ, Римъ передъ нимъ пустыненъ; въ Неаполѣ весело, весело, какъ на балу, но на балу не живутъ. Неаполь надо видѣть, тамъ можно интересно и пріятно провести время, но онъ къ себѣ не привязываетъ.

Переѣздъ нашъ въ Неаполь былъ прелестенъ. Было совершенно тихо, забывалось, что мы на пароходѣ, я даже обыкновеннаго дрожанія его не чувствовала. Какое все время было солнце! Какая луна! Такое путешествіе—благодать. Видъ на Везувій и Неаполь, несмотря на небольшой туманъ, былъ

*) Видѣть Неаполь и умереть.

очень эффектенъ. Въѣзжая въ портъ, Ольга[1]) закричала: «Катя, видишь трехцвѣтный флагъ?»—«Вижу и радуюсь».

Неаполь показался мнѣ оживленнѣе даже Парижа и веселѣе. «Въ самыхъ отдаленныхъ переулочкахъ кишитъ народъ: на улицахъ ѣдятъ, пьютъ, варятъ, жарятъ, чешутся и бреются, сапоги шьютъ и спятъ, а пѣсни и гимнъ Гарибальди звучатъ непрерывно. Улица Толедо очень красива, ширина ея особенно какъ-то пришлась въ пропорцію. Въ праздникъ Гарибальди она была вся убрана флагами, также какъ и маленькіе переулки, которые находятся черезъ домъ и идутъ часто вверхъ ступенями, гдѣ разставлены лотки съ фруктами и котлы съ дымящимися броколи. Все это было прелесть какъ живописно. Неаполитанцы еще горячѣе и живѣе, чѣмъ другіе итальянцы. Если неполитанецъ вамъ разсказываетъ, какъ кто-нибудь молился, онъ бросается на колѣни и крестится; если что-нибудь страшное, то такъ вращаетъ глазами и размахиваетъ кулаками, что невольно отодвигаешься; если говоритъ о поѣздкѣ на лодкѣ, то складываетъ плашмя одну руку на другую, а большими пальцами изображаетъ движеніе веселъ при греблѣ. Что было въ циркѣ, гдѣ давалась пантомима, изображавшая изгнаніе австрійцевъ изъ не знаю какого мѣста! Сраженіе на лошадяхъ, стрѣльба, Гарибальди въ апоѳеозѣ на бѣлой лошади, окруженный мужчинами и женщинами въ красныхъ гарибальдійкахъ, при бенгальскомъ огнѣ! Народъ свистомъ, неистовымъ крикомъ восторга, выраженіемъ лицъ, принималъ участіе въ дѣйствіи, какъ будто тутъ совершалось настоящее дѣло, а не представленіе.

---

1) Младшая сестра моя.

Ужасно только нищенство. Всѣ просятъ: мужикъ, который пашетъ, мальчишка, который ѣдетъ мимо на своемъ ослѣ. Ѣдешь по городу—вдругъ какой-нибудь мальчишка сядетъ на козлы у ногъ кучера или прицѣпится сзади коляски и потомъ проситъ на чай, говоритъ: я съ вами ѣхалъ. Это особенно непріятно при поѣздкахъ за городъ. Послѣ того, какъ мы осматривали «собачій гротъ», сѣрные источники, паровыя бани и пр., насъ, положительно, осадила цѣлая куча народа. Откуда они высыпали, Богъ ихъ знаетъ, и всѣ оказались custodi (сторожа); одинъ увѣрялъ, что показывалъ намъ одну вещь, другой—другую, третій, что у него ключъ отъ грота, четвертый, что его собака, пятый, что онъ все время ходилъ съ нами и т. д. Мужики, бабы, мальчишки, все кричало, визжало, угрожало. Рѣшительно не знаю, что бы съ нами было безъ курьера. Мы дали имъ болѣе, чѣмъ слѣдовало—и тѣмъ не менѣе они еще долго бѣжали за экипажемъ съ ругательствами. Когда пріѣзжаешь куда-нибудь, они такъ ласковы, услужливы, дѣвочки подносятъ букеты, думаешь: что за милый народъ! А уѣзжаешь всегда съ проклятіями. Разъ такимъ образомъ одинъ оборванецъ вспрыгнулъ къ намъ на козлы; курьеръ изъ другой коляски закричалъ ему, чтобы онъ слѣзъ, тотъ отвѣчалъ: «niente, niente, non pensate, signor curiere [1]). Потомъ запросилъ съ насъ піастръ за то, что ѣхалъ съ нами. Другой больше версты шелъ за нами, умоляя, чтобъ его взяли, увѣряя, что онъ что то намъ покажетъ. «Что жъ ты бѣжишь за коляской? Сказано, что не надо», крикнулъ, наконецъ, разсерженный курьеръ. «Что жъ,—

[1]) Ничего, не подозрѣвайте меня, господинъ курьеръ.

отвѣчалъ онъ,—развѣ дорога не для всѣхъ?» и снова жалобно сталъ просить, чтобы курьеръ не отбивалъ у него хлѣбъ. Оба они провожали насъ невозможными проклятіями. «Отчего они всѣ такъ бранятся?» — спросила я курьера. «C'est la mode dans ce pays», [1]) отвѣчалъ онъ.

Восхитительны были поѣздки въ Пуццуоли, въ Байи. «Сколько древностей, — писала я, — разбросано вездѣ: амфитеатръ въ Puzzoli лучше сохранился, чѣмъ Колизей; тутъ озеро, гдѣ Агриппа давалъ морскія представленія; тамъ Piscine Mirabile великолѣпное, хорошо сохранившееся до сихъ поръ древнее сооруженіе для снабженія флота прѣсной водой; на каждомъ шагу слѣды домовъ, храмовъ, подземныхъ ходовъ и бань. Сюда пріѣзжали римляне наслаждаться: море, плескавшее у подножья жилищъ, тѣнистые сады, журчащіе фонтаны навѣвали лѣнь, нѣгу, dolce farniente. А сколько преступленій покрывали здѣсь розы! Смотришь на окружающее и не можешь повѣрить, чтобы тутъ, съ этимъ чудно яркимъ небомъ, при видѣ спокойнаго лазурнаго моря, подъ сѣнью пальмъ и померанцевъ, въ объятіяхъ любимой женщины, сынъ могъ отдать приказаніе утопить свою мать! Правда, эта жгучая природа, накаленный воздухъ, насыщенный всякими ароматами имѣетъ также опьяняющее, мѣшающее думать дѣйствіе; говорятъ, здѣсь прощаютъ преступленія, совершенныя во время широкко. Гдѣ природа сама все даетъ человѣку, тамъ онъ погружается въ бездѣйствіе, мельчаетъ и искажается». Около Байи есть одна баня, съ сохранившимися нѣкоторыми барельефами, которую почему то

[1]) Такая здѣсь мода.

называютъ храмомъ Меркурія; туда приходятъ женщины плясать тарантеллу подъ звукъ бубенъ и кастаньетъ, повторяемый эхомъ. У нихъ часто повороты тѣла и движенья платьевъ помпейскихъ танцовщицъ. Но, прелестно плясавшія, граціозныя помпейскія фигурки пришли просить на чай, ничѣмъ не были довольны и ругались.

Наисильнѣйшее впечатлѣніе произвела на меня Помпея. Наши всѣ, осмотрѣвъ, что могли, отправились на Везувій, я отъ этой поѣздки отказалась. Оставшись одна со старичкомъ гидомъ, я предалась новымъ ощущеніямъ. Я бродила, бродила по старому городу, какъ бы нарочно засыпанному, чтобы дать понятіе грядущимъ поколѣніямъ о кипѣвшей тутъ когда то жизни. Послѣ того, какъ я видѣла въ неаполитанскомъ музеѣ принадлежавшія жителямъ погибшаго города украшенья, орудія, посуду, хлѣбъ и зерно, мнѣ не трудно было мысленно поставить все это на мѣста: посуду—на плиту съ такими же конфорками, какъ и у насъ, лары—въ триклиніумъ, статуи—въ театръ, ипподромъ и храмы, живопись—на стѣны, и получить полное понятіе о жизни и обычаяхъ римлянъ. Скажу болѣе: дома, гдѣ сохранились и на мѣстѣ статуэтки, части фресокъ и мозаикъ, лавки, пекарни, форумы, театры, мостовыя со слѣдами колесъ—все оживало для меня до полной иллюзіи. Иногда, сидя гдѣ-нибудь около дороги, я забывалась до того, что почти ждала шума приближающейся колесницы, готова была увидѣть толпу на улицахъ, поваровъ, суетящихся около печей, слугъ, льющихъ вино изъ амфоръ, дѣвушекъ, играющихъ съ павлинами на дворикѣ у фонтана. Всѣ эти образы, безъ всякаго усилія мысли, сами навязывались моему воображенію. Я провела этотъ

блаженный день какъ во снѣ, не замѣтила, какъ прошло время, проведенное мною въ дѣйствительности—въ полномъ одиночествѣ, а мысленно—въ суетѣ широкой жизни.

Мы, собственно, выбрали плохое время для нашего путешествія въ Неаполь. Наступали бури: забравшись въ Сорренто, мы пробыли тамъ нѣсколько дней, выжидая возможности отправиться на Капри и въ голубую гротту, но такъ и не дождались. Погрустивши, мы съ сестрой вознаградили себя за это лишеніе поѣздкой на ослахъ въ горы. Погода, послѣ дождя, была великолѣпная; небо блестѣло, море переливалось всѣми оттѣнками, отъ свѣтлой бирюзы до темнаго lapis lasuli; подъ нами разстилался Неаполь со всѣми окрестностями, виднѣлся Капри и надо всѣмъ поднимался воздушный Везувій. Около насъ виды мѣнялись: то являлся заборъ, надъ которымъ свѣшивались спѣлые апельсины, то оврагъ, заросшій лимонами и розами, то оливковая роща, сквозь темную зелень которой еще лазурнѣе кажется море—вся эта неизъяснимая прелесть южной природы, которая такъ манитъ и чаруетъ насъ, жителей сѣвера. Спустившись съ горъ, мы заѣхали въ гостиницу, гдѣ жилъ Тассо. Она новая, какъ и комната Тассо, но насъ увѣряли, что послѣдняя на томъ же мѣстѣ, такая же размѣромъ, съ такимъ же окномъ на море, какъ та, въ которой дѣйствительно жилъ поэтъ. Я жалѣла, что мы остановились въ другомъ отелѣ и говорила, что желала бы провести ночь въ этой комнатѣ. Насъ водили также въ огромный апельсинный садъ, гдѣ мы ѣли апельсины прямо съ дерева, они не были очень сладки, но такъ сочны, что, падая на землю, расплющивались. Уѣзжая изъ Сорренто мы взяли

корзину съ этими фруктами, но не довезли ихъ до Неаполя: они стали течь, мы съѣли, сколько могли, остальное бросили.

Въ Неаполѣ мы осмотрѣли еще нѣкоторыя церкви, которыхъ не успѣли видѣть раньше, и еще разъ посѣтили музей. Про Фарнезскаго Геркулеса я всегда слышала, что у него слишкомъ утрирована мускулатура; я не нашла этого, мнѣ казалось, что такъ и должно быть въ изображеніи идеала физической, животной силы. Но въ этой статуѣ есть и духовная сторона—именно необыкновенный покой, выраженный всей ея позой, покой силы.

Вернулась я въ Римъ, какъ на свою родину и начала болѣе непосредственно отдаваться окружающей жизни. Наша квартира находилась на via Porta Pinciana, небольшой улицѣ съ маленькими домами, на самомъ высокомъ мѣстѣ Пинчьо. Это былъ не особенно старый кварталъ, но тутъ жили Сальваторъ Роза, Пуссенъ, нашъ Гоголь, тутъ и въ мое время жили художники; по угламъ стояли натурщицы въ пестрыхъ костюмахъ; было много солнца, и зелени, слышно пѣнье птицъ, во всемъ патріархальность и простота. Напротивъ нашей квартиры былъ тупичекъ, кончавшійся стѣной, надъ которой виднѣлась зелень кустовъ и жиденькая пальма; на углу была мадонна, съ неугасаемой лампадой. Сюда часто приходили изъ Кампаньи одѣтые въ бараньи шкурки pifferari, чтобы играть передъ святой Дѣвой на своихъ волынкахъ.

Вотъ одинъ изъ моихъ наиболѣе праздныхъ римскихъ дней. Просыпаюсь поутру: солнце свѣтитъ на мою постель, стало быть ужъ восемь часовъ. А

сладкая дремота объемлетъ меня, разныя грезы, большею частью глупыя, лѣзутъ въ голову. И зачѣмъ вставать? Развѣ день обѣщаетъ принести мнѣ что-нибудь особенное? Вдругъ раздается раздирающій душу крикъ осла нашего сосѣда, зеленщика. Подъ эти нѣжные звуки я не могу вздремнуть. Собравшись съ духомъ, поднимаюсь, но еще долго сижу, скрестивъ руки на колѣняхъ, и думаю, что мы будемъ смотрѣть сегодня? Наконецъ, сердясь на себя, встаю, еще не одѣвшись, берусь за гидъ, но тотчасъ же бросаю его и подхожу къ окну. Тамъ, напротивъ, стоитъ мой пріятель осликъ, привязанный съ обѣихъ сторонъ; онъ поднимаетъ свою круглую, бѣлую мордочку, навостряетъ мохнатыя уши и, завидѣвъ хозяина, начинаетъ свой отчаянный вопль. Зеленщикъ крикнулъ на него, и онъ уже не реветъ, а только всхлипываетъ. На порогѣ сидятъ дочери зеленщика; одна шьетъ, другая чешется, около нихъ лежатъ рядомъ желтая собака и желтая кошка. Какая то собаченка, съ множествомъ колокольчиковъ на шеѣ, бѣжитъ съ такой поспѣшностью, точно хочетъ скрыться отъ звона, раздражающаго ей нервы; она какъ то бокомъ подскочила къ добродушной черной дворняжкѣ, которая тотчасъ же завиляла хвостомъ. Третья собака, важно проходя со своимъ господиномъ, посмотрѣла на нихъ съ презрѣньемъ. Девятый часъ—самый оживленный для нашей улицы: проходятъ художники, отправляющіеся въ свои студіи, проходятъ толпы чёчаровъ съ вышитыми бѣлыми полотенцами на головахъ. Въ тупичкѣ на самомъ припекѣ стоятъ дѣвушки съ открытыми головами,—какъ только у нихъ не сдѣлается солнечнаго удара! Ребятишки возятся на улицѣ, одинъ изъ нихъ уморительный:

маленькій, рыжій, въ одной рубашенкѣ, и зовутъ его Орестомъ.

Напившись чаю, я иду на Скалинаду. Формы изгибовъ и очертаній лѣстницы граціозны, цвѣтъ ея похожъ на розовую матерію, которая мѣстами выгорѣла отъ солнца, мѣстами запачкалась и потеряла свой непріятно-новый, чистый цвѣтъ, а пріобрѣла тонъ нерукотворенный. На скалинадѣ толпой сидятъ нищіе и удивляютъ меня живописностью, такъ отличающею ихъ отъ нищихъ другихъ странъ. Опершись на баллюстраду, стоитъ Паскучья, крутитъ свои кораллы и смотритъ въ небо. Этой дѣвушкѣ тринадцать лѣтъ, но по лицу ей можно дать больше двадцати. Она, собственно, не красива, но лицо ея въ высшей степени характерно: сросшіяся черныя брови, большіе черные глаза, съ выраженіемъ грусти и скуки, оливковый цвѣтъ лица, прямой римскій носъ. Художники дорожатъ ею, главнымъ образомъ, изъ-за ея волосъ: это цѣлая копна перепутавшихся и перевившихся, какъ змѣи, другъ около друга прядей черныхъ съ синимъ отливомъ кудрей: совсѣмъ голова Горгоны. Паскучья съ гордостью говоритъ: «отъ рожденья гребенка не коснулась моихъ волосъ!»

«Здравствуй, Паскучья. еНужели ты мнѣ не дашь хоть одного сеанса?» Она протягиваетъ мнѣ книжку: «Запишитесь. Черезъ два мѣсяца можно».—«О, тогда меня вѣрно уже и въ Римѣ не будетъ». Она молча прячетъ книжку за пазуху. «Ты занята сегодня?»—«Какъ же».—«Что жъ ты нейдешь? Уже поздно».—«Я иду». Она спускается съ двухъ-трехъ ступенекъ и, снова облокотившись, вперяетъ свои глаза въ небо.

Дома ждетъ меня моя спеціальная натурщица

Лизетта, веселенькая дѣвочка двѣнадцати лѣтъ, ласковая, услужливая, привязавшаяся ко мнѣ. У нея живое, дѣтское личико; красивой ее нельзя назвать, зато у нея единственный по красотѣ тона желтый передникъ. Съ нею часто приходитъ ея маленькая сестра Фортуната, съ большими, синими, какъ васильки, глазами, что между римлянками большая рѣдкость.

Слушай, Лизетта, — говорю я, — въ такой чудный день я не могу сидѣть въ комнатѣ; пойдемъ въ виллу Медичи». — «Вотъ хорошо придумали, синьорина», — отвѣчаетъ она, хлопая въ ладоши. Мы быстро собираемъ завтракъ въ корзинку, зовемъ Ольгу и Фортунату и почти бѣгомъ отправляемся на мѣсто назначенія.

Подъ густою сѣнью дубовъ располагаюсь я писать Лизетту. Наши сестры забрались на деревья и дразнятъ насъ оттуда, Лизетта развлекается, я также. Передо мной просвѣтъ между деревьями, гдѣ за парапетомъ террасы видѣнъ кусочекъ Рима; глицинiи обвиваютъ какой-то трельяжъ; мнѣ хочется нарисовать это мѣстечко, но въ то же время меня тянетъ въ темный старый садъ съ подстриженными аллеями и мраморными скамейками, мнѣ хочется тутъ читать Данта и забыть весь міръ. Но Лизетта, успѣвшая убрать мои вещи, слазить на деревья, побѣгать съ дѣвочками, ходитъ за мной и болтаетъ, какъ сорока. «Терпѣть не могу нѣмецкихъ художниковъ; то ли дѣло русскiе! вотъ хорошiе, вотъ славные, я ихъ такъ люблю, а нѣмцы противные, скучные!.. O, brutti!» — «Почему они тебѣ противны?» — наконецъ, спрашиваю я. — «Потому что съ ними надо все время работать, sempre laborare, sempre laborare!» — «А у рус-

скихъ развѣ не работаютъ?» — O, tanto poco!» [1]) «Что же у нихъ дѣлаютъ?» и «Eh, si mangia, si beve, si balla, si diverta!..» [2]) «Лизетта, — перемѣняю я разговоръ, — когда же ты покажешь мнѣ костюмъ, который продаетъ твоя мать?» «Да я хоть сейчасъ сбѣгаю за нимъ». Она скоро приноситъ костюмъ, разстилаетъ его на мраморной ступенькѣ, и у насъ начинается торгъ. «Ну, а свой передникъ не продашь?» — спрашиваю я. Она срываетъ съ себя свой желтый передникъ, разстилаетъ его передо мной и спрашиваетъ за него цѣну бо́льшую, чѣмъ за полный, хорошій костюмъ. «Почему же этотъ такъ дорогъ?» — замѣчаю я. Она смотритъ на меня съ настоящимъ негодованіемъ, съ презрѣніемъ къ моему невѣжеству и, просунувъ три пальца въ большую дыру передника, отвѣчаетъ: «Ma perché e molto antico!» [3]).

Почти весь день прошелъ; объ осматриваніи чего-нибудь нечего и думать, надо пообѣдать, показать Лизеттѣ и Фортунатѣ обезьяну на нашемъ дворѣ, а къ Ave Maria поспѣть на Пинчьо, чтобы смотрѣть на закатъ солнца. Хозяинъ нашего дома былъ извѣстный фотографъ Канова; онъ самъ былъ прежде живописцемъ и снималъ виды очень художественно. Онъ былъ въ Китаѣ, привезъ оттуда много интереснаго, а русскимъ былъ дорогъ еще своей дружбой съ Брюлловымъ. Послѣдняго въ то время хорошо помнили и очень цѣнили въ Римѣ; къ намъ пришла благообразная старушка Маріучья, съ единственною цѣлью похвастаться, что служила ему моделью для его картины «Утро». У Кановы была замѣчательная физіономія: большая окладистая черная борода, съ нѣ-

---

[1]) Такъ мало.

[2]) Ѣдятъ, пьютъ, танцуютъ, веселятся.

[3]) Потому, что онъ очень старинный.

сколькими серебряными волосками, орлиный носъ и глаза, блестѣвшіе, какъ зажженные угли. Этому господину и принадлежала довольно большая, — вѣроятно, чимпанзе — обезьяна Джи-джи, съ первой минуты нашего знакомства почувствовавшая ко мнѣ симпатію. Она начала качать головой, прижимать руки къ груди и пищать, — это, какъ мнѣ пояснили, она «fa dei complimenti»; потомъ она подала мнѣ руку для shake hands и полѣзла ко мнѣ въ карманъ. Поданный орѣхъ Джи-джи не грызла, а разбивала какимъ-нибудь тяжелымъ предметомъ и аккуратно выбирала зерно пальцами. Въ римскіе внутренніе дворы выходятъ идущіе кругомъ по всѣмъ этажамъ широкія, деревянныя галлереи, куда открываются двери кухонь и болѣе бѣдныхъ жилищъ. У хозяина жила прачка, стиравшая и на насъ, а на галлереѣ постоянно находилась обезьяна, избравшая себѣ, повидимому, ту же спеціальность. Ей была поставлена лоханка, протянуты веревки и пожертвовано нѣсколько тряпокъ; и вотъ, Джи-джи работала надъ стиркой съ утра до ночи: съ самымъ важнымъ видомъ она терла тряпки бѣлымъ камнемъ вмѣсто мыла, выжимала ихъ, встряхивала, развѣшивала на веревки, немного погодя срывала ихъ, бросала въ корыто и начинала сначала. Иногда принималась гладить бѣлье камнемъ. Мы подолгу засматривались на нее, такъ комично она все это производила.

Къ закату солнца на Пинчьо собирается публика, не grand monde, а такъ — путешественники, художники, мѣстное среднее сословіе. Подъ густыми, подрѣзанными снизу каменными дубами — фонтанчикъ и скамейки. Видъ на залитый пурпурнымъ закатомъ Римъ, съ блестящимъ куполомъ Петра — великолѣпенъ. А вотъ у парапета стоитъ мой красавецъ и до-

полняетъ картину Рима. Въ Италіи не стѣсняются смотрѣть людямъ въ лицо, — а юноша знаетъ, какъ онъ красивъ, немного рисуется и позволяетъ любоваться собой. Не говоря о правильности, тонкости и изяществѣ чертъ его лица, врядъ ли можно увидѣть два раза въ жизни такіе глаза: это огонь въ черномъ бархатѣ. По выраженію лица онъ долженъ быть глупъ, но это ничего не значитъ: онъ ослѣпительно прекрасенъ! На него надо смотрѣть, смотрѣть, какъ смотришь на красоту природы.

Наступаетъ дивная южная лунная ночь. Я сижу на своемъ балконѣ, ни о чемъ больше не думаю; только безсознательное желаніе временами стѣсняетъ грудь, наполняя ее сладкой тоской и истомой. Вдругъ вдали раздаются приближающіеся звуки мандолины; это — серенада, которую почти каждую ночь даютъ живущей на углу тупичка, какъ разъ противъ Мадонны, первой натурщицѣ Рима ея поклонники.

Натурщики — очень уважаемое сословіе въ Римѣ; по крайней мѣрѣ, такъ было въ то время, о которомъ я пишу. Особеннымъ почетомъ пользовались натурщицы, позирующія для тѣла. Онѣ вели себя безукоризненно и всѣ выходили замужъ за людей солидныхъ, съ хорошимъ положеніемъ.

Чудно звучатъ молодые голоса подъ искусно перебираемыя струны мандолинъ и гитаръ. Натурщица показывается на балконѣ и раскланивается. «O bella!» — кричатъ ей. Дѣвушка нѣсколько разъ благодаритъ съ балкона, но молодежь не расходится, шумно требуя, чтобъ красавица вышла на улицу. Наконецъ, она сдается —и вотъ, при ослѣпительной лунѣ, при красноватомъ огонькѣ лампады, прекрасная женщина, при крикахъ восторга, пляшетъ тарантеллу.

Не всѣ дни проводила я праздно: я находила время и работать. Писала этюды фигуръ у себя и, вмѣстѣ съ г-жей М., у одного итальянскаго художника, который не могъ быть преподавателемъ и получалъ отъ насъ деньги, главнымъ образомъ, за помѣщеніе; приходилъ же намъ помогать совѣтами хорошій русскій художникъ и очень милый человѣкъ — Филипповъ. Карандашемъ я много рисовала съ натуры въ окрестностяхъ и въ самомъ городѣ, при чемъ меня обыкновенно обступала толпа народа. Мнѣ было непріятно и смѣшно; непріятно — потому что съ непривычки, было совѣстно быть предметомъ вниманія, а смѣшно — потому, что публика громко дѣлала всевозможныя замѣчанія. Къ сожалѣнію, у меня въ дорогѣ пропала папка, полная этихъ рисунковъ.

Посѣтили мы нѣсколько мастерскихъ художниковъ. Обратили на себя мое вниманіе два колориста: венгерецъ Поллакъ и нѣмецъ Ридель. У перваго тѣни были или почти бѣлыя, или лиловыя, но это не мѣшало солнцу горѣть на его картинахъ; такой способъ живописи былъ для меня большой новостью. Второй писалъ необыкновенно ярко, на этюдахъ съ натуры дѣлалъ только пятна, безъ всякихъ контуровъ; онъ говорилъ, что эффекты освѣщенія въ природѣ такъ быстро мѣняются, что надо схватывать тона какъ можно скорѣй, не думая ни о чемъ другомъ, что съ натуры только и можно дѣлать такія маленькія pochade'ы сразу, этюдъ вообще можно писать только въ одинъ сеансъ. Это мнѣніе и способъ работы также заинтересовали меня. Оба художника пользовались въ то время репутаціей новаторовъ; теперь мало кто ихъ знаетъ. Сколько мнѣ помнится, они были довольно слащавы, особенно послѣдній.

Были мы и у нѣсколькихъ пейзажистовъ, изъ ко-

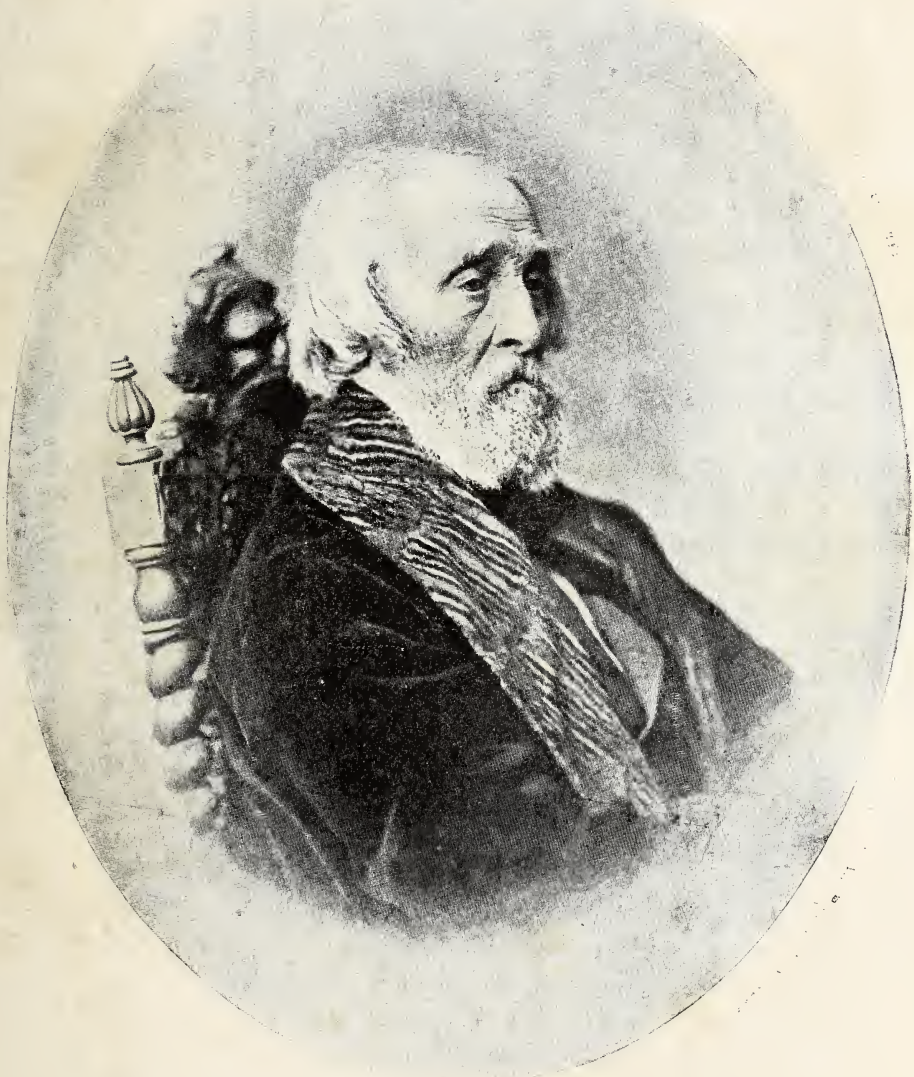
торыхъ я смутно помню неаполитанца Картези и римлянина Вертуни, у котораго моя мать купила понравившуюся ей картинку, и у знаменитаго тогда скульптора Розетти. Его работы были банальны, хотя нѣкоторыя вещи, какъ «Офелія», «Закованная рабыня», были выразительны. Онъ обладалъ въ высшей степени тѣмъ, что называется «красивостью». Техника и отдѣлка малѣйшихъ подробностей, какъ кружевъ, атласа, цвѣтовъ, были изумительны; но и въ этомъ отношеніи вещи его были слишкомъ «зализаны», если можно такъ выразиться про ваяніе. Ходили слухи, что работы эти не всецѣло принадлежатъ рѣзцу самого Розетти, что лучшія его вещи сочинялъ ему Брюлловъ, а исполнялъ его пріятель Амичи. Онѣ вообще нравились въ первую минуту, но не оставляли впечатлѣнія.

Когда подумаешь, какая я была тогда невѣжда! Вѣдь, уже давно были написаны «Modern painters» Рёскина!.. Въ одно время съ нами жилъ въ Римѣ Бёклинъ, а мы ходили смотрѣть какихъ-то Риделей?!.. Неужели и отецъ не зналъ обо всѣхъ этихъ теченіяхъ? Или онъ не сочувствовалъ имъ? Скорѣе не зналъ: онъ всегда былъ такимъ чуткимъ ко всему новому.

Про нашихъ русскихъ художниковъ было распространено въ обществѣ мнѣніе, что необразованіе — причина ихъ малыхъ успѣховъ за границей. Въ Россіи они еще приходятъ въ соприкосновеніе съ людьми образованными, но за границей, безъ знанія языковъ, они живутъ въ своемъ узкомъ кружкѣ, кутятъ, лѣнятся и потому не даютъ того, что отъ нихъ ожидали. Это мнѣніе справедливо только отчасти; я думаю, что истинный талантъ и при такихъ условіяхъ не пропадетъ и найдетъ свою дорогу. Кажущуюся утрату таланта можно объяснить скорѣе тѣмъ, что въ русскомъ человѣкѣ вообще очень много та-

лантливости: чѣмъ бы онъ ни занялся, ему легко дается дѣло, онъ увлекается, творитъ что-нибудь настолько хорошее, что подаетъ надежду на большое, потомъ охладѣетъ, залѣнится — и станетъ ясно, что онъ уже далъ все, что могъ его маленькій талантъ. Въ мое время были въ Римѣ и такіе художники. Одинъ изъ нихъ оправдывалъ свою лѣнь словами: «никто, вѣдь, ничего не дѣлаетъ. И министръ ничего не дѣлаетъ». Но были и усердно работавшіе. Изъ болѣе старыхъ художниковъ жили въ Римѣ архитекторъ Ивановъ, показавшій намъ свои интересныя работы по реставраціи нѣкоторыхъ древнихъ зданій, и жанристъ Орловъ. Послѣдній былъ милѣйшій человѣкъ, но большой оригиналъ. Его постоянно дразнили. «Вы графъ Орловъ?» — заставляли спрашивать у него всякаго новаго знакомаго. «Какой же я грахвъ, — отвѣчалъ онъ съ своимъ малорусскимъ акцентомъ, — у меня и хвизіономія-то питтòрская». — «Спросите его, зачѣмъ онъ купилъ кольцо», — шептали мнѣ. Я спросила. «А чтобы было что заложить, когда понадобится». Такія шутки повторялъ онъ всякій разъ очень добродушно. Онъ часто мѣшалъ въ свою рѣчь перековерканныя итальянскія слова. «Знаете, что я теперь пишу?» сказалъ онъ какъ-то. «Дѣвочку съ бестіей, вотъ что». Bestie по итальянски значитъ животное, а онъ писалъ дѣвочку съ козой.

Первое мѣсто между молодыми художниками занимали, по общему мнѣнію, Боткины. Собственно Боткинъ былъ одинъ, Михаилъ Петровичъ, но съ нимъ жилъ его другъ Постниковъ, съ которымъ онъ былъ неразлученъ, почему ихъ и называли коллективно «Боткиными». Михаилъ Петровичъ писалъ хо-



Гр. Ѳ. П. Толстой.

рошія вещи и былъ очень милымъ и любезнымъ молодымъ человѣкомъ; Постниковъ же былъ такой скромный и застѣнчивый, что рѣдко былъ слышенъ его голосъ. Нашъ петербургскій знакомый Страшинскій былъ въ дурномъ настроеніи, ничего не дѣлалъ, все бранилъ, всѣхъ въ чемъ-то винилъ и изрѣдка только развеселялся немного. Кабановъ писалъ четыре громадныхъ зеркала для великой княгини Маріи Николаевны, съ прекрасно исполненными амурами и цвѣтами. Мнѣ этотъ родъ живописи очень понравился; зеркало служитъ живымъ фономъ, заставляющимъ фигуры и цвѣты выступать очень рельефно, какъ будто они дѣйствительно висятъ въ воздухѣ. Когда впослѣдствіи художникъ послалъ ихъ въ Петербургъ, одно изъ зеркалъ разбилось и ему, бѣдному, кажется за него такъ и не заплатили. Посѣтили мы также мастерскую Сухово-Кобылиной, которая очень много работала.

Изъ семейныхъ людей мы видались съ Ростовцевыми и Милютиными; съ послѣдними мы были знакомы еще въ Петербургѣ. Молодежь толпилась у насъ постоянно; по вечерамъ играли въ карты, ужинали, болтали. Тутъ были, кромѣ названныхъ уже художниковъ, Корниловъ, Мартыновъ, Филиппов, будущій декораторъ Бочаровъ, архитекторъ Щедринъ; изъ не художниковъ — Бларамбергъ, Фрикенъ. Послѣднимъ я «интересовалась», но онъ за мною не «ухаживалъ», что мнѣ очень нравилось. Я воображала, что онъ цѣнитъ меня, какъ человѣка, ставитъ выше другихъ знакомыхъ барынь и дѣвицъ, говоритъ со мной иначе, чѣмъ съ ними, смотритъ на меня, какъ на равную — и это льстило моему самолюбію, такъ какъ я считала его очень умнымъ человѣкомъ. Однако, въ своей интимной тетради, выло-

живъ все выше сказанное, я прибавляю: «онъ не говоритъ мнѣ комплиментовъ, но всегда имѣетъ видъ, что хотѣлъ бы сказать, будто что-то хочетъ вырваться у него изъ души, да онъ удерживается; онъ иногда говоритъ что-нибудь самое простое, да говоритъ такъ, что мнѣ лестно». Все это было, вѣроятно, плодомъ моей фантазіи или моего желанія, чтобы это было такъ. Фрикенъ, занятый серьезными изслѣдованіями по исторіи искусства, увлекавшійся кромѣ того политической жизнью Италіи, врядъ ли много думалъ о такой дѣвчонкѣ, какъ я.

Много говорили въ нашемъ кружкѣ о разныхъ новыхъ вѣяніяхъ въ русскихъ дѣлахъ, многія изъ которыхъ вовсе не соотвѣтствовали нашимъ надеждамъ. Эти разговоры не могли быть веселыми и вносили иногда серьезную ноту въ нашу вообще безпечную жизнь. Студенческія исторіи, ссылка Павлова, «Отцы и дѣти» Тургенева страшно волновали насъ и возбуждали безконечные споры. Меня до глубины души огорчило, что студенты, еще такъ недавно носившіе Костомарова на рукахъ, теперь освистали его на публичной лекціи. Какъ я ни сочувствовала молодежи, но этотъ поступокъ считала нелѣпымъ и неблаговиднымъ. Развѣ тотъ человѣкъ, кого они освистали былъ другой, а не тотъ самый, которому они только что дѣлали овацiи? Что бы ни произошло, Костомаровъ, со всѣми его взглядами и убѣжденіями, не могъ не остаться тѣмъ же, чѣмъ былъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Какая муха ихъ укусила? Я глубоко жалѣла Нилокая Ивановича, я хорошо его знала и какъ открытую книгу читала то, что должно было теперь происходить въ его душѣ. Дѣйствительно письмо, полученное отъ него, несмотря на всю его сдержанность, было тяжело читать. Описавъ

подробно все событіе, онъ замѣчалъ по поводу обидѣвшихъ его студентовъ: «слава Богу, однако, ихъ до сихъ поръ не арестовывали» и кончалъ письмо словами: «скажу вамъ, что здоровье мое что-то нехорошо. Каждый день болитъ голова, и рѣдко бываютъ свѣтлыя минуты. Умереть мнѣ очень хочется». Да, на короткое время улыбнулась ему судьба! И кто же бросилъ въ него камень? Та молодежь, которую онъ такъ любилъ! Это трудно было пережить.

Кромѣ политики, о разныхъ высокихъ и невысокихъ матеріяхъ спорили у насъ по вечерамъ безконечно. Н. Ростовцевъ былъ большой идеалистъ, и его мысли были мнѣ въ высшей степени симпатичны. Разъ, возражая на высказанное кѣмъ-то мнѣніе, что всѣ люди — эгоисты, что человѣкъ можетъ любить только себя, — изреченіе, входившее тогда въ моду, — онъ сказалъ: «любовь къ себѣ есть только мѣрка, вѣсы, по которымъ человѣкъ взвѣшиваетъ любовь къ другимъ; онъ не можетъ понять любовь внѣ себя иначе, какъ сравнивая съ любовью къ себѣ самому. Потому-то Христосъ и сказалъ: «любите ближняго, какъ самого себя. Сказавъ такъ, онъ опредѣлилъ, какая это должна быть любовь, иначе это понятіе было бы слишкомъ туманно. «Въ человѣкѣ есть одна любовь, какъ святой огонь въ душѣ; дѣло только въ томъ, куда ее направить... Мы должны, какъ весталки, охранять и поддерживать этотъ огонь...» Такія слова были совсѣмъ мнѣ по душѣ. Были и другого рода споры, которые смѣшили меня, напр., вѣчныя пререканія между Ф. и П. Послѣдняя упрекала его за безбожіе, за свободомысліе, за дружбу съ m-lle А. и пр. и пр. Онъ дразнилъ и задѣвалъ ее; споръ разгорался. Вдругъ П. останавливалась и вперяла въ своего противника гордый, уничтожающій взглядъ, который

тотъ прекрасно выдерживалъ. Они оставались нѣсколько секундъ неподвижными, молча глядя другъ на друга. Нельзя было не расхохотаться.

Я сильно либеральничала въ то время. Разъ какъ-то одинъ нашъ знакомый сказалъ мнѣ, что это хорошо здѣсь, а какъ пріѣду въ Россію, то протяну руки по швамъ. Замѣчаніе было справедливо, потому что либерализмъ, выражавшійся въ ношеніи трехцвѣтнаго галстуха и брошки съ надписью «Viva Garibaldi», былъ совершенно безопасенъ, особенно для иностранки; но оно меня крайне обидѣло, ибо, въ глубинѣ души, я была твердо убѣждена, что я родилась не даромъ, что мнѣ предстоитъ великая роль спасительницы отечества. Какъ и когда это должно было произойти и какая будетъ эта роль — въ такія далекія соображенія я не вдавалась; эта мечта была изъ тѣхъ, часто противорѣчившихъ другъ другу, которыя жили въ душѣ моей. Къ моему счастью я никогда ничего подобнаго не высказывала передъ «равнодушными людьми», такъ что разговоры мои были всегда разумнѣе моихъ мечтаній.

XXX.

C'est bon d'avoir dans sa vie des points clairs qui dessipent le brouillard de la vie quotidienne [1]).

Изъ частнаго письма.

The love of beauty is an essential part of all hearthy human nature. [2])

Ruskin.

Много оживленія придавала нашимъ вечерамъ М. А. М., которая своимъ умомъ и юморомъ могла привести все общество въ самое веселое настроеніе. Мы были давно знакомы съ М. А., но только въ Римѣ я сошлась съ ней и полюбила ее. Она была почти вдвое старше меня, но ея увлеченія, горячность, подвижность дѣлали ее часто моложе меня. Прилетитъ она, бывало, къ намъ и, несмотря на гостей, ни съ кѣмъ не поздоровавшись, начинаетъ выливать, что у нея на душѣ: «а я отъ своихъ у л е п е т н у л а! Еслибы вы знали, что у нихъ тамъ дѣлается!.. А сейчасъ что со мной случилось»... и т. д. Выложивъ все, она успокоится, обернется и скажетъ: «ахъ, здравствуйте».

М. А. не была красива, но въ ея блѣдномъ лицѣ было столько подвижности, насмѣшливости, что она не могла не остановить на себѣ вниманія. Она посѣдѣла въ двадцать лѣтъ, теперь волосы ея были совершенно

---

[1]) Хорошо, когда въ жизни есть свѣтлыя точки, разгоняющія туманъ повседневности.

[2]) Любовь красоты необходимое свойство всякой отзывчивой души. (Рёскинъ).

серебряные, вились, и она причесывала ихъ очень эффектно. Она была высока ростомъ, одѣвалась не по модѣ, а по своему: ея платья были драппированы, какъ-то ниспадали, что очень шло къ ея гибкой фигурѣ. На головѣ и около шеи она носила дымчатые газы или кусочки старыхъ кружевъ. Она вообще ничего не дѣлала, какъ другіе, а все по своему, и нисколько этимъ не стѣснялась. М. А. выдали замужъ чуть не пятнадцати лѣтъ за ненавистнаго ей старика. Много испытала она горя, но не относилась къ нему пассивно, а всегда реагировала. Въ ней была рѣдкая сила жизненности. Здоровье ея было неважное; про нее именно можно было сказать, что она жила нервами. Въ характерѣ ея была масса противорѣчій. Она страстно любила своего второго мужа, но ей все-таки нравилось, — такъ, для, passe-temps, — кружить головы другимъ мужчинамъ, которые, дѣйствительно, часто увлекались ею. Свѣтская женщина, она имѣла много мелочныхъ свѣтскихъ предразсудковъ, но любила рисоваться своимъ свободомысліемъ и откровенностью. Всякія сплетни, всякія перетиранія косточекъ ближнему были ей чужды. За то она часто говорила людямъ правду въ глаза; попасться ей на зубокъ было не особенно пріятно. Ея остроуміе и свойственныя ей одной словечки были мѣтки и быстро являлись на ея устахъ. Она любила послушать вольный анекдотъ, но если кто-нибудь при этомъ позволялъ себѣ лишнее, она умѣла остановить его такимъ взглядомъ, что ему становилось нехорошо. Она, казалось, презирала людей, а между тѣмъ была довѣрчива и часто ошибалась въ людяхъ, перенося на нихъ свое собственное внутреннее благородство. М. А. постоянно чѣмъ-нибудь увлекалась, то живописью, то картами, то литературой; каждую минуту

мѣняла свои планы — то улетала за границу, то возвращалась въ Петербургъ, то уѣзжала въ деревню, все совершенно внезапно, когда никто этого не ожидалъ. Ей всегда хотѣлось быть тамъ, гдѣ ея не было. Надо сознаться, что она была достаточно взбалмошна, но всѣ странныя выходки у нея были изящны и шли къ ней. Сдѣлай то же самое другая, вышло бы нехорошо — а у нея выходило только оригинально. Она очаровывала и ей все прощалось. Въ обществѣ ее называли, улыбаясь, toquée и смотрѣли на нее, какъ на enfant terrible. Посторонніе могли судить о ней строго, но, зная ее дѣйствительно, какъ я знала, нельзя было не любить эту женщину: она была добра, чутка, глубоко благородна, любила все высокое, прекрасное, вся ея натура была проникнута чѣмъ-то художественнымъ. Я сдѣлалась неразлучной съ нею, ея капризы нисколько не смущали меня; я знала, что это т о л ь к о т а к ъ, а она знала, что я понимаю ее. Никакихъ тайнъ души я не повѣряла ей и сантиментальностей не разводила, но она была моимъ товарищемъ по наслажденію природой и искусствомъ, возбуждала во мнѣ бодрость и радость жизни, пріучала пользоваться всѣмъ хорошимъ, что̀ даетъ настоящая минута, беззавѣтно отдаваться окружающей красотѣ. Съ нею началась та моя чудная римская жизнь, воспоминаніе о которой доставляетъ мнѣ грустное и сладкое чувство.

Пришла весна, внезапно, какъ на сѣверѣ, не постепенно, какъ въ средней Европѣ. Запахло сиренями и розами. «Можетъ ли быть больше блаженства, какъ дышать!» — воскликнула я. Мы ходили съ М. рисовать въ виллу Волконскую, нашу любимую виллу въ Римѣ. Садъ этотъ совершенно заброшенъ и одичалъ; въ немъ масса сирени и весь онъ положи-

тельно засыпанъ розами. Онѣ обвиваютъ блестящими гирляндами старыя арки акведуковъ, проходящихъ въ саду, окутываютъ столѣтніе кипарисы, поднимающіеся мрачными пятнами изъ ихъ свѣтлыхъ объятій, стелятся по полянкамъ, превращая ихъ въ одноцвѣтно-розовые ковры, тянутся аллеями, висятъ надъ головой, путаютъ ноги... Ароматъ неподвижно стоитъ въ воздухѣ...

Хороши всѣ римскія виллы, но, послѣ Волконской, самое лучшее впечатлѣніе произвела на меня вилла Памфили Доріа: подъ лѣсомъ пиній тамъ большія поляны, гдѣ скошено было сѣно. Эта прогулка была для меня совсѣмъ особенная и потому осталась у меня ярко въ памяти: запахъ сѣна напомнилъ мнѣ родину, о которой я было совсѣмъ забыла. Мнѣ и не хотѣлось вспоминать о ней: тамъ все сѣро и холодно, здѣсь солнце горитъ, блеститъ, играетъ, линіи и колоритъ горъ нѣжны, воздухъ упоителенъ! Какъ я понимала Гёте, когда онъ, вернувшись изъ Италіи, говорилъ, что нельзя жить въ странѣ, гдѣ все сѣро и нѣтъ солнца. Но совсѣмъ не эту сѣрость и не этотъ мракъ напомнилъ мнѣ запахъ сѣна въ виллѣ Памфили, а повѣялъ чѣмъ-то неопредѣленно-роднымъ, чѣмъ-то «былымъ и какъ будто еще предстоящимъ», какъ бы присутствіемъ не отдѣльныхъ лицъ, а вообще близкихъ мнѣ по душѣ людей... И вдругъ стало какъ-то дѣтски весело и захотѣлось поваляться на сѣнѣ. Со мной не разъ было потомъ въ жизни, что какой-нибудь звукъ или запахъ подниметъ въ душѣ цѣлый міръ смутныхъ ощущеній и воспоминаній.

Ѣздили мы, конечно, по всѣмъ окрестностямъ, всегда съ компаніей нашихъ художниковъ. Отецъ мой, когда чувствовалъ себя въ силахъ, принималъ участіе

въ этихъ поѣздкахъ, часто и М., безъ которой всякая прогулка казалась скучнѣе. Зато сборы ея были невозможны: къ ней даже пословица, что надо ковать желѣзо, пока горячо, была непримѣнима, ибо у нея желѣзо остывало прежде, чѣмъ можно было поднять молотъ. Но и это мнѣ нравилось въ ней; это было что-то порывисто-живое. Уговоримся мы, напримѣръ, ѣхать на другій день, положимъ, во Фраскати, оповѣстимъ желавшихъ сопутствовать намъ; вдругъ М. А. присылаетъ сказать, что ѣхать не можетъ. Поѣздка откладывается. Вечеромъ получаемъ отъ М. записку, что ѣдемъ непремѣнно, что у нея готова кулебяка, чтобъ мы все устроили. Начинается переполохъ, разсылка писемъ... Мы сообща рѣшаемъ ѣхать по желѣзной дорогѣ; утромъ М. заявляетъ, что она иначе не поѣдетъ, какъ въ экипажѣ. Убѣждаемъ ее, что нельзя обмануть компанію, которая будетъ насъ ждать, и ѣдемъ на вокзалъ. Пріѣзжаемъ раньше знакомыхъ; М. А. настаиваетъ, чтобы ѣхать въ экипажѣ. Собственно, она права: погода дивная, жалко сѣсть въ поѣздъ. Мы оставляемъ записку на станціи и ѣдемъ съ привезшимъ насъ извозчикомъ, который б о ж и т с я, что доставитъ насъ на мѣсто р а н ь ш е желѣзной дороги.

Слишкомъ извѣстны осмотрѣнныя нами мѣста, чтобы ихъ описывать. Кто не любовался дивными садами Фраскати, виллой Фальконьере, дикой, темной виллой Альдобрандини, роскошной и великолѣпной, Альбанской аллеей, съ ея густымъ, зеленымъ сводомъ, съ подпертыми каменными колоннами вѣковыми сучьями, Тиволи съ его водопадами, гротами и храмами, Rocca di papa, Monte Cavo?.. Одинъ разъ мы даже ночевали въ Альбано и утромъ совершили

восхитительную прогулку на ослахъ къ озеру Неми, этому «зеркалу Венеры», какъ его называютъ, которое такъ спокойно, какъ вода на блюдечкѣ, лежитъ на днѣ бывшаго кратера. И разнообразная зелень была кругомъ, и море виднѣлось вдали, и солнце пылало, и соловей гдѣ-то пѣлъ, и кукушка куковала... «Эта зелень, воскликнула я, это небо, этотъ воздухъ, эти пѣсни! И о какомъ еще раѣ можетъ мечтать человѣкъ!» А на обратномъ пути М. всегда выдумывала какія-нибудь шалости: или запѣвала русскія пѣсни, или въ то время, какъ кучеръ еще не успѣлъ сѣсть на козлы, вскакивала на нихъ и, схвативъ вожжи, уѣзжала отъ ругавшаго ее vetturino; другая коляска уже совсѣмъ безъ возничаго трогалась за нами, — визгъ, хохотъ... Кучеръ выговаривалъ нашему спутнику: «вы-то чего смотрѣли? Она баба, разума у нея и быть не можетъ, — а вы мужчиной называетесь, а не могли глупую дѣвчонку остановить!» И онъ все время называлъ М. А. дѣвчонкой. Иногда я утромъ еще спала, когда меня будили запиской отъ М., чтобы я была готова, что она сейчасъ зайдетъ. Мы отправлялись съ ней въ странствованіе, иногда на цѣлый день. Я больше всего любила быть съ ней вдвоемъ; никто тогда намъ не мѣшалъ, и я поддавалась всѣмъ ея фантазіямъ. «Поѣдемъ на такую-то виллу. Ей, веттурино! Нѣтъ, не сюда. Пойдемъ пѣшкомъ туда-то». Мнѣ все равно: вездѣ чудесно. Мы располагаемся гдѣ-нибудь рисовать, рисуемъ молча, увлекаемся работой... «Фу, какъ жарко! — восклицаетъ, наконецъ, М. А. — Пойдемъ въ галлерею, тамъ прохладно». И, дѣйствительно, пріятно послѣ жгучаго солнца войти въ свѣжую, тихую комнату, гдѣ со стѣнъ смотрятъ на тебя произведенія искусства. Нас-

лажденіе только переносится на другое, но не прекращается. А при закатѣ или въ лунныя ночи мы часто сидѣли съ ней на ступенькахъ скалинады, тихо разговаривая и блаженствуя. Сюда приходили къ намъ знакомые; тогда М. начинала балагурить, и молчаливый вечеръ оглашался нашимъ смѣхомъ. У М. А. былъ странный, смѣшной романъ: какой-то красивый юноша, итальянецъ и, повидимому, художникъ, преслѣдовалъ ее своею любовью. Онъ неукоснительно каждое утро становился у стѣны противъ ея окошка и стоялъ тамъ до тѣхъ поръ, пока она не покажется въ окнѣ. Если она не показывалась, онъ стоялъ цѣлый день.. Когда она отодвигала занавѣсъ окна, онъ становился на колѣни среди улицы и обращалъ къ ней взоръ любви; потомъ, удовлетворенный этимъ, уходилъ. Куда бы она ни шла, онъ слѣдовалъ за ней; куда бы мы ни поѣхали рисовать — и онъ былъ тамъ со своимъ альбомомъ. Иногда мы нарочно измѣняли свой маршрутъ, чтобы обмануть его — но не успѣвали мы пріѣхать, какъ и онъ былъ на мѣстѣ. Какъ онъ узнавалъ, Богъ его знаетъ. Это насъ крайне забавляло, а его удивительное упорство и выдержка удивляли. Только итальянецъ способенъ на что-нибудь подобное. Мы съ М. А. были увѣрены, что онъ дѣлаетъ это не изъ любви, а изъ какого-нибудь расчета, можетъ быть, хочетъ пристроиться къ богатой русской барынѣ; но эта якобы любовь была к р а с и в а, и мы играли въ нее, какъ дѣти играютъ въ охоту, з н а я, что убитая ими изъ деревяннаго ружья птица — не настоящая птица, но воображая, что она настоящая. Мы то обманывали этого молчаливаго обожателя, то поджидали его, и это намъ было смѣшно и весело.

Я много каталась верхомъ съ другими нашими знакомыми, но это были довольно однообразныя прогулки; зато наши поѣздки втроемъ съ М. и Фрикеномъ были восхитительны. М. А. ѣздила такъ лихо и хорошо, какъ настоящая наѣздница, да и я была не менѣе ея смѣла и сидѣла на лошади такъ же свободно, какъ на своемъ креслѣ; мы скакали прямо по полямъ, безъ дороги, выбирали самыя живописныя и красивыя мѣста для отдыха, возвращались разрумяненныя, загорѣлыя и радостныя.

Наступала страстная недѣля; надо было думать о посѣщеніи службъ въ Ватиканѣ, заказывать напередъ экипажъ, отправляться рано, чтобъ достать мѣсто. На одну изъ службъ мы экипажа достать не могли и уже отказались отъ присутствія на ней, когда, проходя по улицѣ, увидѣли извозчика, ѣдущаго порожнемъ; мы его окликнули и спросили, не можетъ ли онъ завтра повести насъ въ Ватиканъ? Онъ какъ-то небрежно отвѣчалъ: «хорошо!» «По лицу видно, что не пріѣдетъ!» — сказалъ кто-то. Было похоже на то, но тутъ опять помогло мое знаніе итальянцевъ. Я остановила отъѣзжавшаго уже извозчика и сказала: «Знаете ли, что мнѣ сейчасъ сказали про васъ? Что вы насъ непремѣнно обманете». Кучеръ вспыхнулъ, крикнулъ, ударилъ себя въ грудь «son galantuomo, signora!» и, злобно стегнувъ лошадь, умчался. «Нѣтъ никакой надежды!» — говорили мои спутники. «Пари, что онъ пріѣдетъ, — возразила я. — Если ужъ итальянецъ сказалъ: son galantuomo, то можно на него положиться». Дѣйствительно, въ указанный часъ извозчикъ былъ у нашего подъѣзда.

Ватиканскія церемоніи, послѣ всѣхъ слуховъ о нихъ, разочаровали меня. Чтобы церковная служба

трогала, умиляла и приводила въ молитвенное настроеніе, вѣроятно, надо быть приготовленнымъ къ ней наслѣдственностью и воспитаніемъ. Православныя службы очень мало производятъ впечатлѣнія на иностранцевъ, но я въ длинныхъ мантіяхъ монашества, въ бѣлыхъ ризахъ священнослужителей, въ зажженныхъ свѣчахъ, въ духовныхъ напѣвахъ, въ наклоненіи главъ молящихся при словахъ: миръ всѣмъ, не вижу ничего театральнаго, а много трогательнаго и торжественаго. Католическія церемоніи произвели на меня обратное впечатлѣніе чего-то грубо театральнаго и даже профанирующаго религію. «Несутъ папу, какъ китайскаго мандарина, подъ пестрымъ балдахиномъ, обмахиваютъ павлиньими перьями, какъ одалиску, посадятъ, какъ идола, вложатъ въ руки раскрашенную деревяшку, вмѣсто нашей вербы, которая хотя и не пальма, но все же живое весеннее растеніе, а самое противное: подымутъ полы его рясы, покадятъ подъ нее и опять закроютъ». Такъ я выражалась. Одна только служба въ Сикстинской капеллѣ показалась мнѣ торжественной. Сильное впечатлѣніе производитъ тушеніе, по одной, свѣчей на алтарныхъ свѣтильникахъ послѣ каждаго пѣснопѣнія: когда тухнетъ послѣдняя свѣча, и весь храмъ остается во тьмѣ, какъ бы умираютъ и дрожатъ въ немъ только звуки мрачнаго, страшнаго miserere, и невольный холодъ пробѣгаетъ по спинѣ. Музыка была строгая, старинная, но пѣніе папской капеллы мнѣ не понравилось; голоса стариковъ, пѣвшихъ дискантомъ, показались неестественными и дребезжащими, но, можетъ быть, это было предубѣжденіе. Въ капеллу въ этотъ день впускали только тѣхъ дамъ, которыя были въ черныхъ платьяхъ и безъ шляпъ, съ чернымъ

вуалемъ или кружевомъ на головѣ. Сильнѣе папскихъ церемоній дѣйствуетъ на душу, когда случайно зайдешь въ какую-нибудь пустую, старую церковь: со стѣнъ смотрятъ произведенія великихъ мастеровъ, кругомъ гробницы, саркофаги, лампады; какой-нибудь церковнослужитель вдали поправляетъ свѣчку; передъ мадонной стоитъ на колѣняхъ женщина или странникъ съ длиннымъ посохомъ, — такъ тихо, чудно... Что было необыкновенно красиво, такъ это иллюминація: сначала весь храмъ освѣщался по линіямъ зданія маленькими бѣлыми фонариками, какъ бисеромъ; потомъ, когда колокола ударятъ часъ ночи [1]), вдругъ въ одно мгновеніе все воспламеняется большими огнями и весь Петръ пылаетъ, какъ костеръ. Эта перемѣна эффектна, но первая часть освѣщенія гораздо художественнѣе, куполъ при ней кажется совсѣмъ легкимъ и воздушнымъ. Фейерверкъ на Пинчьо былъ великолѣпенъ.

Странно отъ священнодѣйствій переходить къ театрамъ, но я вспомнила, что въ Римѣ въ посту, какъ и у насъ въ Россіи, разрѣшены были въ то время только живыя картины, не такія, однако, фривольныя, какъ у насъ. Я была на одномъ такомъ вечерѣ, посвященномъ Рафаэлю: всѣ живыя картины были копіи съ его произведеній — нѣсколькихъ Мадоннъ и Преображенія. Это было такъ художественно сдѣлано, до того похоже, что производило полную иллюзію; казалось, что видишь знакомую во всѣхъ подробностяхъ картину. Стояли участвующіе до того неподвижно, что даже страшно становилось. Однажды коснувшись театра, скажу, что въ Римѣ я его почти

---

[1]) По нашему $8^1/_4$ ч. вечера.

не посѣщала: такая была красота въ природѣ, что просто грѣшно казалось сидѣть въ душной залѣ. Мы были разъ на представленіи подъ открытымъ небомъ, устроенномъ, не помню, въ какомъ изъ древнихъ зданій; но пьоса Гольдони не шла къ античному амфитеатру. Очень смѣшно и странно было на нашъ глазъ то, что, когда раздавался колокольный звонъ (Ave Maria), актеры останавливались, молитвенно складывали руки, а актрисы даже становились на колѣни — и потомъ продолжали, какъ ни въ чемъ не бывало, прерванный монологъ или объясненіе въ любви.

Къ концу апрѣля настало жаркое лѣто; зной легъ бѣлой пеленой на поля, и розы поблѣднѣли. Солнце такъ пекло что иногда подумаешь два раза, прежде чѣмъ перейти раскаленную имъ улицу. Часто дулъ ширòкко, этотъ бичъ юга, затягивая грязнымъ флеромъ небо и городъ, мѣшая дышать и причиняя головныя боли. М., какъ ей ни жалко было покидать Римъ, собралась уѣзжать. Наканунѣ отъѣзда она пожелала поѣхать со мной вдвоемъ верхомъ, чтобы проститься съ вѣчнымъ городомъ. Нельзя забыть эту чудную, характерную поѣздку! Мы отправились въ Кампанью наудачу, безъ дороги; случалось въѣзжать въ овраги, подниматься на холмы, спускаться по ступенькамъ лѣстницъ. Насъ окружала римская пустыня, съ ея грустнымъ, поэтическимъ характеромъ; вѣтеръ съ полей дулъ намъ въ лицо, глазъ ласкали граціозныя арки древнихъ водопроводовъ. Мы останавливались вздохнуть и полюбоваться. Мы одинаково чувствовали въ эти минуты всю прелесть Рима. Мать моя очень безпокоилась, что мы уѣхали вдвоемъ, и послала за нами Фрикена, который, зная наши

вкусы, скоро отыскалъ насъ. Сначала мы были недовольны присутствіемъ третьяго лица, но онъ не помѣшалъ намъ, насъ соединило однородное чувство. Долго мы катались, наконецъ, выѣхали къ цирку Ромула и поднялись въ священную рощу «Bosco sacro», остатокъ древнихъ священныхъ лѣсовъ, единственную рощу въ Римѣ. Есть что-то особенно пріятное для насъ, жителей сѣвера, въѣхать въ лѣсъ, особенно на югѣ. Мы сѣли на склонѣ горы на траву. Кругомъ разстилались поля съ ихъ серебристыми зелено-лиловыми тонами; старый городъ, такъ много пережившій, теперь лежалъ передъ нами все-таки юный и прекрасный, съ его воздушнымъ, отовсюду виднымъ, куполомъ. Блаженство было смотрѣть, блаженство втягивать въ себя этотъ уму непостижимый воздухъ, который заставляетъ васъ желать, вмѣстѣ съ Гоголемъ, чтобъ у васъ «вмѣсто ноздрей были ведра». Ни передать, ни понять, — можно только чувствовать эту благодать!.. Мы спустились къ источнику нимфы Эгеріи и, чрезъ Via Appia, вернулись въ Римъ.

Я проѣхала къ М. А. Мнѣ было грустно войти въ ея комнату: все пусто, убрано, бумага валяется на полу, сундуки открыты... Въ послѣдній разъ проводили мы сумерки въ этой комнатѣ, въ послѣдній разъ прошелъ передъ окномъ ея юноша, который, вѣрно, давно ожидалъ тутъ нашего возвращенія. Какъ будто и солнце свѣтило въ послѣдній разъ! Когда мы стояли, обнявшись, и смотрѣли на закатъ его, у М. А. на глазахъ навернулись слезы. Позднѣе она потащила меня на Треви. Есть повѣрье, что тотъ, кто передъ отъѣздомъ выпьетъ воды этого фонтана изъ новой посуды и тутъ же разобьетъ ее, тотъ непремѣнно вер-

нется въ Римъ. Обожатель ея былъ уже тамъ. М. А., отпивъ немного воды, поставила свою чашку на край бассейна и взглянула на юношу; онъ выпилъ остатокъ воды, а она взяла чашку и разбила ее. Потомъ испугалась своего поступка и быстро увлекла меня домой. Молодой человѣкъ не послѣдовалъ за нами; съ нимъ простились, оставивъ надежду на будущее. Это была шутка со стороны М., но она все-таки была растрогана, что не помѣшало ей въ тотъ же вечеръ смѣшить насъ до слезъ. На другой день мы разстались, и для меня Римъ опустѣлъ.

Я стала посѣщать тѣ мѣста, которыхъ раньше не успѣла осмотрѣть, и уже прежде видѣнныя, но особенно мнѣ дорогія, между прочимъ иностанное кладбище, гдѣ покоятся Брюлловъ, Ставассеръ и другіе, менѣе ихъ извѣстные русскіе художники. Нѣкоторымъ изъ нихъ Кабановъ сдѣлалъ на свои скудныя средства памятники. Посѣтила я еще разъ palazzo Farnese, Farnesina и много другихъ. Ѣздила прощаться съ знакомыми, такъ какъ намъ тоже предстояло скоро покинуть Римъ. Ходила съ сестрой, Лизеттой и Фортунатой снимать нашу фотографическую группу. Лизетта плакала при упоминаніи о нашемъ отъѣздѣ; также очень огорчался имъ нашъ лакей Джіозеппе. Прислуга въ Италіи доржала себя совершенно свободно. Когда наша кухарка приходила съ рынка, она входила въ гостиную, садилась въ кресло, со словами: «дайте отдохнуть», и, отдышавшись, начинала докладывать о своихъ покупкахъ. Джіозеппе былъ превосходный слуга, всегда корректный и вѣжливый; онъ чисто держалъ комнаты, могъ сготовить обѣдъ; накрывая столъ, онъ обходилъ его со всѣхъ сторонъ и любовался, когда все было на немъ красиво разставле-

но. Онъ былъ большой патріотъ, приносилъ мнѣ всѣ прокламаціи, много говорилъ со мной о политикѣ и, когда мы оба были свободны, читалъ мнѣ вслухъ либеральныя газеты.

Мысль, что мы должны покинуть Римъ, была просто невыносима для меня; я не хотѣла вѣрить, что это возможно, мнѣ тогда казалось, что я въ другомъ мѣстѣ н е м о г у ж и т ь. Римъ опуталъ мою душу и приковалъ ее къ себѣ. «Италія, — писала я — какъ хорошая картина, нравится тѣмъ болѣе, чѣмъ дольше смотришь на нее. Надо сжиться съ ней, надо, чтобы грубыя чувства наши распустились, размякли, сдѣлались способными воспринять вполнѣ ея прелесть». «Ф. говоритъ, что воздухъ Италіи развиваетъ зависть, ревность, вообще сильныя страсти. Дѣйствительно, въ южномъ воздухѣ есть что-то разслабляющее мысль, лишающее нервы упругости, такъ, что малѣйшее прикосновеніе радости или печали чувствуется живѣе. Потому въ итальянцахъ все горячо, живо, пьяно, какъ ихъ воздухъ. Про себя я знаю, что никогда такъ не наслаждалась ч у в с т в е н н ы м ъ: дышаніемъ, созерцаніемъ, наслажденіемъ для наслажденія, никогда такъ не жаждала наслажденія, солнцемъ, красками, ароматами...» Посреди цѣлаго потока моихъ лирическихъ изліяній, встрѣчаются слѣдующія фразы: «можетъ быть, у меня нѣтъ таланта, но что во мнѣ душа художника, въ этомъ я увѣрена по тому трепету, по замиранію сердца, которыя я чувствую при видѣ красотъ природы, по желанью остановить движущееся, схватить мѣняющееся, отпечатлѣть на полотнѣ... Въ эти минуты я забываю, что я ничего не могу, не умѣю; мнѣ кажется, что возсоздать видимое мнѣ мѣшаетъ только отсутствіе красокъ или времени...»

Наканунѣ нашего отъѣзда я съ знакомой молодежью также отправилась къ Треви, выпить воды и разбить стаканъ, не вѣря, но желая, чтобъ примѣта подѣйствовала, и я когда-нибудь вернулась сюда. Какъ хорошо освѣщался луной фонтанъ съ его отовсюду текущей, падающей и брызжущей водой! Я любила этотъ фонтанъ; съ его завитками и затѣями, съ дворцомъ, служащимъ ему фономъ, съ манерной Бернiньевской статуей, онъ былъ живой иллюстраціей роскоши папскаго Рима. Про послѣднія минуты въ Римѣ я писала: «Мнѣ не вѣрилось, что мы уѣзжаемъ. Казалось невозможнымъ, что я оставляю все мнѣ такъ знакомое, не услышу крика ослика, итальянской рѣчи людей на улицѣ, не буду имѣть передъ собой жидкую пальму и мадонну на углу... Только когда мы сѣли на поѣздъ, и стали исчезать изъ вида мои возлюбленныя горы, я поняла, что это правда, и поняла еще сильнѣе прежняго, какъ хороши и Кампанья, и небо, которое не сводомъ лежитъ надъ нами, а будто начинается тутъ близко и отъ насъ уже идетъ вглубь, и воздушная перспектива облаковъ, которыя не кажутся вертикальной плоскостью, какъ у насъ, на сѣверѣ, а какъ нѣчто живое, удаляясь, становятся мельче, тѣснѣе. Съ какимъ о т ч а я н ь е м ъ я наслаждалась всѣмъ этимъ! Мнѣ бы хотѣлось увеличить глаза, расширить легкія, чтобъ насмотрѣться, надышаться послѣдній разъ»...

XXXI.

Есть мѣстности, гдѣ, какъ-бы ни было жарко, никогда не ощущаешь нѣгу юга.

С. И.

Почему мы не осмотрѣли Швейцарію сразу, а теперь поѣхали туда съ тѣмъ, чтобы снова вернуться въ Италію, я рѣшительно не знаю. Папа долженъ былъ остаться въ Генуѣ, чтобы не подвергаться этимъ лишнимъ передвиженіямъ. Пизу намъ некогда было осмотрѣть, какъ слѣдуетъ; видѣли только соборъ, баптистерій и Campo Santo. Особенное впечатлѣніе произвело на меня послѣднее; дворикъ — просто прелесть, и тѣ изъ фресокъ на стѣнахъ Джіотто и другихъ флорентинскихъ примитивовъ, которыя лучше сохранились, прекрасны. Арно напомнило мнѣ Флоренцію. Въ Ливорно пріѣхалъ повидаться съ нами Н. В. Штрамъ, и проводилъ насъ въ экипажѣ до Спеціи. Дорога великолѣпна, особенно восхитительна отъ Спеціи до Генуи; какъ я ни сожалѣла о Римѣ, но не могла не любоваться. По живописнымъ горамъ раскинуты деревни, прелестные старые городочки — Sestri, Cavi Chiavari, Lavagna, съ аркадами на улицахъ, съ самыми разнообразными фресками, иногда въ помпейскомъ стилѣ, на наружныхъ стѣнахъ домовъ. Каждый хвастаетъ какими-нибудь исто-

рическими воспоминаніями. Нѣкоторые изъ нихъ утопаютъ въ зелени; многіе лежатъ около самаго моря, которое неожиданно, при какомъ-нибудь поворотѣ дороги, появляется передъ глазами, и кажется, сквозь сѣрую зелень оливъ, еще синѣе, чѣмъ въ Неаполѣ. Опять, какъ и во время прежнихъ путешествій въ экипажѣ, при остановкахъ насъ окружали ребятишки и въ одномъ мѣстечкѣ пѣли хоромъ такъ хорошо, что мы были удивлены. Мѣстами встрѣчались ютившіяся подъ горой или стоявшія на перекресткѣ часовни, съ изображеніемъ Мадонны. Когда мы проѣхали тоннель, передъ нами раскинулся одинъ изъ самыхъ роскошныхъ видовъ: широкій горизонтъ моря и Генуя. Намъ подали обѣдать на террасѣ, обвитой виноградомъ, и мы долго наслаждались картиною неописанной красоты, разстилавшеюся у нашихъ ногъ. Не доѣзжая Генуи, намъ показали мѣсто, гдѣ Гарибальди сѣлъ на лодку, когда отправлялся походомъ въ Сицилію.

Въ Геную пріѣхалъ нѣсколько раньше насъ А. И. Щербаковъ, молодой человѣкъ, съ которымъ мы случайно познакомились въ Ливорно. Онъ только что сидѣлъ въ крѣпости вмѣстѣ со всѣми студентами; онъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые изъ чувства товарищества добровольно пошли въ тюрьму. Генуя чрезвычайно понравилась мнѣ. Въ ней соединились и красота мѣстоположенія, и старина, и оживленіе жизни. Въ улицахъ, настолько узкихъ, что крыши домовъ почти соприкасались, люди сидятъ у кофеенъ, какъ въ комнатѣ. Въ прелестномъ городскомъ саду тѣсно, весело; вездѣ снуетъ народъ, говоръ, смѣхъ, но во всемъ этомъ что-то необыкновенно уютное. Оркестръ, какъ вездѣ въ Италіи, прекрасный.

А чудные генуэзскіе дворцы! Вотъ ужъ не даромъ называютъ этотъ городъ «Genova la Superba». Какія великолѣпныя лѣстницы въ этихъ дворцахъ, какіе восхитительные дворики! Какіе богатые куски старыхъ тканей сохранились во внутреннемъ убранствѣ залъ! Изъ видѣнныхъ картинъ я почему-то особенно обратила вниманіе на два портрета Вандика: мальчика въ бѣломъ, во дворцѣ Durazzo, и одной изъ принцессъ дома Бриньони — въ такъ называемомъ Palazzo Bosso. По поводу послѣдняго портрета я написала въ своемъ дневникѣ: «Сколько выраженія, сколько благородства, граціи и правды! Кажется, что сейчасъ улыбнется оживленное лицо, зашевелятся богатыя складки ея платья, — она выйдетъ изъ рамы и скажетъ: «Да, Вандикъ былъ влюбленъ въ меня, иначе онъ не могъ бы т а к ъ написать мой портертъ». А можетъ быть, скажетъ что-нибудь другое. Не могъ же Вандикъ быть влюбленъ во всѣхъ женщинъ, съ кого онъ писалъ хорошіе портреты! Отчего же нѣтъ? Я ужъ, право, начинаю вѣрить, что можно любить нѣсколькихъ заразъ...»

Неожиданно пріѣхалъ въ Геную Фрикенъ и провелъ съ нами цѣлый день. Онъ разсказалъ, что недавно произошла въ Бергамо очень непріятная исторія. Арестовали одного изъ товарищей Гарибальди; толпа требовала его освобожденія, и тутъ произошло нѣчто невѣроятное: по приказанію начальства, тѣ самые солдаты, которые шли съ Гарибальди отвоевывать свободу народа, стали стрѣлять въ этотъ народъ! Гарибальди былъ возмущенъ, назвалъ ихъ не солдатами, а палачами. Либеральныя партіи во Флоренціи и Генуѣ хотятъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы двинуть Гарибальди на Римъ.

«Готовъ ли на это римскій народъ?» — спросила я. — «Надо вообще больше надѣяться на народъ» — отвѣчалъ Фрикенъ.

Я совсѣмъ заволновалась: вдругъ, въ самомъ дѣлѣ Гарибальди побѣдоносно вступитъ въ Римъ, а меня, въ такую торжественную минуту, тамъ не будетъ! Я бы сейчасъ на крыльяхъ полетѣла въ Римъ.

При разговорѣ объ одной нашей общей знакомой, которой я давала болѣе тридцати лѣтъ, Фрикенъ сказалъ: «Она сама мнѣ говорила, что ей 24, а она не можетъ лгать». Неужели онъ такой наивный, подумала я, но мнѣ это понравилось: если онъ вѣритъ людямъ, значитъ онъ самъ правдивъ.

Мнѣ было необыкновенно весело въ Генуѣ: со мной были два человѣка, которые мнѣ оба нравились, — недаромъ мнѣ пришла въ голову мысль, что можно любить нѣсколькихъ заразъ. Нравились они мнѣ совершенно различно. Хотя мы съ Фрикеномъ часто спорили и пикировались, но онъ имѣлъ на меня большое вліяніе; я всегда старалась передъ нимъ казаться умной, была съ нимъ осторожнѣе, чѣмъ съ другими, дорожила его мнѣніемъ обо мнѣ. Къ Щербакову я относилась, какъ къ равному, съ перваго же дня была съ нимъ за панибрата и, не стѣсняясь, болтала съ нимъ всякій вздоръ. Мнѣ нравилась его молодость и откровенность: у него не было заднихъ мыслей, и онъ тоже говорилъ, что ему придетъ въ голову. Не могу безъ смѣха видѣть фразу, которую я написала по поводу его въ моемъ дневникѣ: «на этой свѣжести можно отдохнуть уму, запуганному скептицизмомъ, разсужденіемъ, софизмами». Этотъ мой запуганный скептицизмомъ умъ не мѣшалъ мнѣ бѣгать въ горѣлки въ какой-нибудь изъ посѣщае

мыхъ виллъ. Мы и маму заразили нашими шалостями. Осматривая университетъ, мы вошли въ пустую аудиторію. «Слушайте, — сказала мама, — я вамъ буду лекцію читать». Она взошла на каѳедру и начала. «Милостивые государи и государыни, мы находимся въ храмѣ, не въ храмѣ религіи, а въ храмѣ науки...» Вдругъ вошелъ молодцоватый студентъ; услышавъ голосъ, онъ, вѣроятно, подумалъ, что опоздалъ на лекцію. Сначала онъ какъ-будто остолбенѣлъ, потомъ всплеснулъ руками и исчезъ. Не успѣла мама еще сойти съ каѳедры, какъ въ дверь ввалились студенты съ профессоромъ и всѣ, не исключая и насъ, покатились со смѣху. Съ тѣхъ поръ, если кто-нибудь изъ бывшихъ тутъ молодыхъ людей, встрѣчалъ насъ на улицѣ, онъ приподнималъ шляпу и указывалъ на насъ товарищамъ.

Ѣхать на Миланъ и Комо или прямо на Туринъ, чтобы скорѣй о т б ы т ь Швейцарію? вотъ въ чемъ былъ вопросъ. Мы выбрали послѣднее, въ чемъ я потомъ ужасно раскаивалась, такъ какъ въ это время пріѣзжалъ въ Комо Гарибальди, и я, черезъ Фрикена, который былъ съ нимъ знакомъ, могла бы видѣть близко моего героя и говорить съ нимъ. Къ тому же я увидѣла бы еще разъ и Фрикена, а, мнѣ казалось, что мы съ нимъ разстались на такомъ пунктѣ разговоровъ и отношеній, который былъ похожъ на аккордъ въ музыкѣ, требующій другого, разрѣшающаго его. Это желаніе встрѣтиться еще разъ съ Фрикеномъ было, вѣроятно, предчувствіемъ, что я больше не увижу его въ жизни.

О красивомъ, но слишкомъ нарядномъ и аккуратномъ Туринѣ, разсказывать нечего. Въ галлереѣ были интересныя картины, въ арсеналѣ — мечъ и

щитъ работы Бенвенуто. И былъ Викторъ Эммануилъ, котораго мы видѣли на гуляньѣ.

Въ Швейцарію мы отправились черезъ Монъ-Сени; ѣхали въ дилижансѣ, который въ гору едва тащили 14-ть лошадей. Опять холодъ, снѣгъ, вѣтеръ, и я удаляюсь отъ возлюбленной Италіи!.. Какъ въ Швейцаріи все было холодно и безцвѣтно! Черныя избы, черные костюмы, угрюмо, уныло — тоска! Одно утѣшеніе, что вернусь еще на родину души моей, какъ я называла Италію. Мы пробыли дня два или три въ Aix les Bains, единственно потому, что на насъ нашло какое-то пріятное, д а ч н о е чувство, когда намъ въ отелѣ отвели отдѣльный павильонъ, выходившій, безъ лѣстницы, прямо въ пустынный, старый садъ, гдѣ мы были, какъ дома. Мы катались на ослахъ и на лодкѣ, причемъ я гребла, правила рулемъ, и при послѣднемъ чувствовала, какъ я выражалась, «что-то особенное, силу, свободу; хотѣлось бы бороться съ бурей»... Мы осматривали небольшой водопадъ; сестра сказала Щербакову: «вотъ бы вы молодецъ были, еслибъ туда перешли». Въ одно мгновеніе онъ былъ на той сторонѣ водопада. Туда онъ, въ азартѣ проскочилъ, но назадъ надо было пробираться съ болѣе охладѣвшими чувствами и бо̀льшимъ сознаніемъ опасности, по узкому, едва выдающемуся надъ бушующей водой, мшистому и скользкому хребту, обливаемому волной. Я перестала дышать и закрыла глаза; съ мамой чуть не сдѣлался обморокъ. Все, слава Богу, кончилось благополучно, но и досталось же отъ насъ бѣдному юношѣ за его прыть и рыцарство!..

Въ окрестностяхъ есть замокъ, про который разсказываютъ интересную легенду. Поселился тутъ когда-то рыцарь, по имени Бертольдъ; онъ каждый

день ѣздилъ по окрестностямъ и увозилъ чью-нибудь жену или дочь. Весь народъ былъ въ ужасѣ, но ничего не могъ подѣлать. Разъ рыцарь привезъ къ себѣ такую красавицу, что не захотѣлъ другой; онъ такъ влюбился въ эту женщину, что она дѣлала съ нимъ, что хотѣла и такъ мучила его, что онъ началъ блѣднѣть и худѣть. Мѣстные жители успокоились; на дѣвушекъ онъ больше не обращалъ вниманія. «Построй мнѣ, — сказала ему разъ его мучительница, — домъ, но построй собственными руками». И вотъ, послушный рыцарь самъ мѣшалъ известку, таскалъ камни и въ сорокъ недѣль построилъ домъ; но, вмѣсто ожидаемой награды, красавица заперлась въ своемъ новомъ жилищѣ и прогнала рыцаря. Онъ занемогъ и лежалъ при смерти, когда передъ нимъ явилась его возлюбленная и сказала: «насталъ твой послѣдній часъ». — «Такъ, отвѣтилъ рыцарь, твои жестокости убили меня, но скажи лишь, что любишь меня — и я умру счастливый»... — «Кайся, грѣшникъ, — сказала она, — я не женщина». Дѣйствительно, Бертольдъ сталъ замѣчать, что тѣло ея понемногу исчезаетъ и передъ нимъ призракъ. «Я душа одной изъ погубленныхъ тобою, — промолвило видѣнье, — я вымолила у Бога твое прощеніе, если сумѣю на землѣ наказать тебя. Ступай, ты спасенъ». На другой день рыцаря нашли мертвымъ; красавица исчезла, а выстроенный домъ назвали «maison du diable».

Въ Женевѣ мнѣ было противно и скучно. «Мнѣ хочется въ Италію, мнѣ здѣсь темно и холодно», жаловалась я. Взяла я, ради утѣшенія, читать письма Герцена объ Италіи и нашла тамъ много казавшагося мнѣ вѣрнымъ, между прочимъ — слова, что, несмотря на всѣ притѣсненія, а, можетъ быть, и изъ-за нихъ,

свобода въ Италіи никогда не потухала: она у итальянцевъ въ крови, а ихъ правительства были такъ же безпечны и безпорядочны, какъ и народъ, и эта безпорядочность поддерживала свободу.

Отъ нечего дѣлать зашли мы въ Женевѣ посмотрѣть показывавшіеся на экранѣ микроскопическіе препараты. Такого большого увеличенія я не видала раньше и пришла въ ужасъ отъ страшныхъ формъ инфузорій и отъ мысли, что каждымъ дыханіемъ, каждымъ глоткомъ мы истребляемъ такое невѣроятное количество живыхъ существъ, которымъ, какъ я выражалась, «также ненавистна смерть и также дорога ихъ мгновенная жизнь, какъ и намъ. Почему все живущее должно уничтожать другъ друга, всегда стремиться сдѣлать другому то, чего самъ больше всего боится?..» Съѣздили мы, конечно, посмотрѣть убѣжище Фернэ'скаго старца.

Щербаковъ уѣзжалъ въ Парижъ; мы дали ему рекомендательныя письма. Какъ бы взамѣнъ его пріѣхалъ Мещерскій. Съ нимъ по обыкновенію, мы начали ссориться: онъ бранилъ Италію, хотя и не былъ тамъ, говорилъ, что не вѣритъ мнѣ, потому что я всегда увлекаюсь. Онъ сердилъ меня этими поддразниваніями. «Какъ люди не понимаютъ, что это б о л ь н о, когда грубо трогаютъ то, любовью къ чему полна душа», думала я. Я была въ очень дурномъ настроеніи, особенно въ Интерлакенѣ. Передо мной картина, — видъ на Jungfrau, — сотни лѣтъ восхищавшая людей; но на меня она производила только впечатлѣніе холода и тѣсноты. Высокія и близкія горы возбуждали во мнѣ гнетущее чувство, давили меня; мнѣ казалось, что я въ котлѣ, въ тюрьмѣ. Хотѣлось заѣхать за горы, заглянуть въ

ущелья между ними, чтобы узнать, что дѣлается въ остальномъ мірѣ, существуетъ ли онъ еще... Небо видно только, если поднять голову; со всѣхъ сторонъ напираютъ сѣрыя стѣны и некуда отъ нихъ дѣться. Завернешь за одинъ склонъ, думаешь: сейчасъ выйду на вольный просторъ, смотришь — опять стѣны кругомъ, опять въ тюрьмѣ... Вечеромъ сидишь въ комнатѣ съ закрытыми ставнями — и всетаки чувствуешь, что тутъ онѣ, близко, эти скалы и горы.

Только въ Люцернѣ я оттаяла: озеро четырехъ кантоновъ оказалось самымъ лучшимъ, что мнѣ удалось видѣть въ Швейцаріи. Горы, и здѣсь довольно близкія и сѣрыя, все-же были воздушнѣе и формы ихъ ужъ очень красивы. Я нарисовала Люцернскаго льва, стараясь передать его страдальческое выраженіе. Погода была дождливая, но мы выбрали одинъ изъ лучшихъ дней для поѣздки на Риги. Фуникулеровъ тогда еще, слава Богу, не было, и мы ѣхали верхомъ. Панорама съ Риги не произвела на меня особеннаго впечатлѣнія, я не люблю видовъ à vol d'oiseau, — но по дорогѣ на вершину на каждомъ шагу открывались чудные виды на озеро и горы; часто въѣзжали мы въ рощи, гдѣ вѣяло прохладой, и бѣлыя лошади Мещерскаго и Ольги ярко освѣщались прорывавшимися сквозь зелень кружками солнца. Тогда мы останавливались, чтобы набросать съ лошади понравившіяся мѣстечки; намъ подносили свѣжей, душистой земляники. Старичекъ гидъ сказалъ, что сколько ни возилъ иностранокъ, не видѣлъ женщины, которая бы такъ хорошо сидѣла на лошади, какъ я; это мнѣ было очень пріятно слышать. Хорошо было въ лунныя ночи кататься по

озеру на лодкѣ. Спокойное, ясное отраженіе горъ въ зеркальной поверхности озера, вторая луна, купающаяся въ водѣ, непонятные, смутные ночные звуки — все располагало къ мечтанью, чувствовалась близость къ природѣ. Возвратясь я написала мои первые, очень плохіе, стихи. Въ одинъ изъ вечеровъ въ нашей гостиницѣ собрался хоръ пѣвцовъ изъ Аппенцеля и задалъ намъ такой чудный концертъ, что я много часовъ просидѣла на окнѣ, слушая ихъ. Сынъ хозяина нашего отеля удивилъ насъ тѣмъ, что недурно говорилъ по русски. Оказалось, что этотъ молодой человѣкъ, кончившій университетъ, провелъ нѣсколько времени въ Одессѣ. Несмотря на полученное имъ образованіе, онъ прислуживалъ за столомъ, наравнѣ съ другими кёльнерами.

Наконецъ, къ моей великой радости, мы пустились въ обратный путь въ Италію, на этотъ разъ черезъ С. Готардъ. Эта дорога менѣе живописна, чѣмъ черезъ Симплонъ, но мѣстность около Чортова моста великолѣпна своей дикой пустынностью; также хороша перемѣна, наступающая, когда обогнешь послѣднюю скалу и откроется долина съ роскошной растительностью. Погода была не швейцарская, а настоящая итальянская, когда мы пріѣхали на Комо. Какое блаженство было, лежа на мягкихъ подушкахъ подъ защищавшей отъ солнца парусиной, подъ мѣрное покачиваніе лодки, тихо скользившей по озеру, ощущать опять знакомую истому юга!.. Мы довольно долго пробыли въ очаровательномъ мѣстечкѣ Белладжіо, дѣлая прогулки по озеру и посѣщая виллы. Находящаяся надъ городомъ вилла Сербеллони и напротивъ лежащая вилла Соммарива могутъ служить образчиками двухъ типовъ итальянскихъ виллъ:

въ первой можно видѣть южную природу въ почти дикомъ состояніи, во второй — все, что могло сдѣлать искусство съ этой природой. Въ первой вамъ не показываютъ дома, а позволяютъ гулять въ тянущемся по горѣ саду, дико и пышно заросшимъ кипарисами, магноліями, пальмами и гигантскими кактусами; съ вершины чудный видъ на всѣ три рукава озера. Въ Соммарива лодка ваша пристаетъ къ бѣлой мраморной лѣстницѣ; передъ вами открывается желѣзная рѣшетка, лакей въ ливреѣ вѣжливо провожаетъ васъ среди статуй и цвѣтовъ ко входу въ домъ, гдѣ передаетъ васъ такому же вѣжливому товарищу; послѣдній служитъ вамъ проводникомъ по заламъ, гдѣ между другими произведеніями скульптуры находятся Марсъ и Венера Аппьяни, Амуръ и Психея Кановы и его же Магдалина. По осмотрѣ залъ, лакей, получивъ свой франкъ, передаетъ васъ садовнику, который за такую же монету показываетъ вамъ садъ. Тутъ террасы съ чудными points de vue, аллеи, гдѣ густыя деревья вырѣзаны на манеръ арокъ или острижены въ разныя формы, фонтаны съ раковинами и мозаикой, искусственные сталактитовые гроты, гдѣ пропущенный сверху свѣтъ освѣщаетъ какъ бы спрятавшуюся статую, узоры и вензеля изъ цвѣтовъ и прочія затѣи. Мнѣ болѣе нравились, конечно, дикія виллы, хотя и въ другихъ есть своя прелесть, характерная для Италіи, для XV-го и XVI-го столѣтій. Моя младшая сестра откровенно признавалась, что она любитъ такія виллы, какъ Паллавичини въ Генуѣ... «Я такъ люблю разные мостики — весело лепетала она, — châlets, бесѣдки, водопады, гроты и фонтаны; конечно, было бы лучше, еслибы они были натуральные, но мнѣ очень нравятся и искусственные».

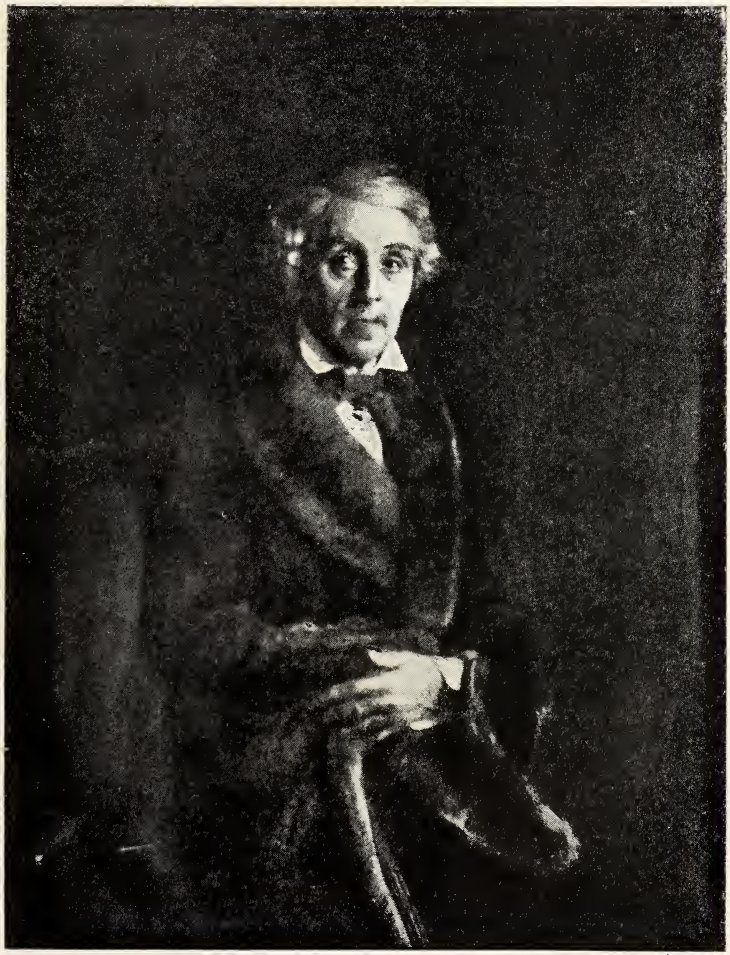
Вернувшись въ Геную, мы застали отца моего здоровымъ, съ радостью встрѣтились съ нимъ и, пробывъ еще нѣсколько дней въ городѣ, поѣхали на лѣто въ Спецію.

Въ Генуѣ мы посѣтили большое гулянье на Acquasol во время какого-то праздника. Тамъ былъ весь городъ: и высшее общество, и простой народъ. Туалеты дамъ насъ поразили и очаровали. Во-первыхъ — ни одной шляпки; аристократки и простолюдинки, молодыя и старухи, богатыя и бѣдныя, носятъ на головѣ бѣлый прозрачный вуаль, спускающійся почти до земли; молоденькія дѣвушки кажутся невѣстами или видѣньями. Во-вторыхъ — никакихъ накидокъ; всѣ въ платьяхъ, и въ платьяхъ самыхъ нѣжныхъ цвѣтовъ: бѣлаго, серебристо-сѣраго, лиловатаго; ни одного кричащаго пятна. Весь садъ казался бальной залой.

Нашъ переѣздъ въ Спецію моремъ не былъ такъ удаченъ, какъ при поѣздкѣ въ Неаполь. Пароходъ былъ крошечный, погода ужасная, всѣ были больны, и я хуже всѣхъ: мнѣ было такъ плохо, что, когда разбилось окно надъ моей койкой, и меня всю обливало холодной волной, я этого не почувствовала, не замѣтила даже.

Въ Спеціи тогда еще не было порта, и это былъ прелестный уголокъ. Прекрасной формы темно-синій заливъ, окруженный горами; вдали виднѣются бѣлые мраморы Карары; по горамъ ведутъ тропинки къ разнымъ живописнымъ мѣстамъ, которыя встрѣчаются на каждомъ шагу. Надъ городомъ, на горѣ, каштановая роща, кругомъ развалины стариннаго замка, капуцинскаго монастыря; на ровныхъ мѣстахъ золотистая пшеница, обсаженная фруктовыми деревьями; между ними гирлянды винограда, яркіе листья кото-

раго горятъ изумрудами; на склонѣ горъ террасы, трельяжи изъ винограда, подъ ними высокая трава; на горахъ полузасохшій, густой бурьянъ, такой душистый, съ такимъ опьяняющимъ ароматомъ, что мы на сѣверѣ ничего подобнаго и представить себѣ не можемъ. Самый городъ довольно маленькій и скучный; очень простенькій казино, два большіе отеля на берегу. Одинъ, Croce di Malta, въ которомъ мы остановились, выходитъ въ городской садъ, тянущійся параллельно съ берегомъ и состоящій изъ трехъ аллей цвѣтущаго бѣлаго и розоваго олеандра и магнолій, перевитыхъ зелеными гирляндами, на которыхъ виднѣются еще кое-гдѣ розы. За садомъ густая рощица, куда почти не проникаетъ солнце, и гдѣ всегда прохладно. Днемъ всѣ жители скрываются за закрытыми ставнями; только вечеромъ, когда спадетъ жара, всѣ высыпаютъ на улицу и усаживаются около кафе ѣсть мороженое. Я же и рисовала, и гуляла, и каталась на лодкѣ днемъ, хотя, правда, иногда, вернувшись домой, я снимала съ себя все до рубашки и ложилась на полъ своей комнаты, отстраняя, какъ можно дальше отъ тѣла свои руки. Температура въ Спеціи была не выше 26—27 гр., но надо принять въ соображеніе, что я ходила по горамъ подъ жгучими лучами Итальянскаго солнца, отъ которыхъ яйца пекутся. И въ этомъ была нѣга: солнце жжетъ, но надъ головою лазурное небо, вокругъ розовыя горы, золотистая растительность, сапфирное море! А дома ждетъ молодой виноградъ, сливы и персики, чтобы осхладить разгоряченныя губы, утолить жажду... Я не только рисовала, но много писала масляными красками въ это лѣто, и живопись съ натуры доставляла мнѣ самыя лучшія минуты моей жизни.



Гр. Ѳ. П. Толстой (портр. раб. Зарянки).

XXXII.

Мечты, желанья, о Богъ съ ними!
. . . . . .
Когда словами лишь одними
Имъ выражаться суждено.
Хвощинская.

Сознавала ли я, что путешествіе приносило мнѣ относительно мало пользы, или, просто, находилась въ томъ переходномъ періодѣ жизни, когда всѣ юноши жаждутъ чего-то, стремятся куда-то, разочарованы въ чемъ-то, — «онъ пѣлъ поблекшій жизни цвѣтъ, безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ», — но на меня часто находило тяжелое настроеніе, находило и уходило, какъ морской приливъ и отливъ. Во время тоски я говорила матери: «Я сама не знаю, что со мной... Мнѣ противно бездѣйствіе, тишина, я хотѣла бы чего-нибудь живого, бурнаго... Или броситься въ какой-нибудь водоворотъ удовольствій, безъ остановки, безъ оглядки, или быть замѣшанной въ политическую партію, имѣющую высокую цѣль, содѣйствовать этой цѣли, даже съ опасностью жизни, чтобы это поглотило меня всю...»

— Вотъ, и хорошо, что мы уѣхали за границу отъ студенческихъ исторій, — отвѣчала мама, смѣясь, — а то бы ты тамъ, пожалуй, тоже какую-нибудь рѣчь начала говорить и тебя бы высѣкли въ третьемъ отдѣленіи.

Потомъ являлась веселая полоса, когда я радова-

лась всякимъ пустякамъ. Иногда восторгъ и тоска являлись вмѣстѣ, а мечтательность все только усиливалась.

Были въ Спеціи русскіе, и даже наши флорентинскіе знакомые, но русскія дамы постянно оскорбляли мое чувство деликатности; онѣ фыркали, смѣялись надо всѣмъ. Чуткіе итальянцы отлично это понимали; мнѣ была непріятна мысль, что меня сочтутъ солидарной съ этими барынями, и поэтому я избѣгала ихъ. Очень сошлась я съ одной англійской или, точнѣе, ирландской семьей. Отецъ, англійскій консулъ въ Туринѣ или Флоренціи, не помню, извѣстный въ то время и очень плодовитый романистъ, Чарльзъ Ливеръ, былъ толстый, румяный, веселый старикъ. Старшая дочь его, Джулія, была высокая, красиво и крѣпко сложенная дѣвушка, лѣтъ двадцати трехъ-четырехъ; она плавала, какъ рыба, и ея любимое занятіе, какъ она передавала мнѣ, было объѣзжать и дрессировать лошадей. При этомъ въ ней не было никакого ухарства; она была очень образована и не потеряла женственности, не хвасталась своею храбростью и силой, просто была вполнѣ здоровымъ и жизнерадостнымъ человѣкомъ. Младшей дочери, Sydney, было лѣтъ двѣнадцать; это была миловидная и милая дѣвочка. Бо̀льшую часть времени я проводила съ ними, и жизнь наша сама собой сосредоточивалась около моря. Утромъ мы купались вмѣстѣ, я съ Sydney — въ приличномъ разстояніи отъ купаленъ, а миссъ Ливеръ уплывала въ открытое море и доплывала иногда до чуть виднѣвшихся, стоявшихъ тамъ кораблей. Самъ Ливеръ часто каталъ насъ на своей чудесной, парусной яхтѣ. Миссъ Ливеръ разсказывала, что раньше отецъ ея, противъ

ея совѣта, купилъ другую яхту, и она держала съ нимъ пари, что лодка не выдержитъ сильной волны. Они выбрали свѣжую погоду и отправились вдвоемъ, взявъ только толстую левретку, съ которой Джулія не разставалась. Въ морѣ волненіе было такъ сильно что лодка, дѣйствительно, не выдержала, и нашимъ спортсменамъ пришлось возвратиться домой вплавь, причемъ дѣвушка спасла и свою собаку. Каждый вечеръ мы, иногда съ миссъ Ливеръ, а большею частью вчетверомъ — я, моя сестра, Sydney и молодой англичанинъ Пирсонъ, съ которымъ познакомились, катались на лодкѣ, сами гребли, иногда брали двѣ лодки и устраивали гонки между собой или съ другими лодками. Я любила быть на водѣ, особенно при закатѣ солнца или восходѣ луны, любила грести, чувствовала тогда что-то здоровое и сильное, особенно радовалась, когда мнѣ удавалось правильнымъ движеніемъ руля обогнать противниковъ; эти ежедневныя катанья были для меня громаднымъ удовольствіемъ.

Разъ, при довольно долгой прогулкѣ съ Ливеромъ и Sydney на ихъ яхтѣ, я совсѣмъ размечталась; погода была довольно спокойная, только по временамъ надувались бѣлыя крылья нашихъ парусовъ; мы летѣли, прорѣзая волны, обдававшія насъ брызгами. Взошла луна. Мнѣ казалось, что я одна среди голубого пространства; земля казалась также мало осязаемой, какъ и золотистая дорога, лежавшая на водѣ; берега являлись голубыми миражами, очарованьями фата-морганы. Я думала: «одно неосторожное движеніе — и не будетъ меня, и пропадетъ навѣкъ весь этотъ чудный міръ... Но волна, которая могла бы поглотить меня, только ласково качаетъ, я чувствую с е б я т а к о й ж и в о й, чувствую ж и з н ь,

ея силу и прелесть»... Зыблется, блеститъ отраженье луны, какъ куча розовыхъ брильянтовъ, парусъ рѣжетъ воздухъ, а мечты летятъ, летятъ въ туманную и невѣдомую даль... Еще болѣе мечтала я, когда, лежа поздно вечеромъ на самомъ берегу моря, смотрѣла въ небо. Большая звѣзда, на которую я глядѣла, неподвижно, какъ лампада, висѣла близко, близко надъ моей головой; то казалось мнѣ, что всѣ звѣзды движутся, подходятъ другъ къ другу, падаютъ, но не внизъ, а вверхъ... Вдругъ мнѣ живо представлялось, что я люблю, что я замужемъ, и вотъ—сижу гдѣ-нибудь въ душной квартиркѣ на Фонтанкѣ... «Неужели не можетъ быть полнаго счастья?..» Часто повторяла я строки любимыхъ поэтовъ и находила, что, «только тѣ стихотворенія хороши, которыя вспомнишь, глядя на природу и тогда скажешь: да, это хорошо». Надо правду сказать: тишина, жаръ, красота располагали къ мечтамъ. Тихая волна, отбѣгая, оставляла на берегу блестящія фосфорическія полосы; огненные жучки, какъ живыя звѣзды, загорались въ воздухѣ; молодой, чудный теноровый голосъ, невидимаго въ ночи пѣвца, разливался подъ трепетъ мандолины. Какъ тутъ не сойти съ ума и не размечтаться, Богъ знаетъ о чемъ!.. А мое купанье ночью развѣ не было похоже на сонъ? Море не шелохнется, берегъ отражается, какъ въ зеркалѣ; звѣзды на небѣ, звѣзды на водѣ, въ водѣ, звѣзды на плечахъ, на груди; каждое движенье руки рождаетъ ихъ миріады и разсыпаетъ, какъ фейерверкъ: встряхнешь своими густыми, распущенными волосами—и они въ огнѣ, и отъ нихъ летятъ искры!.. Взошла совсѣмъ розовая луна; я протянула руки по сіянію и поплыла прямо къ

ней... Но движенья уничтожили покой: я легла на спину и замерла, все затихло кругомъ, я смотрѣла на луну черезъ голову, скрестила на груди руки, лежала долго, совсѣмъ забылась... Вдругъ горничная схватила и чуть не потопила меня. «Не дѣлайте этого, ради Бога,—закричала она,—pare proprio una morta...[1]) Я разсмѣялась.

Около Спеціи есть маленькая сельская церковь, называемая Madonna dell'acqua santa, потому что около нея чудесный источникъ ключевой воды. Въ іюлѣ мѣсяцѣ тамъ былъ какой то праздникъ. Церковь, украшенная всевозможными ex-voto и пестрыми флагами, была полна молящимися. Вокругъ расположилась масса сошедшагося сюда изъ всѣхъ окрестностей простого народа. Пестрота нарядовъ была невѣроятная: красныя сѣтки женщинъ, развѣвающіяся ленты дѣвушекъ, громадныя серьги на широкихъ, плоскихъ обручахъ, нитки коралловъ и бусъ, красные, желтые и оранжевые платки, бѣлые съ красными кушаками костюмы матросовъ—все это мелькало, переливалось и сіяло. Еслибъ въ Генуэзскомъ городскомъ саду или у насъ на сѣверѣ дамы одѣлись такъ пестро, это было бы отвратительно; но народные костюмы имѣютъ ту отличительную черту, что ихъ пестрота всегда бываетъ удивительно красива и гармонична. Особенно ласкала она глазъ подъ пламенными лучами итальянскаго солнца, какъ бы пронизывающаго собою всѣ предметы насквозь. И во всей веселой, разгулявшейся толпѣ во весь день не было ни одного пьянаго!

Подъ конецъ нашего пребыванія въ Спеціи, всѣ

---

[1]) Совсѣмъ какъ мертвая.

мы пришли въ грустное настроеніе; очень ужъ плохія извѣстія получались изъ Россіи. Тетя писала о пожарахъ въ Петербургѣ, о прокламаціяхъ, въ которыхъ говорится, что будетъ истребленъ весь Петербургъ, о массѣ арестовъ. Здоровье отца было плохо; я боялась, что путешествіе истомило его, а такъ какъ путешествіе это было предпринято ради меня, я начала мучиться мыслью, что я виновата, что я не стою принесенныхъ жертвъ и даже не воспользовалась этими двумя годами заграничной жизни, чтобы усовершенствоваться въ знаніяхъ или искусствѣ. Когда я начинала терзаться, то я обыкновенно къ серьезнымъ непріятностямъ приплетала уже рѣшительно все, даже самые пустяки, которые, какъ булавочные уколы, усиливали боль пораненнаго мѣста.

Въ Миланѣ встрѣтилъ насъ Н. В. Штромъ, провелъ съ нами денекъ, а потомъ мы, въ довольно дурномъ расположеніи духа, тронулись въ путь на родину. Прежде, чѣмъ вернуться въ Россію, предстояло еще большое наслажденье: посѣщеніе Вероны и Венеціи. Я рѣшила отложить грустныя мысли и воспользоваться послѣдними днями, «моимъ послѣднимъ вздохомъ въ Италіи»,—какъ я выражалась.

Верона мнѣ понравилась въ высшей степени. «Какая оригинальная прелесть!—писала я,—и какъ тутъ пахнетъ муниципальнымъ началомъ!» Описавъ подробно городъ, я прибавляла: «такъ тутъ просто, наивно. Отъ piazza dei Signori проходятъ подъ аркой, подъ сводомъ которой виситъ огромная кость, ребро гиганта, по преданію. Andiamo bosso la costa [1]), говорятъ итальянцы».

[1]) Пойдемъ подъ ребро.

Пріѣхали мы въ Венецію подъ вечеръ, остановились въ отелѣ «Luna» и сейчасъ же отправились на площадь Св. Марка. Ее, при вечернемъ освѣщеніи, можно сравнить только съ гигантской бальной залой. Разодѣтая публика гуляетъ, сидитъ за столиками; австрійскій оркестръ играетъ превосходно. Итальянцевъ почти совсѣмъ нѣтъ въ этой толпѣ. Коренное населеніе Венеціи какъ бы не существовало въ то время, его нигдѣ не было видно, и потому не было свойственной итальянскимъ городамъ жизни.

Тяжелое впечатлѣніе производилъ этотъ замершій городъ. Самые великолѣпные дворцы были заняты подъ казармы; въ окнахъ и на мраморныхъ балконахъ сушились принадлежности солдатскаго костюма. Тамъ, гдѣ царствовала безумная роскошь, куда съѣзжались люди со всего свѣта полюбоваться пышными праздниками сильнаго и жизнерадостнаго народа, теперь колотились лишь кое-гдѣ оторванныя ставни и шуршали отпадающіе куски скульптурныхъ украшеній. «Венеціанскій дворецъ,—писала я,—занятый австрійскими солдатами, похожъ на человѣка, погибающаго отъ болѣзни, на тѣло, загнившее прежде, чѣмъ отлетѣлъ духъ». Театры, кромѣ одного, всѣ закрыты; карнавалъ не празднуется; черныя гондолы будто носятъ трауръ по Венеціи. Только ночью отдыхаешь, не видя оскорбляющаго глазъ безобразія. Луна свѣтитъ ярче, чѣмъ въ Неаполѣ; бѣломраморные, подъ ея лучами, дворцы отражаются въ водѣ; ритмически покачиваясь, скользитъ по блистающимъ струямъ гондола... Хороша Венеція ночью, дивно хороша, но молчитъ она, не звучатъ прежнія пѣсни, не ликуетъ жизнь... «Рабы, влачащіе оковы, свободныхъ пѣсенъ не поютъ»...

Еслибы не чувствовался этотъ гнетъ, кажется не разстаться бы съ Венеціей, такъ божественно хороша она. Здѣсь не одну какую-нибудь площадь, не одинъ дворецъ или храмъ вы должны итти смотрѣть: здѣсь в с е старина, ничего нѣтъ новаго, вы сразу попадаете прямо въ XIII, XIV вѣкъ. Это не то, что въ Помпеѣ, гдѣ только развалины; здѣсь люди живутъ въ тѣхъ же домахъ, гдѣ жили ихъ предки, ходятъ по тѣмъ-же, позеленѣлымъ отъ моха мокрымъ ступенямъ, смотрятъ въ окна, изукрашенныя тѣми же рѣшетками. И люди какіе то отсталые, мечтательные, должно быть веселые, когда свободны, теперь грустные, какъ птицы въ клѣткахъ. А природа манитъ и сіяетъ! Воздухъ мягкій, влажный; колорита такого, какъ въ Венеціи, нѣтъ нигдѣ: облака среди дня розовыя, какъ въ другихъ мѣстахъ при закатѣ; желтые, красные и расписные паруса горятъ; въ каналахъ дрожитъ вода, отражая неисчислимыя разнообразія тоновъ и оттѣнковъ, которые блестятъ, переливаются, играютъ въ ней; каждый каналъ—живая лента, ожерелье изъ драгоцѣнныхъ камней, и во всемъ этомъ нѣтъ кричащей яркости, тѣни бѣловатыя, общій тонъ свѣтлый, мягкій. Дѣйствительно, Венеція—это волшебный сонъ!.. Лѣниво покачиваясь въ гондолѣ, глядя на неизрѣченную красоту безшумнаго и безпыльнаго города, забываешь жить,—вѣчно бы плылъ, вѣчно качался, вѣчно смотрѣлъ ненаглядно... .

Площадь Св. Марка, съ гуляющими иностранцами, съ массой голубей, одна имѣла нѣсколько жилой видъ. Чтобы окинуть взоромъ и оцѣнить оригинальную прелесть этой площади, надо стать наверху ступеней колоннады противоположной церк-

ви. По бокамъ тянутся аркады дворцовъ, какъ бы ведущія глазъ къ собору. Только поднявшись на эту лѣстницу можно судить о гармоніи формъ куполовъ, которые снизу слишкомъ закрыты самымъ зданіемъ, (фотографы всѣ дѣлаютъ ошибку, снимая снизу). Я не видала Св. Софіи, но изъ всѣхъ произведеній зодчества, видѣнныхъ мною, храмъ Св. Марка для меня самое великолѣпное, самое очаровательное. Блѣдно-сіяющій, легкій, гармоничный, возносится онъ передъ вами, какъ сгустившееся облако, какъ неземное видѣніе. Пестрота его колоннъ, золото мозаикъ, разноцвѣтность камней—все сливается въ золотисто-бѣлый, сказочный тонъ, ласкающій и манящій.

Обидно стало мнѣ за себя, что и я употребляла презрительное слово «византійщина»; здѣсь меня глубоко плѣнилъ именно «византійскій духъ» Св. Марка. Войдя внутрь храма, мнѣ показалось, что я вошла въ православную церковь; на меня повѣяло чѣмъ-то старымъ, давно знакомымъ, роднымъ. Все тамъ прекрасно, таинственно, не отъ міра сего! Любовь видна въ скромной роскоши и разнообразіи убранства. Не одинъ человѣкъ это создалъ, а всѣ. Всякій несъ сюда свою вѣру, свое доброе желанье, свой усердный трудъ, не для себя, не для прославленія своего имени, а для украшенія святыни родного края. Не деньги были наградой художникамъ-рабочимъ, съ тщательностью и усердіемъ распиливавшимъ мраморныя доски, стараясь подобрать рисунки и жилы въ камнѣ и сложить такъ, чтобы изъ нихъ составился орнаментъ. Я какъ бы ощутила эту любовь, я чуть не расплакалась. Мнѣ казалось, что и я, еслибъ смѣла, съ радостью внесла бы сюда трудъ рукъ моихъ...

Во дворцѣ дожей также чувствовалось, что все дѣлалось здѣсь не для отдѣльной личности, а для всѣхъ, что гордились не своей славой, а славой республики, родины. Мнѣ, конечно, менѣе нравилась надменная Венеція XV-го, XVI-го столѣтій, но и тутъ, какъ въ Римѣ, все выросло естественно и составляло одно цѣлое; только Кампанилла, по моему мнѣнію, нарушала своей тяжелой массой общій характеръ и некрасиво перерѣзывала соединеніе линій церкви и дворца. Даже бронзовые гиганты, взмахивающіе своими молотами на часовой башнѣ, нравились мнѣ и шли сюда. Кромѣ этой площади,—нарядной части Венеціи,—столько въ ней еще чудныхъ старыхъ церквей, дворцовъ, двориковъ, мостиковъ, стѣнъ, обросшихъ мхомъ, узкихъ улицъ! Во всей Венеціи нѣтъ ни одного мѣстечка некрасиваго или банальнаго; видѣть надо это все, а не описывать. «Городъ до того оригинально красивъ, что умирать, не видѣвши его, не слѣдуетъ»—недаромъ сказалъ Герценъ.

Попали мы, какъ-то, въ Ghetto; около колодца стояла молодая женщина, вѣроятно еврейка. Ни въ жизни, ни въ картинахъ не видала я подобной красоты. Я не спускала съ нея жадныхъ глазъ: румянецъ пробивается сквозь матово-смуглый цвѣтъ лица; глаза—какъ у газели; крѣпкій и гибкій станъ; на головѣ удивительный платокъ съ разноцвѣтной длинной бахромой, мѣшавшейся съ черными косами, перевитыми серебряными бусами; длинныя звенящія серьги. Доставъ воды, она поставила на плечо длинный мѣдный кувшинъ и собралась уходить. Я не выдержала и воскликнула: «постойте, не уходите! Дайте еще полюбоваться на

васъ, siete tanto bella!» Полная спокойнымъ сознаніемъ своей красоты, она обернулась и стояла передо мной нѣсколько мгновеній, гордая, какъ богиня, нѣчто безцѣнное дарующая смертному; потомъ улыбнулась, открывъ перлы своихъ зубовъ, слегка поклонилась и пошла граціозно колыхающеюся походкой.

Венеція—это былъ заключительный аккордъ моей итальянской симфоніи. Простите, мои юные восторги! Прости, «волшебный край, страна высокихъ вдохновеній!»

XXXIII.

Какъ путешественникъ забвенный,
Я чуждымъ сталъ между родныхъ
Лермонтовъ

Пришла пора, она влюбилась.
Пушкинъ.

Тріестъ остался у меня въ памяти только необыкновенно вкуснымъ мороженымъ, которое мы тамъ ѣли. Въ Дрезденѣ мы прожили нѣсколько дней, вспоминая пріятно проведенное здѣсь, два года тому назадъ, время, когда все было для меня ново, когда впечатлѣнія мои были такъ свѣжи. Чего, чего я не ожидала тогда отъ нашего путешествія! «Это только начало,—думала я,—а что будетъ дальше: во Франціи, въ Англіи, въ Италіи! Сколько знаній я наберусь, сколько будетъ интересныхъ встрѣчъ!» Во многомъ я разочаровалась, много надеждъ не осуществилось. Я находила, что въ эти два года я пріобрѣла слишкомъ мало знаній, и вмѣсто того, чтобы нравственно усовершенствоваться, стала хуже, чѣмъ была прежде. «Я считаю нашу поѣздку неудавшеюся,—продолжала я,—не потому, чтобы она была не хороша, она была восхитительна, особенно въ Италіи, но, главное, потому, что она была несвоевременна: я провела въ бездѣйствіи, въ созерцаніи два лучшіе года моей жизни!» Что я могла пріобрѣсти больше пользы отъ путешествія при другихъ условіяхъ—это несомнѣн-

но; но говорить о несвоевременности нашей поѣздки не совсѣмъ справедливо. Оторванность на такое долгое время отъ окружавшей на родинѣ среды, жизнь разсѣянная и праздная, могли дурно повліять на нравственную сторону моего развитія, но зато путешествіе наше придало силу и ясность моему стремленію заниматься искусствомъ, а это послѣднее—такое счастье, за которое нельзя достаточно благодарить судьбу. Несмотря на пессимистическій взглядъ на нашу поѣздку, чѣмъ ближе подвигались мы къ сѣверу, тѣмъ болѣе тосковала я по Италіи. «Какое разстояніе отдѣляетъ уже меня отъ моей возлюбленной Италіи,—восклицала я;—теперь уже никакія обстоятельства не заставятъ насъ возвратиться туда. Никогда не увижу я ея неба, ни языка ея не услышу! Скоро буду въ этомъ Петербургѣ, при одной мысли о которомъ у меня замерзаетъ сердце. А между тѣмъ т а м ъ начнется моя настоящая жизнь».

Такъ всегда бывало со мной: никогда я не была довольна настоящимъ, всегда ждала чего-то особеннаго, что начнется въ будущемъ. Да и со мной ли одной? Еслибъ не было этихъ неудовольствій, надеждъ, стремленій, застыло бы въ покоѣ человѣчество и не шло бы впередъ.

Россія встрѣтила насъ холодомъ, сыростью, хотя былъ только конецъ августа, да еще невозможными безпорядками на желѣзной дорогѣ. Пріѣхали мы въ Вильну, измученные и возмущенные; попали въ гостиницу, гдѣ не было ни рукомойниковъ, ни чистаго бѣлья, ни порядочныхъ постелей. Въ два года мы отвыкли отъ русскихъ обычаевъ, и тяжелы они намъ показались. Въ Вильнѣ мы посѣтили на-

шихъ молодыхъ родственниковъ Барыковыхъ и услышали отъ нихъ, что отношенія между поляками и русскими все больше обостряются и что послѣднимъ жить въ Польшѣ становится невыносимымъ.

Наконецъ я была въ объятіяхъ тети! Мы съ Ольгой помѣстились у нея, а отецъ съ матерью остались въ отелѣ до пріисканія квартиры. Большая радость была для меня свидѣться съ добрыми друзьями. Къ сожалѣнію К. больше не было въ Петербургѣ. Я его никогда болѣе не видала въ жизни. Очень меня тронулъ мой кингъ-чарльсъ Тоби, остававшійся у Костомарова: онъ не только узналъ меня, но такъ обрадовался, что не могъ перестать визжать и прыгать. Онъ не пошелъ съ Н. И., хотя потомъ всякій разъ радовался его приходу къ намъ. Съ меня онъ положительно не спускалъ глазъ, какъ бы боясь, чтобъ я опять не уѣхала.

Большую перемѣну нашла я на родинѣ. Отъ прекраснаго, общаго, воодушевленнаго, радостно-добраго настроенія конца пятидесятыхъ годовъ не осталось и слѣда. Люди раздѣлились на партіи; возникъ нигилизмъ. Въ 59—60-мъ году я себя чувствовала солидарной со всей молодежью, всякій студентъ казался мнѣ братомъ; теперь они были мнѣ чужіе и я чужой была имъ. Это понятно: проживъ два года внѣ русскаго движенья, я не видѣла постепенной эволюціи взглядовъ и чувствъ молодежи, и все, что сразу предстало передо мной, показалось мнѣ дикимъ. О томъ, что я называла «соціализмомъ», я писала: «это недостижимая мечта, но, какъ идея, она облагораживаетъ стремящихся къ ней. Пусть человѣкъ никогда не достигнетъ совершенства, но пусть онъ стремится къ нему». Къ

революціонерамъ я питала большую симпатію, хотя не знала никого изъ нихъ лично. Но все это было не то мирное, пышное развитіе жизни страны, котораго я ожидала, въ которомъ была такъ увѣрена прежде. Я не могла пристать ни къ одной партіи, ни къ одному кружку, не могла согласиться вполнѣ ни съ однимъ изъ ихъ «убѣжденій». О моихъ наивныхъ мечтахъ сдѣлаться какой-то Іоанной д'Аркъ я даже и не вспомнила; онѣ молча канули въ лету.

Нигилизмъ произвелъ на меня тяжелое впечатлѣніе своей грубой формой: она невольно отталкивала меня. Я не могла выносить безъ глубокаго возмущенья, когда говорили при мнѣ, что всякій сапожникъ выше Пушкина, что Татьяна—пошлая дура, потому что не убѣжала съ Онѣгинымъ, что вѣрность въ любви—нелѣпый предразсудокъ; я не могла понять, почему русскія учащіяся женщины должны быть грязно и неряшливо одѣты, когда заграничныя прачки и кухарки, которыя работаютъ ужъ конечно не меньше ихъ, всегда такъ аккуратны; не понимала, какъ можно не найти времени причесаться, когда самыя густыя косы можно расчесать въ нѣсколько минутъ. И еще многое другое было мнѣ не по душѣ.

Конечно, дурное скорѣе бросается въ глаза, чѣмъ хорошее; только постепенно стала я разбираться, отдѣлять пшеницу отъ плевелъ, понимать, что отталкивающее меня было неизбѣжной, при быстрой ломкѣ прежняго, оборотной стороной того направленія, которе принесло много пользы Россіи. Новые пути такъ прельстили молодыя головы, что, какъ это всегда бываетъ при крайнихъ увлеченіяхъ,

все старое пошло на смарку, вмѣстѣ съ дурнымъ—и хорошее. Постепенно стала я присматриваться и къ тому благому, что возникало въ то время. Многіе дѣйствительно вредные предразсудки были откинуты, въ отношеніяхъ людей между собою явилось болѣе простоты и искренности; развивались воскресныя школы, устраивались женскіе курсы. Молодыя женщины упорно добивались серьезнаго образованія, самостоятельности въ трудѣ, возможности принести пользу людямъ. Лучшія изъ нихъ нашли доступъ въ Медицинскую Академію. Это были чистыя души, ради идеи ломавшія свою личную жизнь; онѣ побороли невѣроятныя трудности, стоявшія на ихъ пути піонерокъ. Это были стойкія героини и имена ихъ принадлежатъ исторіи. Сколько идеализма было тогда въ людяхъ, считавшихъ себя матеріалистами!..

Когда улеглось первое разочарованіе, я сама начала многимъ увлекаться. Ни на одну минуту не поддалась я отрицанію искусства и красоты, но моя любовь къ исторіи и литературѣ замѣнялась интересомъ къ естественнымъ и соціальнымъ наукамъ. Я читала еще и Курціуса, и Куно Фишера, но съ жадностью набросилась на Фохта, Спенсера, Льюиса, Чернышевскаго, Добролюбова, Помяловскаго. Больше всего увлеклась я Дарвиномъ. Еще раньше, послѣ впечатлѣнія, которое произвели на меня рѣчи Бейлей, физическое родство съ природой перестало оскорблять меня, а Дарвинъ приводилъ къ такому торжественному единенію все мірозданіе!

Я въ эту осень много читала, говорила, спорила, но несмотря на то, что въ этомъ было много интереснаго и захватывающаго, со мной вдругъ про-

E L Orme

изошла казавшаяся странной и неожиданной перемѣна. «Мнѣ надоѣли ученыя рѣчи,—писала я въ моемъ дневникѣ;—я хочу суетности, удовольствій, молодой жизни; хочу играть на сценѣ, читать Пушкина, хочу любить!.. Я знаю, что это суета, но я хочу испытать весь этотъ прекрасный вздоръ, и если это мнѣ не удастся, я сдѣлаюсь самымъ отвратительнымъ и несчастнымъ человѣкомъ»... Мать моя только и думала о томъ, что пора меня «вывозить», и воспользовалась моимъ новымъ настроеніемъ. Пошли балы, вечера, театры, концерты, пикники, ухаживанія, предложенія, влюбленія!.. Одинъ пикникъ остался у меня въ памяти, потому что мы чуть не погибли. Собралась насъ большая компанія ѣхать въ Стрѣльну, верстъ пятнадцать отъ Петербурга, къ знаменитому тогда Огюсту. Вслѣдствіе поднявшейся въ этотъ день вьюги, почти всѣ отказались отъ поѣздки; насъ, храбрыхъ, осталось человѣкъ шестнадцать. Я, всегда выдумывавшая что-нибудь особенное, предложила отправиться не по дорогѣ, а по Невѣ. Такъ какъ я была всеобщимъ баловнемъ, то на мое желаніе неблагоразумно согласились. Ямщики возражали, но кто же слушается свѣдущихъ людей?!

Снѣжная мятель такъ разыгралась, что мы сбились съ дороги, при чемъ наши тройки часто разъединялись и съ трудомъ отыскивали другъ друга. Наконецъ, наши кучера остановились. «Поѣзжайте, ради Бога, хоть куда-нибудь, не замерзать же здѣсь!»—молили мы.—«Нѣтъ, ужъ куда ѣхать! Въ полынью попадешь»,—отвѣчали ямщики. Они ходили кругомъ, отметали, какъ могли, снѣгъ, который грозилъ совсѣмъ замести насъ. Долго такъ

оставаться было рѣшительно невозможно, надо было куда-нибудь двинуться. «Ну, Митричъ, ступай впередъ»,—говорилъ одинъ ямщикъ.—«Ишь ты!—отвѣчалъ другой;—мнѣ, чай, жизнь тоже дорога. Ступай самъ». Послѣ разныхъ пререканій, кучеръ нашей тройки рѣшился. «Выноси, святой Сергій!»—сказалъ онъ, крестясь, и тронулъ. Застоявшіяся лошади побѣжали быстро. Вдругъ раздался подъ нами трескъ, всѣ трое саней осѣли, брызнула вода, изъ экипажей раздался отчаянный крикъ... По счастью, это была не полынья: мы проломили только верхній, подмерзшій слой льда. Ночь была непроглядно черна, отъ метущаго снѣга совсѣмъ близко ничего не было видно. Мы безнадежно стояли, почти занесенные снѣгомъ. Кому-то оттирали отмороженную щеку; одна дама, съ громкимъ рыданіемъ, умоляла тѣхъ, кто спасется, не оставить ея дѣтей... Одинъ изъ нашихъ спутниковъ рѣшился хоть что-нибудь предпринять, и почти ползкомъ, отправился искать путь. Онъ исчезъ изъ виду, и къ общей заботѣ прибавился страхъ за него. Къ счастью, онъ благополучно вернулся, потерявъ только калоши и шапку, и принесъ, какъ голубь въ Ноевъ ковчегъ, сломанную съ куста вѣточку: значитъ, земля была близко. Тронулись по указанному имъ направленію и подъѣхали къ какому-то забору, за которымъ вдали, когда вѣтеръ раздувалъ метель, мелькалъ огонекъ. Пришлось итти пѣшкомъ по поясъ въ снѣгу, перелѣзать какіе-то плетни. Сани, опрокидываясь, ѣхали напроломъ. «Дорога!»—радостно закричали ямщики. Мы сѣли, съѣхали внизъ на бѣлую полосу, которую считали дорогой, и быстро понеслись по ней. «Стой, стой! Куда лѣ-

зешь? Стой! Потонешь!»—раздалось почти надъ нашей головой. Кучера сразу осадили лошадей и мы увидѣли надъ собою мостъ и на немъ кричавшаго намъ человѣка. Оказалось, что мы находились не на дорогѣ, а на рѣкѣ и катили прямо въ прорубь, устроенную во всю ширину рѣки, кажется,— для ловли рыбы. Такимъ образомъ мы совершенно случайно избѣгли гибели. Проплутали мы часовъ десять или двѣнадцать. Зато, когда мы обсушились, вытерли ноги водкой, выпили чаю съ ромомъ, сдѣлалось такъ весело, какъ бываетъ только, когда избѣгнешь явной опасности. Былъ съ нами одинъ господинъ, который ухаживалъ за мной, и другой, которымъ я интересовалась, но который былъ неравнодушенъ къ моей подругѣ. Es ist eine alte Geschichte»...

Нѣсколько нашихъ хорошихъ знакомыхъ участвовали въ спектакляхъ, устраиваемыхъ въ Академіи Художествъ. Мнѣ въ то время страстно хотѣлось играть; я говорила, что чувствую въ себѣ талантъ. Я знала, что хорошо читаю, что обладаю подвижной мимикой и блестящей памятью, но одно удерживало меня: некрасивый тембръ и недостаточная гибкость моего голоса. Разъ давали въ Академіи переводную мелодраму: «Ролла во Флоренціи», гдѣ на сцену являлся, между прочимъ, Микель Анджело, роль котораго исполнялъ хорошо г. Прохоровъ. Вообще всѣ играли хорошо, кромѣ самой героини, которая зато была писанная красавица. Въ виду того, что спектакль устраивался художниками, будетъ излишне говорить о безукоризненности костюмовъ и гримма. Увидѣвъ на сценѣ художника Зауервейда, дѣйствительно превосходно исполнявшаго глав-

ную роль, я тотчасъ же «заинтересовалась» имъ, воспылала неудержимымъ желаніемъ играть съ нимъ и начала хлопотать о томъ, чтобы устроить дома немноголюдный спектакль, но, по разнымъ обстоятельствамъ, мнѣ пришлось оставить этотъ планъ.

Мы жили на Конногвардейскомъ бульварѣ, въ домѣ Мусина-Пушкина; кромѣ насъ жили въ немъ еще двѣ семьи—Козловы и Лихонины. У доктора Козлова были двѣ дочери; старшая только что вышла замужъ, вторая была еще очень молода, но уже невѣста; мы сошлись съ нею, но она мало выѣзжала. Вся семья Лихониныхъ, и сыновья, и дочери, вращались въ томъ же академическомъ кругу, который и я чаще всего посѣщала. Въ этомъ кружкѣ было рѣдкое собраніе красивыхъ дѣвушекъ, самыхъ разнообразныхъ типовъ. Были двѣ очаровательныя рыженькія англичанки, была одна барышня величественной, ослѣпительной красоты, двѣ-три прелестныя блондинки. Лилюша Бруни представляла изъ себя настоящій типъ красавицы-римлянки, Софи Брюллова—высока, стройна и красива, Юленька Тонъ—восхитительная, фарфоровая куколка; Джесси Каррикъ была хорошимъ образцомъ англійской красоты. Всѣ онѣ были моими подругами дѣтства, но теперь я ближе сошлась съ ними. Мы знали тайны другъ друга, кто за кѣмъ ухаживаетъ, кто чей «предметъ», помогали другъ другу, если надо было устроить, чтобы подходящіе люди танцовали вмѣстѣ или чтобы дать имъ возможность поболтать. Оказывать такого рода покровительство я очень любила и была довольна, когда довѣрялись мнѣ. Мы танцовали каждый Божій день до утра. Я была

абонирована въ оперѣ, не пропускала ни одного перваго представленія новой пьесы, всю масленицу бывала въ театрѣ два раза въ день, изъ театра отправлялась на балъ, бывала иногда на двухъ балахъ въ одинъ вечеръ!.. Удивительно было то, что я нисколько не уставала физически, была здорова и такъ свѣжа, какъ еслибы вела самый правильный образъ жизни въ деревнѣ. Я испытала вполнѣ тотъ «прекрасный вздоръ», о которомъ мечтала, но получила нѣкоторое удовлетвореніе только сначала, скоро стала чувствовать нравственную усталость и презрѣніе къ себѣ. Одно удовольствіе слѣдовало за другимъ и я не умѣла остановить верченіе этого колеса. «Какъ вы измѣнились!—говорилъ мнѣ Костомаровъ.—Вы стали равнодушны къ наукѣ; въ васъ проявляется суетность, чего прежде и тѣни не было. Вы постоянно заняты в а ш и м ъ характеромъ, в а ш е й жизнью, постоянно думаете только о с е б ѣ. Берегитесь этого; это доведетъ васъ до того, что вы станете дюжинной женщиной». Разъ принесъ онъ мнѣ въ подарокъ только что вышедшія книжки его послѣдней работы: «Сѣверноруссkія народоправства», и сказалъ: «вы это не прочтете».—«Отчего?»—«Скучно покажется вамъ т е п е р ь, ни за что не дочтете».—«Нѣтъ, прочту».—«Увѣренъ, что нѣтъ». Хотя можетъ быть съ меньшимъ интересомъ, чѣмъ прежде, но я прочла эту вещь.

Въ Петербургѣ пользовался большой извѣстностью профессоръ медицинской академіи Э. А. Юнге. Онъ былъ положительно кумиромъ петербургскихъ дамъ. На его музыкальные вечера собиралась немалая часть петербургскаго общества. Одинъ разъ, узнавъ, что онъ любитъ цвѣтъ pensée, всѣ дамы пріѣхали

къ нему въ платьяхъ этого цвѣта. Мнѣ такъ прожужжали уши разсказами о его красотѣ, умѣ, любезности, что мнѣ сдѣлалось противно, и я даже не нашла его красивымъ, когда мнѣ его показали въ концертѣ.

Когда мой отецъ, на обратномъ пути изъ-за границы, заѣхалъ къ Грефе и не засталъ его въ Берлинѣ, одинъ изъ ассистентовъ сказалъ: у васъ есть свой Грефе въ Петербургѣ—проф. Юнге». По пріѣздѣ папа сейчасъ же отправился къ нему и всю зиму лечился у него. Мать моя иногда ѣздила съ отцомъ въ лечебницу и начала приставать ко мнѣ, чтобы я поѣхала посовѣтоваться, насчетъ увеличивавшейся у меня въ послѣднее время близорукости. Такъ какъ мама дѣлала особенное удареніе на слова: «ты должна поѣхать, хотя бы, чтобъ посмотрѣть на него», я всю зиму отказывалась, но наконецъ, уже весною, какъ всегда, дала себя уговорить. Мы просидѣли съ докторомъ, позабывъ объ остальныхъ паціентахъ, болѣе часа, говорили обо всемъ на свѣтѣ, кромѣ моей близорукости, для леченія которой онъ только посовѣтовалъ мнѣ употреблять глазные души; помню, что мы, между прочимъ, много говорили о только что вышедшемъ романѣ Чернышевскаго: «Что дѣлать».

Упомянувъ о романѣ этомъ, не могу не сдѣлать маленькаго отступленія отъ своего разсказа и не выразить моего удивленія тому, какъ долго могутъ держаться въ публикѣ распускаемыя праздными людьми басни. Недавно пришлось мнѣ прочесть въ серьезной газетѣ, что Чернышевскій, въ своемъ романѣ, описалъ событіе изъ жизни Ивана Михайловича Сѣченова. Это совершенная неправда. Романъ

былъ написанъ въ 1863-мъ году, а Иванъ Михайловичъ женился гораздо позже, когда авторъ «Что дѣлать» былъ въ ссылкѣ, и, стало быть, ничего объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ этотъ бракъ, знать не могъ.

Возвращаюсь къ перемѣнѣ, которая снова произошла въ моемъ настроеніи весною 1863-го года: я возненавидѣла проведенное въ безтолковыхъ увеселеніяхъ время и съ радостью уѣхала въ Финляндію. Я тогда, какъ разъ «интересовалась» однимъ красивымъ молодымъ человѣкомъ, поѣхавшимъ, такъ же какъ и Н. А. Сѣверцевъ, съ нами. Не красотой увлекалась я,—я не обращала никакого вниманія на наружность,—а тѣмъ, что онъ показался мнѣ очень умнымъ. Мой другъ, Н. А. Сѣверцевъ, не одобрялъ моего расположенія къ этому человѣку, но благоразумно молчалъ, ожидая, что оно пройдетъ само собой. Такъ и вышло: узнавъ ближе N. N., я разочаровалась, это увлеченіе прошло такъ же быстро, какъ прежнія, но оно оставило во мнѣ непріятный слѣдъ. Всѣ, кѣмъ я интересовалась раньше, были прекрасные люди, здѣсь же я ошиблась въ своей оцѣнкѣ. Это было обидно моему самолюбію; кромѣ того, я, по легкомыслію, а, главнымъ образомъ, поддавшись насмѣшкамъ N. N., была причиной погибели моего бѣднаго Тоби, который положительно принесъ жизнь въ жертву своей привязанности ко мнѣ. Это, какъ преступленіе, лежало на душѣ моей, такъ что даже воспоминаніе о N. N. стало для меня тяжелымъ. Странно было, что въ самое время моего увлеченія я постоянно думала объ Юнге; при каждомъ моемъ поступкѣ, я говорила себѣ: «еслибъ онъ это зналъ, онъ, вѣрно, осудилъ бы меня», или «а что бы онъ на это сказалъ?»

У насъ многіе гостили это лѣто, пріѣхалъ и Юнге. Мы проводили въ разговорахъ чуть не цѣлыя ночи; онъ разсказывалъ о совмѣстныхъ занятіяхъ съ Грефе и Гельмгольцомъ; объ экскурсіяхъ съ послѣднимъ по Швейцаріи; о молодомъ задорѣ, заставлявшемъ его любить и искать опасность. Разсказывалъ объ Африкѣ, куда онъ былъ командированъ для изученія, постоянно свирѣпствующей на востокѣ, офтальміи; объ опасностяхъ, которымъ подвергался, рѣшившись, подъ видомъ араба и въ сопровожденіи одного только проводника-спаиса, проникнуть вглубь страны, гдѣ до него не бывала нога европейца. Описывалъ роскошныя «фантазіи», ни съ чѣмъ несравнимое обаяніе Египта, пунцовые закаты и зеленыя тѣни пустыни...

Подъ свѣжимъ еще впечатлѣніемъ недавно пережитаго, онъ говорилъ такъ жизненно, такъ колоритно, такъ красиво, что я слушала зачарованная... А днемъ мы ѣздили верхомъ со всѣмъ нашимъ обществомъ, но такія удивительныя намъ попадались лошади, что мы все оставались вмѣстѣ вдвоемъ и отставали отъ прочихъ!.. Разсказывать ли дальше?.. Я полюбила, полюбила настоящимъ образомъ, и весь міръ показался мнѣ краше, и всѣ люди добрѣе, и родныхъ моихъ я стала любить нѣжнѣе, и больно стало мнѣ отказывать тѣмъ, кто просилъ моей руки. Послѣ трехъ мѣсяцевъ блаженства, необыкновеннаго мира душевнаго и счастья, я вышла замужъ.

Кончаю мои воспоминанія, какъ кончаются англійскіе романы, тогда, когда только начинается ж и з н ь, съ ея борьбою и заботами, съ ея счастьемъ и горемъ.

КОНЕЦЪ.

Миѳъ объ Амурѣ и Психеѣ уже не разъ служилъ темой для поэтовъ и художниковъ. До сихъ поръ никто не превзошелъ Апулея и изъ поэтовъ, вдохновлявшихся этимъ сюжетомъ, ему принадлежитъ первое мѣсто, какъ Рафаэлю среди художниковъ, иллюстрировавшихъ его. Одинъ изъ нашихъ литераторовъ прошлаго вѣка, Богдановичъ, посвятилъ свой талантъ поэтической передачѣ на русскомъ языкѣ того же сюжета подъ названіемъ *Душинька*. Графъ Толстой издаетъ теперь иллюстраціи къ ней. Не отклоняясь въ своей поэмѣ отъ античнаго изложенія миѳа объ Амурѣ и Психеѣ, Богдановичъ передаетъ ее въ шутливомъ, легкомъ тонѣ, съ удивительной, для его времени, чистотой и легкостью стиля. Иллюстраціи къ этой героически-комической поэмѣ строго соотвѣтствуютъ тексту. Богдановичъ, развивая греческій миѳъ, вводитъ въ него кое-какія фигуры изъ славянской миѳологіи. Графъ Толстой, вѣрный тексту поэта, счелъ долгомъ изобразить и ихъ: онъ полагаетъ, что ни Кощей, ни Горыничъ—миѳологическія фигуры, взятыя изъ славянской демонологіи—не оскорбятъ ничего и тѣмъ болѣе не навлекутъ осужденія на художника.

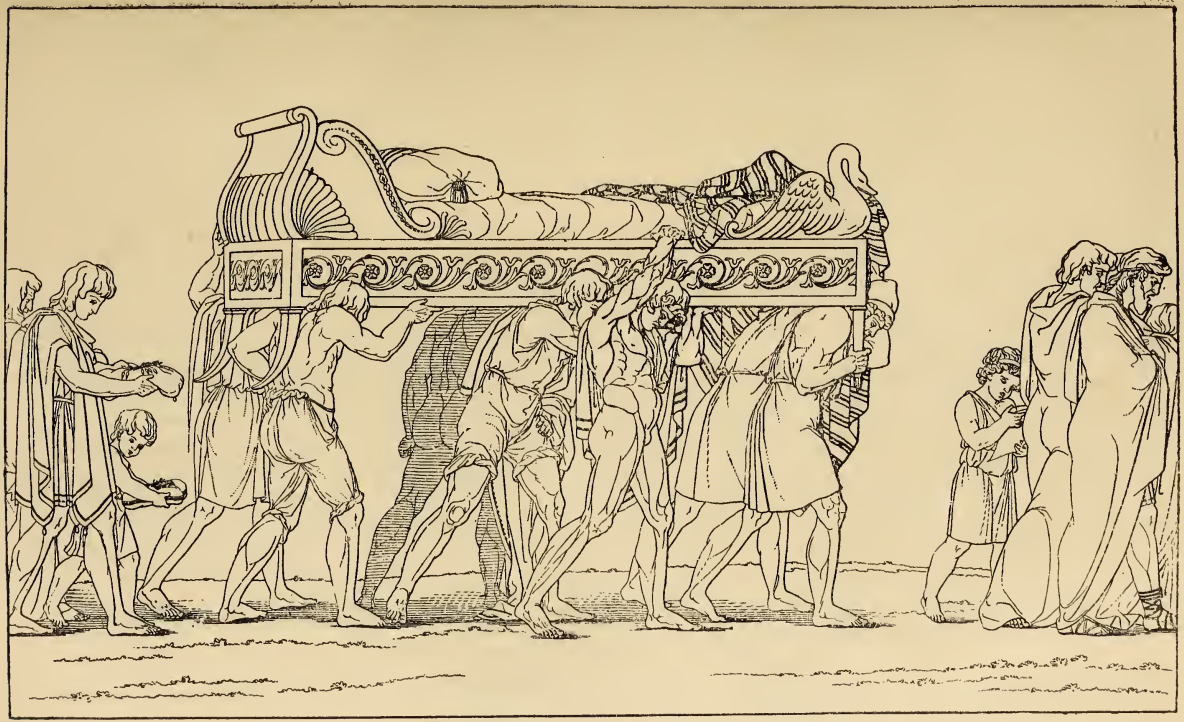
И добрый царь при томъ,
Друзей изъ доброй воли,
Откушать хлѣба-соли
Зывалъ въ свой царскій домъ.

Такая, Душенька, была твоя прослуга,
Когда весь міръ и вся Цитерская округа,
Оставя древнее прекрасно божество,
Тебя едину обожали,
И всѣ къ тебѣ бѣжали,
Твое умножить торжество.
Соперницы твоей не знала ты печали!

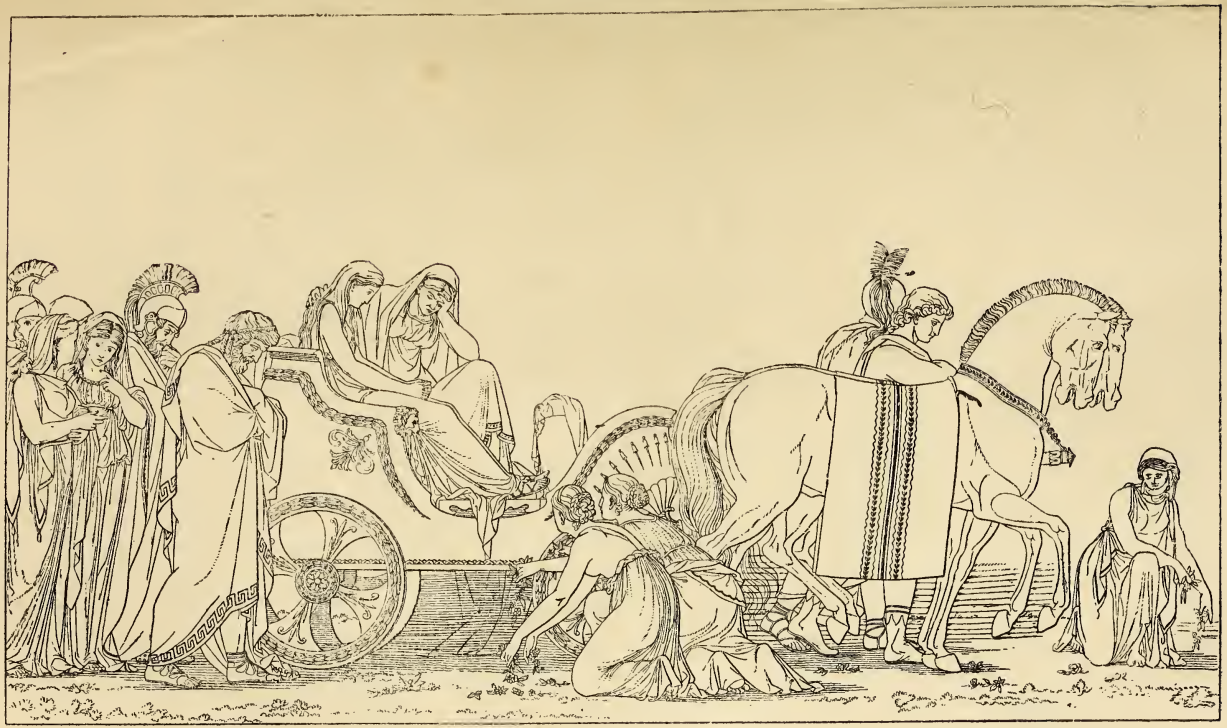
Но чтобы дѣломъ месть
Надъ нею произвесть,
Собравъ Венера ложь и всяку небылицу,
Велѣла наскоро, въ дорожну колесницу,
Шестнадцать почтовыхъ Зефировъ заложить,
Потомъ пустилась въ путь, Амура навѣстить.

„Амуръ, Амуръ! вступись за честь мою и славу,
„Яви свой судъ, яви управу“.

Богиня древній свой устроила парадъ,
И въ раковину сѣвъ, какъ пишутъ на картинахъ,
Пустилась по водамъ, на двухъ большихъ дельфинахъ.



„Шестнадцать человѣкъ, немного тѣхъ позадь,
„Несли хрустальную кровать,
„Въ которой Душенька любила почивать“.

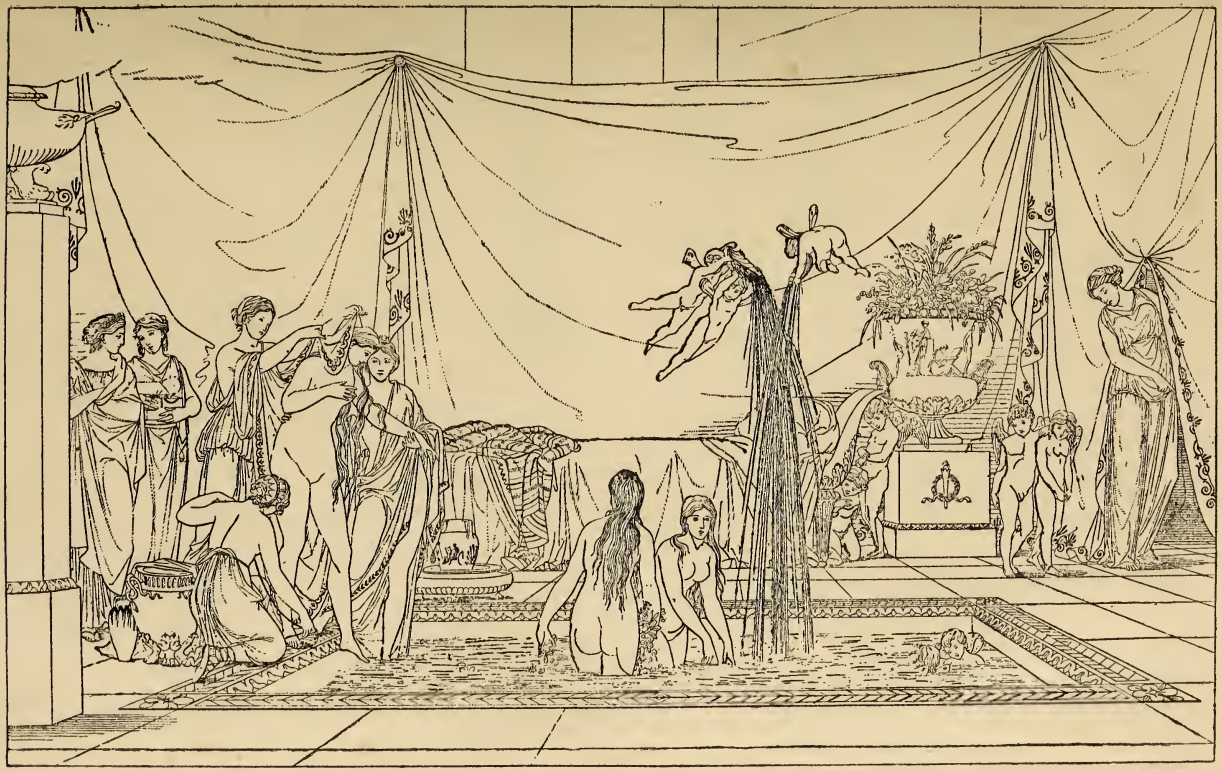


„Въ послѣдокъ ѣхала печальна колесница,
„Въ которой съ дочерью сидѣла мать-царица“.

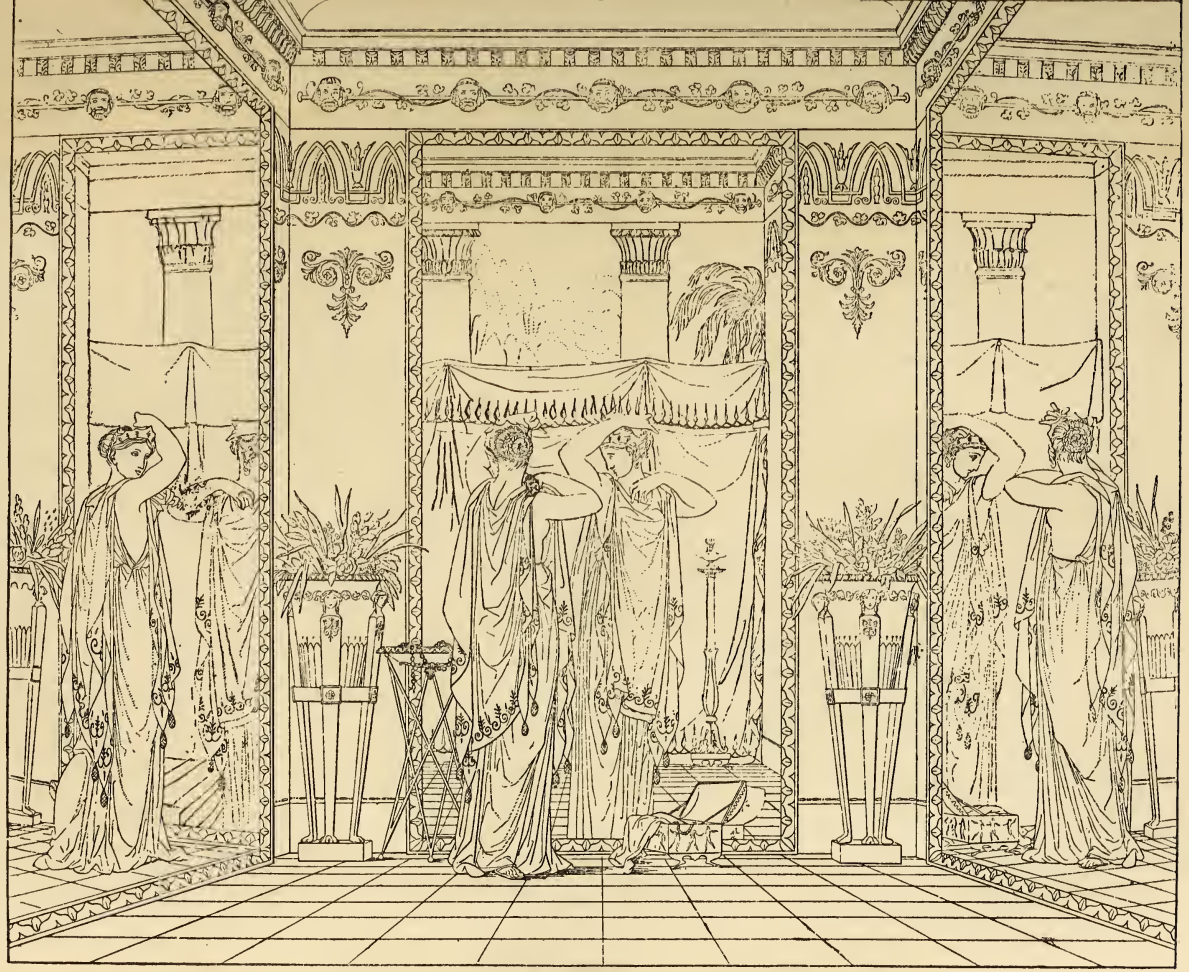
VIII

„Тогда и ночь,
„Одну увидѣвъ царску дочь,
„Покрылась чернымъ покрываломъ,
„И темнѣйшимъ лучемъ едва свѣтящихъ звѣздъ,
„Открыла въ мрачности весь ужасъ оныхъ мѣстъ“.

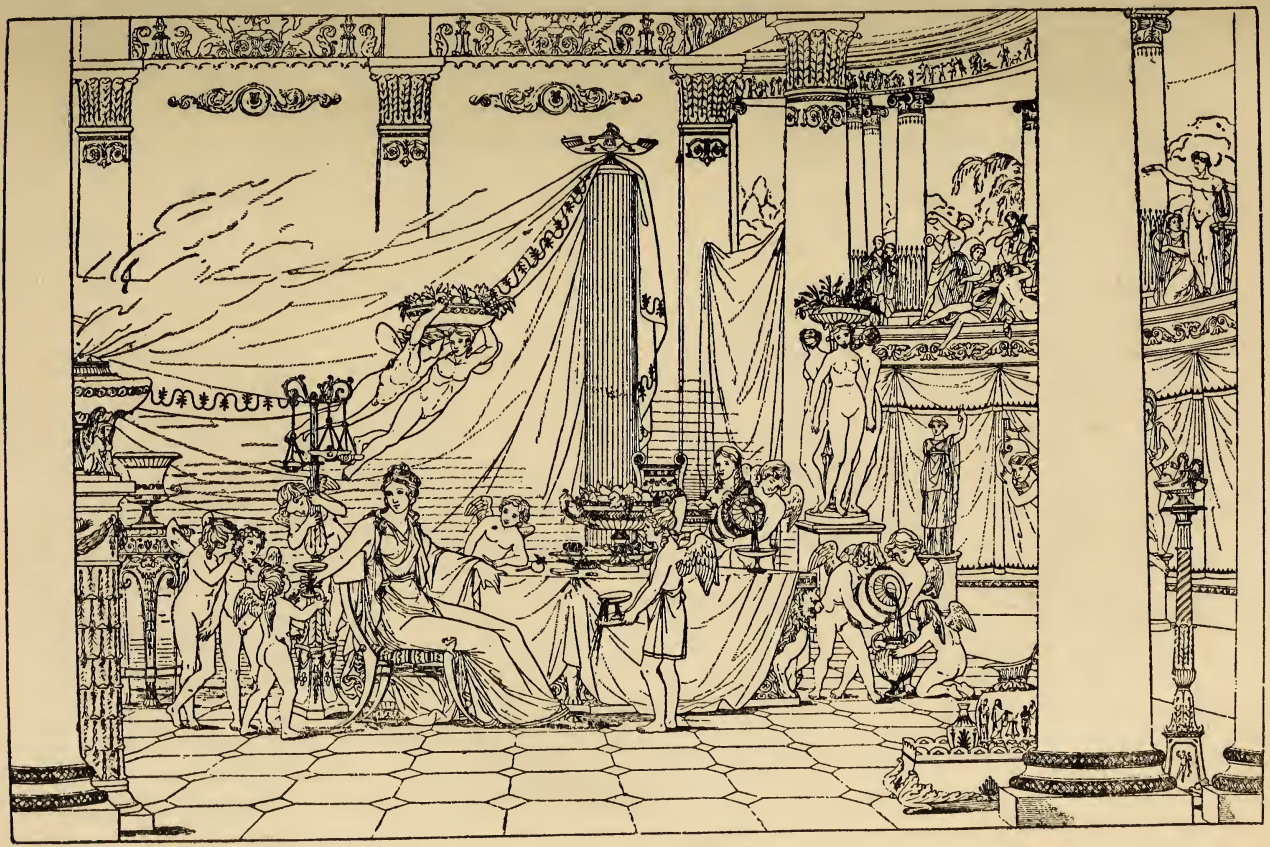
Тутъ взорамъ Душеньки открылась тьма чудесъ:
Сквозь рощу миртовыхъ и пальмовыхъ древесъ,
Великолѣпные представились чертоги,
Блестящіе среди безчисленныхъ огней,
И розами вездѣ усыпаны дороги;
Но розы блѣдный видъ являютъ передъ ней.



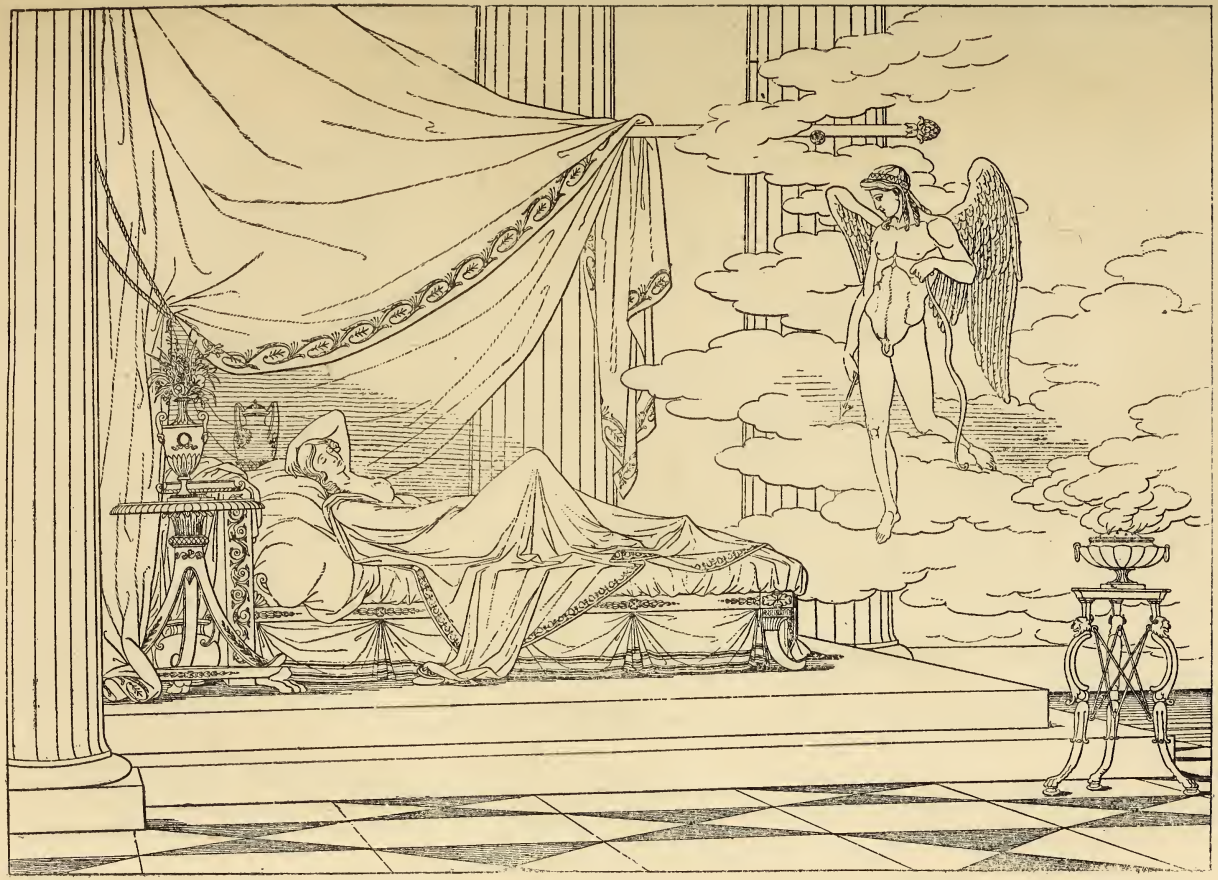
Оттуда сорокъ Нимфъ ввели ее въ чертоги,
Какіе созидать лишь только могутъ боги,
И тамо Душеньку, въ прохладѣ отъ дороги,
Въ готовую для ней купальню привели.



Плѣняяся своимъ прекраснѣйшимъ нарядомъ,
Желаетъ ли она смотрѣться въ зеркала?
Онѣ рождаются ея единымъ взглядомъ,
И по стѣнамъ стоятъ предъ ней великимъ рядомъ,
Дабы краса ея удвоена была.



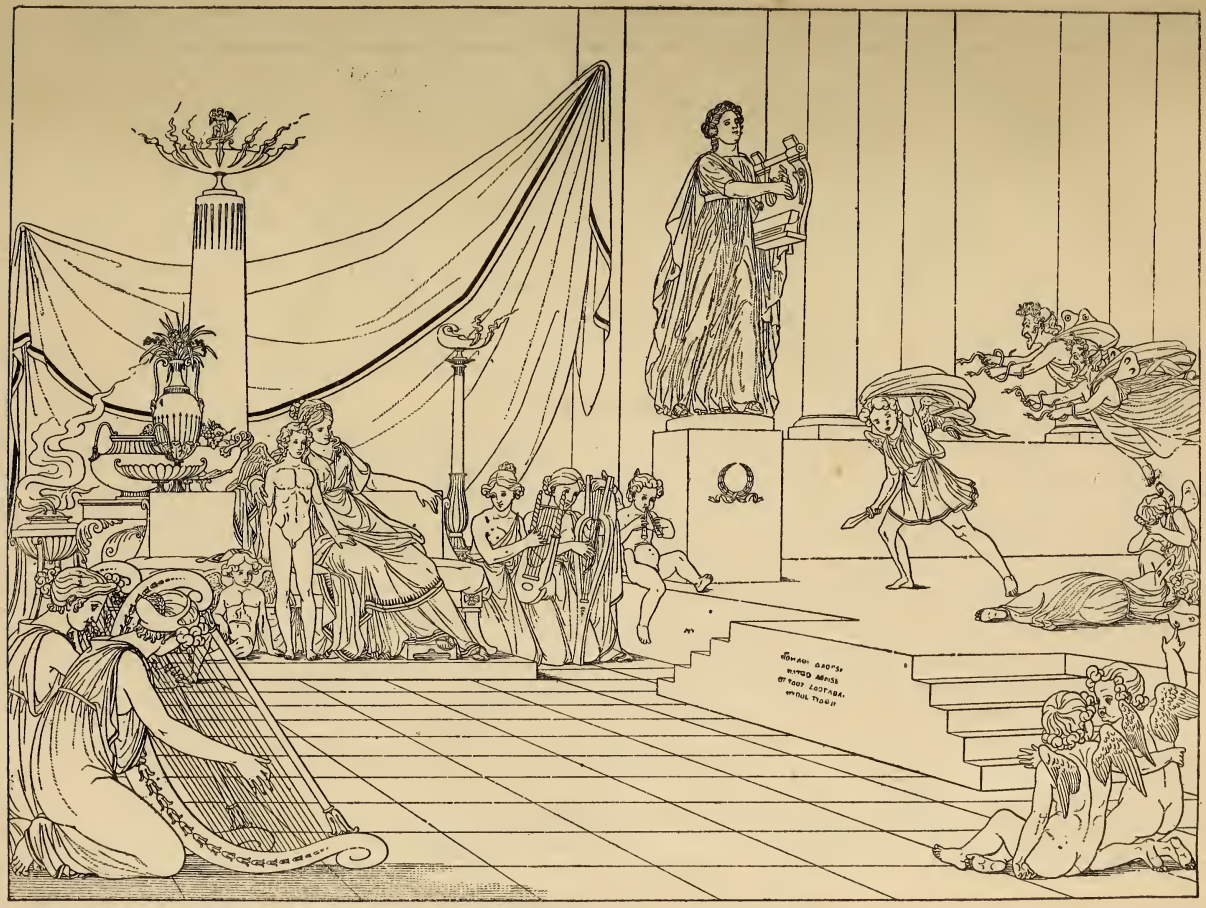
Межъ тѣмъ, къ ея услугѣ,
Въ ближайшей залѣ былъ къ обѣду столъ готовъ.
Тамъ ѣствы и напитки,
Являли всѣхъ сластей довольство и избытки.



Тутъ снова сонъ закрылъ ея прекрасны очи,
Потомъ летаючи вокругъ ея лица,
Явилъ супруга, ей со всею красотою.

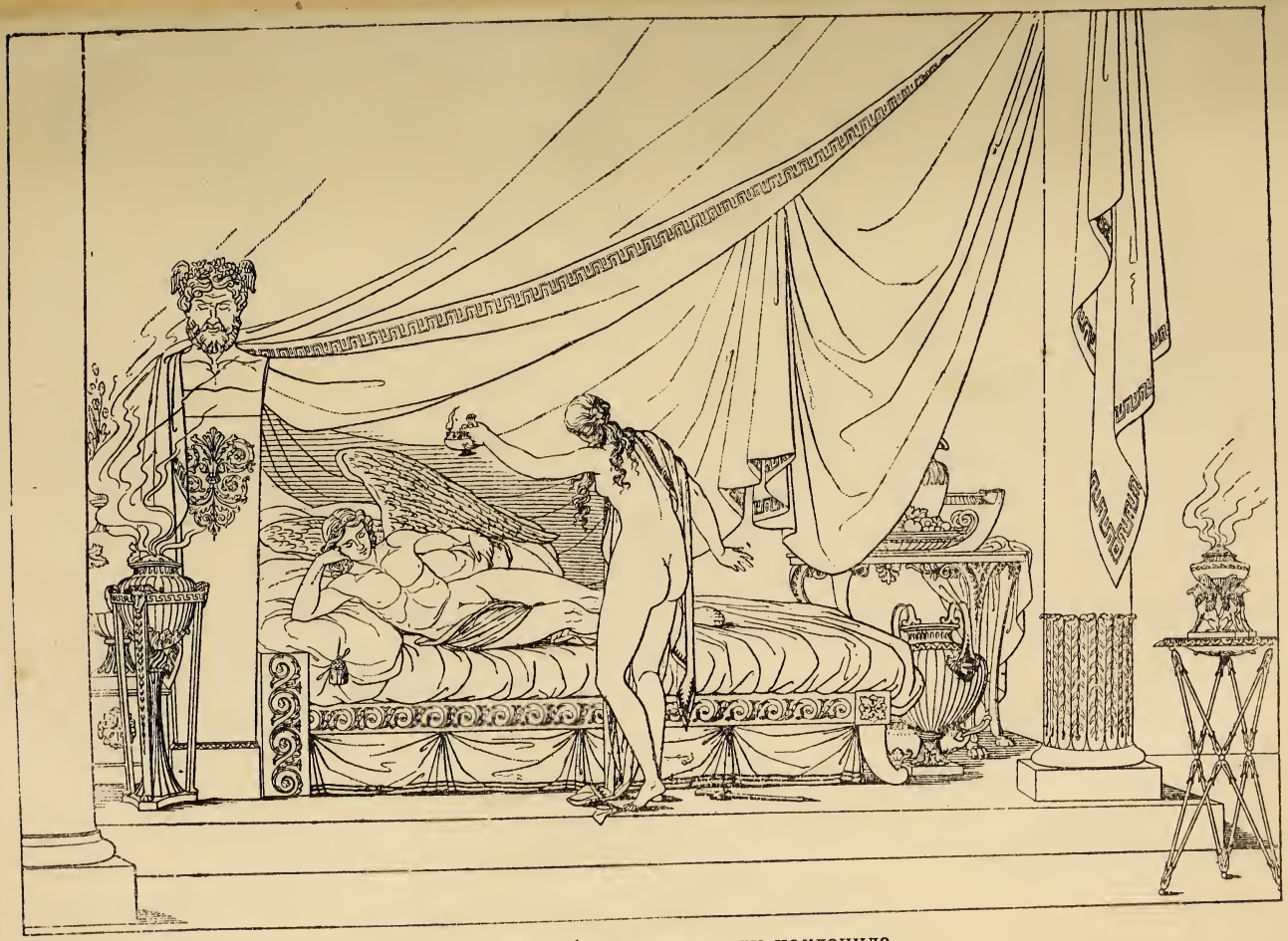
Тогда служащія дѣвицы, всѣмъ соборомъ,
Царевну вновь одѣть пришли,
И сорокъ платьевъ принесли,
Со всѣмъ къ тому прибором,

Тогда воздушна колесница
Несла ихъ въ облакѣ густомъ,
Подъ темнымъ нѣкакимъ шатромъ.



Амуры наконецъ старались изобрѣсть,
По вкусу Душеньки, комедіи, балеты,
Концерты, оперы, забавны опереты,
И все, что острый умъ удобенъ произвесть
Къ утѣхамъ чувствій нѣжныхъ.

Уже Зефирамъ данъ приказъ,
Нести сихъ сестръ къ земному шару,
Припрегши въ путь Бореевъ пару.



XVIII

Небрежно надъ бедромъ лампаду наклонила,
И масла часть проливъ оттоль,
Ожогою бедра, супруга разбудила.

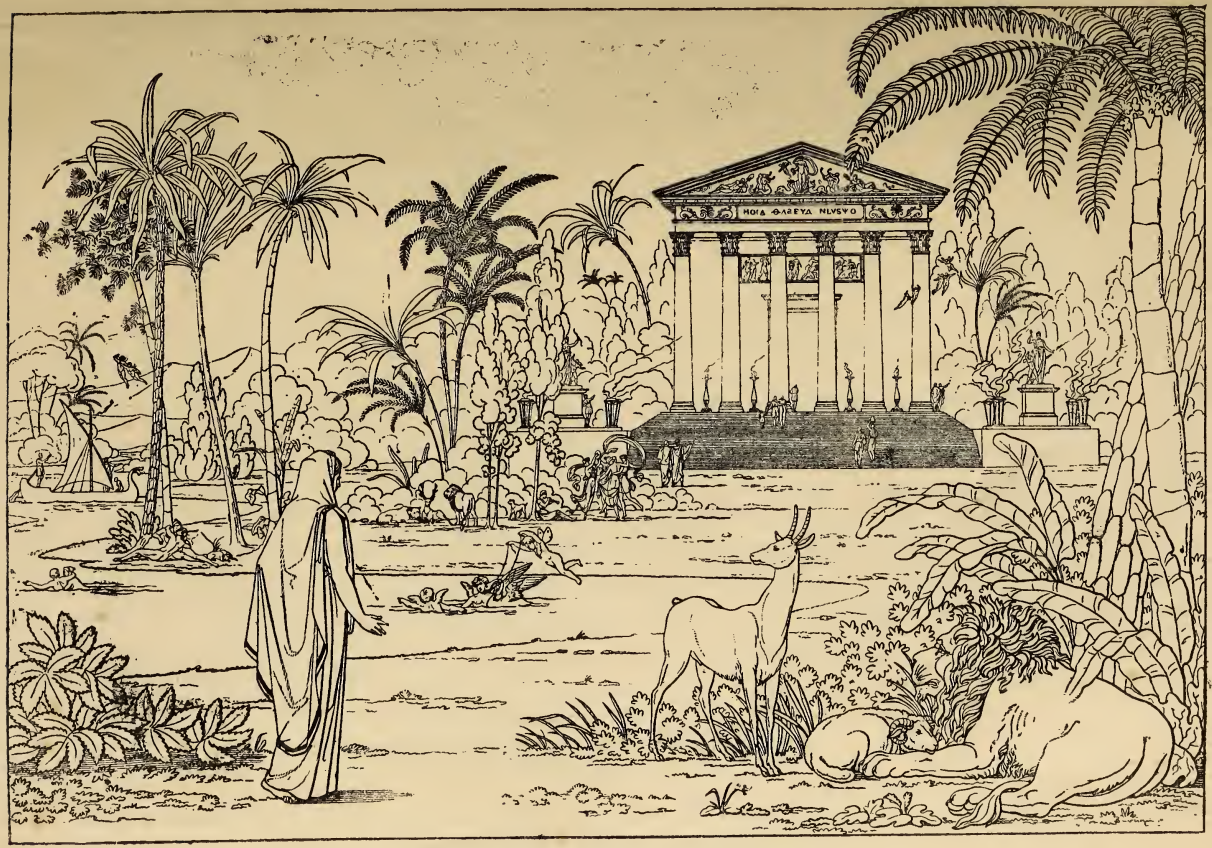
...Что богъ Амуръ надъ нею
Велѣлъ тогда летать
Снодѣтелю Морфею,
И сномъ продлить ея покой,
Зефира отославъ домой.

Тогда увидѣлъ долъ и лѣсъ
Другое чудо изъ чудесъ;
И горы вскликнули, толь громко, какъ возможно,
Что Душенька была прекраснѣй всѣхъ не ложно.

Но вдругъ, противною судьбой,
Поѣхала она на щукѣ шегардой.

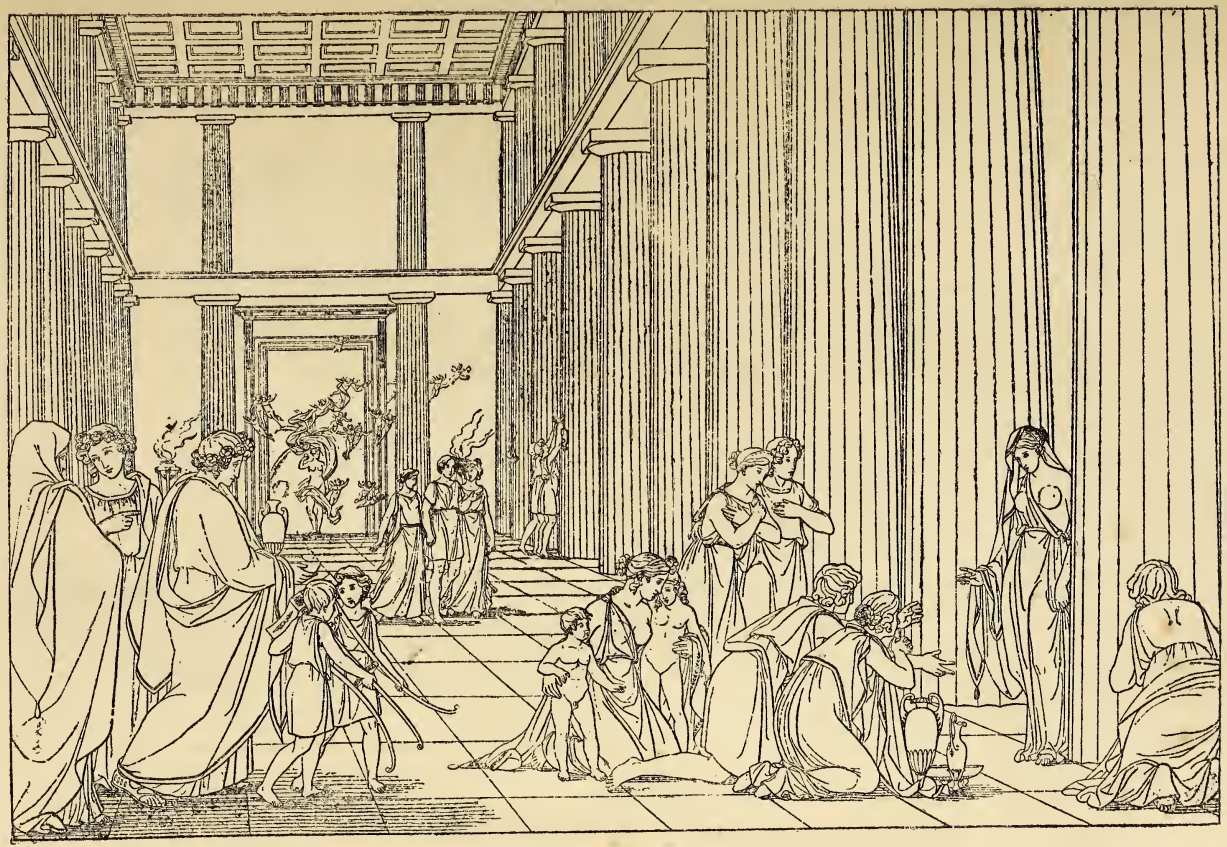
Жрецы тогда ее, до будущаго лѣта,
Отправили оттоль безъ всякаго отвѣта.

На все же, что тогда царевна представляла,
Безъ всякой жалости богиня отвѣчала,
Что міръ безъ Душеньки стоялъ изъ вѣка въ вѣкъ,
Что въ обществѣ она неважный человѣкъ,
А паче какъ хвостомъ Комета всѣхъ сшибаетъ,
На Душеньку тогда взирать не подобаетъ.

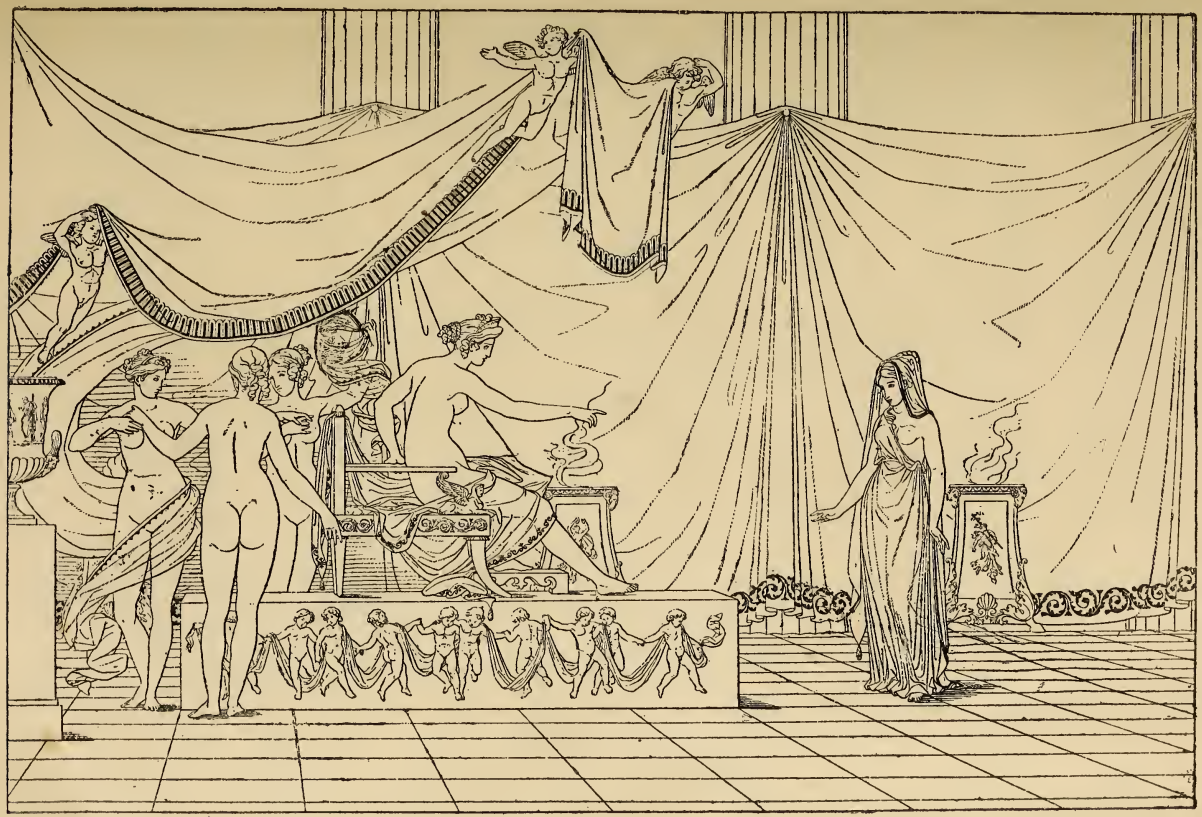


Но, впрочемъ, всѣ мѣста казались тамо садомъ,
И благовонная тамъ падала роса,
На мирту, на лимонъ, на всяки древеса,
И храмъ курился вкругъ душистымъ всякимъ чадомъ.

XXIV



И весь народъ въ обманѣ,
Предъ Душенькою вдругъ колѣна преклонилъ.



„Богиня всѣхъ красотъ! не сѣтуй на меня“,—
Рекла къ ней Душенька, колѣна преклоня,—
„Я сына твоего прельщать не умышляла;
„Судьба меня, судьба во власть къ нему послала“.

Сажаютъ Душеньку въ особу колесницу,
Запрягши въ путь сорокъ станицу;
А для бесѣды съ ней, какъ-будто ей чета,
Садятся тутъ же рядомъ
Четыре фуріи, изверженныя адомъ,
Коварство, Ненависть, Хула и Клевета.

XXVIII

Въ избушкѣ тамъ сидитъ старушка;
Старушка ей вручитъ волшебный посошекъ,
И отведетъ ее въ кутокъ;
Въ куткѣ покажетъ въ низъ ступени,
По коимъ въ адъ низходятъ тѣни;
И Душенька тогда, лишь ступитъ девять разъ,
Къ Плутону въ области окончить всю дорогу.

Но Душенька, въ сію тревогу,
Едва открыла только ногу,
Какъ вдругъ умолкла адска тварь.

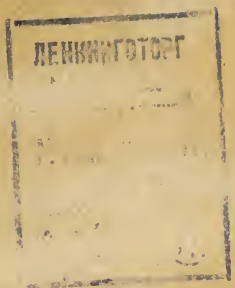
Зефиры видѣли и свѣту возвѣстили,
Что Душеньку Амуръ издалека узналъ,
И что подшедъ у ней онъ руку цѣловалъ,
Но скоро ихъ изъ глазъ обоихъ упустили.

XXX

Юпитеръ, покачавъ
Разумной головою,
Амуру далъ уставъ,
По силѣ старыхъ правъ,
Чтобъ вѣкъ плѣнялся онъ душевной красотою,
И Душенька была бъ всегда его четою.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

Savine
DK209.6
.I8
A3
1913